

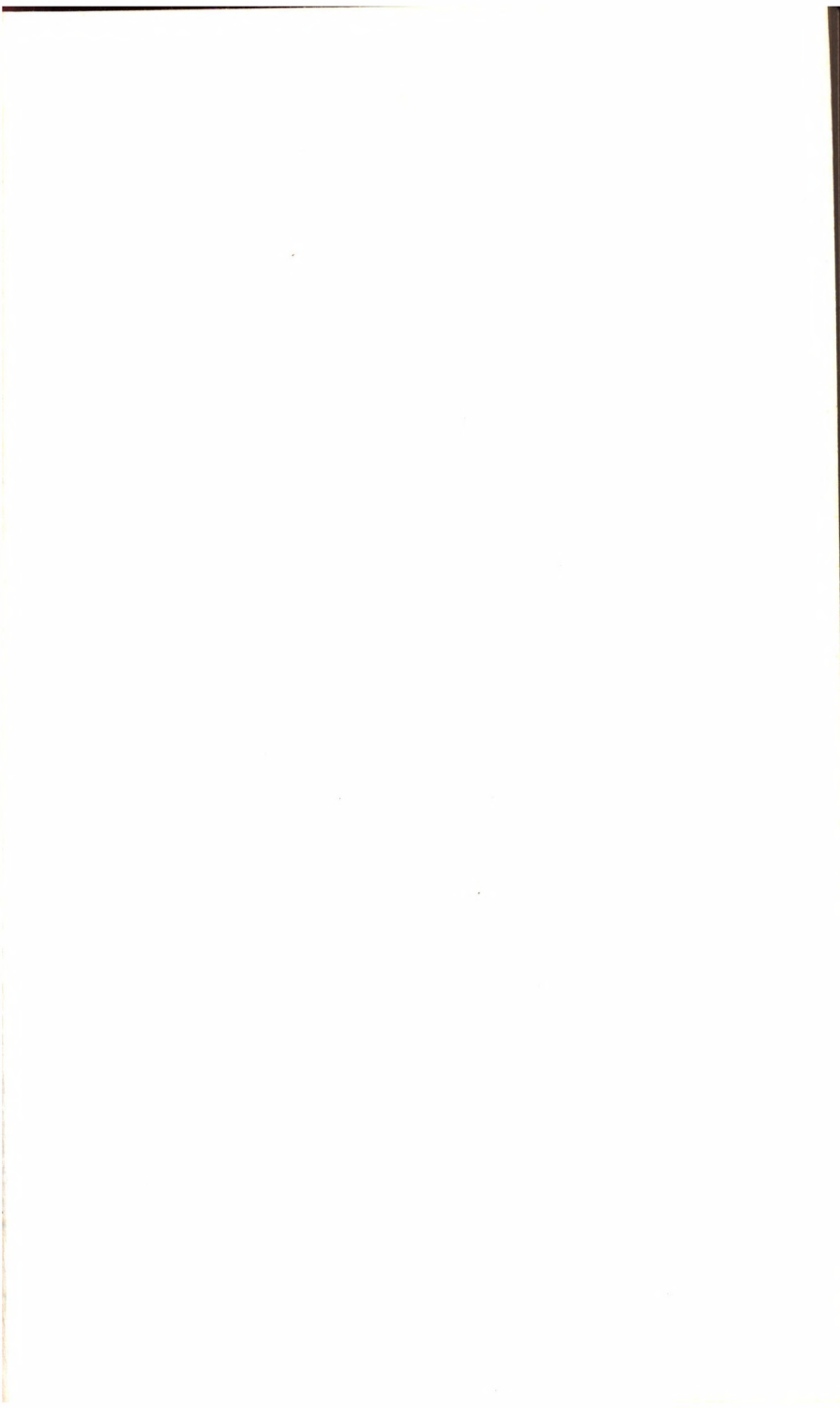
ДМИТРИЙ ВАЛОВОЙ

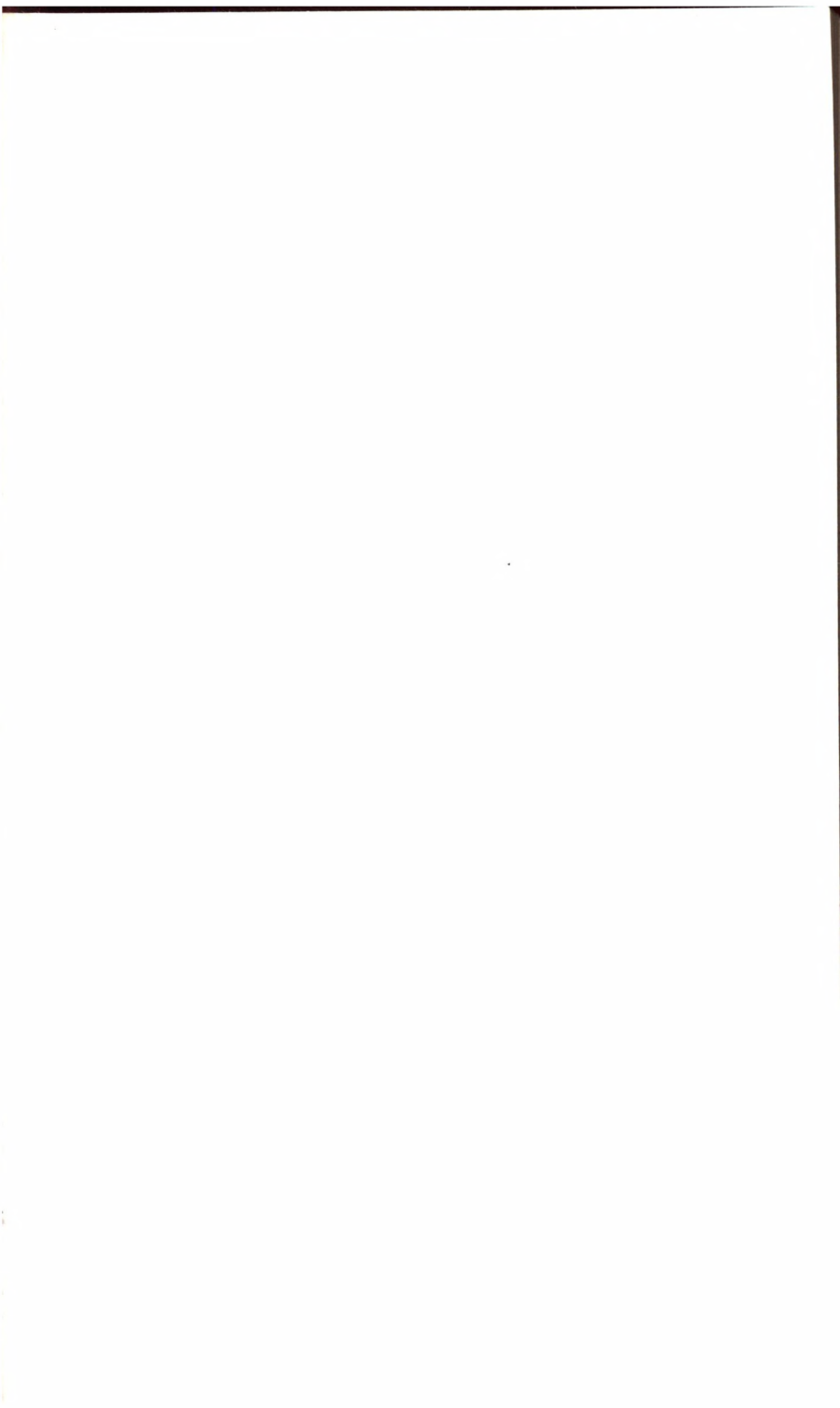

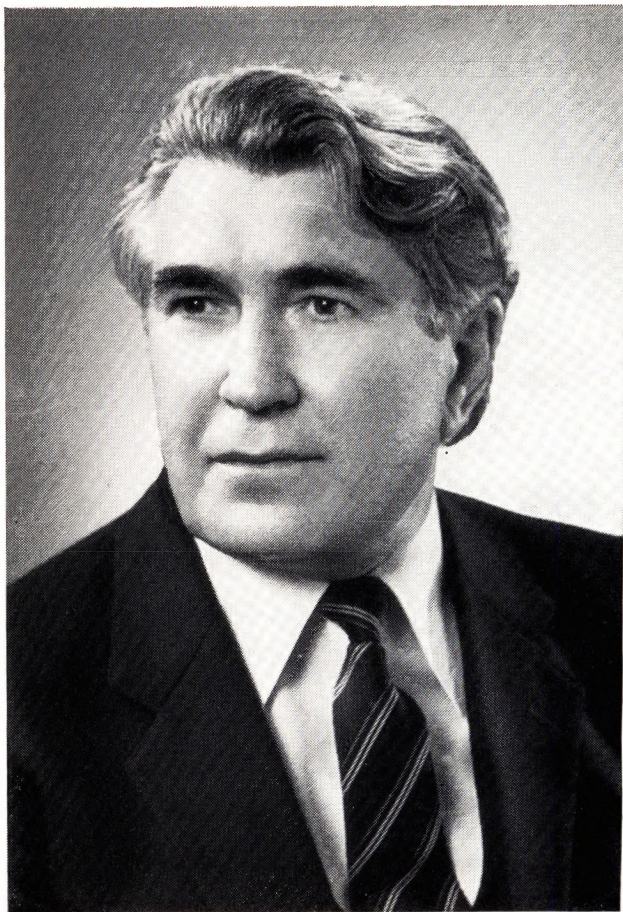
ПОИСК

A. Savolinsky

ДМИТРИЙ ВАЛОВОЙ

ПОИСК

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1983

65.9(2) — 2
В 15

Рецензенты:

Н. П. ЛЕБЕДИНСКИЙ,
кандидат экономических наук

Г. А. КУЛАГИН, экономист

В $\frac{0604020102 - 316}{078(02) - 83}$ Без объявл.

© Издательство «Молодая гвардия», 1983 г.

Доктору экономических наук, профессору
Генриетте Евгеньевне
ЛАПШИНОЙ
посвящается

От автора

Однажды после выступления на конференции в Институте экономики Академии наук СССР ко мне подошел академик К. В. Островитянов и полушутя сказал:

— Слушал вас внимательно, и вот подумалось: Валовой против «валовой»!.. Не совсем хорошо получается, вам не приходила мысль изменить фамилию?

— Нет,— в тон собеседнику отвечал я.— Фамилия меня вполне устраивает. А вот вал, этот «Карфаген», должен быть разрушен!

Спустя несколько лет решением сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС показатель «валовая продукция» (объем выпускаемой продукции в рублях), который экономисты накоротке называют просто вал, был исключен из системы директивных показателей. Мне было поручено организовать серию бесед по телевидению с привлечением ученых и практиков по разъяснению принципиальных положений новой системы хозяйствования. В одной из таких передач принимал участие и К. В. Островитянов. Перед выступлением, за чашкой чая, я напомнил о его шутке:

— Вот видите, Константин Васильевич, вопрос о замене фамилии отпал сам собой — «Карфаген», считай, обречен.

Он задумчиво ответил:

— Поживем — увидим!..

После реформы, как показала жизнь, ряд противоречий, порождаемых господством «вала», сохранился, а некоторые из них даже обострились. А Константин Васильевич при встречах непременно спрашивал:

— Когда будешь менять фамилию?

Без прежней уверенности я тем не менее твердил одно и то же:

— «Карфаген» должен быть разрушен!..

Двадцать лет минуло с тех пор. За этот период советский народ под руководством партии добился больших успехов в строительстве материально-технической базы коммунизма. В стране создан огромный производ-

ственный потенциал. Мы занимаем первое или второе место в мире по производству важнейших видов продукции. Рост экономической мощи Советского государства позволил реализовать широкую программу подъема народного благосостояния.

Вместе с тем наша партия всегда была сильна тем, что умела по-ленински, критически анализировать достигнутое, сосредоточить усилия трудящихся на нерешенных проблемах. XXVI съезд партии, отдавая должное поистине историческим свершениям советского народа, указал на имеющиеся недостатки в экономике и выявил их причины, отметив, что они явились результатом действия как объективных, так и субъективных факторов — «недоработки в планировании и управлении, недостаточная требовательность ряда партийных органов и хозяйственных руководителей, нарушения дисциплины, проявления бесхозяйственности».

После ноябрьского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС в этом направлении наметился решительный поворот. Пленум поставил задачу ускорить работу по совершенствованию всей сферы руководства экономикой — управления, планирования, хозяйственного механизма. «Во главу угла, — отмечает Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, — выдвигается сегодня задача продумать и последовательно осуществить меры, способные дать больший простор действию колоссальных созидательных сил, заложенных в нашей экономике. Эти меры должны быть тщательно подготовленными, реалистическими, а значит, при их разработке необходимо неуклонно исходить из законов развития экономической системы социализма. Объективный характер этих законов требует избавиться от всякого рода попыток управлять экономикой чуждыми ее природе методами. Нелишне здесь вспомнить предостережение Ленина об опасности, которая кроется в наивной вере иных работников, будто все задачи свои они могут решить «коммунистическим декретированием».

В последнее время партия и правительство приняли ряд исключительно важных мер по дальнейшему развитию хозяйственного механизма с учетом действия объективных экономических законов социализма. В их числе постановление о повышении взаимной ответственности за соблюдение договорных обязательств, о совершенствовании экономических взаимоотношений сельского хозяйства с другими отраслями народного

хозяйства, о дополнительных мерах по расширению прав производственных объединений и предприятий. Намеченные меры будут содействовать выполнению решения июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС об усилении работы по выработке современного экономического мышления, социалистической предприимчивости и деловитости у советских людей.

Отмечая причины неудовлетворительных темпов перевода экономики на рельсы интенсивного развития, Ю. В. Андропов на встрече в ЦК КПСС с ветеранами партии, в частности, сказал, что, видимо, пути решения новых задач мы искали недостаточно энергично, нередко шли на половинчатые меры, не могли достаточно быстро преодолеть накопившуюся инерцию.

В предлагаемой повести в историческом аспекте рассказывается о поиске наиболее эффективных методов хозяйствования и показателей планирования и оценки работы производственных коллективов в 50-е и 60-е годы. В ней широко использованы материалы экономических дискуссий того периода. Из большого круга вопросов этой сложной и многогранной проблемы мы старались отобрать такие, которые представляли бы интерес и практическую значимость для решения обсуждаемых ныне проблем дальнейшего совершенствования хозяйственного механизма. Иначе говоря, были бы «созвучны» духу времени. При этом мы стремились, насколько это возможно, изложить сложные экономические вопросы простым языком. В какой мере нам это удалось — судить вам, дорогие читатели.

Пользуясь случаем, мне хотелось бы выразить сердечную благодарность академику [Виктору Михайловичу Глушкову], доктору экономических наук, профессору Евгению Константиновичу Смирницкому, кандидату экономических наук Олегу Михайловичу Юнню, писателям — Сергею Александровичу Абрамову и Юрию Александровичу Жукову, официальным рецензентам, высказавшим немало полезных советов и пожеланий. Хотелось бы также поблагодарить участников творческого обсуждения опубликованных частей повести в «Нашем современнике» в научно-экономическом обществе Госплана СССР и многочисленных читателей, откликнувшихся на эти публикации.

ПРИБОЩЕНИЕ

1

Директора, посадившего завод «на мель», перевели главным инженером, а на его место «в порядке укрепления руководства» прислали нового.

Однажды, обходя заводскую территорию, новый директор Александр Александрович Васильев обратил внимание на то, что завод располагает большими запасами металлического уголка. А труб, из которых в основном изготавливали опоры для линий электропередачи во всех строительно-монтажных управлениях треста, не было видно. Харитонов, бывший директор, объяснил это так:

— Опоры из уголка намного дешевле, чем из труб, особенно компрессорных...

— А зачем вам дешевые опоры? — в свою очередь, поинтересовался Васильев. — Ведь нам, безлесному нефтяному району, разрешено использовать трубы, и этим надо пользоваться.

— Ну? — удивился главный инженер. — Ведь мы и так еле справляемся с заданием по снижению себестоимости.

— И много вы сэкономили?

— Думаю, что немало.

— Я вас попрошу сделать такой расчет: сколько рублей дают нам для плана опоры одинакового назначения из уголка и труб и сколько расходуется зарплаты на каждую из них.

— Как срочно это надо?

— Если сможете, к концу недели.

Васильев упорно занимался экономическим анализом работы завода. Он понимал: прежде чем что-то предпринимать, надо установить главное — почему завод оказался в столь тяжелом положении. Лечение без точного диагноза не принесет желаемого успеха. Изучая динамику изменения номенклатуры выпускаемой продукции за ряд лет, он обратил внимание на большой рост выпуска крепежных изделий — болтов, гаек, скоб, штырей, раскосов...

В субботу в конце дня Харитонов зашел к директору.

— Расчеты готовы. Вот посмотрите... И знаете, я не ошибся, экономия солидная. Опоры из уголка на пятнадцать процентов легче, чем из труб. И, кроме того, тонна уголка в среднем почти на двадцать процентов дешевле труб...

— Проценты нужны для больших чисел и ретуши... А мы постараемся обойтись простой арифметикой,— спокойно сказал Васильев.— Сколько стоит опора из компрессорных труб?

— Девятьсот одиннадцать рублей.

— Округляем: девятьсот. А из уголка?

— Пятьсот девяносто четыре.

— Считаем, шестьсот. Итак, опора одинакового назначения из труб стоит девятьсот рублей, а из уголка — шестьсот. За три месяца моей работы на заводе мы изготовили сто пятьдесят таких опор из уголка. Сто пятьдесят на шестьсот, получается девяносто тысяч рублей валовой продукции. Чтобы иметь эту сумму для плана, нам достаточно было изготовить сто опор из труб. Верно?

— Верно. Но тогда мы недодали бы на объекты пятьдесят опор.

— Зачем же недодавать? За такие вещи по головке не погладят. Но если бы мы изготовили все сто пятьдесят опор из труб, то они дали бы нам сто тридцать пять тысяч рублей. Значит, на этой экономии мы потеряли сорок пять тысяч. В нашей ситуации они ох как пригодились бы... А как с производительностью труда? — поинтересовался Васильев.

— Здесь разрыв еще больше, — начал объяснять Харитонов. — Опоры из труб готовить значительно проще: сварщик с помощником и слесарем-разметчиком в смену дают три опоры с дневной выработкой на каждого девятьсот рублей. Из уголка такая же бригада варит лишь одну опору, вырабатывая по двести рублей на брата. Во втором случае производительность труда в четыре с половиной раза ниже.

— Выходит, сто пятьдесят опор из уголка «съедают» две тысячи двести пятьдесят рублей зарплаты, а из труб — всего лишь семьсот пятьдесят, в три раза меньше. Вот она где, дорогой Василий Семенович, собака зарыта. В результате снижения себестоимости объем валовой продукции уменьшился, что привело к снижению производительности труда и сокращению фонда заработной платы...

— Чем дороже, тем лучше?— удивился главный инженер.

— При трехкратном снижении расхода зарплаты мы могли бы иметь в четыре с половиной раза выше производительность труда рабочих, занятых в цехе металлоконструкций,— подытожил директор.

— Да, математика... а мы-то считали: чем дешевле, тем лучше... Уж так старались применять более дешевые материалы! Везде говорят и пишут: чем дешевле, тем лучше...

— Как видите, не всегда, но это еще не все,— продолжал Васильев.— За два года выпуск крепежных и монтажных изделий в механическом цехе увеличился на тридцать процентов...

— Но по этому поводу был специальный приказ по тресту!

— Читал. Только для выполнения приказа трест обязан был повесить заводу удельный вес зарплаты в объеме валовой продукции, так как дневная выработка на одного рабочего при изготовлении металлоконструкций—двести рублей, а на выпуске болтов с гайками—десять. Зарплата же, к примеру, слесаря пятого разряда при выполнении нормы в обоих случаях—четыре рубля. Улавливаете разницу?

— Еще бы...—вздыхнул Харитонов,—рабочий цеха металлоконструкций дает для плана в двадцать раз больше, чем механического при одинаковом расходе зарплаты... Ну да ладно, если, как вы выразились, Александр Александрович, мы нашли, где «собака зарыта», то нам не так уж сложно ее «откопать»: заведем побольше труб и будем делать из них опоры. Для трансформаторных будок железный лист будем применять потолще, а металлоконструкции для подстанций—тоже потяжелее и подороже... Найдутся такие резервы и по другим видам продукции. И тогда выберемся наконец...

— Вряд ли,—перебил его Васильев.— Дело в том, что план в рублях, по моим расчетам,—а я их сделал за два последних года по всем основным показателям,—превышает задание по конкретным видам продукции. Даже при стопроцентном выполнении плана по натуральным показателям мы все равно не наберем плана в рублях... У нас образовался воздушный вал на двести тысяч рублей.

— А что такое «воздушный вал»?

— Это разрыв между заданием по выпуску продукции в натуральном выражении согласно производственным мощностям и планом в рублях...

— Но мы не виноваты, что трест нам такой план утверждает.

— Точнее сказать, без вины виноваты. Поскольку не оказывали должного сопротивления. Что же касается вашего предложения относительно удорожания продукции, то делать это надо с ведома начальства.

— Неужели вы думаете, трест может дать такое согласие?

— Мы должны доказать им, что если не утвердят нам экономически обоснованный план, то у нас просто не будет иного выхода обеспечить коллективу зарплату, как только идти на удорожание продукции. Тогда начальство будет «закрывать глаза» на эту деятельность, а в трудный момент окажет и поддержку.

— М-да. Вот ведь как все сложно и запутанно...— сокрушался Харитонов.— Да что с меня возьмешь — не искушен я в экономике, честно работал, тянул как вол и думал — этого за глаза хватит. Ан нет... Не те времена, брат... Трудно руководить без экономического образования...

Харитонов посмотрел на часы, поблагодарил за науку и торопливо удалился.

Васильев, расхаживая по кабинету, думал, думал... По опыту работы в строительно-монтажном управлении он уже знал, что на получение реального плана особых надежд возлагать не приходится...

2

— Когда дочери Ширваншаха, запрятанной в дальнем горном замке, исполнилось семнадцать лет, — смешно нахмурив бровь, начала рассказывать Татьяна, — отец-шах стал добиваться ее любви. Узнав, что жених приходится ей отцом, она поставила ему перед свадьбой условие: построить самую высокую башню у берега седого Каспия. Когда сооружение было готово, она поднялась осмотреть его и бросилась вниз...

Легенда легла в основу балета «Кызгаласы». Кстати, ныне башня является неотъемлемой частью старой крепости «Ичери-Шехер» — лабиринта узких улочек, переулков, тупиков, застроенных домами с плоскими крышами, в центре которых впечатляюще разместился

«Дворец Ширваншахов» — комплекс уникальных сооружений XV века с богатыми восточными орнаментами. Особенно запоминаются удивительные по красоте мечети, минареты... Кстати, а почему все время рассказываю я? — возмутилась Татьяна. — С меня хватит. Расскажите о себе.

— О, это совсем неинтересно.

— И все-таки я слушаю.

Васильев задумался и после небольшой паузы прочитал стихи:

В блокадных днях мы так и не узнали:
Меж юностью и детством где черта?
Нам в сорок третьем выдали медали,
И только в сорок пятом — паспорта.

— Эти слова принадлежат поэту Юрию Воронову, он мальчишкой вынес все невзгоды ленинградской блокады, потерял родных и близких, а затем увековечил их в своей замечательной «Блокаде». А мои «блокадные дни» проходили в самом пекле Сталинграда. Здесь я получил и свое первое боевое крещение — был ранен и отправлен на юг. Потом попал в части Советской Армии, находящиеся в Иране, служил там до самого их вывода, насколько помнится, в первый послевоенный год. И снова юг... Закавказск.

— Во время службы, — весело перебила его Татьяна, — вы, Александр Александрович, поступили на заочное отделение Всесоюзного экономического института имени Карла Маркса. Здесь вы познакомились с молодым преподавателем...

— Татьяной Федоровной Николаевой...

— Которую вы теперь уже смело провожаете домой...

— Что вы, что вы, — испуганно взмахнул руками Васильев, — совсем даже несмело, хотя по годам мы с вами и ровесники. А вот на деле... вы далеко оставили нас, фронтовиков, позади.

— Преподаватель я по совместительству, — призналась Татьяна, — на самом деле вы имеете дело с начальником финансового отдела треста Кавказнефтеэлектромонтаж, вот так!

— Ого! И когда вы все успели?

— Пока вы воевали...

После демобилизации Васильева Татьяна Федоровна приняла деятельное участие в его трудоустройстве.

Тресту требовались экономисты, и она представила его начальнику планового отдела — Церцвадзе.

Нона Георгиевна Церцвадзе, женщина лет тридцати, произвела на Васильева весьма приятное впечатление: типичные грузинские черты лица, строгая и ровная в общении.

Через несколько дней Нона Георгиевна пригласила его в трест. Когда он появился в кабинете Церцвадзе, она посоветовала:

— Сейчас вы пойдете в отдел кадров, а после — к управляющему трестом. Вы можете, конечно, решать по-своему, но я считаю, что вам не следует идти в директора автобазы... Да, да... Сначала вам предложат автобазу. Она у нас одна, а СМУ много, и каждый день идет дежес машин. Последнее слово всегда за управляющим либо главным инженером треста, а все шишки впоследствии валятся на голову директора базы. Здесь, как только увидели ваши документы и узнали, что вы капитан, бывший командир автороты, в один голос сразу и выдохнули: вот кто порядок наведет нам на автобазе! Если хотите стать настоящим экономистом, мой вам совет: надо отказаться от гаражных дел...

Церцвадзе оказалась права: управляющий трестом, Мамед Абасович, начал с автобазы, с самостоятельной руководящей работы. Но Васильев настоял на своем и в тот же день оказался в кабинете Перхова Федора Александровича, начальника СМУ-6. Тот, обещая свою помощь, уговорил Александра на должность начальника планового отдела.

— Вы учитесь? Что ж, на дальние объекты я постараюсь вас не засылать, во всяком случае, огражу по возможности от длительных командировок. В скором времени получите квартиру — управление строит новый дом.

По курсу «Экономика строительства» Александр крепко усвоил: главная задача подрядных строительных организаций состоит в своевременной сдаче объектов и снижении стоимости строительства. Но на практике он скоро почувствовал: из всех показателей самый важный, самый главный — объем строительно-монтажных работ в рублях, что соответствует объему валовой продукции в промышленности. Закономерность при этом оказалась такой: чем больше вала, тем лучше!

Первые месяцы работы прошли относительно спокойно благодаря помощи Перхова, и, кроме того, Васильев взял под свою опеку старший инженер проектно-сметного института объединения Кавказнефть Владимир Борисович Баулич. До назначения Васильева он работал в СМУ по совместительству. Зная неопытность нового начальника планового отдела, Владимир Борисович подолгу объяснял Александру много такого, чего в учебниках не встретишь, а на практике не обойдешь...

Однажды, подытожив объем выполненных за месяц работ, Васильев обнаружил, что управление набрало по валу сто десять тысяч рублей. Фонд зарплаты был запланирован из расчета двадцати процентов от объема строймонтажных работ, то есть он исчислялся суммой в двадцать две тысячи рублей. И все бы ничего — банк выдаст нам положенную сумму, но нарядов к оплате оказалось принято управлением на двадцать шесть тысяч! Где взять недостающие четыре тысячи, для получения которых необходимо выполнить дополнительно работ, ни много ни мало, на двадцать тысяч рублей? Вот такое уравнение выпало Александру в самом начале его трудовой деятельности: вроде бы все просто, все известно, все налицо, но экономическое, если можно так выразиться, равновесие отсутствовало, где-то и в чем-то был допущен просчет.

Пришлось ехать к своему наставнику Бауличу. Сговорились, что Васильев оставит ему акты на выполненные работы, а через пару дней заберет их обратно. И вот он снова у Баулича. Стал рассматривать акты и глазам не поверил: не увеличивая физического объема выполненных работ, Баулич повысил их стоимость ровно на двадцать тысяч рублей — на столько, сколько требовалось...

Оказалось, он взял сразу несколько ценников (благо их было тогда предостаточно: общие и порайонные, региональные и пообъектные, и т. д. и т. п.) и умело их применил. В составлении большинства ценников Владимир Борисович принимал личное участие, поэтому он легко в каждом конкретном случае использовал тот ценник, который обещал расценку повыгоднее. Более того, Баулич на вполне законном основании применил два или три каких-то коэффициента. Васильев же о них и не подозревал...

— Как же могло случиться, — волнуясь, спросил Васильев, — я еще раз внимательно проверил наряды на зарплату. Вся указанная в них работа действительно выполнена.

Баулич внимательно посмотрел на растерявшегося Васильева и «успокоил»:

— Не волнуйтесь, пока еще в практике нашего треста тот объем, который вы выполняете по нарядам, и план по труду не стыкуются. В огороде, как говорится, бузина, а в Киеве — дядька.

— Ну и ну! — изумился Александр. — Ведь фонд зарплаты запланирован для того, чтобы мы выполняли работу, указанную в сметах объектов, порученных нам трестом. Так я понимаю?

Баулич возразил:

— Не совсем так. При нынешней практике перерасходы порой неизбежны. Но может образоваться, хотя и редко, экономия, что также плохо.

— Позвольте, но почему же это происходит?

— А вот почему: на текущий год вашему управлению фонд зарплаты установлен в размере двадцати копеек на рубль объема выполненных работ. Иначе говоря, двадцати процентов. Откуда взялась эта цифра? Чем она обоснована? Какую связь имеет с теми работами, которые вы будете выполнять? Самую отдавленную, прямо скажем. Ведь в декабре прошлого года, когда управлению устанавливались эти двадцать процентов, мы еще не знали и половины объектов, на которых придется работать. Уловили? К примеру, о линии электропередачи напряжением тридцать пять киловольт, которую вы сейчас форсируете, не было и разговора. Поэтому, коль фактический объем работ неизвестен, установить заранее реальную трудоемкость практически невозможно.

Васильев был удивлен простотой его логики. Так почему и откуда взялись эти двадцать процентов и почему не восемнадцать и не двадцать пять? Кстати, в управлении в этом месяце двадцать шесть процентов составил реальный расход заработной платы по нормам. Почему же фигурируют именно двадцать?

Баулич ему пояснил:

— Эта цифра, как правило, определяется по среднепотолочному методу с оглядкой на достигнутый уровень. В прошлом году в плане значилось двадцать два целых пять десятых процента, а фактически составило

двадцать два. Вот они, эти двадцать два процента, и послужили базой, которую затем преспокойно снизили до двадцати процентов, учитывая предполагаемый рост производительности труда. Но трудоемкость бывает разная, месяц на месяц, как известно, не приходится. Когда вы тянете медный провод, то с учетом его стоимости объем работ в рублях получается большой, расход же зарплаты мизерный — два-три процента к объему. А вот когда начинается монтаж оборудования, сталкиваемся с обратной картиной: стоимость-то оборудования не включается в объем работ и расход зарплаты в этом случае составляет восемьдесят — девяносто пять процентов к объему, а на земляных работах и все сто процентов.

Обычно земляные работы выполняются генподрядчиком, но в наших условиях мы делаем это сами. Поэтому чем дороже применяемые материалы, тем легче набирать объем работ в рублях, а следовательно, и обеспечивать зарплату. Посему вы должны внимательно следить в течение всего месяца, набирается ли у вас объем работ для зарплаты. И своевременно принимать меры — искать выгодные работы. Но если у вас настала полоса выгодных работ, таких, как натяжка провода, установка опор, в свою очередь, берегитесь экономии зарплаты. Покажите в актах лишь нужный для зарплаты объем. Остальное придерживайте на черный день, ибо сэкономленные в этом месяце средства в следующем уже не засчитываются, а, стало быть, пропадают...

Итак, боевым крещением явился для Александра случай с потерей объема на двадцать тысяч рублей. Впоследствии подобные действия периодически повторялись. Он к ним привык. А главное, твердо уверовал: есть объем работ в рублях — будет и план и зарплата. А там, гляди, и премии и благодарности...

Еще заметил Васильев и такую закономерность: в начале месяца основные силы направлялись на незаконченные по разным причинам объекты (в обиходе их называли «бросовые»). Таких всегда набиралось немало, руки до них, как говорится, не доходили в напряженные рабочие моменты, потому что они были самыми невыгодными. Для плана, по сути дела, ничего не значили, а из фонда зарплаты пожирали девяносто, а то и все сто процентов выполненного объема. Но тем не менее пусковые стройки, хочешь ты того или нет,

требовалось как-то завершать и сдавать. Вот и завершали с горем пополам — до середины месяца. К двадцатым числам экономисты начинали прикидывать объем работ текущего месяца и сопоставлять его с потребностью в зарплате. При этом нередко обнаруживалось: управление снова «горит». Бригады спешно покидали пусковые объекты и сосредоточивались там, где в считанные дни можно было с наименьшими трудовыми затратами набрать побольше объема в рублях. Набрав их, бригады в тихую пору первой декады нового месяца вновь появлялись на бросовых объектах.

По той же самой причине не везет в большинстве случаев и другим пусковым, известным тебе, читатель, объектам. Потому-то и не сдаются буквально годами уже почти законченные новостройки. Хотя, казалось бы, вся эта затяжка, все эти перестановки людей, передислокация техники, ресурсов осуществляются без надобности и корысти... Делается это во имя обеспечения фонда заработной платы, о премиях в такие моменты не думают.

Все, казалось, шло благополучно, все соответствовало единожды введенному порядку. И все же спустя некоторое время в управлении произошло нечто такое, что заставило искать новый выход...

3

В конце сороковых годов в пятистах километрах от Закавказья было открыто новое нефтяное месторождение. Бил такой фонтан, под таким напором рвалась нефть на поверхность, что на этом фоне меркли все известные ранее скважины. И, естественно, сюда начали быстро подводить коммуникации. В частности, СМУ-6 было дано задание протянуть в новый нефтерайон линию электропередачи 110 киловольт с соответствующими подстанциями. Этот объект стал центром повышенного внимания.

Нефтяники торжествовали... Многие из их числа, а также разведчики, геологи получили за открытие новых запасов «черного золота» Государственные премии. Однако, как только было обнародовано постановление о присуждении премий, нефтяные фонтаны начали угасать и через несколько недель исчезли совсем...

Мощное по первоначальным прогнозам месторождение попало в задание пятой пятилетки. И план на всех инстанциях был согласован и утвержден. Иначе говоря, стал законом. Что делать? Руководство треста и других специализированных строительных организаций пригласили к «хозяину» — так называли между собой нефтяники первого секретаря партийного комитета Закавказска. Тогда модно было все совещания проводить по ночам: чем выше начальство, тем позже оно проводило совещания. К «хозяину» пригласили на двенадцать часов ночи. Он коротко сообщил о неблагоприятной ситуации, сложившейся в связи с отсутствием нефти в новом районе. Говорилось и о моральных, психологических, чисто хозяйственных последствиях случившегося. Но весь разговор закончился установкой: план добычи нефти не должен быть сорван!

Где искать выход?.. Его подсказал «хозяин»: совсем недавно неподалеку от Закавказска открыто еще одно новое месторождение — Умбаки, прогнозы его мощности близки к широко рекламированным параметрам и характеристикам теперь уже потерянного месторождения. В этой связи СМУ-6 обязано было в этот район Умбаки провести линию 110 киловольт длиной более ста километров.

Представителей всех организаций «хозяин» неизменно спрашивал о сроках окончания порученных им работ. Когда очередь дошла до электриков, управляющий трестом Рустамов сказал, что потребуется шесть месяцев. «Хозяин» поправил — четыре. Он дал присутствующим понять, что отныне добыча нефти сдерживается... только ими, и попросил строителей через три дня положить ему на стол полный перечень материалов, оборудования, необходимых для выполнения поставленной задачи, обещал сделать все возможное, чтобы ничто не мешало завершить намеченную программу за четыре месяца.

Эта заявка Васильеву особенно запомнилась. Такой он больше не встречал.

В тот период у СМУ-6 насчитывалось более полусотни незавершенных объектов, которые не могли сдать по одной причине — то трансформатора не хватало, то выключателя, то еще чего-нибудь...

В подобных случаях вина ложится не на строителей, ибо оборудованием обязаны снабжать заказчики. И все же, чтобы эти объекты не «висели» у него на

шее, Васильев включил в заявку недостающее оборудование по всем «бросовым» объектам.

Через месяц сообщили: оборудование можно получить. Александр приехал в Кавказнефтеснаб и ахнул: изоляторы, провода, трансформаторы — все до шурупчика, точно по заявке, было доставлено в срок!

На обратном пути он долго размышлял о том, что если бы вот так поступало все заказанное для любого объекта, как бы шла работа. Излишне было бы завышать заявки с расчетом на то, что их «урежут». Да если бы еще и фонд заработной платы планировали с учетом трудовых затрат, предусмотренных сметой, — вот когда строительство превратилось бы в обычную «легкую отрасль» и как снизилась бы его стоимость! Но мечты мечтами...

В те годы все ямы под опоры и траншеи для кабеля рыли вручную. Грунт в районе Умбаки преобладал скалистый. Управление все свои силы бросило на это дело, которое ничего хорошего не сулило: на земляных работах из ста рублей выполненного объема все сто уходит на зарплату.

Положение осложнялось еще и тем, что теперь появилось оборудование для пусковых объектов и заказчики наседали: ради бога, там же мелочь осталась, сделайте! А те мелочи тоже съедали восемьдесят-девяносто процентов зарплаты. В управлении сконцентрировалась вся невыгодная работа. Два месяца выручал трест. А на третий было сказано: выкручивайтесь сами, помочь ничем не можем.

Васильев мучительно искал выход из создавшегося положения. И вдруг его осенило — СМУ имело довольно солидную сумму средств по статье «временные сооружения». На каждом объекте, которое оно строило, в зависимости от сложности условий предусматривалось от двух до шести процентов сметной стоимости данного объекта на подъездные пути, временные мостики, насыпи, срез вершин, прорубку просек и т. д. Отчисления на временные сооружения находились в полном распоряжении подрядчика. Банк только контролировал: были ли указанные в акте затраты произведены на самом деле?

По соседству с этим объектом находился каменный карьер, и там что-то не ладилось с электроподстанцией — она нуждалась в реконструкции. Для этого требовался проект, средства и, наконец, подрядчик.

Васильев отправился к директору карьера и предложил:

— Давайте-ка мы вам эту подстанцию снесем, а на ее месте мигом поставим новую. Расходы оформим как ремонт, поэтому никакого проекта не надо. С нашей же стороны будет лишь одна просьба: продайте нам срочно, без наряда... камень. Побольше камня!

— С превеликой радостью,— обрадовался неожиданному чуду директор карьера.— Что для нас камень, вон его сколько...

Васильев построил уникальный в своем роде забор. Да, да, именно уникальный: забор вокруг сварочной площадки получился очень высоким и очень прочным, почти метровой толщины — объем «новостройки» должен был компенсировать сумму денег, недостающую в фонд зарплаты.

В экстренном порядке сняли с других участков бригады каменщиков, транспорт. И за пятидневку управились. Пятого числа Александр уже составил акт и сдал забор в «эксплуатацию». «Выкрутились все-таки!» — на душе у Васильева было радостно. Забор этот невозможно было не заметить за многие версты. Даже Перхов и тот, возвратившись из командировки, ахнул от удивления, можно сказать, от восхищения: вот ведь как можно не ходить с шапкой по кругу...

4

1. Система показателей оценки работы предприятий...

2. Структура себестоимости и пути ее снижения...

Эти вопросы достались Васильеву на экзамене по управлению и планированию промышленностью. Набросав схему ответа, он долго присматривался к столічному преподавателю, который принимал экзамен. Он был молод — около тридцати лет, не больше... Арханов Георгий Иванович. Один из авторов учебника, по которому готовились к экзамену. Когда он приехал из Москвы в Закавказский филиал принимать экзамен и прочитал обзорные лекции, Александру захотелось побеседовать с ним. Поэтому на экзамен он пришел последним, когда уже никого в коридоре не оставалось...

— Пожалуйста, начинайте,— обратился преподаватель к Васильеву.

— Показатели бывают директивные и расчетные. К первым относятся те, которые утверждаются вышестоящими органами. Их круг ограничен. Что же касается расчетных показателей, то их значительно больше, так как они используются для более глубокого анализа структуры производства и его эффективности с учетом специфики... Кроме того, система показателей делится на три группы: стоимостные (в рублях), натуральные (штуки, тонны, метры) и трудовые (в часах, нормо-часах).

Из стоимостных показателей основным является показатель «валовая продукция». Что она собой представляет? Это объем выпущенной за определенный период продукции в рублях. Валовая продукция (в общеходе просто вал) включает: стоимость прошлого (чужого) труда в виде материалов, собственного (живого) труда в зарплате и прибыль. Если исключить из нее незавершенное производство, то получим товарную продукцию. К ней относятся изделия, полностью готовые к реализации.

Натуральные показатели в директивном порядке утверждаются лишь по основным видам продукции, необходимым для сбалансированного, пропорционального развития народного хозяйства.

Трудовые показатели, к сожалению, применяются пока на общественных началах...

Арханов удивленно посмотрел на студента:

— Что-то я такой формулировки в учебниках не встречал. Как это понимать — «на общественных началах»? Вы имели в виду расчетные показатели?

— Нет. Расчетные — это другое дело. Я хочу сказать, что трудовые показатели у нас при планировании и оценке работы не учитываются. Когда мы по собственной инициативе делаем расчеты на базе трудоемкости и представляем их в качестве аргумента обоснованности плана, то трест и объединение не считаются с ними. И советуют нам «не заниматься самостоятельностью». Ну а «самостоятельностью», как вы знаете, занимаются на общественных началах...

— Ну ладно. Об этом в конце поговорим... Давайте следующий вопрос.

— Себестоимость — это сумма затрат на определенный вид продукции. Иначе говоря, во что обошлось заводу изделие... Основными элементами себестоимости являются: материальные затраты (сырье, материа-

лы, электроэнергия, топливо и т. д.), заработная плата с отчислениями на социальное страхование, цеховые, общезаводские и прочие расходы.

По мере внедрения достижений технического прогресса в практику общественного производства удельный вес живого труда (то есть расходы на заработную плату) сокращается, а удельный вес материальных затрат, то есть прошлого, или, как писал Маркс, овеществленного труда, увеличивается. В 1932 году заработная плата в структуре всей продукции составляла почти тридцать шесть процентов, а в настоящее время снизилась до двадцати. Основным фактором снижения себестоимости является повышение производительности труда на основе достижений технического прогресса...

— Так, так...— задумчиво произнес Арханов.— Хорошо, достаточно. Скажите, что вы знаете о функциональной системе управления?

— Функциональная система управления существовала в двадцатые годы. Ее суть в том, что указания давались по соответствующим функциям — специальностям. Главный инженер завода получал их от главного инженера вышестоящей организации, главный бухгалтер — от главного бухгалтера, начальник планового отдела — от своего вышестоящего плановика... В итоге каждый сам себе был начальник, отвечал только за свой участок, а не за результаты работы завода в целом. Это порождало неразбериху, параллелизм и безответственность на предприятиях. В 1929 году было принято постановление ЦК ВКП(б) «О мерах по упорядочению управления производством и установлению единоначалия».

В постановлении было предложено сосредоточить непосредственное управление предприятием в руках директора (заведующего) и его заместителя (главного инженера), возложив на них всю ответственность за состояние производства.

— Вполне достаточно... Хорошо. Видимо, на память не жалуетесь, коль помните постановления?

— В принципе на память грех жаловаться. Но если говорить откровенно, вы просто попали в яблочко — этот документ у меня на особом счету.

— А почему, позвольте поинтересоваться?

— Дело в том, что чем больше и внимательнее я присматриваюсь к структуре нашего объединения, тем

четче просматривается возрождение функционалки под видом специализации.

— При чем же здесь специализация? Какая может быть связь между специализацией и функциональной системой управления?

— Самая прямая. Как, по вашему мнению, для чего создано объединение Кавказнефть?

— При чем здесь мое мнение? Каждый школьник знает, что оно добывает почти половину нефти в стране.

— Но не каждый школьник знает, что объединение имеет десятки специализированных трестов, хозрасчетных управлений и организаций, которые действуют на принципах функционалки. Планирование и оценка их деятельности ничего общего с добычей нефти не имеют, хотя существуют они на средства, выделенные для добычи нефти. При этом чем больше они расходуют средств, даже в условиях сокращения добычи нефти, тем, считается, они лучше работают. Это можно доказать на примере нашего треста Кавказнефтеэлектромонтаж. Откровенно говоря, я пришел последним сдавать экзамен неспроста — мне хотелось с вами поговорить на одну тему... ведь вы являетесь автором главы по строительству. Дело в том, что у нас практика принципиально расходится с теоретическими положениями учебника.

— Это любопытно... Пожалуйста, продолжайте.

— Позвольте спросить сначала: вы в строительстве раньше работали?

— Нет. После окончания института меня сразу рекомендовали в аспирантуру. Через три года успешно защитился, и меня оставили на преподавательской работе. Сейчас работаю над докторской диссертацией.

— Почему же вы избрали строительство?

— Поскольку я на производстве не работал и своей темы, как говорится, не вынашивал, то мне было безразлично, о чем писать. Моим научным руководителем назначили Подгорнова Игоря Алексеевича, крупного специалиста в строительстве. Поэтому я и стал «строителем». А вы, как я понял, в строительстве работаете?

— Да, заместитель начальника строительно-монтажного управления. И поэтому имею возможность часто сравнивать институтские знания с реальной практикой. Вот вы пишете, что трудоемкость применяется в строительстве при планировании производительности

труда и заработной платы. К великому сожалению, как в нашем тресте, так и у тех строителей, с которыми мы имеем связь, ничего подобного нет.

Доцент нетерпеливо спросил:

— А как у вас это делается?

— Очень просто. В рублях... Берут достигнутую в предыдущем году выработку на человека, добавляют семь-восемь процентов, как бы предугадывая рост производительности труда, и утверждают как готовое задание.

— Простите...— удивленно произнес Арханов,— но если вы не учитываете трудоемкость, то как же вы в таком случае определяете фонд заработной платы?

— А точно так же и фонд зарплаты определяется — на базе вала, от достигнутого.

— Из-ви-ните...— заикаясь от волнения, проговорил Георгий Иванович.— Не представляю себе... Как же можно определить фонд зарплаты без учета трудоемкости? Ведь это может привести к весьма нежелательным последствиям — к удорожанию строительства, к погоне за выгодными работами.

— Совершенно верно. Так оно и есть. Если вам интересно, я могу дать соответствующий материал, уверен: пригодится для вашей докторской диссертации. Если бы завтра вы смогли поехать со мной...

— К вам, на стройку? Что ж, если это недалеко, с удовольствием.

...В девять утра они встретились. Начинался один из редкостных, свойственных, пожалуй, только южному краю дней, когда море, и горы, и долины — все видится отчетливо и далеко, отсвечивает самыми первозданными красками, и человека в такой день нестерпимо тянет за город.

ГАЗ-67, которым управлял Васильев, очень скоро домчал их до вечного покоя и тишины — вокруг были горы. Доцент, зачарованный красотой, забыл обо всем на свете.

Александр не выдержал:

— Вот вы подробно описываете встречный план строительных организаций. Объем строительного производства планируется как в денежном, так и натуральном выражении; определение физических объемов работ имеет исключительно важное значение для производственной программы строительной организации... Теоретически все это правильно. Но представьте себе

такую вещь: когда нам утверждают план в рублях где-то в декабре предыдущего на следующий год, мы в лучшем случае знаем половину своих объектов, а то и меньше. Короче, мы еще не уяснили толком, что будем строить, а нам уже утвердили основные показатели плана, конечно, в рублях. Каково?..

— М-да... А как же определяется цифра плана?

— Это делается просто. Если в прошлом году мы освоили полтора миллиона рублей, то в нынешнем нам меньше не дадут, а попытаются приподнять «достигнутый уровень» на пять-семь процентов. Образуется воздушный вал...

В декабре прошлого года нам утвердили на этот год полтора миллиона рублей объема. В марте мы имели только на миллион финансируемых объектов, а пол-миллиона витали где-то в воздухе...

— Ну а если работ на полтора миллиона не наберется?

— Ищем. Работу найти нетрудно, однако нам нужна не любая работа, а лишь выгодная, которая позволила бы превзойти достигнутый уровень выработки на одного рабочего. Иначе у нас произойдет снижение производительности труда со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вот сейчас мы спустимся с перевала. Здесь богатая природа и соответственно неплохо развито сельское хозяйство...

Недалеко отсюда находится крупный специализированный плодоовощной совхоз, обеспечивающий фруктами и свежими овощами Закавказск. Ему надо было построить линию напряжением тридцать пять киловольт. Эту работу поручили нашему управлению. Целая эпопея... Сначала мы согласились: надо — значит надо. Но когда совхоз дал нам свою проектную документацию, мы ахнули и начали трубить отбой.

— Почему?

— Все дело в опорах и проводах... Кстати, вот она, эта линия электропередачи, взгляните: опоры деревянные, алюминиевый провод. А у нас на аналогичных линиях опоры ставятся из компрессорных труб и с медным проводом. А это значит, что наш километр линии в три раза дороже, чем их. Естественно, мы отказались строить. Совхоз стал жаловаться, давить на нас через партийные органы. Мы ответили, что построим линию, но лишь в том случае, если нам скорректируют план.

У нас заработная плата составляет двадцать процентов от рубля выполненного объема, и если же мы начнем строить по предложенному проекту, то фактически она будет около сорока. Тогда заказчик согласился взять на себя разницу в фонде зарплаты и выплатить ее нашим рабочим, но и на это мы не могли пойти.

— Почему? — удивился Арханов.

— Потому что рабочим зарплату они доплатили бы, а выработка на рабочего все равно упала бы более чем в два раза и плану крышка по всем показателям.

— Вот ведь какие дела... — Арханов уже забыл о прекрасном пейзаже за окном. — Как же все-таки вышли из положения?

— Договорились... Здесь есть строительная организация, сельская. Часть работ она взяла на себя. Операции по электромонтажу выполнили наши рабочие, мы их откомандировали в распоряжение сельской строительной организации, и они у нас не числились. Им на месте обеспечили средний заработок. Вот так эта несчастная линия и была построена. Потому и разборчивы мы в подборе объектов, как Агафья Тихоновна в выборе женихов. Иначе в трубу вылетишь... Поэтому у меня вокруг показателей планирования и оценки нашей работы порой возникают довольно грустные размышления...

— В каком смысле?

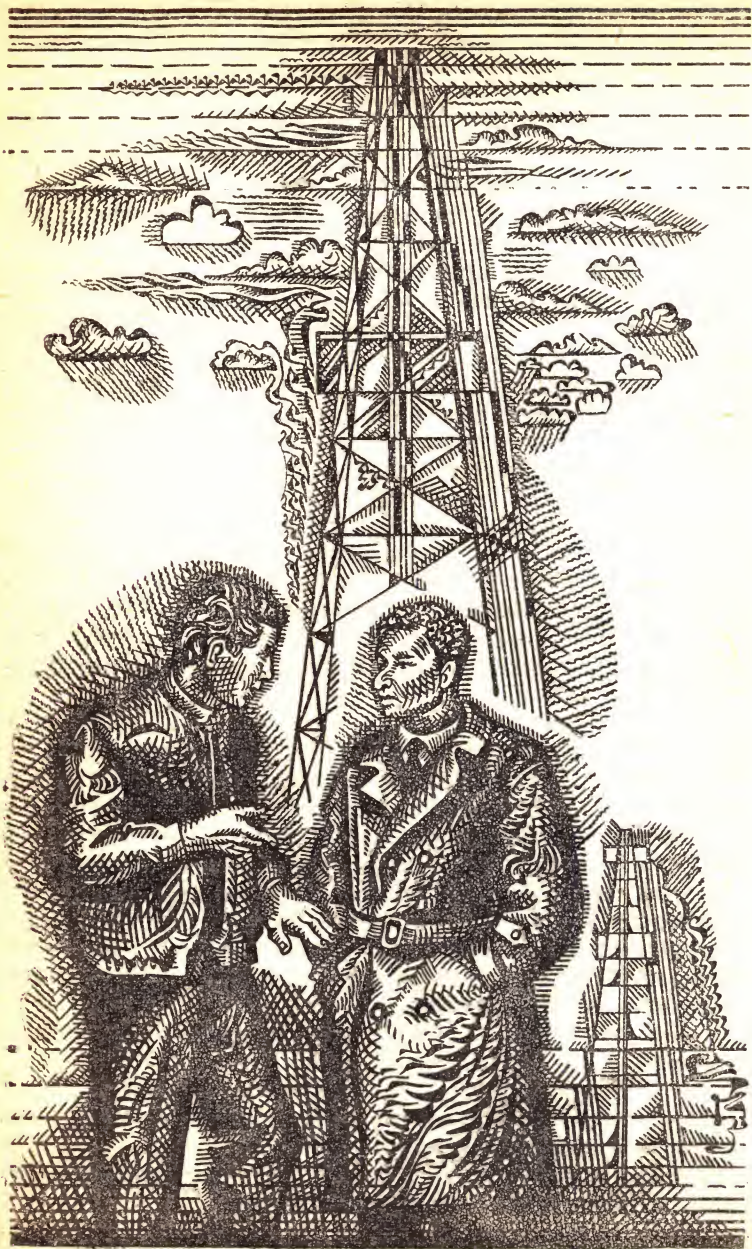
— Рост объема производства в рублях зачастую не соответствует соответствующему увеличению продукции в натурально-вещественной форме. Показатели недостоверно отражают реальное создание потребительных стоимостей. Я рассуждаю так: чем с меньшими затратами мы построим объект, тем лучше. Снижение стоимости строительства, разумеется, при соблюдении предусмотренных проектом качественных параметров и надежности, должно предусматривать моральное и материальное поощрение.

— Совершенно верно вы рассуждаете, — подтвердил доцент.

— Это вы поддерживаете меня как ученый, но вряд ли стали бы так утверждать, оказавшись на месте нашего управляющего трестом.

— Вы хотите сказать, что у вас в тресте непоказательные показатели, — вставил Арханов.

— Я просто говорю о своих размышлениях. Мне довольно часто приходится сталкиваться с фактами, ког-

да хозяйственная деятельность предприятия, проходя через призму показателей на бумаге, выглядит несколько иначе, чем в жизни...

— Ну и ну, нарочно не придумаешь,— качал головой доцент.

Машина, скрипнув тормозами, застыла у металлической ограды. Васильев взмахом руки привычно очертил масштабы стройки:

— От этой подстанции протянулась линия электропередачи длиной более ста километров. Видите огромное массивное сооружение?

— Вижу. Что это?

— Вы слышали такую присказку, что нет ничего долговечнее временных сооружений?

— Что-то не помню,— признался Арханов.

— У строителей она бытует. Это я вам сейчас на практике покажу. Надеюсь, вы знаете, что такое временные сооружения вообще?

— Да, конечно... В сметах закладываются, как мы их называем, непредусмотренные расходы.

— Перед вами одно из «временных» сооружений. Колоссальный забор, не правда ли? А история его такова...— И Васильев поведал доценту историю появления злополучного забора.— Забор—это еще полбеды. Вот перед нами линия электропередачи напряжением шесть киловольт... Видите?

— Вижу,— вскинув голову, отозвался Арханов.

— Эта линия, как и забор, одного поля ягода: тоже «временная». Только ее появление на свет божий вызвано не перерасходом фонда зарплаты, а его «экономией», или, как это называется, «относительной экономией».

Георгий Иванович непонимающе взглянул на Васильева.

— В предыдущем месяце у нас были очень выгодные работы—натяжка медного провода. Получилась большая экономия зарплаты, но она пропала...

— Почему же вы не придержали ее на черный день?

— Объект находился под особым контролем. О его строительстве широко сообщалось не только в местной печати, но были две заметки и в центральной прессе. И представьте себе ситуацию: все знают—ЛЭП уже дает ток району Умбаки, а мы представляем акты формы номер два, свидетельствующие о том, что на

этом объекте продолжается натяжка провода. Вспыхнул бы настоящий скандал: передача тока без проводов! Хорош материал для фельетона.

— Простите, Александр Александрович, я не совсем уловил связь между основной ЛЭП и этой вот шестикilовольтной, которая, как вы сказали, явилась результатом экономии фонда зарплаты.

— Зарплата выдается согласно плану по труду. И ни копейки больше. А если нам повезло на выгодную работу в прошлом месяце, то фактический расход зарплаты оказался почти в два раза меньше положенного. Экономия! Но недолговечная, ею нельзя воспользоваться в следующем месяце. Давно говорят о необходимости разрешить маневрировать экономией в течение квартала, но это пока лишь разговоры. В прошлом месяце была «относительная экономия», она пропала и выявила нехватку объема для зарплаты в последующем. Что делать? Вот мы и решили построить эту ЛЭП за счет временных сооружений.

— Но зачем эта линия? — не унимался ученый.

— Я же сказал, чтобы набрать объем работ в рублях для обеспечения зарплаты, — заученно отвечал Васильев.

— И только? Она не будет использована никем, не нужна вообще?

— Конечно, нет...

— Ничего себе. И вы не боитесь, что банк узнает...

— Мы не посягнули на букву закона — бояться нечего. Вас я привез сюда с одной лишь целью — чтобы такой «порядок» ликвидировать. Рано или поздно эти перекосы надо исправлять... Может быть, вы в докторской диссертации подвергнете нынешнюю практику критике и предложите более рациональные пути использования капитальных вложений?

— А что бы вы предложили?

— На ваш вопрос мне трудно ответить. Я не знаю специфики других строительных организаций и большихстроек... В своем тресте и подобных ему, где объекты сравнительно небольшие и сроки их строительства редко выходят за пределы одного года, я бы разрешил маневр как перерасходами, так и экономией фонда зарплаты. Допустим, три месяца — сплошь невыгодные работы, перерасход. Но когда наконец подошли выгодные, все компенсируется.

Кстати, если вернуться, как вы выразились, к непоказательным показателям, то перед вами наглядный пример. Стоимость этого белокаменного забора и линий электропередачи с медным проводом на опорах из компрессорных труб составила сто тысяч рублей с небольшим хвостиком. Значит, согласно показателям благодаря сооружению этих объектов объем общественного продукта возрос на сто тысяч и примерно на сорок тысяч увеличился национальный доход. А реальной продукции от этих объектов не прибавилось, а убавилось... Ради того, чтобы обеспечить коллективу двадцать тысяч фонда зарплаты, мы выбросили, считайте, на ветер на шестьдесят тысяч ценных материалов — белого камня, металла и медного провода.

— Но такие объекты, видимо, редко бывают, — неуверенно возразил доцент.

— Сравнительно да. Но ведь размышления и начинаются, как правило, с курьезов.

Более того, я бы вообще ежемесячные акты приема-сдачи работ отменил. Ведь они были введены временно, однако пережили десятилетия. Их применяли, когда в стране еще не получило должного развития проектно-сметное дело. Теперь же на каждый объект составляется проектное задание и смета. В ней отдельно указана стоимость материалов, оборудования, расходы на зарплату, накладные и прочие... Строй по смете, а заказчик пусть авансирует тебя по мере выполнения работ. Мне рассказывал главный инженер треста, что до войны так и было. А когда сдал объект — значит, полностью выбрал смету. Если сэкономил средства не в ущерб качеству, получай определенную долю... Казалось бы, все очень просто.

— А если произошли отклонения от сметы?

— Вы правы — отклонения неизбежны. Поэтому в акте сдачи объекта следовало бы отражать все изменения — повышение или снижение стоимости строительства. На этом фоне акты формы номер два — громоздкая и совершенно лишняя работа. В СМУ у нас в среднем строится свыше ста объектов. Пусть на десяти-двадцати из них по разным причинам работа в данный месяц не велась, однако в конце месяца все равно надо составить восемьдесят актов... Каждый в среднем по десять страниц.

Вы только посмотрите... — Васильев достал из портфеля толстенную кипу актов. — Восемьсот страниц! Ув-

лекательный детектив, сотворенный рукой строителя. К тому же из месяца в месяц новый, повторный. А в три раза больше бумаги и усилий требуют наряды — две тысячи четыреста страниц в месяц. «Три мушкетера», «Граф Монте-Кристо»... За год двенадцать увесистых томов актов формы два и тридцать шесть томов нарядов! А сколько их плодится в целом по стране?! Но главное — это сизифов труд. Ненужной работой заняты лучшие инженерно-технические силы!

— Однако наряды все же нужны, — вставил Арханов.

— Нам совершенно не нужны, — отчеканил Васильев. — У нас бригады комплексные. Построил объект силами одной или двух бригад — выплати им по смете что положено. А между собою, внутри бригад, деньги поделаются в соответствии с квалификацией работающих, отношением к делу, дисциплиной — ни одна бухгалтерия не сделает это лучше, чем сами рабочие. Мы, кстати, иногда на срочных объектах так и поступаем, но наряды все же сочиняем и подгоняем их под договорную сумму. Вот вы сказали, что докторскую диссертацию пишете. На какую тему, если не секрет? — спросил Васильев.

— О роли производительности труда в снижении себестоимости продукции.

— Хорошая, очень актуальная тема, здесь так много неясного, я бы сказал, противоречивого...

— Что ж тут неясного? Внедрение достижений технического прогресса ведет к росту производительности труда, что влияет на снижение себестоимости, — привычно начал развивать мысль Арханов...

— Теоретически это верно, — согласился Васильев. — А вот практически дело обстоит не совсем так. Я вам уже показывал ЛЭП, что протянута к совхозу «Свет Октября». Но если бы ее от начала и до конца строили мы, объект стоил бы в три раза дороже. Я уже говорил: мы строим опоры из отработанных труб и применяем медный провод даже там, где хорош и алюминиевый. Представьте, что мы проявили сознательность и там, где по техническим условиям это возможно, стали применять только алюминиевый провод и дешевые деревянные опоры. Как бы резко «упала» производительность труда! Ведь чем меньше выработка на человека в рублях, тем ниже производительность... И наоборот...

Они надолго замолчали. Теория и практика — на-

сколько же далеки они друг от друга, думал каждый. Нужно воссоединение — этого требует жизнь...

— Я хочу попросить у вас кое-какие материалы. Не могли бы вы прислать их в Москву? — попросил Арханов.

— Почему же! Как я уже говорил, мы, строители, очень заинтересованы хотя бы в частичном решении наших проблем.

— Тогда я составляю вопросник и попрошу вас по нему подготовить материалы.

— Договорились... — откликнулся Васильев.

5

...Годы пролетели незаметно. Васильев отправился в Москву сдавать государственные экзамены. Выдержал их успешно, диплом получил с отличием. На консультациях, в минуты встреч с преподавателями Александр по-прежнему пытался выяснить наиболее важные вопросы. Вновь и вновь допытывался, почему сама система показателей толкает хозяйственников на то, чтобы строить как можно дороже. Ведь, казалось бы, государство кровно заинтересовано в снижении стоимости строительства. Но вопросы его оставались без ответа. Кое-кто вообще только руками разводил: у одних у вас, что ли, так?

Ученый совет института рекомендовал его в очную аспирантуру. Но ему не хотелось вновь садиться за учебники, и он решил повременить с этим.

После возвращения из столицы его пригласил к себе управляющий трестом. Поздравил с успешным завершением института, а затем объявил, что принято решение о назначении его директором трестовского электромеханического завода. Предложил как можно скорее приступить к работе в новом качестве: положение там довольно сложное...

— А что случилось? Ведь Харитонов отличный директор, давно работает.

— Видите ли, — задумчиво произнес Рустамов, — Харитонов сам прекрасно все понимает... Разговор не новый... В первые годы у него действительно все шло хорошо, но в последние два года завод топчется на месте. О Харитонове можете не беспокоиться, мы с ним договорились — будет работать в тресте старшим ин-

женером — организатором социалистического соревнования и пропаганды передового опыта. Дадим персональный вклад.

Рустамов на секунду замолчал, повертел в руках карандаш, потом, чуть замявшись, сказал:

— Вчера у меня состоялся разговор и с главным инженером завода, просит отпустить и его. Сначала подумали: уходит обиженный тем, что ему не предложили пост директора, но оказалось дело в другом — он не механик и не энергетик, а технолог. Ему сделали интересное предложение. Вот он и пришел с просьбой отпустить его в порядке перевода в объединение Кавказнефтезаводы. Возразить мы не можем — человек хочет работать по специальности, но завод в прорыве, а тут директор новый и главного инженера нет...

— А почему бы не оставить главным инженером Харитонову? Он ведь прекрасный человек, людей знает... — предложил Васильев.

— А вы уживетесь, новый и старый директор? Не начнут ли меж вами распри?

— Я со многими уживался. А с Харитоновым, думаю, наверняка пойдем друг друга, делить нам нечего — он ведь знает, что я не добивался его места.

— Не возражаю, поговорите с Харитоновым сами. Договоритесь — считайте вопрос решенным. Если найдете общий язык, прекрасно, — напутствовал Мамед Абасович.

По-разному представлял себе Александр переход на завод. Однако все произошло как-то обыденно, незаметно.

Харитонову он не застал.

— А, новый директор! Милости просим... — В приемную вошел секретарь парткома Геворкян и пригласил Васильева к себе.

Завязалась беседа о заводе, о Харитонове. Аванес Хачатурович поведал, что директора на завод подбирали долго. Разные рассматривались кандидатуры. Предлагали заместителю главного инженера треста Сабирову — обиделся. Его пытались убедить, что речь идет об укреплении руководства заводом... Не помогло. Узнал Александр и о том, что два начальника управления — Аванесов и Асланов — также наотрез отказались. И все были удивлены, когда вдруг совершенно неожиданно замаячила кандидатура Васильева. А предложил его не кто иной, как Перхов.

— Перхов? Почему вдруг? — удивленно спросил Александр Геворкяна.

— Как говорят, Перхов был в курсе, что якобы вас приглашают на хорошую должность в Метрострой. Повышение большое, оклад соответствующий и работа в центре города.— Аванес Хачатурович широко развел руками и засмеялся.

— Одним словом, Перхов нашел способ сохранить вас для треста. Кроме того, Перхов сказал Рустамову, что на заводе больше нужен экономист, чем энергетик или механик.

— Что же мне об этом раньше не сказали? Мне объяснили, мол, вопрос решен... Я воспринял это как должное.

— Ну теперь чего уж отказываться,— спокойно подытожил секретарь парткома.

— Вы знаете, зачем я приехал? — решил Васильев открыть ему свои карты.— Я хотел поговорить с Харитоновым о его дальнейшей работе. Кстати, как у него настроение?

— Он держится неплохо. Но переживает! Я Харитонova знаю давно. Он на три года раньше меня на заводе, мы с ним работали здесь еще до войны. Харитонов начинал рабочим, был мастером, а на войну ушел начальником цеха. Прошел всю войну — шесть орденов, много медалей и несколько нашивок о ранениях. Бравый солдат... Вернулся в свой цех. Вскоре его назначили директором, и первые годы завод шел в гору, его везде отмечали, премии сыпались. А в последнее время началось... даже зарплату своевременно не получаем. Харитонova, однако, на заводе любят, несмотря ни на что. И еще скажу: мы с ним давние и большие друзья. Наша дружба у всех на виду и всегда помогала делу. Что же касается нынешнего срыва, то я почему-то уверен: Харитонов тут без вины виноват. Ведь все задания завод выполняет в срок и без штурмовщины. Рабочие нормы перекрывают. Нарушений дисциплины нет, прогулов — тоже. Прямо какая-то несуровица...

Вот у меня был случай,— продолжал секретарь парткома,— еще до войны. Чуть не угодил в тюрьму вместо армии. После школы меня направили работать в магазин. Откуда мне было знать, что в нашем потребсоюзе орудовала шайка жуликов. Одним словом, вскоре у меня обнаружилась крупная недостача.

Действовали жулики от потребкооперации так: приходят в нужный момент и говорят: давай накладные, мы тебе поможем срочно сделать отчет. Вроде помощь бескорыстная... Но они тем временем подменяли накладные и подделывали подписи, а тогда малограмотных завмагов хватало, и они с благодарностью пользовались услугами добровольных помощников. И мне подтасовали документы. Хорошо — пока велось следствие, жуликов поймали с поличным и все распуталось... Вот и Харитонов, как мне кажется, без вины виноват. Вы еще человек молодой, вам незнакомо такое состояние..

— Да нет, знаете ли, чувство без вины виноватого очень знакомо мне. Если вы в тюрьму чуть не угодили, то я однажды чуть на тот свет не отправился..

— Во время войны?

— Если бы... Не так обидно было бы... После это было. Здесь, в Закавказье. В полку мне предложили временно исполнять обязанности начальника продовольственного снабжения. Поначалу все шло вроде нормально. И вдруг завскладом Уралов подходит встревоженный. Знаешь, говорит, недостача у меня в складе большая...

Стали с ним советоваться, что же делать? Пойти и заявить — проще простого. Да и чем все это кончится? Месяц назад обнаружилась большая пропажа в вещевом складе... Началось затяжное следствие, освободили заведующего складом, вот-вот осудят. Ну а чем докажешь, что не сам ты обобрал склад? Ведь он опечатывался на ночь, часовой у склада... После консультации с начальником штаба части подполковником Казначеевым мы пришли к выводу: воры должны еще появиться здесь. Решили с Ураловым по очереди ночевать в складе...

И вот в ночь на одиннадцатое июня Уралов, уже в который раз, закрыл меня в складе и сдал пост часовому. Просыпаюсь и вижу: кто-то с фонариком бродит по складу. Я открыл стрельбу — поднялась тревога. Жуликов поймали.

Тогда несколько выстрелов помогли мне избавиться от чувства без вины виноватого. А теперь никак не могу отделаться от него.

— Почему? — поинтересовался секретарь

— В СМУ нередко приходилось поступать вопреки своей совести... Я прошу вашей помощи. Поговорите,

пожалуйста, с Харитоновым, чтоб остался на заводе главным инженером... Уговорите его...

— Я уверен, что он согласится... без уговоров,— ответил секретарь.

6

Анализ экономического положения завода, сделанный Васильевым, трест направил в объединение с просьбой скорректировать план и выделить целевым назначением дополнительный фонд зарплаты для обеспечения реальной потребности завода. Но, увы, помощи не последовало. Ответ был лаконичен: оказать помощь за счет треста. Поэтому Васильев продолжал наседать на Церцвадзе: «Нона Георгиевна, вы все же должны предусмотреть помощь заводу, причины нашего прорыва вы хорошо знаете, они объективны...» Церцвадзе объяснила, что никаких резервов в тресте сейчас нет... Но при малейшей возможности она обещала выкроить несколько тысяч и помочь заводу.

Некоторое время спустя Васильев по какому-то вопросу оказался в кабинете Ноны Георгиевны. Она встретила его удивленным вопросом: «Как же завод выкрутился с зарплатой? Ведь я берегла для вас пятнадцать тысяч рублей. А вы словно забыли об этом. Может, новый забор из дорогой стали построили?» Последнюю фразу она произнесла уже с иронией.

— Голь на выдумку хитра,— отозвался Васильев.— Обязательно расскажу, как мы решили этот трудный вопрос с зарплатой, секретов от вас у меня нет. Но...— продолжал Александр,— хочу вернуться к начатому как-то разговору по поводу: какие специалисты лучше — очники или заочники? Так вот, я хотел бы прежде всего сказать о том, что анализ экономики завода меня лишний раз убедил: заочное образование в наших условиях имеет свои неоспоримые преимущества. Мы в тресте и СМУ работаем еще довольно примитивно, не так, как учат в институтах. Система показателей существует лишь теоретически, а фактически господствует его величество вал. От него зависит и план и зарплата. Вырвал удачный процент зарплаты, добился низкого плана, и ты победитель! А как у тебя используются основные фонды, рабочая сила — вопросы первостепенные, до их анализа, как правило, дело не доходит...

Завязалась долгая беседа.

— Согласитесь,— говорил Васильев,— в повседневной практике вам пригодилось не более одной десятой тех знаний, которые вы получили в институте. А уж «выкручиваться», как и другим хитrostям-премудrostям, вы учились здесь, на производстве. Все пришло со временем, по мере накопления опыта. Мне иногда кажется, чтобы исполнять роль экономиста в условиях сложившейся у нас практики, достаточно шестимесячной учебы на курсах. Ведь как учат бухгалтеров: полгода — дебет-кредит, затем практика, и готов специалист. Причем вряд ли кто усомнится — специалист стоящий. Разумеется, если голова у него на плечах есть и если он дело свое любит. Таким же образом можно и экономистов готовить.

Нона Георгиевна улыбалась, терпеливо слушая, что скажет Васильев дальше.

— Нет, я не против института. Но коль мы тратим огромные средства, то должны же затем полностью реализовать знания, полученные в институте. Ведь это дало бы возможность организовать нашу работу на прочной научной основе. А у нас с вами господствуют среднепотолочные методы.

Как вы планируете, например, выработку рабочих в СМУ и на заводе... Берете достигнутый уровень в рублях, прибавляете пять-семь процентов в расчете на рост производительности труда, и готово задание. Так ведь?

— В наших условиях трудно придумать что-либо другое,— согласилась Нона Георгиевна.

— А зачем придумывать? Умные люди давно придумали, а нам остается лишь добросовестно применять науку на практике. Вот я вам прочитаю, подождите... Заглянем-ка на страницу двести одиннадцатую, в раздел, который называется «Планирование численности производственных рабочих». «Чтобы определить численность основных работников,— говорится в учебнике,— необходимо знать прежде всего трудоемкость продукции (работы) в нормо-часах...» Таким образом, трудоемкость работы (изделия) — это та печка, от которой надо танцевать при планировании численности рабочих и фонда зарплаты. Но разве мы с вами определяем количество рабочих по трудоемкости? — оторвался Александр от учебника и стал ждать, что скажет Церцвадзе.

Нона Георгиевна с любопытством смотрела на него,

словно только вот сию минуту с ним познакомилась и выслушивала весьма неожиданные откровения нового человека. Васильев понял, что сейчас она пока ничего не скажет, ей, наверное, еще не до конца ясен затеянный разговор, а точнее, степень его серьезности. Говорить об этом и раньше приходилось не раз, но до цитат из учебников дело вроде бы не доходило.

— Раньше я по наивности думал, что это только у нас, строителей, все с потолка да на глазок берется и определяется, а теперь смотрю, и на заводе то же самое происходит — трудоемкость продукции при планировании учитывается формально...

Вот и получается: высшее образование нужно экономистам, чтобы понимать... учебники. Ну а если работать, к примеру, как в нашем тресте, нужен ли вузовский диплом? У нас одна, и предельно простая, задача — вытянуть валовую продукцию. Так будет продолжаться до тех пор, пока мы не начнем по-настоящему при планировании учитывать трудоемкость. А до тех пор нашими верными спутниками останутся авралы и провалы и бесконечные корректировки планов, а точнее, подгонки их к фактически складывающемуся положению в разных предприятиях треста, — с горечью констатировал Васильев.

И продолжал:

— Но, как это ни парадоксально, при существующей ныне практике чаще проваливаться будут те, кто ревностнее опирается на полученные в институте знания. А вот мы с вами выживем, Нона Георгиевна, ибо мы знаем, что к чему, почем фунт лиха, мы будем и дальше находить, открывать новые и новые методы и способы увеличения объема валовой продукции, не увеличивая при этом порой реальной продукции. Но для этого нужен опыт, для накопления которого требуются годы. В этом как раз преимущество заочника: вечером в институте учится, а днем на практике переучивается. Очнику же, как любит шутить Перхов, приходится приобщаться к тайнам искусственного увеличения объема после института.

Наконец Церцвадзе произнесла:

— Вы, должно быть, не выпались сегодня, Александр Александрович, либо начитались чего-то очень и очень серьезного...

— Вы провидица... Боюсь, что мне скоро начнет сниться тот забор, что стоит в районе Локбатана. Ведь

до смешного доходит — вчера взял было почитать томик Франсуа Вийона, открыл наугад, и знаете, какая строка мне сразу бросилась в глаза?

— Ну... — протянула Церцвадзе.

— «Чтоб он сгорел, забор проклятый». Ну и дальше что-то о заборе. Вы сегодня тоже постарались именно с забора начать разговор. Хотя прекрасно знаете, что городил его я лишь ради того, чтобы СМУ-6 и дальше продолжало нормально работать, — продолжал говорить Васильев.

— А знаешь что, Александр Александрович, родимый, тебе жениться пора, а то ты начинаешь иногда брюзжать, как старая дева...

— Значит, от всех экономических казусов одно лечение — сватовство! Ну, Нона Георгиевна, и умница же вы! Может, и невесту присмотрели? — выпалил Александр.

— Ой, да мало ли невест! Вот, например, Татьяна Федоровна. Твоя бывшая преподавательница. Симпатяга, умница, характер золотой — что еще можно сказать о человеке?.. И ты ей, как мне кажется, безразличен...

— Скажете тоже! Видел я ее в прошлый выходной. Прогуливаюсь по бульвару, гляжу — навстречу Татьяна идет, да не одна, с военным, кажется, майором. Сделал вид, что никого не замечаю, сторонюсь понемногу. А она тащит его прямо на меня, в лобовую атаку идет, иначе не скажешь. Знакомит со мной: «Друг детства, Борис...» Пошли дальше втроем. Заглянули в кафе на бульваре, посидели, пива выпили, поболтали.

Церцвадзе заулыбалась.

— Это действительно друг детства, и не более. Однако не скрою, он сделал ей предложение. И если б не ты, возможно, Борис получил бы утвердительный ответ. Ну, пожалуй, хватит об этом. Давайте-ка о деле. Выкладывай секреты, прожженный практик, постигший все премудрости не по учебникам. Как там у Маяковского: «Мы диалектику учили не по Гегелю». Верно? Ну а что вы там отмочили на заводе, чтобы получить зарплату?

— Кстати, у нас еще и резерв некоторый остался, так что на нашу помощь можете рассчитывать, — с улыбкой предложил Васильев.

— Да говори же, что произошло? — Церцвадзе сгорала от любопытства.

— Поехал я как-то в родное СМУ-6. Перхова на месте не оказалось. Попросил начальника планового отдела дать мне материалы о работе их сварочной площадки по изготовлению опор. Посмотрел внимательно, уяснил, что они делают. У них сейчас идет установка опор на двух трассах. На площадке готовят их массу... На следующий день вечером позвонил Перхову, пригласил прогуляться по бульвару. И выложил ему свою идею. О трудностях наших много толковать не стал, он и сам все знает. А сказал только: я оформляю его бригаду сварщиков рабочими на завод, плачу им зарплату... Он все понял с полуслова.

Таким образом, я зачислил бригаду сварщиков к себе на завод, на самом же деле они, как обычно, работали у Перхова на площадке, но опоры, которые они варили, по документам проходили как изготовленные на заводе и отправленные в СМУ. Зарплату сварщикам начислял завод. Поэтому все законно. А между тем стоимость опор засчитывалась два раза: в план завода и в план СМУ. Таким путем мы выполнили план и обеспечили с лихвой зарплату.

— Ну и хитрецы! — не удержалась Церцвадзе. — Это же надо додуматься! Молодцы-хитрецы! Ничего не скажешь. А я-то проверила отчет завода, все в ажуре, нигде комар носа не подточит. Думаю, как же он вывернулся? Действительно, вывернулся... Ход конем, да и только.

Трудно было понять, возмущается Церцвадзе или удивлена, а может, и восхищена как специалист столь простым, но эффективным экономическим решением. Но уже следующая ее фраза все сомнения развеяла:

— Молодец, Васильев, прямо молодец, это ты великолепный шаг предпринял!

— Все гениальное просто, — без ложной скромности ответил, улыбаясь, Александр. — Больше того, Нона Георгиевна, я бы хотел все то, что мы сделали с Перховым, поставить на широкую ногу, и тогда трест работает устойчиво... Всего-то надо — оформлять продукцию, полученную на сварочных площадках СМУ, через завод.

— Одним словом, ты свою идею хочешь поставить на индустриальные рельсы, применять ее впредь широко и, я бы сказала, планоно, исходя из условий, которые складываются уже в масштабе треста?

— Именно так.

— Гм-м... Есть в этом деле что-то весьма и весьма сомнительное... Не то слово — непри-ем-ле-мое!..

— Но, уважаемая Нона Георгиевна, коль предлагаемая «специализация» приводит нас к желаемому результату, коль в результате мы получаем то, чего желали, не причинив никому ущерба, значит, само мероприятие лишь следствие чего-то еще более неприемлемого — самой системы отсчета, принципов оценки деятельности наших предприятий. Вот об этом я собираюсь выступить на совещании о задачах на будущий год.

7

Трестовское совещание, как обычно, открыл управляющий. Он подробно проанализировал итоги работы года, уделив на сей раз больше внимания внедрению достижений технического прогресса как главного фактора повышения производительности труда, сообщил результаты социалистического соревнования между предприятиями треста, а затем рассказал об основных объектах, которые предстоит строить в будущем году. В этой связи он довольно подробно говорил о трудностях, связанных с освоением все новых и новых районов. Но самое главное, сказал он, — это то, что предстоит изготавливать опоры главным образом из бурильных труб и уголка. Эта прямая потеря почти ста рублей на каждой тонне металлоконструкций! Иначе говоря, при увеличении физического объема строительства его стоимость резко снижается.

— В представленном в объединение проекте мы просили скорректировать план и соответственно повысить удельный вес зарплаты в объеме выполненных работ. Начальник объединения поручил плановому управлению и отделу труда и зарплаты изыскать возможность для оказания помощи тресту (хотя речь идет не о помощи, а о реальном плане). Время идет, а возможности помочь нам все никак найти не могут. А вчера заместитель начальника объединения сказал мне: «Вы слишком много требуете, если мы и сможем помочь вам, то не более трети запрошенного». В случае отказа нам придется принять предложение электромеханического завода. Предлагаю послушать Васильева. Вы знаете, в каком тяжелом положении находился завод, а теперь он работает устойчиво, задания выполняются. Так что мы, я полагаю, должны использовать

этот опыт... Пожалуйста, Александр Александрович, прошу.

Васильев поднялся на трибуну:

— Прежде всего я хотел бы, пользуясь присутствием здесь Василия Семеновича Харитонов, сказать, что освобождение его в свое время от поста директора было несправедливым. Его вины в том, что завод оказался в прорыве, не было. Он оказался без вины виноватым. За два года работы я убедился: завод и раньше был образцовым предприятием. И, естественно, заслуга в этом принадлежит нынешнему главному инженеру, являвшемуся до меня директором завода, — Василию Семеновичу Харитонову. Он человек редкого трудолюбия и прекрасный организатор с заслуженным авторитетом. Знает завод как свои пять пальцев....

Взгляды всех присутствующих обратились на Харитонova. Тот смутился от неожиданной похвалы, глаза его подозрительно засверкали, но он взял себя в руки и стал внимательно слушать молодого директора.

— Но тогда, скажете вы, возникает вопрос: почему же завод постоянно лихорадило? Почему он срывал план и допускал перерасход фонда зарплаты? В чем дело?

Главная причина в том, что завод, выполняя задание по снижению себестоимости, допустил слишком большое удешевление многих видов продукции. Ну а вы сами понимаете, раз применен материал дешевле и цена на продукцию снижается, значит, плану «гореть»... а вместе с ним и зарплате.

Что же касается снижения заводом производительности, то в этом повинны многие руководители и пролабы строительно-монтажных управлений...

Присутствующие начали переглядываться и перешептываться, кто-то выкрикнул:

— А в чем наша вина, если, конечно, не секрет?

— За два года перед моим назначением на завод количество изготовленных и установленных опор всеми строительно-монтажными управлениями увеличилось на пятнадцать процентов. За этот срок по вашим заявкам, утвержденным, разумеется, трестом, завод изготовил и отпустил вам на одну треть больше крепежных и монтажных изделий — траверс, раскосов, болтов, штырей и тому подобной мелочовки. Выходит, что большая половина этого увеличения разбросана на законченных объектах, почти всюду «забывается» не-

использованная «мелочь». А ведь она очень трудоемка в изготовлении...

Как же мы вышли из положения? Часть опор, изготовленных на площадках СМУ-6, мы оформляем как заводскую продукцию. Таким образом, стоимость изделия дважды включается в план — и на заводе, и в СМУ...

Кое-кто из руководства треста поморщился от такого признания директора. Каждый выкручивается по-своему, но зачем же на всю ивановскую вещать о тех лазейках, которыми ты пользуешься. Нет, молод этот Васильев, чересчур горяч.

Васильев тем временем перешел к анализу деятельности треста:

— Давайте-ка заглянем в историю нашего треста, она поможет нам кое-что сопоставить, а то и подскажет, каким образом целесообразнее планировать и оценивать работу. Один, казалось бы, наивный вопрос: для чего создавался трест? Я перерыл архив... Трест возник на базе некоего безномерного СМУ в 1932 году. Завод тогда изготавливал опоры и трансформаторные будки, СМУ строило ЛЭП из готовых опор. С интересом я прочитал первые приказы... Здесь я вижу около десятка ветеранов, которые трудятся в тресте с момента его организации. Это и понятно — Кавказ дает почти половину нефти в стране. За минувшие годы проделан колоссальный объем работ. Выработка на одного рабочего в первые годы существования треста составляла около трех тысяч рублей. Теперь этот показатель равен двенадцати тысячам... В четыре раза увеличилась выработка, значит, и производительность труда повысилась соответственно.

Трестовское начальство одобрительно закивало головой. Наконец-то докладчик начал говорить нечто приятное слуху. Но их ожидало разочарование — об успехах треста Васильев говорить не собирался.

— Так задумаемся, товарищи: за счет чего же у нас вчетверо повысилась выработка? Примерно половина этого увеличения за счет технического прогресса и роста производительности труда, остальное — результат применения более дорогих материалов. Если вы заглянете в акты первых лет, то увидите: все шестикилловольтные линии строились на деревянных опорах. Сейчас мы деревянную опору днем с огнем не обнаружим. Некоторые СМУ даже забыли, как ее делают. Медный

провод тянем там, где вполне можно обойтись алюминиевым. Если говорить честно, нагнетается погоня за рублем. Мы постепенно загоняем себя в заколдованный круг: чем больше мы даем объема в рублях, тем выше нам дают план в последующем. По всем, разумеется, показателям. Нам, согласитесь, становится все труднее и труднее набирать рубли. В настоящее время мы находимся на грани, пожалуй, самых трудных испытаний. Как уже сказал Мамед Абасович, запас компрессорных труб почти полностью использован. Отныне опоры и многие металлоконструкции для электроподстанций будем изготавливать из бурильных. А тонна последних почти на сто рублей дешевле. Помножьте потребляемые нами тонны на сто, и вы получите довольно внушительную сумму. Это прямые потери и для плана, и для уровня производительности труда, а самое главное, конечно, для фонда зарплаты. Еще легче и дешевле опоры и металлоконструкции из уголка...

Какой выход из создавшегося положения видится лично мне? Есть два выхода. Первый — добиться экономически обоснованного плана. Именно с учетом этого и составлен проект плана, о котором говорил вначале управляющий трестом. Но, как вы уже слышали, с его принятием объединение не торопится, хотя применить научное планирование в нашем тресте несложно: на каждый объект мы имеем смету. В ней указано, какие материалы на какую сумму выделяются, сколько заработной платы предстоит израсходовать. Так вот, по этой смете все в точности и надо оценивать. Чем больше снизил стоимость объекта, тем выше материальное поощрение — это должно стать непреложным правилом. В конце года на балансовой комиссии мы должны точно проанализировать, как использовались производственные мощности, техника, высокопроизводительно ли трудились люди. Но этот акт, к сожалению, проходит формально, потому что все решает рубль, и, как бы отлично Харитонов ни использовал мощности и рабочую силу, если не выполнен план по рублям, итог один — освобождай кресло.

Пока не внедрено научное планирование, нам остается лишь развить ту практику, которая сложилась между заводом и СМУ-6, охватывать постепенно, по мере необходимости, одно управление за другим. Рекомендуется создать цех легких металлоконструкций при заводе и включить в него тех людей, которые се-

годня трудятся на сварочных площадках СМУ. Если на следующий год мы переведем в этот цех полностью СМУ-6 и еще два управления, это позволит нам по объему работ перебраться в первую категорию. Ежегодно вовлекая в это дело одно СМУ за другим, мы обеспечим пять-шесть процентов прироста объемов. Одним словом, надо постепенно перейти на двойной счет стоимости металлоконструкций, которые готовятся в СМУ на сварочных площадках. Это реальный путь, если, повторяю, первый отвергается.

— У меня вопрос,— спросил секретарь парткома треста Давиташвили.— Мне не совсем ясен механизм двойного счета, и нет ли тут нарушения наших взаимоотношений с кодексом?

— А разве сейчас трест с кодексом конфликтует? — отпарировал Васильев.

— Нынче вроде все в порядке, персональных дел по этой линии не было,— пробасил Давиташвили.

— Так будет и впредь,— начал объяснять Васильев.— Правовые отношения не меняются. Все законно.

— Кто желает выступить? Пожалуйста, Владимир Маркелович. Слово начальнику СМУ-11 Аванесову...

— Я давно работаю в тресте. На моих глазах происходило все, о чем здесь говорилось. Я против попытки изменить планирование — накопленный опыт надо беречь. Если сейчас принять это предложение, мы можем потерять и большую сумму объема, и выработка резко упадет, а оценивать все равно будут по рублям. Поверьте моему опыту...

Васильев вынужден был бросить реплику:

— Ну а если вы считаете, что искусственное накручивание объема в рублях — выгодная операция, тогда давайте закажем золотые провода и серебряные опоры. Вот тогда произойдет скачок в рублях. Рубли ради рублей — проку от этого мало. Скажу заранее: строительной продукции не прибавится, электроэнергии — тоже...

— Я думаю, это совершенно нереальное предложение, — будто не расслышав сказанного Васильевым, продолжал Аванесов. — Да кто нам разрешит эти эксперименты? Действующий механизм хозяйствования уже давно отработан, его и надо соблюдать. А вот второе ваше предложение реальное. Тем более если его воплощение связано с повышением категории треста. Это я поддерживаю.

— Следующий, пожалуйста... Мухтар Зейналович Асланов, главный инженер СМУ-4,— объявил Рустамов.

— А я не могу согласиться с тобой, Владимир Маркелович, хоть ты и ветеран. Я вот сидел и думал. На пятнадцать — двадцать, а кое-где и на тридцать процентов можно снизить стоимость объектов без ущерба для энергоснабжения. Это же здорово! Какая польза государству! Мы всегда должны помнить о социалистической бережливости. Деньги-то народные. Старый принцип «царева казна на поживу дана» давно из головы выкинуть надо! Вот тут Васильев нас критиковал. Поезжайте сегодня на любую брошенную сварочную площадку: ограды не сняты, болтов, штырей, всевозможных обрезков — тысячи. А ведь это труд наших людей, это материальные ценности. И все это в конечном счете списывается на себестоимость продукции. Мы бог весть как удорожаем наши электролинии уже за счет этого. А бензин! Целыми бочками бросают, лень погрузить при переезде, так как он уже списан. Чаше выливают бензин, а пустые бочки грузят. Получается, ищем, потом с таким трудом добываем нефть, а готовый бензин льем...

Слушал я Васильева и думал: действительно, надо начинать работать по-иному. Мы заразились практицизмом: давай план любой ценой, и чем дороже обходится продукция, тем лучше выглядят показатели работы. Я поддерживаю первое предложение. Надо решительнее требовать разрешения по-новому оценивать работу согласно проектно-сметной документации. Чем дешевле будет ЛЭП, тем лучше. Если это будет осуществлено на практике, то постепенно проектная стоимость объектов будет значительно снижена и прежде всего за счет применения более дешевых материалов. При этом хорошо бы сделать так, чтобы и проектировщики были заинтересованы в снижении стоимости строек. Их работа пока еще тоже оценивается в рублях.

Более десяти человек выступили на совещании. Большинство убедительно высказались за реальные планы. Надоело, говорили, выкручиваться, находить пути увеличения выработки в рублях... Эмоционально и убедительно выступил главный инженер треста Кеворков.

— Нам, инженерам, — доказывал Нерсес Сергеевич, — на каждом шагу приходится идти на сделку с собственной совестью. Даже для ЛЭП шесть киловольт

и линий телефонной связи опоры делаем из дорогого металла. Провода всюду медные. Из строящихся ныне объектов я лично не знаю, где применяется алюминиевый провод. Для трансформаторных будок используется самый толстый лист, который имеется в наличии в Кавказнефтеснабе. Вместо шести кирпичных столбиков полметра высотой, на которые с давних времен устанавливались эти будки, ныне сооружается весьма замысловатое устройство весом полторы, а то и две тонны металлоконструкций, именуемое фундаментом.

Особенно большие излишества допускаются при возведении временных сооружений. А если быть предельно откровенным, то многие из них не нужны, строятся только ради объема. Васильев справедливо тут говорил, что погоней за увеличением объема и выработки мы сами же создаем порочный круг: чем большего мы достигаем, тем выше новый план. Когда-то надо же назвать вещи своими именами и сделать соответствующие выводы! Поэтому мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы пробить наш проект, который реально отражает экономическое положение треста. Если же это не пройдет, то наименьшим злом является идея Васильева о новом цехе при заводе, так как повторный счет дает солидную прибавку и не требует дополнительного расхода материальных ресурсов. Короче говоря, этот вариант урона обществу не принесет, а трест выйдет из трудного положения. Возникнут, конечно, некоторые неурядицы в работе, поскольку бригады на сварочных площадках окажутся в двойном подчинении, но другого выхода я, по крайней мере, не вижу.

В заключение слово взял управляющий. Минут двадцать «озадачивал» руководителей, а затем развел руками:

— Если в ближайшее время объединение не одобрит наш проект, то нам ничего не остается, как создать при заводе цех легких металлоконструкций...

8

Год был завершен трестом на редкость удачно — содействовало тому создание нового цеха металлоконструкций... Плановые показатели выглядели отлично, постоянно имелся резерв фонда зарплаты. Вся эта деятельность развивалась под флагом углубленной специализации. Эти успехи не остались незамеченными.

В канун нового года трест был переведен в первую категорию, и Васильев был назначен заместителем управляющего трестом по экономическим вопросам.

Работа заместителя управляющего дала Васильеву очень много. Для него как-то заметно раздвинулись горизонты: если на уровне СМУ и завода потолком для него был трест, то теперь контакты за пределами треста стали обычным делом. Трест был связан практически со всеми нефтедобывающими и общестроительными трестами, предприятиями строительной индустрии, снабженческо-сбытовыми организациями, проектно-сметными институтами объединения. На заседаниях в объединении принимали участие руководители трестов и всех самостоятельных предприятий и организаций. Это дало Васильеву более полное представление о структуре объединения и его деятельности...

Харитонов уже несколько раз приглашал Васильева к себе домой, работа на заводе крепко сдружила их.

— Пощади, меня уж семья замучила, все хотят с тобой познакомиться. А тем более прослышали, что ты собираешься уезжать на учебу,— заговорил он при очередной встрече.

— Нет, не могу,— решил отшутиться Васильев.— Говорят, у вас дочь красавица. Боюсь красивых девушек.

Харитонов на шутку ответил шуткой:

— А ты можешь не опасаться, я отправлю ее с женихом на помощь бабушке в Бузавны. Там сад уродил, надо помочь.

— Ну что ж такое получается? Из-за меня родную дочь готов из дому спровадить? — усмехнулся Александр.— Нехорошо. Впрочем, шутки шутками, а времени остается мало, так что давайте в следующее воскресенье, не откладывая, и встретимся.

— Договорились.

...Осень на юге всегда пора изобилия. И это наглядно проявилось в назначенный день на столе Харитоновых, который они накрыли прямо во дворе. У них был собственный домик на окраине Закавказья. Двор, увитый виноградом, утопал в зелени настолько, что и контуры дома были почти неразличимы.

Гостя встретила жена Василия Семеновича. Очень простая и симпатичная женщина, довольно высокого роста. На голове аккуратно уложены прекрасные черные косы. В гостях у родителей оказался и сын лет

двадцати пяти, женатый. Молодая семья жила отдельно. А дочь Галя действительно оказалась прямо-таки красавицей.

Вскоре все сидели за столом. То и дело на нем появлялись новые блюда: южные, пикантные, соседствовали с деликатесами русской кухни. Постепенно завязался непринужденный разговор. И как бы того ни желали сами собеседники, речь все же витала вокруг заводских дел.

Харитонов спросил, что предпочитает пить Васильев.

— Сухое вино,— ответил Васильев.— После обеда я хочу посмотреть фильм «Тарзан», уж очень много о нем идет разговоров...

Харитонов принес из подвала домашнее вино. Васильев попробовал.

— О, изумительное вино. Его по праву можно назвать «харитоновским».

— Даже так, «харитоновским»! — засмутился хозяин.

— А вы не знаете, как винам дают названия? — Сидящие за столом пожали плечами, мол, не слышали.— Если вино хорошее, то его называют именем района, села, где оно производится, чтобы впредь прославляло данный район. Возьмите, к примеру, Цинандали, Гурджаани, многие молдавские вина... А если вино посредственное, то ему присваивается некое отвлеченное название: «Красный камень», «Черные глаза»... То есть такое, что никогда и не узнаешь, где и кто эту продукцию на свет произвел.

— Откуда у вас такие познания? Это интересно...— теперь полюбопытствовала уже Екатерина Александровна, жена Харитонова.

— Однажды попал на дегустацию, там много о винах рассказывали.

— Я ведь, знаете, почему спросила? — проговорила в ответ Екатерина Александровна.— Муж говорит, что он с вами целую академию прошел. Мол, даже пелена какая-то с глаз сошла. Стремился все время выпускать продукцию подешевле, и вышло — сам рубил сук, на котором сидел.

— А знаете, Александр Александрович, как мы выполняем план? — вмешался в разговор сын Харитоновых — Анатолий.

— Простите, а где вы работаете?

— Заместителем главного инженера авторемонтного завода. Вашего же объединения Кавказнефть...

— У каждого свои излюбленные пути выколачивания вала. Но что касается ремонтников, то мне представляется, у вас нет выгодных и невыгодных работ. Ведь вы имеете нормы разборки и сборки всех узлов по всем маркам автомобилей и в часах и в рублях. Какую работу выполнил, за такую и получай. Тут, по-моему, все ясно и просто! Вы, к примеру, не можете заранее знать, что и на каких машинах сломается, чтобы учитывать это в плане?

— Знать этого наперед, конечно, не можем, но тем не менее план нам утверждается заранее,— ответил Анатолий.

— В рублях?

— Конечно. Поэтому проблема выгодных и невыгодных работ у нас стоит еще острее, чем где-либо. В первое время многие вещи были для меня не совсем понятными. А после, когда папа «погорел» на снижении себестоимости опор, многое из того, что делается у нас на авторемонтном, прояснилось и для меня.

— Например?

— Машина, на которой надо заменить двигатель, как правило, обслуживается вне очереди, а машина, у которой полетел всего лишь подшипник или шестеренка коробки скоростей, может и месяц простоять. Почему? Догадываетесь! Да потому, что план нам утверждается в рублях и каждый год он увеличивается от достигнутого. В рублях планируется и выработка на человека. Чем она выше, тем выше и производительность труда. Фонд зарплаты у нас составляет тридцать четыре процента от объема выполненной работы. Если мы заменили двигатель — это сразу рублей сто шестьдесят для плана и полсотни в фонд зарплаты. Хотя фактически мы ее здесь расходуем в четыре раза меньше. Для замены толкателя, который стоит тридцать шесть копеек, или подшипника ценою сорок две копейки нам надо разобрать и собрать двигатель. Это сложная и очень трудоемкая работа. Она пожирает более тридцати рублей зарплаты, или девяносто девять процентов от объема выполненной работы. И чтобы свести концы с концами, мы, когда разбираем машину, мотор, стараемся попутно менять детали, которые в замене совершенно не нуждаются.

— Знакомая картина, — вздохнул Васильев. — Но ведь запчасти большой дефицит, вам разве выделяют их без ограничения?

— Ну, если говорить откровенно, то оформить по ведомости и фактически заменить — это не одно и то же. Ведь детали не номерные...

— Но тогда у вас могут образоваться большие излишки деталей и узлов?

— Многие детали и узлы мы сами готовим в нашем токарном цехе. Поэтому имеем практически неограниченные возможности ставить и то, что якобы изготовили у себя. Это нам особенно выгодно, так как стоимость таких деталей в план включается дважды — у токарей и у ремонтников. Бывали даже случаи, когда излишки запчастей выручали нас с планом сдачи металлолома...

В разговор вмешался Харитонов:

— Ну, что все насели на Александра Александровича с вопросами?..

— А вы, Галя, где работаете? — поинтересовался между тем Васильев.

— Я пищевой техникум окончила. Мне предлагали технологом, калькулятором... Папа отговорил. Пошла в цех, поставили помощником мастера, а сейчас уже мастер.

— Даже так! Мастер... Сколько же тебе лет, уж больно маловато для мастера.

— Ну, нет. Мне уже скоро двадцать исполнится.

— Мастер в двадцать лет. Это хорошо, молодец. ...После обеда Васильев с Галей ушли посмотреть «Тарзана». После кино, прогуливаясь по бульвару, между разговором о том о сем Галя сказала:

— Вы знаете, а я вас заочно так ненавидела, в вашем лице видела злейшего врага нашей семьи.

— Это почему же, я-то чего плохого вам сделал? — опешил Васильев.

— Я понимаю, что вы ничего плохого не сделали. Но если бы вы знали, как папа переживал, когда завод был в прорыве, когда его освобождали, даже страшно себе представить, как он переживал. Ходил туча тучей, и, конечно, мне его было жаль. Когда называли различных кандидатов в директора, папа был доволен, особенно если шли разговоры о солидных начальниках СМУ, которые много лет работали, с опытом огромным... Но когда вдруг назначили директором вас,

папа вне себя был. Он говорил, что дали, мол, какого-то юнца, опыта кот наплакал, подумаешь, в СМУ поработал три года, и уже на завод директором торопится. Тоже мне начальство, директора настоящего подобрать не могут. Я тогда возненавидела вас. А потом все само собой рассеялось. Папа много о вас хорошего рассказывал, восхищаясь вами... И я... почти в вас влюбилась...

— Ну и ну... — только и нашелся ответить Васильев.

Когда Галя и Васильев вернулись в дом, они застали там еще одного гостя: Аванеса Хачатуровича Геворкяна. Тот, широко улыбаясь, протянул Александру руку:

— Ну, здравствуй, директор, хотя теперь уже бывший. Рад тебя повидать. Я думал, ты уже в Москве...

Галя с Екатериной Александровной ушли готовить чай. Молодая чета Харитоновых с сынишкой собралась домой. И бывшая руководящая тройка завода на какое-то время осталась в прежнем составе.

— Извините меня, друзья, за откровенность, — начал Харитонов. — Все же что у нас получается? Мы же хозяева, у нас общественная собственность, и беречь каждую копейку мы просто обязаны! А мы разоряем родное государство. Как же так получается?.. А?.. Как только начинаешь работать, поступать по совести — сразу летишь в трубу. На себе испытал... Кто придумал систему показателей, что она не укрепляет нашу экономику, а порой и расшатывает? Меня это как коммуниста глубоко волнует. Вот вы, Александр Александрович, человек ученый и опытный, хотя молодой, и я бы в хорошем смысле слова добавил — из ранних. Я в некоторой степени вам завидую: вы отлично ориентируетесь в любой ситуации, находите выходы из труднейших положений. Я вас даже не осуждаю за придуманную вами «специализацию», за создание цеха для повторного счета стоимости металлоконструкций. Это крайний выход из положения. Не скрою, первый вариант был более разумным. Я бы сказал, честным. Почему же, по-вашему, в объединении его не приняли?

Васильев помедлил с ответом, затем уклончиво начал:

— На основе опыта нашего объединения не стоит делать широкие обобщения. Скажу откровенно, что и учиться я отчасти решил потому, что хочу все-таки докопаться до многих первопричин. Откуда взялась эта система учета объема производства и оценки рабо-

ты хозяйственных звеньев? Кому она выгодна? Это меня тоже волнует.

— И я думал об этом,— вступил в разговор Геворкян.— Мне очень понравился ваш доклад в тресте, но в нем не было ответа на эти вопросы.

— Да, Аванес Хачатурович, ответа я пока дать не могу, хотя давно его ищу. Перечитал Маркса, Энгельса, Ленина. Дело в том, что когда читаешь учебники и вообще литературу по планированию, то складывается такое впечатление, будто все делается чуть ли не по указаниям классиков. Их цитат даже в специальных экономических учебниках предостаточно. Отсюда и возникает порой такое ощущение, словно они расписали все и вся раз и навсегда, и нам остается лишь строго это выполнять, а если у тебя иные мысли вдруг возникли, значит, ты вроде бы отходишь от классиков...

— А разве это не так,— сказал Геворкян.— Вы же сами говорите, что есть высказывания классиков по вопросам экономики. Мы им следуем...

— На самом деле все обстоит несколько иначе,— начал объяснять Васильев.— В свое время социалисты-утописты пытались описать будущее коммунистическое общество во всех деталях и подробностях. А вот классики марксизма-ленинизма не только не пытались определить детали общественной жизни и управления производством, а, наоборот, постоянно подчеркивали, что их учение не догма, а руководство к действию и его следует постоянно развивать. Детальных разработок, как, по каким именно показателям планировать и оценивать работу хозяйственных звеньев заранее, не было и не могло быть. А я все хочу докопаться до их первоисточника. Поэтому я сейчас все больше склонен считать: это плоды руководителей хозяйственных ведомств, которые разрабатывают инструкции и нормативы. Очень часто приходится сталкиваться с руководителями других трестов, крупных управлений — и вижу отчетливо: по всему объединению идет погоня за рублем. Это меня, естественно, беспокоит. Если поступлю в аспирантуру, постараюсь серьезнее, глубже разобраться в различных методиках, принципах планирования. Ведь все не так просто...

— Вот и я иногда задумываюсь,— вновь вступил в разговор Аванес Хачатурович,— сколько это может продолжаться? Мы, например, пока еще можем каж-

дый год включать продукцию одного СМУ для повторного счета. Но ведь с каждым годом, хотим мы того или нет, затягиваем петлю на шее завода все туже и туже. Как трудно будет добиться прироста, когда двойной счет охватит все СМУ! Тогда процент будет составлять огромную сумму. И что дальше делать?..— Геворкян выжидающе посмотрел на Васильева.

— Я думаю, что к тому времени, когда вы исчерпаете все подобные, с позволения сказать, «резервы», поиск более правильных показателей и эффективных методов хозяйствования увенчается успехом... Я не так давно любопытную вещь встретил... у Дзержинского.

Как вы помните, с 1924 года Феликс Эдмундович одновременно был и председателем Высшего совета народного хозяйства. Тогда-то ему и пришлось столкнуться с этой проблемой. Вскоре после назначения Дзержинского председателем ВСНХ СССР он направил руководителю одного подразделения при ВСНХ Гинзбургу записку следующего содержания (Васильев достал из пиджака записную книжку): «В доклад о производительности труда необходимо включить и понятие о чистой продукции, то есть указать, что эту производительность определяет в отрицательную сторону и чрезмерный расход не только на подсобную силу, штаты и содержание лишних аппаратов, но и на топливо, сырье, материалы, орудия производства, поступающие на данный завод извне. То есть без экономии и рационального использования вышеназванного не может быть высокой производительности труда, понимая эту производительность как результат, поступающий в непосредственное потребление».

В августе 1924 года на Пленуме РКП(б) обсуждался вопрос «О политике заработной платы». В докладе предлагалось следить за соответствием роста зарплаты и производительности труда. Затем выступил Дзержинский. Одобрив положение об опережающем росте производительности труда против зарплаты, он говорил о негодном методе определения производительности труда. Рост производительности должен быть реальным, а не результатом «эквивалибристических номеров» с цифрами. После ряда конкретных примеров неправильного определения производительности труда он сказал... Цитирую:

«Здесь необходимо отметить еще один момент, который не учитывается многими хозяйственниками

и профессионалистами при определении высоты производительности труда. Когда мы берем всю нашу промышленность в целом и подсчитываем всю валовую продукцию, складывая продукцию каждой отрасли, складывая добытое топливо, руду, чугун и другое промышленное сырье с готовыми изделиями — как машины, паровозы, ткань, сапоги и т. д. — и полученную, таким образом, валовую продукцию делим на количество участников и получаем среднюю производительность труда на человека, то мы совершенно упускаем наше неэкономное, прямо хищническое обращение с сырьем, с топливом, с материалами. А по нашим подсчетам выходит, чем больше мы в воздух пускаем, тем больше у нас продукции, тем большая производительность. Мы вот эту всю расточительность не принимаем во внимание и не учитываем, и очень часто наша нефтяная промышленность, угольная, металлургическая и другие работают не на полезные предметы и изделия, а работают на то, чтобы другие пускали потом эту добычу в воздух».

А дальше произошел такой диалог. Один из участников Пленума, Шварц, с места спросил: «При чем же тут производительность?» На это Феликс Эдмундович ответил: «Если вы возьмете и сожжете дом, то что это будет, производительность или уничтожение ее? (Смех.) Если вы для того, чтобы произвести предмет, уничтожаете зря другие предметы, то вы этим сокращаете общую производительность? Если вы этого не понимаете, то экономика страны понимает это своим горбом». Тогда Шварц сказал: «Но вы путаете, производительность тут ни при чем». На что Феликс Эдмундович заявил: «Я буду очень рад, если Шварц выступит здесь и докажет, что чем больше тратить материала на предмет, тем больше производительности».

— Здорово сказано, — с восторгом отозвался Геворкян.

— М-да, — пробасил Харитонов, — глубоко подмечено. Чем больше мы металла, топлива и электроэнергии расходуем на продукцию, тем выше производительность труда. Чем больше строители разбрасывают на трассах наши изделия, разливают горючее, тем успешнее выполняют план... Ты прав, Аванес. Умные, пророческие слова. Никогда бы не подумал, что Феликс Эдмундович при его чрезмерной занятости еще так серьезно занимался экономическими проблемами.

— Как видите, эти проблемы возникли не сегодня...— продолжал Васильев.

В этот момент появились хозяйка с дочерью, принесли чай и домашние сладости. Екатерина Александровна воскликнула:

— Ну хватит, все о работе да о работе! Давайте-ка сменим пластинку.

— В таком случае,— сказал Васильев,— прошу Галю ответить на вопрос: чем отличается административный «треугольник» от геометрического?

— Представления не имею,— улыбаясь, ответила Галя.— А интересно, чем?..

— В геометрическом треугольнике тупой угол только один, а в административном могут...

— А у нас, наоборот, все три острые...

— О, какой пирог! — восхитился Васильев.

— Вы знаете, этот пирог необычный,— сказала Галя,— у него своя история: его любила делать Софья Андреевна Толстая. И раз секрет не мой, могу им похвалиться.— Галя положила на тарелку Александру огромный кусок золотистого, посыпанного крошкой пирога.

— Кстати, Галя, ну-ка объясните, почему в продаже мало пирогов и фруктовых тортов? — тут же поинтересовался Васильев.

— Потому, Александр Александрович, что возни с ними все же много, а он дешевый и выручки в рублях мало дает... Для продажи мы стараемся выпускать такие, куда входит больше жира и шоколада. Подороже, одним словом. Для плана это хорошо. Как и вы в тресте поступаете: чем дороже, тем лучше. Ведь у нас тоже план в рублях. Когда вы с папой разрабатывали схему, связанную с удорожанием вашей продукции, у нас примерно в то же самое время состоялось совещание у директора. Он приказал дешевые торты и булочки снять с производства и предложил подготовить что-либо взамен. Наши работники возмутились: с какой, мол, это стати булочки и пользующиеся повышенным спросом торты, пирожные вычеркивать из ассортимента! Тогда выступила я: а что вы шумите, вы ведь хотите зарплату получать вовремя, хотите, чтобы и премию вам начисляли? Видимо, нам план в рублях прибавили на следующий год?

Директор ответил: да, на десять процентов, надо запускать в производство изделия подороже...

После совещания директор попросил меня задержаться и спросил, откуда я знаю о том, что говорила. Я рассмеялась и привела печальной памяти пример, как мой папа пытался удешевить продукцию и что из этого в конце концов вышло...

Васильев внимательно посмотрел на Галю:

— Видали, какая умница. Далеко пойдете, Галя. ...А пирог у вас замечательный! Я думаю, что настал момент поднять тост за прекрасных хозяев этого дома, которые воспитали замечательных детей. За вас, Екатерина Александровна и Василий Семенович,— предложил он.

9

Через некоторое время Васильеву предстояло выступить с докладом о проблемах совершенствования системы планирования на занятиях партийной учебы руководящего состава объединения.

На занятии, как и обещал секретарь парткома, присутствовал Ибрагимов Рашид Сулейманович — начальник объединения. Полтора часа Васильев отвечал на вопросы, после лекции, в которой он затронул острые проблемы работы объединения. Когда баталия окончилась, Ибрагимов пригласил Васильева к себе. Провел его в комнату отдыха, а по пути в приемной попросил подать чай. Медленно, обдумывая каждое слово, Ибрагимов начал разговор.

— Доклад и ответы на вопросы мне очень понравились,— сказал он.— Главное достоинство, что все было построено на примере объединения. Сейчас в моде делать доклады и лекции в целом по стране или даже в мировом масштабе. А тут все конкретно. Это для работы полезно. Значит, решили дальше учиться?

— Думаю, в ином случае вряд ли бы вы со мной беседовали,— ответил Васильев.— Видимо, вам сказали, что лучше его выслушать здесь, иначе он будет ходить со своими идеями по министерским коридорам и кабинетам...

— Не совсем так, но неужели вы думаете, что можно изменить практику планирования? — спросил Ибрагимов.

— Такая мысль мне даже в голову не приходила.

— Но вы же разгромили наше планирование, и не скрою — во многом справедливо.

— Принципы планирования у нас верные, ленинские. Но вот порядок или пути осуществления этих принципов ныне не могут быть признаны удовлетворительными. Это я и пытался показать на примере объединения.

Ибрагимов, неторопливо помешивая ложечкой чай, спросил:

— А что, по-вашему, для этого надо сделать?

— Прежде всего планирование должно быть целевым, то есть средства должны выделяться под определенную продукцию, при этом оценивать работу организаций и предприятий следует по конечной продукции, а не по принципу: чем больше израсходовал ресурсов, тем лучше сработал! В процессе специализации происходит возрождение функциональной системы управления производством, справедливо осужденной партией.

— А в чем это выражается?

— Цель нашего объединения — добыча нефти, верно?

— Конечно.

— Но работа объединения оценивается по двум основным показателям — количеству добытой нефти в тоннах и объему валовой продукции в рублях. И на первом месте, конечно же, рубли. За тонны спрос строгий, но в основном административный, а недовыполнение задания в рублях ухудшает основные экономические показатели, включая снижение производительности труда и уменьшение фонда зарплаты. В объеме валовой продукции, кроме стоимости нефти и газа, включается и стоимость вспомогательной продукции, удельный вес которой достигает пятнадцати процентов. Ее же производят главным образом функциональные тресты и организации. И чем дороже она будет, тем лучше для выполнения плана объединения в рублях.

— Так вы хотите сказать, что именно мы, объединение, возглавляем и поощряем эту погоню за рублем? — В голосе Ибрагимова появились суровые нотки. — Верно я вас понял?

— Верно. Действительно... погоня за рублями выгодна не только нашим обслуживающим организациям, существующим за счет средств, выделенных для увеличения роста добычи нефти, но и объединению, так как при существующей оценке работы нехватку нефти в рублях вы можете компенсировать стоимостью дру-

гой продукции или объемом выполненных работ. Поэтому чем дороже обойдутся объекты — нефтяные вышки, линии электропередачи, подстанции, промысловые дороги и другие объекты, — тем выгоднее не только строителям, но и объединению.

— Интересно, Александр Александрович, ваши выводы только к нашему объединению относятся?

— Возможно, что не только, — вздохнул Васильев. — Но я, разумеется, изучал и анализировал материалы лишь нашего объединения и могу говорить только о нем. Возьмем, например, такое звено объединения, как Кавказнефтьснаб. Цель этого управления понятна: снабжать всем необходимым объединение Кавказнефть. А как на деле все обстоит? Дешевой мелочовки — шурупов, мелких гвоздей, инструмента — у них часто не бывает. Они копейки стоят. По несколько раз приходится просить, заказывать, добиваться. Они обещают, записывают. И все без толку. Но как только заказываешь кабель, медный провод и другие дорогие материалы, снабженцы проявляют такую прыть — смотришь, через неделю, месяц уже все готово, получай. Это все равно что в ресторане: заказ с коньяком, водкой подают быстро. Как только попросишь обед с минеральной водой — не дождешься. Почему все это происходит? Потому что Кавказнефтьснаб существует как бы сам по себе. Его работа оценивается по товарообороту. Чем больше через него пройдет дорогого оборудования, материалов, тем лучше он работает. Если же будет выполнять все наши заказы на мелочовку, то, считай, прогорит по всем статьям. То же самое можно сказать и об орсе. Ведь его работа оценивается не по качеству обслуживания рабочих, а по количеству рублей товарооборота.

Как видите, получается, что вспомогательные предприятия и организации нефтедобывающего объединения не заинтересованы в росте добычи нефти и снижении ее стоимости. Хотя парадокс — именно для этого они и созданы. Но у каждого из них свои функции, показатели, оценки. Судьба строителей зависит прежде всего от роста объема выполненных работ в рублях. Ремонтных предприятий — тоже от объема выполненного ремонта в рублях, транспортников — от тонно-километров, снабженцев и работников орса — от товарооборота в рублях. Всюду рубли, рубли... Таким образом, выделенные суммы для увеличения добы-

чи нефти расписываются по строчкам-функциям и зачастую используются неэффективно. Разве я не прав?

Ибрагимов молчал, потом как бы нехотя сказал:

— К сожалению, все это уже укоренилось и стало само собой разумеющимся. И ни у кого даже сомнений не вызывает.

— И тем не менее рано или поздно такой порядок придется менять, и чем раньше, тем лучше. Надо отказаться от излишней погони за валом, а на первое место поставить конечный продукт. Для объединения главное — тонны нефти и газа. И чем дешевле они будут стоить, тем выше должно быть поощрение. А действующие показатели оценки работы объединения стимулируют в первую очередь увеличение затрат в рублях, а не увеличение реальной продукции. За последние годы добыча нефти у нас заметно сокращается...

— Но это вполне закономерный процесс,— уверенно сказал Ибрагимов.

— Совершенно верно. Но тогда и объем в рублях должен соответственно уменьшиться, а он растет. Значит, затрат в рублях на каждую тонну приходится все больше и больше. Иначе говоря, каждая тонна нефти обходится обществу все дороже и дороже...

— Может быть, вы и правы,— медленно произнес Рашид Сулейманович.— А вот как это практически осуществить?

— Я думаю, надо узаконить в объединении подлинное единоначалие. Начальник объединения со своими службами должен стать полновластным хозяином выделяемых средств, отменить практику растаскивания их по строчкам-функциям согласно инструкциям, утвержденным многочисленными центральными ведомствами. Почему удельный вес расхода на зарплату от рубля вала устанавливается где-то далеко наверху? Разве им там виднее? А объединение должно лишь расписывать выделенную долю: всем сестрам по серьгам.

— Насколько я вас понял,— прервал Александра Ибрагимов,— вы полагаете, реальное осуществление принципа единоначалия означало бы, что начальник объединения, в данном случае я, должен оценивать работу всех подведомственных учреждений и организаций.

— Совершенно верно,— согласился Васильев.— Но самое важное заключается в том, что показатели для

этого должны выбираться в зависимости от специфики деятельности организации и конкретных условий, а не определяться где-то на верхних этажах хозяйственной пирамиды по единому шаблону для всех и вся. Если бы объединение не было заинтересовано в росте объема в рублях, оно бы более активно выступало за снижение издержек производства. Это позволило бы сэкономить солидную сумму...

В этот момент в комнату вошла секретарша Ибрагимова, поставила на стол новую порцию свежесваренного чая, халву, какие-то еще восточные сладости. Приветливо улыбнулась Александру и неслышно покинула кабинет.

Ибрагимов на правах хозяина вновь разлил чай и попросил Васильева продолжать.

— О чем это я говорил?... Ах да... На мой взгляд, все предприятия и организации объединения должны быть заинтересованы в снижении затрат. Часть сэкономленных средств должна идти на дополнительное поощрение предприятий и организаций объединения. Такое положение поставило бы всех в зависимость от количества и стоимости добытой нефти. И тогда функциональные организации и службы не только не гонялись бы за рублями, но и думали каждый на своем участке о сокращении материальных и трудовых затрат.

Снабженцы беспокоились бы не об увеличении оборота, а лишь об одном — как не допустить перебоя в работе обслуживаемых ими предприятий и организаций. Определение фонда зарплаты и уровня производительности труда в снабжении по обороту в рублях совершенно неверно. Одно дело — переработать на сто тысяч рублей лесоматериалов, и совсем другое — провода из цветных металлов, кабеля, тканей.

То же самое можно сказать и о транспортниках. Меньше всего их заботили бы тонно-километры. На первое место встала бы задача своевременной доставки всех грузов по назначению.

— Допустим... — Ибрагимов задумчиво покачал головой. — Но это вы все об объединениях говорили. А как ваши идеи применять на предприятиях?

— Особой разницы я не вижу, Рашид Сулейманович. Там тоже весьма прозрачно просматривается функционалка. Формально все подчиняются первому лицу, то есть директору, начальнику. Но при всем при том экономические возможности для маневрирования

у него весьма ограничены. Выделяемые предприятию средства, как правило, расписаны по строчкам, и за каждой строкой сидит ее «телохранитель» — функционер. Он и является ее хозяином. Если его строка расходовалась — хорошо работал, а если недорасходовал — плохо! Сверху расписано, сколько надо расходовать на рацпредложения, на подготовку кадров, на технику безопасности, на канцпринадлежности... Гораздо легче назвать, чем реально располагает единоначальник — фондом директора. Это примерно полпроцента от фонда зарплаты. Вот какой «рычаг» дало ему единоначалие в экономическом плане. Даже элементарных изменений в штатном расписании в пределах выделенной суммы он сделать без райфинотдела не может.

— Что так, то так, — подтвердил Ибрагимов. — Да вы, Александр Александрович, чаю-то выпейте, — заметив, что Васильев за разговором ни к чему не притронулся, предложил он. — Халву попробуйте, фундук, все свежее-свежее. Это Фатима постаралась, — с доброй улыбкой добавил он.

— Да, я сразу обратил на нее внимание. Обаятельная девушка. — И Александр невольно посмотрел на дверь.

— И не просто обаятельная, но еще и очень серьезная. На третьем курсе института учится. Фатима — дочь моего старого друга. — Ибрагимов погрузился, потом добавил:

— Он на фронте погиб, в самом конце войны, под Прагой. Фатима старшая, остальные ребятишки еще в школу бегают. Вот она и работает, чтобы матери помочь.

Рашид Сулейманович покачал головой, как бы стряхивая горькие, незаживающие воспоминания, и сказал:

— Вернемся к нашему разговору. Так что же, по-вашему, должно включать единоначалие на предприятии?

— Действительное единоначалие — это не только и не столько административное право нанимать и увольнять сотрудников, а прежде всего сосредоточение в руках руководителя экономических рычагов. Он должен быть полным хозяином средств, выделенных для обеспечения выпуска определенной продукции, и нести полную ответственность за их рациональное использование...

Завершая мысль, Александр сказал:

— Поэтому, Рашид Сулейманович, я и пытаюсь убедить вас в необходимости реального, а не формального единоначалия. Оно как раз и должно содействовать изменению порядка планирования и оценки работы подведомственных предприятий. Разве это нормально, что работу нашего орса оценивает Главурс, а работу снабженцев — Главснаб министерства? Главки присуждают им призовые места победителей, дают соответствующие премии, а они этим иногда прикрывают недостатки в своей работе? Никто не может лучше оценить работу подведомственных объединений предприятий и организаций, чем само объединение...

10

Васильев собирался в Москву. Воскресным днем он сидел у себя в квартире, разбирал книги перед отъездом. Он никого не ждал, и вдруг в дверь позвонили... Васильев не без раздражения отложил в сторону том, пошел на звонок, гадая: кто бы мог? А когда открыл дверь — отступил даже, изумленный:

— Галя?!

Галя Харитоновна, смущенная, раскрасневшаяся, но пытающаяся скрыть смущение торопливой и бойкой скороговоркой, тараторила в дверях:

— Здрасьте, Александралексаныч, а я рядом была, шла-шла, дай, думаю, загляну, вдруг дома, чаем угостит...

Васильев отступил в сторону, стараясь выглядеть галантным, повел рукой:

— Да что вы! Милости прошу...

— А чай будет? — уже не так смело, как вначале, произнесла Галя, войдя в комнату.

— Будет чай, и торт, кажется, есть... А вина хотите? Сухое, грузинское... — Он даже губами причмокнул, как бы показывая, что за нектар обещает, и Галя как-то облегченно засмеялась:

— Хочу! Тем более грузинское...

Пока кипел чайник, пока Васильев, оттеснив на пол книги, устраивал на столе нехитрую сервировку: чашки, разномастные блюда, половинку торта в картонной коробке, бокалы для вина, украдкой протертые от пыли краешком скатерти, — Галя, стараясь не обращать внимания на его застольные ухищрения, разглядывала книги.

— Сколько их у вас... И все прочли?

— И все прочел...

Подавая Галине книгу, Александр спросил:

— Читала?

Галина взяла книгу и прочитала: Каверин. «Два капитана».

— Да, она мне очень понравилась. Я ее читала, как говорится, запоем. Так интересно!

— Это моя настольная книга,— дополнил Васильев.

— А вы, кажется, тоже капитан? И тоже отправляетесь в поиск...— Галина подняла рюмку с вином и предложила:— За успешный поиск третьего капитана...

— Предлагаю за ваше счастье и успехи в жизни,— перебивая, предложил Васильев.

...После этой встречи, в оставшиеся дни до отъезда Васильева, Галя навещала его ежедневно... Неделя пролетела быстро. В последний вечер долго говорили... Васильев настоятельно советовал ей поступить в институт.

— Ты преобразишь всю свою жизнь, Галя. Ты молодая, умная, красивая. У тебя все впереди. Поступи обязательно. Чем выше человек восходит в познаниях, тем шире открываются ему виды — так утверждал один из великих умов России — Радищев.

— Обязательно поступаю...

— Советую пойти в пищевой, но не на технологический факультет, а на экономический. Технологию ты знаешь, новое — изучишь на практике, а экономический поможет тебе взглянуть на жизнь по-новому.

На следующий день Галина вместе с друзьями Васильева пришла на вокзал проводить его в Москву. Началась новая полоса его жизни...

ПОЧЕМУ, ПОЧЕМУ, ПОЧЕМУ...

Давно схлынул поток первых утренних посетителей. Близился вечер, уже расходились и те, кто пришел после обеда. Здесь сейчас будет потише — в первой читальне страны, в крупнейшей из ее трехсот пятидесяти тысяч библиотек. Стихнет шелест страниц, приглушенные разговоры, шаги — будто через комнату спящего человека. Затем, ближе к вечеру, это огромное здание вновь поглотит поток посетителей.

Посмотрев на часы, Васильев закрыл книгу, решительно встал и быстрым шагом направился в регистратуру. У самого входа он столкнулся с Егоровым.

— Я ему названиваю, всех знакомых обзвонил, а он тут в тиши разгуливается. А ну-ка, дай посмотреть, что ты читаешь, когда на душе черти канкан пляшут, — покровительственным тоном сказал Егоров.

Васильев подал книгу Егорову.

— «Жизнь двенадцати цезарей», — медленно читал Егоров. — С древними советуешься? Это полезно...

— Не тяни, говори.

— Пойдем присядем, — сказал Егоров и, взяв под руку Васильева, направился к свободным креслам в углу маленького овального зала.

— Ты не волнуйся. Я и стоя выдержу твоё сообщение. За полтора года канители я настроился на худшее, — подойдя к креслам, сказал Васильев. И тут же спросил: — Провалили?

— Не совсем, — усаживаясь в кресло, ответил Егоров.

— Как это понимать? — попросил уточнить Васильев.

— Не расстраивайся, операция провала твоей диссертации, считай, сорвана. Я уверен: все будет в порядке.

— Откуда такая уверенность? — уже более спокойно спросил Васильев.

— Как ты и предполагал, организатором канители является Арханов, — начал свой рассказ о заседании экспертной комиссии ВАКа Егоров. — Чтобы задать тон

обсуждению, он первым выступил на заседании с утверждением, что уровень твоей диссертации якобы ниже всякой критики, в практическом отношении никакой ценности не представляет, а отдельные ее положения просто несовместимы с марксизмом... Но тут его перебили: «Извините, Георгий Иванович,— обратился к Арханову мой шеф, которого я посвятил во все подробности ваших взаимоотношений,— а почему на ученом совете во время защиты диссертации вы говорили о высоком теоретическом уровне и большой практической ценности работы Васильева? Как понимать прямо-таки противоположную оценку одного и того же научного труда? И кстати, это не тот ли Васильев, которому вы во время защиты своей докторской выражали сердечную благодарность за помощь в сборе материала?..» Расчет шефа был верным. Остальную часть выступления Арханов посвятил оправданию своего поведения. И тогда председатель попросил шефа и еще одного члена совета основательнее ознакомиться с твоей работой и на следующем уже заседании решить ее судьбу...

— Огромное спасибо тебе, Андрюша, за заботу и внимание,— растроганно сказал Васильев.

Они еще немного посидели, потом Егоров заторопился, чтобы успеть просмотреть заказанную литературу, а Васильев, направляясь к выходу, размышлял: «Диссертация Арханова, в которой он пытается подвести научное обоснование отжившим, неэффективным методам хозяйствования, проходит на ура! Моя же попытка показать их несостоятельность на словах всеми признается и одобряется, а на деле встречает столько преград... Особенно обидно, что делается это зачастую не в честной, откровенной полемике на трибуне, а за кулисами, путем высказывания сомнений и подозрений, которые быстро обрастают всякими домыслами и становятся «общественным» мнением».

Мысленно вновь возвращаясь к своей работе, Васильев подумал о том, сколько еще возникнет трений по мелочам — никому не нужных, амбициозных, связанных с позицией, точкой зрения, уже однажды кем-то занятой, незаметно утвердившейся либо навязанной, а потому долгие годы господствующей, хотя и далеко не самой верной, не говоря уж о ее прогрессивном, новаторском содержании, которое отсутствует начисто. Сколько черной, именно черной, а не черновой работы

добавляет эта житейская, эта околонуточная, конъюнктурная, отнимающая массу сил и здоровья возня...

Васильев, как бы сбросив с себя груз неприятных мыслей, решил: «Все. Хватит об этом!»

Александр положил номерок на плоский барьер гардероба. Слева к барьеру прилип еще номерок... «Она, — вспыхнуло в его сознании. — Но кто же она? Какие мы все книжники, однако. Только нужный абзац, только нужная мысль, только искомый ответ в «айсбергах», «эльбрусах» и «монбланах» разложенных на столе монографий... А рядом с тобой такая девушка...»

— Товарищ... Возьмите пальто...

Гардеробщица выжидающе смотрела на него. Он извинился, подхватил свое легкое серое пальтишко, удобное для слякотной московской погоды...

А вот и она принимает пальто. Воротник и шапка — модный длинный мех...

— Позвольте помочь. — Откуда эта легкость пришла к нему? Больше года видел Васильев за своим постоянным столом в аспирантском зале Ленинки одну и ту же соседку. Лицо ее он узнал бы и из тысячи, доведись встретиться в городе. Узнал бы... А вот оно рядом.

— Спасибо, вы очень внимательны...

Голос соответствовал внешности. Мягкий, нежный овал чуть удлиненного лица, разве что излишне вздернутый нос, придающий всему облику капельку веселости, и глаза — голубые, просторные и светящиеся...

— Мы с вами давно знакомы, а между тем и незнакомы... Александр Александрович. Просто Александр, — поправился он. Васильев подал руку. И ощутил теплое пожатие узкой ладони.

— Меня зовут Ирина. Лаврентьева... — Она улыбнулась, и он подумал, что улыбки-то ее, открытой, невольно располагающей к себе, он еще не видел там, за столом, а скорее замечал ее просто в хорошем настроении.

— Может, побродим? — предложил Васильев.

— С удовольствием, — ответила Ирина.

Они прогулялись в Александровском саду, затем прошли на улицу Горького. Разговор вначале не клеился. Они задавали друг другу ничего не значащие вопросы, и каждый чувствовал, что говорит не то и не так. Незаметно дошли до Советской площади. Справа чернела фигура всадника — основателя города. Слева

хорошо освещаемое красивое здание Моссовета. Лаврентьева засмотрелась на дом, словно впервые попала сюда. Потом сказала:

— Он стоял на двенадцать метров ближе к оси улицы. На целых двенадцать. Затем мостовую стали расширять, и дом... передвинули. Целехоньким. Думаю, известный вам факт.

— Да, в общем-то.

— В свое время этот дом принадлежал губернатору Москвы Долгорукому, однофамильцу основателя, а может, и дальнему потомку. В то время в Москве проживал известный жулик или аферист международного класса — Штайнер. Он был вхож в дом губернатора. Однажды он появился здесь на приеме, и не один, а, по его словам, со своим приятелем — известным английским лордом. Штайнер объяснил губернатору, что сей знатный господин заинтересовался домом и хотел бы подробнее осмотреть его планировку, кабинеты, комнаты. Губернатор великодушно распорядился показать лорду помещение во всем его блеске и богатстве. Лорд ни единого слова не понимал по-русски, и Штайнер сам отвечал на его вопросы, по-своему переводя ответы тех, к кому обращался иностранец.

Вскоре Штайнер исчез из Москвы. И кажется, навсегда. Все бы ничего, но через пару месяцев к губернатору пришел представитель лорда и был очень удивлен, что дом до сих пор еще не освобожден... Он предъявил купчую на губернаторский дом. Разразился грандиозный скандал — ведь лорд уплатил Штайнеру за дом свыше ста тысяч золотом. Губернатор пожаловался царице, но та только высмеяла его, сказав, мол, как же тебе город можно доверять, коли у тебя из-под носа украли собственный дом. Во избежание дальнейшей огласки, нежелательных пересудов губернатор постарался замять эту историю, но ему пришлось возместить злополучные деньги...

— А вы, между прочим, прекрасная сочинительница.

В голосе Ирины прозвучала нотка обиды:

— Ошибаетесь, я ничего не сочиняла, этот эпизод прочитала у Гиляровского.

Помолчала, потом добавила:

— Мне очень нравится Гиляровский! И писатель оригинальный, и журналист отличный — все вместе. А

сколько он написал о Москве! Если хотите, могу дать вам почитать его книги...

По просьбе Васильева Ирина подробно рассказала о Гиляровском — о его скитаниях по России, об унижениях, которые он терпел от антрепренера, будучи провинциальным актером, об участии в русско-турецкой войне и о том, как он в конце концов «выбился в люди», что стоило ему невероятных усилий.

Александр, изумленный ее памятью, из которой она, казалось, могла извлечь любой когда-либо прочитанный или услышанный факт, молчал.

— Я вас не утомила? — забеспокоилась Ирина.

— Да что вы. Так интересно...

— А вы знаете историю, что приключилась здесь много лет назад? — неожиданно рассмеялась Ирина, указывая сквозь витрину на сверкающие люстры филипповской булочной.

— Нет. Может, найдем?

— Пойдемте, там хороший кофе. Об этом случае я тоже прочитала у Гиляровского. Властному генерал-губернатору Закревскому каждое утро к чаю подавали горячие сайки от Филиппова. «Эт-то что за мерзость! Подать сюда булочника!» — закричал он однажды. Слуги, не ведая, в чем дело, притащили к нему перепуганного хлебопека. «Эт-то что?» — заорал губернатор, сунув под нос Филиппова сайку с запеченным тараканом. «И очень даже просто, ваше превосходительство, — поворачивает перед собой сайку старик, — это изюминка!» И съел кусок с тараканом. «Врешь, мерзавец! Разве сайки с изюмом бывают? Пошел вон!..» Влетел Филиппов в пекарню, схватил решето изюма да в саечное тесто, к великому ужасу пекарей, и вывалил. Через час Филиппов угощал Закревского свежими сайками с изюмом, а через день от покупателей отбою не было. Вот такая история у наших булочек, — засмеялась Ирина.

— Вы наверняка изучаете историю?

— Не совсем, я закончила институт внешней торговли. Но за границу направляют чаще всего семейных, и мне пришлось расстаться со своими первоначальными планами. Немного поработала во Внешторге и поступила в аспирантуру. Теперь занимаюсь историей политической экономии социализма...

Они шли по улице Горького, не замечая вечерней толчеи.

— Теперь налево,— вдруг сказал Ирина, когда они достигли площади Маяковского,— и через пять минут я дома.

— Так быстро? — искренне огорчился Александр.— Я понимаю, вас, наверное, дома заждались? Вы ведь с родителями живете?

— С мамой,— ответила Ирина.— Папа умер год назад...

— Я могу вам позвонить? — наконец осмелился Александр.

— Да, конечно. Меня легче застать дома утром, вечера я часто провожу в Ленинке.— И Ирина назвала номер...

Они встретились на следующий день. На этот раз Ирина предложила маршрут по старым арбатским переулкам. Она показала дом, где жили сестры из «Хождения по мукам», известную Медведевскую гимназию, дом декабристов. Васильев слушал Ирину с удовольствием.

— А почему вы заинтересовались политэкономией, а не историей как таковой? — спросил он.

— История политической экономии пока еще мало исследована. Занимаясь этой проблемой, я узнала очень много интересного...— По тому, с каким подъемом произносила эти фразы Ирина, чувствовалось, что она действительно «больна» выбранной ею темой.

— А у вас не сложилось мнение, что в этой науке все ясно и никаких проблем?

— Что касается проблем, то без них наука окажется «безработной». Политэкономия отвоевывала свое право быть наукой. Ведь в двадцатые годы у нас господствовала точка зрения о том, что социализму эта наука вообще не нужна...

— Почему?.. Я читал, правда, что в двадцатые годы и даже тридцатые годы многие экономисты отрицали действие при социализме объективных экономических законов. Но, чтобы отрицать науку в целом — это, конечно, слишком...

— И тем не менее...

— И даже при жизни Ленина? — поинтересовался Александр.

— Представьте, что так оно и было...

— А как это могло случиться?

— Теоретической базой отрицания политической экономии социализма, по-моему, было влияние идеа-

листического учения неокантианцев о несовместимости объективного закона и сознательно поставленной цели. Наиболее рьяным противником этой науки был Бухарин, труды которого в ту пору широко распространялись. Он утверждал, что «конец капиталистического товарного общества будет и концом политической экономии».

В 1925 году в Коммунистической академии проходила дискуссия, на которой с докладом выступил Скворцов-Степанов. В частности, он сказал: «В последнее время мы переживаем любопытную полосу ослепления известной предвзятостью... Начиная с элементарных кружков политграмоты и кончая коммунистическими университетами, у нас уже около четырех лет повторяют как прочно установленную истину, будто марксистская политическая экономия есть теория только капиталистического общества. Невыразимая нелепость подобных утверждений не бьет в глаза ни авторам, ни читателям, делает их слепыми к подобной чепухе...»

К сожалению,— продолжала Ирина,— справедливые доводы Скворцова-Степанова повисли в воздухе. Талантливый и смелый ученый поддержали лишь два человека. Да, всего двое...

Поэтому один из участников дискуссии, Д. Розенберг, с полным основанием писал, что после дискуссии отрицание политэкономии приобрело характер догмы...

— И кто же осмелился в конце концов посягнуть на эту догму?

— Толчком к наступлению на «невыразимую нелепость» послужил изданный в 1929 году одиннадцатый сборник Ленина, где впервые были напечатаны его знаменитые замечания на книгу Н. Бухарина «Экономика переходного периода». В них Владимир Ильич отмечал, что бухаринское определение политической экономии — это «шаг назад против Энгельса». На тезис Бухарина «Итак, политическая экономия изучает товарное хозяйство» Ленин возразил: «Не только!» Политическая экономия как наука, утверждал он, будет существовать и дальше, даже в чистом коммунизме.

С этого и начинается признание этой науки. Многие для этого сделал Николай Алексеевич Вознесенский. Он ставил вопрос ребром: нужно ли и пора ли разрабатывать теорию социалистической экономики? И тут же отвечает: «Несомненно, и нужно, и пора взяться за выполнение этой задачи». В 1931 году его статья публику-

ется в журнале «Большевик». Он один из первых советских экономистов употребил термин «политическая экономия социализма». Но дело не только в термине. Ученый обосновал это понятие, развил интересные и прогрессивные по тому времени идеи...

— А разве политэкономия не преподавалась в институтах в двадцатые годы? — поинтересовался Васильев.

— Преподавалась. Но как наука, изучающая только капитализм. Правда, в конце курса преподаватель по собственному усмотрению мог давать студентам некоторые сведения и о социализме... Как заметил один ученый, преподавание политэкономии социализма велось в «благотворительном порядке». О недостатках в преподавании политэкономии написал записку в ЦК Яков Аркадьевич Яковлев. В свое время он заведовал отделом ЦК партии по сельскому хозяйству, был наркомом земледелия, возглавлял Колхозцентр. С запиской познакомили Сталина. Он согласился с доводами и предложениями Яковлева. И тогда ЦК ВКП(б) принял решение о перестройке преподавания политической экономии. В нем указывалось на ошибочность сложившихся взглядов и намечались меры по устранению недостатков.

Недавно в архиве Института экономики я натолкнулась на стенограмму совещания преподавателей вузов в ноябре 1936 года, на котором обсуждалось то решение ЦК партии. Выступая на нем, К. В. Островитянов сказал:

«Нам необходимо сдвинуть тяжелый воз политэкономии с абстрактно-схоластических рельсов на конкретно-исторические, чтобы наши учебники и программы, как сказано в решении ЦК, воспитывали действительно ненависть к капитализму, а не ненависть к авторам этих учебников...»

Однако издать учебник по политической экономии социализма до войны не успели. К этому активно приступили после войны. Проект учебника, подготовленный авторским коллективом, обсуждался на ноябрьской экономической дискуссии 1951 года. Ознакомившись с материалами дискуссии, И. Сталин высказал свои «Замечания», которые впоследствии были опубликованы в брошюре «Экономические проблемы социализма в СССР». Эта работа и была положена в основу первого, скажем прямо, долгожданного учебника поли-

тической экономии социализма. Издали его, если вы помните, в 1954 году...

А не хватит ли нам об истории политэкономии говорить? Расскажите о своей диссертации. Она ведь посвящена будущему... Я читала в последнем номере журнала «Народное хозяйство» вашу статью о совершенствовании показателей. Она мне понравилась...

— О, моя тема более чем прозаична. По-научному называется так: «Совершенствование системы показателей планирования и оценки работы производственных коллективов».

— А почему вы говорите, что «по-научному»? Разве диссертации бывают ненаучные?

— Бывают иногда, но у них очень наукообразные названия, да и стиль такой, что до сути добраться далеко не каждому дано. Вы знаете, как по неопытности я назвал первоначально свою тему?

— Как?

— «Почему: чем дороже, тем лучше?» Меня чуть на смех не подняли... Теперь я понимаю, что это было не совсем серьезно.

— Для диссертации такое название, конечно, не подходит. А почему вы так хотели ее назвать?

— Под впечатлением момента. Я тогда сформулировал вопросы, на которые стремился найти ответ, и прикрепил их над письменным столом. Друзья окрестили листок «поминальником»...

— Что же представляют собой эти вопросы? — спросила Ирина.— Назовите хотя бы те, что запомнили.

— Почему удорожание продукции содействует выполнению и перевыполнению плана и ведет в передовики, а удешевление ее, наоборот,— к срыву плана и в отстающие?

Почему удорожание продукции повышает производительность труда, увеличивает фонд зарплаты и сумму премий, а удешевление снижает их?

Почему предприятиям порой невыгодно осваивать новую технику и товары, которые дешевле и легче уже освоенных?

Почему зачастую плановые задания не полностью обеспечиваются материальными ресурсами?

Почему коллективы не заинтересованы в составлении напряженных планов и повышении качества работы?..

— Вопросы, откровенно говоря, интригующие...

— Но они, как видите, отражают суть предложенного мною заголовка. А таких «научных» названий, как мне порекомендовали, много, и поди в них разберись... Да, собственно, и сделаны они зачастую на одну колодку.

— Вы давно защитились?

— В прошлом году.

— Поздравляю, хотя и с опозданием.

— Наоборот. Еще рано.

— Как это понимать? — удивилась Ирина.

— Полтора года мою диссертацию, которая базируется на материале, накопленном во время работы в строительстве и на заводе, маринуют в ВАКе. Я пытаюсь доказать, что показатель «валовая продукция», или, как его именуют, просто вал, непригоден не только для оценки работы производственных коллективов, но и для определения стоимостного объема производства.

— Этот показатель все время критикуют. Неужели от него так много зависит, что ему уделяется столько внимания? — поинтересовалась Ирина.

— Слишком много. Этот показатель, подобно метру или весам, когда речь идет о расстоянии или весе, является измерителем нашей экономики. Объем производства этот показатель измеряет рублями, которые являются отражением расхода материальных, трудовых и финансовых ресурсов. В результате складывается такая ситуация: чем дороже выпускаемая продукция, тем больше рублей и успешнее выполняется план. Снизив издержки производства, коллектив может оказаться в экономическом затруднении.

Одним из основных направлений технического прогресса, как вы знаете, является специализация и кооперирование производства. Расширение этого процесса объективно ведет к тому, что многие заводы пятьдесят-семьдесят и более процентов стоимости выпускаемой продукции получают со стороны в виде материалов, полуфабрикатов и узлов. В результате происходит двойной, тройной и так далее счет стоимости одних и тех же материалов и полуфабрикатов. Чем больше таких поворотов, тем больше получается по отчетам объема производства. Однако реальной продукции от этого не прибавляется. Измерение стоимостного объема производства с помощью валовой продукции образно можно сравнить с гириями и метрами, ко-

торые в действительности на пятнадцать, а порой на тридцать и более процентов меньше их реального обозначения. Как, по-вашему, можно определить вес или расстояние с помощью столь недостоверных измерительных приборов?

— Думаю, что нет.

— Тем не менее на базе валовой продукции определяется объем производства и темпы его роста. Поэтому сокращение повторного счета, так же как и удешевление продукции при сохранении ее выпуска в натуральном выражении, ведет к искусственному падению темпов роста производства и производительности труда. Положение усугубляется тем, что показатель валовой продукции постепенно, спонтанно превратился в директивный оценочный показатель. В различных формах вал проник во все поры нашей экономики: в промышленности — валовая продукция, в строительстве — объем строительно-монтажных работ, на транспорте — тонно-километры, в сельском хозяйстве — валовой доход, в торговле и снабжении — товарооборот...

Когда вы говорили, что отрицание политэкономии социализма Скворцов-Степанов назвал «невыразимой нелепостью» и возмущался тем, что она «не бьет в глаза ни авторам, ни читателям и делает их слепыми к подобной чепухе», знаете, какая мысль мне пришла?

— Какая?

— О второй «невыразимой нелепости»...

— Имеется в виду вал?

— По-моему, он вполне может удостоиться такой чести. Противоречия личных и коллективных интересов тут налицо. Для удовлетворения разносторонних потребностей трудящихся с разным уровнем дохода нужны дорогие, средние и дешевые товары одинакового назначения. Предприятиям же дешевые производить невыгодно. Ради роста объема производства в рублях дешевый ассортимент постепенно «вымывается». За счет расширения дорогих изделий объем в рублях растет, а в штуках и метрах сокращается, что ведет к неполному удовлетворению спроса по таким изделиям и является первопричиной возникновения дефицитов.

— То, что работники заводов и фабрик выигрывают как производители товаров в зарплате и премиях за увеличение выпуска продукции в рублях, потом проигрывают, покупая дорогие товары вместо дешевых,— вставила Ирина.

— Создается такая ситуация,— продолжал Александр.— В результате снижения издержек производства, то есть затрат в рублях при сохранении и даже росте продукции в натуральном выражении, по отчетам выглядит как ухудшение работы.

— Почему? — удивленно спросила Ирина.

— Если увеличение выпуска изделий произойдет за счет более дешевых новинок, по отчетам произойдет снижение темпов роста производства и производительности труда. Разве это нельзя назвать «невыразимой нелепостью»? Но почему-то она «не бьет в глаза» поклонникам вала?!

Васильев все больше увлекался рассказом, а Ирина с интересом слушала его.

— Сложилась довольно парадоксальная ситуация. Теоретически все единодушны, что при социализме товарно-денежные категории играют подчиненную роль. Это записано и во многих решениях, и во всех учебниках... А практически почти всюду — от автомобильно-строительного гиганта до киоска «Союзпечати» — господствует вал, который не может с должной достоверностью отражать реальное состояние и динамику развития экономики.

Все это наводило меня на бесконечные размышления, порождало много безответных «почему, почему?».

Тогда я решил обстоятельно исследовать исторический процесс становления системы показателей учета, планирования и оценки работы социалистических предприятий и отраслей народного хозяйства. Меня особенно интересовало, когда и почему валовая продукция стала измерителем «объема производства» и основным директивным показателем? Предлагались ли другие показатели? Какие и почему они были отвергнуты? Корооче говоря, я задался целью отыскать, кто и когда узаконил господство вала.

— Почему вы избрали путь кустаря-одиночки? Надо было обратиться на кафедру статистики и планирования, и там бы вам все это запросто разъяснили. Ведь для них это дважды два! — удивилась Ирина.

— Я обращался ко всем ведущим специалистам, но эти вопросы у них, кроме удивления, ничего не вызвали. Они считают, что существующее положение не должно вызывать сомнений: чуть ли не классиками марксизма-ленинизма предписано. Поэтому буквально засыпали меня цитатами Маркса и Ленина. Не смей-де

думать иначе... Но я к этому времени уже точно знал, что классики тут ни при чем.

— Вот как?

— Я самым внимательным образом перечитал все работы Ленина и не обнаружил в них даже малейшего стремления предсказать методы учета объема производства, показатели планирования и оценки работы хозяйственных звеньев. Окончательно в этом убедился после того, как прочитал такое указание Ленина. «...Вся организация ЦСУ неправильна,— писал В. И. Ленин управляющему ЦСУ Попову 16 августа 1921 года...— Прошло почти 2½ месяца со времени моего письма от 4/VI. 1921 — все остается по-старому. Недостатки те же... Еще раз обращаю внимание Ваше на неправильность этого и необходимость ускорить работу *переорганизации* ведения дела в Центральном статистическом управлении».

И далее Владимир Ильич требовал от ЦСУ и Госплана выработать показатель оценки всего нашего народного хозяйства. При этом он советовал учесть, как составляет эти «числа-показатели» заграничная статистика. К сожалению, письмо Ленина от 4 июня 1921 года не разыскано. А в нем, судя по ссылкам, содержались его пожелания.

Продвигался я очень медленно, особенно вначале. И тем не менее в каждой книге или журнальной статье находил что-то неожиданное либо получал «наводку». Так, в первом номере журнала «Проблемы статистики» за 1926 год я прочитал: «Интересна в этом отношении ведшаяся в печати в конце 1923 и в 1924 году полемика об учете продукции».

Оказывается, в конце 1922 года проходил третий Всероссийский съезд статистиков, и в докладе на нем отмечалось, что в вопросах учета продукции существует несогласованность. На основе одного и того же статистического материала объем продукции определяется в разных размерах. На эту тему в печати началась дискуссия. Многие экономисты убедительно доказывали, что «валовая продукция не дает сколько-нибудь близкого представления о достигнутых промышленностью результатах, так как один и тот же вид сырья неоднократно повторяется». По мере развития специализации в результате повторного счета готовых деталей и узлов искажение реального объема продукции будет увеличиваться, поэтому наряду с определением

валовой продукции на съезде предложили определять и чистую продукцию.

— А что это за показатель? — поинтересовалась Ирина.

— Чистая продукция — это валовая продукция за вычетом материальных затрат. Ее применение устраняет повторный счет стоимости сырья и материалов и поэтому более объективно отражает реальный объем конечной продукции предприятия, отрасли. Мне удалось установить, что в двадцатые годы предпринимались и практические шаги к исчислению чистой продукции... Более того, я изучил и зарубежный опыт. Например, в США показатель, соответствующий чистой продукции, называется «добавленная или приращенная стоимость». Он применяется с середины прошлого века. Широко применяется такой показатель и в европейских капиталистических странах.

Экскурс в историю формирования хозяйственного механизма, — продолжал Васильев, — подковал меня в теоретическом и методологическом отношении. Я опубликовал в газете «Экономика и жизнь» статью «С позиций предприятия». Она, собственно, и предредила мою дальнейшую судьбу.

— В каком смысле?

— Статья вызвала большой поток откликов. Редакция организовала на страницах газеты обсуждение затронутых в ней вопросов. А я к этому времени в аспирантуре оказался не у дел... И по сути дела, наравне со штатными работниками редакции полностью сосредоточился на подготовке материалов обсуждения.

— А найти вам не удалось? — спросила Ирина.

— Кого найти?

— Вы же сказали, что пытались найти, кто и когда узаконил господство показателя валовой продукции.

— Ах да! Я самым тщательным образом изучил постановления правительства и ничего подобного в них не нашел. Поэтому у меня сложилось такое убеждение: вал — это самозванец на экономическом престоле. Пробрался туда, как говорится, тихой сапой, а закрепить и упрочить власть ему удалось благодаря многочисленной рати отраслевых и междуведомственных инструкций, положений, указаний и прочих нормативных актов, узаконивающих и прославляющих его величество...

— А как понимать ваши слова «в аспирантуре не у дел»?

— Я на полгода раньше срока сдал научному руководителю профессору Сергеевой диссертацию. Но она мне посоветовала не защищаться досрочно, а идти по графику.

— Почему?

— Объяснила, что члены ученого совета не любят «выскочек». Мол, они более благосклонны к опаздывающим — создается впечатление, что последние глубже вникли в проблему. А «досрочников» часто прокалывают. О диссертации она отзывалась положительно, однако морально на всякий случай готовила меня к провалу, даже рассказала о защите Барковской. Вы знаете Барковскую?

— Знаю.

— А историю ее защиты?

— Я слышала, что она дважды защищала докторскую.

— Не дважды, а трижды! Барковская, будучи членом ученого совета, часто критиковала слабые диссертации. Но ведь за каждой диссертацией, кроме аспиранта, стоят научный руководитель, кафедра и, наконец, официальные оппоненты. Своим поведением Изольда Аркадьевна снискала довольно заметную неприязнь, хотя никто не мог отрицать того, что она способная, более того — талантливая как ученый. Десять с лишним лет по ее учебнику — математической статистике — учатся в вузах, он выдержал пять изданий. И вот, когда она защищалась, на ученом совете в ее адрес раздавалось очень много хвалебных слов, все шло прекрасно. Но когда подсчитали голоса, оказалось — только два «за» и двое воздержались, остальные — «против». Но самое интересное — на ученом совете выступили шесть его членов, которые хвалили диссертацию, шесть! А проголосовало «за» только два... Она была потрясена, начала писать везде и всюду о беспринципности совета... Через год вновь вышла на защиту, результат чуть-чуть улучшился — шесть «за». Кое-кто для проформы начал ее критиковать. После этого Барковская махнула на все рукой и защитилась в другом институте.

— Так что же, и у вас есть недоброжелатели?

— Хватает! Один Арханов чего стоит! Он заместитель заведующего кафедрой организации и управления

производством в институте. Мы с ним познакомились, когда я был еще студентом-заочником, а он приезжал к нам в Закавказск читать обзорные лекции и принимать экзамены. Поначалу вроде бы сложились даже приятельские отношения... Но после моего выступления на ученом совете, когда он защищал докторскую, все разом изменилось.

— Почему?

— По его просьбе я прислал ему для докторской большой фактический материал по строительству в Закавказье, но он сделал из него неправильные выводы...

— А может быть, он не смог разобраться в вашем материале? Вы не пытались с ним переговорить?

— Разобрался он прекрасно. Я говорил, конечно, с ним до защиты. Именно поэтому и выступил...

— А каковы результаты голосования у него?

— Два «против» и один воздержался. Сразу же после защиты Арханова Сергеева посоветовала, чтобы я больше не «вылезал» на советах. Защитишься, мол, сам — тогда пожалуйста. А пока сиди и не высывайся. Как в воду глядела: к моменту моей защиты Арханов стал членом ученого совета.

— Интересно... А как прошло у вас голосование?

— Еле-еле, всего один голос перевесил. А выступившие, как и принято, говорили много хорошего. Особенно долго и красноречиво выступал Арханов. Вспомнил наше давнее знакомство. И закончил тем, что моя диссертация лишний раз подтверждает — в аспирантуру надо брать побольше практиков, они, дескать, люди целенаправленные. В общем, дифирамбов было много, а голосов оказалось мало. Более того, как теперь выясняется, в ВАКе против моей диссертации выступил — кто бы вы думали? — не кто иной, как Арханов, и только благодаря его «заботам» диссертация моя до сих пор не утверждена. Вот как бывает.

— М-да, извилистая у вас тропинка в науку... А как вы оказались в редакции?

— Шло обсуждение моей статьи, меня попросили систематизировать и подготовить наиболее интересные отклики для печати. Я это делал с большим интересом, не подозревая, что дублирую работу отдела планирования. И как потом выяснилось, материалам, подготовленным мной, редколлегия отдала предпочтение. Когда я защитился, в редакции была введена должность еще

одного заместителя главного редактора. Предложили мне... Я ссылался на отсутствие опыта редакционной работы, но в ответ услышал, что в составе редакционной коллегии достаточно опытных журналистов, а вот экономистов, тем более с практическим опытом, нет. Так я стал журналистом...

— Экономистом-журналистом,— поправила Ирина.

В последующие недели Александр с Ириной просмотрели репертуар многих московских кинотеатров, побывали на премьерах в театрах. От приглашений в рестораны Ирина решительно и непреклонно отказывалась. И они по-прежнему долгими часами кружили по городу, выбирая наиболее интересные места старой Москвы. Незаметно перешли на «ты»...

Александр познакомил Ирину со своими друзьями и в первую очередь с Павлом Мироновым. Павел с женой Настей и ее сестрой Ольгой постоянно были «охранниками» квартир преподавателей, уехавших на работу в загранкомандировку. В тот год они «охраняли» трехкомнатную квартиру профессора, работавшего в Китае. Квартира находилась в одном из арбатских переулков. Ирина любила бывать в этом гостеприимном доме. Павел подкупал ее своей добротой, искренним гостеприимством.

Вскоре Ирина знала уже всех завсегдатаев этой уютной квартиры — Андрея Егорова с женой Машей, Ваню Петрова — высокого молодого человека, застенчивость которого совсем не вязалась с его броской спортивной внешностью. Оля и Ваня были бывшими одноклассниками. Год назад они закончили школу, и теперь Ваня был студентом-экономистом, а Оля работала медсестрой и готовилась вторично «штурмовать» Первый медицинский... Ваня был верным Олиным поклонником, влюбленным в нее еще со школьной скамьи.

Большинство друзей Павла были экономистами, и с чего бы ни начинался разговор, он неизменно приходил к тому, что их больше волновало и тревожило, — их работе. Напрасно Настя умоляла переменить тему беседы, угрожая, что, если они не перестанут превращать свои встречи в дискуссионно-экономический клуб, она разведется с Павлом. Эти шуточные разговоры только оживляли атмосферу.

Ирине пришелся по душе Женя Лазарев. Он был лет на пять младше остальных, потому и относились в компании к нему ласково, чуть снисходительно. Его

успехами гордились, неудачи переживали... Женя был родом из саратовской деревни. Павел и его друзья всячески опекали Лазарева, в то же время порой, как они сами говорили, «эксплуатировали» его. В очередь за колбасой и хлебом бегал Лазарев, он же постоянно помогал Павлу в его вечных переездах с квартиры на квартиру. Все это он делал безотказно и даже с радостью, всегда предлагал свою помощь. А уж когда аспиранты получали спецстипендию для литературы и по этому поводу на квартире у Павла устраивали пир горой, главным организатором, интендантом выступал, конечно, Лазарев.

Реже других бывал у Павла Илья Денисов. Он был неистощимым весельчаком, хорошо знал литературу, пробовал и сам писать. После института несколько лет работал за рубежом. Вместе с практическим опытом работы приобрел вкус к спиртному.

Однажды Илья с шумом ворвался к Павлу и, грохнув о стол винными бутылками, провозгласил:

— Хозяин, неси стаканы. Пить будем.

Все оторопели от столь бурного явления Денисова. У Павла пили редко, в основном по праздникам или в дни рождения... И на тебе...

Александр поинтересовался:

— А что, собственно говоря, произошло?

А Егоров с выражением продекламировал свою излюбленную эпиграмму одного английского поэта:

Для пьянства есть такие поводы:
Поминки, праздник, встреча, проводы,
Крестины, свадьба и развод,
Мороз, охота, Новый год,
Выздоровленье, новоселье,
Печаль, раскаянье, веселье,
Успех, награда, новый чин
И просто пьянство — без причин!

Илья с мрачным видом разлил по стаканам вино, так же молча обнес всех присутствующих и затем, скорбно потупив глаза, произнес:

— Прошу всех встать.

Все встали. Тогда Денисов медленно произнес замогильным голосом:

— Прошу выпить за упокой души... Министерства совхозов.

Настя от неожиданности выронила стакан, звук раз-

бывшегося стекла вывел всех из состояния оцепенения и разрядил атмосферу.

— Тыфу ты, черт,— выругался Павел.— Разве можно так людей пугать. Мы-то невесть что подумали. Все шутишь...

— Какие шутки,— с серьезной миной ответил Денисов,— печальное событие. Я же диссертацию пишу о его эффективной деятельности. Понятно? — Но Денисов уже не выдерживал взятого им серьезного тона, и, произнося последнюю фразу, он улыбнулся и добавил: — Не хотите за упокой, пейте за здоровье — я уже новую тему подобрал.

— Какую? — спросил Васильев.

— «О принципах определения себестоимости колхозной продукции», — ответил Илья.

— Это действительно новая и очень актуальная тема. Если серьезно возьмешься за ее разработку, график поминоков придется поломать, — с намеком на регулярные выпивки сказал Васильев.

— Тема интересная и важная, — сказал Павел, обращаясь к Илье, — но вчера был у меня в партбюро Михаил Борисович, дал тебе нелестную характеристику. Он сказал, что у тебя «с марксизмом не все в порядке». Подтверждает это выбором новой темы диссертации. Он по-прежнему убежден, что себестоимость колхозной продукции категория антимарксистская...

— А кто такой Михаил Борисович? — спросила Ирина у Павла.

— Профессор Норкин, его научный руководитель, — кивнув в сторону Ильи, ответил Павел. — На очередном заседании кафедры он пообещал официально отказать от него.

— Ну и пусть отказывается, — злобно сказал Илья. — По новой теме пользы от него будет как от козла молока. Это по совхозам у него были заготовлены разные детали типа детских кубиков, из которых аспиранты, по образу и подобию Сашиного «доброжелателя» Арханова, складывали свои диссертации. Менялись лишь области, на материалах которых они готовились. И, конечно же, годы и пятилетки. А что Михаил Борисович может предложить мне по новой теме, если по ней вообще ничего не существует? Все надо начинать на пустом месте. Себестоимость продукции в колхозах до сих пор выступала в роли поручика Киж.

— Как это понимать? — поинтересовалась Ирина.

— Очень просто. В колхозах не только не считали, во что обходится та или иная продукция, но даже существовал неписанный запрет на такой счет. Господствует мнение, что закон стоимости в колхозном секторе не действует. Поэтому такие категории, как хозрасчет, себестоимость, рентабельность, здесь не применяются. Группа ученых-аграрников, типа моего научного руководителя, присвоила себе право отлучать от марксизма экономистов, выступающих за внедрение хозрасчета в колхозах.

Вы, конечно, слышали о колхозах-миллионерах? — уточнил Илья у Ирины.

— Еще бы, о них столько пишут и говорят по радио.

— А вы знаете, что такое колхоз-миллионер?

— Хозяйство, получающее миллион и более рублей прибыли, — уверенно ответила Ирина.

— Как же вы можете узнать количество прибыли, если затраты на продукцию не считаются, себестоимость не определяется? И такое ненормальное положение кое-кто хотел бы увековечить. Колхоз-миллионер, — объяснил Илья, — это хозяйство, общая выручка от продажи продукции которого превысила миллион рублей. А сколько было затрачено на эту продукцию, одному аллаху известно. У некоторых «миллионеров» миллионные долги ждут своего очередного списания. «Колхоз-миллионер» — это показатель сугубо административный. Он ни в какой мере не может свидетельствовать об экономической эффективности хозяйствования. Одно дело получить миллион дохода в колхозе, имеющем пятьсот гектаров земли и триста человек трудоспособных, и совсем иное — при наличии трех тысяч гектаров земли и тысячи трудоспособных. Поэтому в движении за превращение колхозов в миллионеры немало было показухи. Некоторые районы при укрупнении колхозов старались провести эту операцию так, чтобы доход объединенных хозяйств был не менее миллиона рублей...

— Последняя надежда рухнула, — перебивая Илью, взмолилась Настя. — Уж ты-то никогда на досуге не занимался экономическими проблемами. И тоже...

— Каюсь, каюсь, Настенька. Больше не буду. Это я в растерянных чувствах увлекся на поминках...

...Прошло полгода встреч Васильева и Ирины, — то ежедневных, долгих, то редких, подчас случайных

свиданий в Ленинке, куда Васильев после работы забегал иногда по делу, а иногда просто с надеждой увидеть Ирину, без которой он уже не мыслил своего существования. Лето нарушило плавное течение этих встреч — Ирина уехала отдыхать на Кавказ. Обещала прислать открытку, но не прислала. Александр нервничал, ему мерещились сцены из фильмов и книг о курортной жизни — море, солнце, галантные кавалеры...

Как-то в воскресенье Александр заглянул к Павлу — тот жил в это время один. Жена уехала вместе с родителями на неделю к родственникам, на тихий Дон. Увидев Александра, Павел очень обрадовался, стал рассказывать о своем житье-бытье, об успехах на работе, но, заметив меланхолическое настроение Васильева, переменял тон и спросил, хлопнув приятеля по плечу.

— Что, тоскуешь по Ирине? Сам виноват... Кто же такую девушку на юг одну отпускает. Ох, уведут ее у тебя, брат, как пить дать, уведут. — «Подбодрив» таким образом приятеля, отправился на кухню колдовать над кофе...

Ирина появилась в конце августа — с выгоревшими, ставшими почти соломенными волосами, вся коричнево-золотистая, в ярком цветастом, как она говорила, «жизнеутверждающем» сарафане. Вскоре они отправились на долгожданное новоселье к Павлу, который после многолетних скитаний по частным квартирам обрел, наконец, собственное жилье.

Новоселье получилось веселым, по-студенчески сумбурным, с постоянными звонками в дверь, приходом все новых и новых гостей.

Танцую с Ириной, Александр вдруг почувствовал пряный запах духов, ощутимый даже в насквозь прокуренной комнате.

— Что за духи? — спросил Александр.

— Французские, — кокетливо тряхнув пушистыми волосами, ответила Ирина.

— Да ну... Откуда же, небось прямо из Парижа? — с иронией полюбопытствовал Васильев.

— А ты не язви, они правда прямо из Парижа. Бывший однокурсник привез в подарок, — Ирина обвела глазами полупустую комнату, имевшую пока вид необжитого гостиничного номера: новые обои в мелкий цветочек, снежно-белый потолок, одиноко вися-

щую под ним лампочку, несколько неразобранных чемоданов в углу...

— Интересно, что это за однокурсник такой духи привозит.

— Однокурсник как однокурсник. Просто хороший знакомый. В прошлом году жена умерла. Срочно ищет новую...— легко, но с налетом какой-то загадочности проговорила Ирина.

Васильеву показалось, будто что-то в нем оторвалось.

Беседа, начавшая принимать несколько напряженный оборот, была прервана Павлом, подошедшим с бокалами шампанского.

— Вы что-то все танцуете и танцуете. Ирина, он что, тебе в любви объясняется? — полусерьезно-полунасмешливо спросил Павел.

— Да что ты, от него разве дождешься, — скрывая легкую досаду на несколько бесцеремонное вмешательство Павла, бездумно ответила Ирина.

— А жаль... — разочарованно протянул Павел. — Я уж и шампанское притащил. Тогда предлагай тост, Васильев.

Александр взял предложенный бокал:

— За наших дорогих новоселов, их гостеприимный дом. Так пусть на новом месте поддерживается наша добрая традиция дружеских бесед и горячих споров!

Проводив Ирину, Александр долго не мог успокоиться. Что-то неясное, безотчетное волновало и тревожило его — то ли сама Ирина, очень похорошевшая, оживленная, то ли неотвязная мысль о ее однокурснике, ищущем жену, чтобы отправиться с ней в Париж...

ГОРЯЧИЙ ЛЕД

— Вам несколько раз звонила какая-то девушка,— сообщила секретарь, когда Васильев вернулся в редакцию с очередного совещания.

«Наверно, решила объявить, что едет в Париж»,— подумал Васильев.

— Телефона не оставляла?— поинтересовался Васильев.

— Нет! Обещала еще звонить.

Примерно через час раздался звонок.

— Я звоню по поручению Савельева,— услышал он незнакомый девичий голос.— Юрий Борисович просил напомнить, что завтра ваш доклад перед коллективом нашей редакции.

— Спасибо. Я помню,— ответил Васильев. «Только доклада мне сейчас не хватает. Но это все же лучше, чем объявление об отъезде в Париж»,— невесело размышлял Васильев.

...Когда все уселись и утомонились, главный редактор «Комсомольской правды» Савельев объявил:

— Товарищи, сегодня перед вами выступит наш коллега—заместитель главного редактора газеты «Экономика и жизнь» Александр Александрович Васильев. Наверное, многие из вас его знают. Если не лично, то по его статьям, посвященным экономическим проблемам...

— Читали,— отозвалась светловолосая девушка из первого ряда.

— Ну, если отдел культуры заинтересовался, то это, наверное, лучший комплимент в адрес нашего гостя... Тема его лекции, пожалуй, самая модная в настоящее время... Речь пойдет об экономических законах... Пожалуйста, Александр Александрович. Если желаете, можно и сидя.

— Не могу, привычка,— произнес Васильев, вставая и медленно осматривая знаменитый Голубой зал «Комсомолки».

— Давайте договоримся так,— начал Васильев.— Лекции читать я не буду, проведу с вами на эту тему беседу...

— А какая разница?— попросил уточнить Савельев.

— Большая. Когда я читаю лекцию студентам, то обязан дать многие формулировки и определения — им это надо для экзамена. Они их записывают, зубрят и сдают, так и не поняв сути... А поскольку вам экзамены не сдавать, в беседе я попытаюсь объяснить сущность экономических законов и необходимость их использования на практике. Многим из вас это может пригодиться, так как могу вас заверить, что «мода», как вы, Юрий Борисович, сейчас выразились по отношению экономических законов, на них будет непреходящей...

— Однако нас учили, что в жизни нет ничего постоянного, все течет, все изменяется, — возразил с довольным видом юноша из зала.

— Прошу не перебивать лектора, — произнес Васильев.

— Почему же, — не согласился Васильев. — В ходе лекции этого делать не следует, а в беседе это можно и нужно.

Васильев внимательно оглядел присутствующих и после небольшой паузы продолжил:

— Представьте, что общество прекратило производство...

— Это трудно представить, — откликнулись в зале.

— Верно. Маркс пишет, что общество не может прекратить производство материальных благ, так же как оно не может прекратить их потребление. А если это так, то, пока существует человеческое общество, будет существовать и производство. Согласны?

— Конечно.

— А пока существует производство, будут существовать и экономические законы, так как они выражают отношения, которые складываются между людьми в процессе производства материальных благ. Но формы этих отношений, — обращаясь к юноше, подавшему реплику, продолжал Васильев, — «текут и изменяются». Экономическая теория должна не только и даже не столько фиксировать эти изменения, а главное — определять, предсказывать, как и почему будут и должны изменяться производственные отношения.

— Но ведь раньше у нас экономических законов не было, — мило уточнила девушка из отдела культуры.

— Законы были, но мы их игнорировали, а они независимо от нас действовали и оказывали отрицатель-

ное влияние на производство. Последствия этого мы до сих пор ощущаем...

— А вы не могли бы сказать: кто и почему их отрицал?

— Многие,— ответил Васильев.— И это понятно. Ведь в двадцатые годы отрицалась и политическая экономия социализма как наука, призванная изучать экономические законы. А потерявши голову, как вы знаете, о волосах не жалеют. Особенно активно против них выступал Бухарин. «Объективные экономические законы,— утверждал он,— могут действовать только в стихийно-анархическом хозяйстве». Ему вторил другой экономист двадцатых годов Кон: «При плановом хозяйстве экономические законы совсем устраняются, поскольку производство носит здесь организованный характер».

Известный советский экономист Лев Абрамович Леонтьев отмечал: «Говорить об объективных экономических законах социализма — значит говорить о горячем льде».

По лицам присутствующих Васильев понял, что они оценили образность этого сравнения.

— Против подобных взглядов выступил Николай Алексеевич Вознесенский. «Есть мудрецы,— писал он в 1931 году в журнале «Большевик»,— которые говорят, что социализм не знает экономических законов. Это по меньшей мере пустяки».

Однако и после признания в тридцатых годах политической экономии социализма объективные экономические законы не смогли занять должного места в науке и практике. Мешала широко распространенная тогда субъективистская концепция, согласно которой экономические законы «сознательно устанавливались государством».

Какие же «законы» имелись в виду?

Планирование, индустриализация, социалистическая реконструкция сельского хозяйства, социалистическая организация труда и распределение общественного продукта, социалистическое соревнование... То есть в ранг экономических законов возводились первоочередные экономические задачи Советской власти и методы хозяйствования!

И только в начале пятидесятых годов, после выхода работы Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», объективный характер законов получил по-

стоянную прописку в нашей литературе. Вот что говорится в этой работе. Послушайте внимательно.

«Некоторые товарищи отрицают объективный характер законов науки, особенно законов политической экономии при социализме. Они отрицают, что эти законы отражают закономерности процессов, совершающихся независимо от воли людей. Они считают, что Советское государство, его руководители могут отменить существующие законы политической экономии, могут «сформировать», «создать» новые законы. Эти товарищи глубоко ошибаются. Они, как видно, смешивают законы науки, отражающие объективные процессы в природе или обществе, происходящие независимо от воли людей, с юридическими законами, которые создаются по воле людей. Но их смешивать нельзя. Объективные законы люди могут лишь открыть, познать их и учитывать в своих действиях в интересах общества. Но они не могут изменить или отменить их. Тем более они не могут сформировать или создавать новые подобные законы науки».

После выхода названной работы Л. А. Леонтьев писал: «Бесспорной истиной является объективный характер экономических законов: они действуют независимо от воли и сознания людей». Период превращения «горячего льда» в «бесспорную истину» продолжался три с половиной десятилетия. Разумеется, это не могло не оказывать отрицательного влияния на теоретическую разработку проблем хозяйственного механизма.

В этой связи хочу сказать несколько слов о теории вообще. Издавна говорят: «Нет ничего практичнее, чем научно обоснованная теория». Вспомните, например, теорию Коперника. Вращением Земли вокруг своей оси ученый открыл сущность закона природы, согласно которому происходит смена дня и ночи. На этой основе Кеплер установил законы движения планет, пользуясь которыми можно предсказать и объяснить многие явления в солнечной системе. Используя эти законы, астрономы определяют затмения Солнца за сотни лет вперед с точностью до секунды. А ведь «почернение Солнца», которое произошло в Китае 22 октября 2136 года до нашей эры, вызвало такой ужас и панику, что высочайшая власть сочла нужным казнить двух жрецов Жи и Хо, обвинив их в нерадивости и забвении обязанностей предсказывать всякое бедствие...

Ученик Ньютона Галлей на основе теоретических расчетов предсказал: «Комета 1682 года вновь должна появиться». Француженка Гортензия Лепот много лет продолжала рассчитывать путь кометы Галлея и подтвердила: «Появится в 1758 году». И действительно, появилась! Это был триумф астрономии. В тот год из дальних стран вернулась группа ботаников с цветком, еще не имевшим названия. В честь выдающейся женщины-астронома его называли гортензия...

Теперь пример о практичности теории в общественной жизни. Маркс и Энгельс пришли к выводу, что социалистическая революция возможна «одновременно во всех цивилизованных странах, т. е., по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии». Ссылаясь на это положение, многие большевики исключали возможность победы социалистической революции в России. Но Владимир Ильич Ленин на основе открытого им закона неравномерности политического и экономического развития капитализма в эпоху империализма доказал, что в этот период социалистическая революция возможна в ряде или даже в одной, отдельно взятой стране. Вооружившись этой новой теорией, партия большевиков повела народ на штурм Зимнего дворца и победила.

Этим примером я хотел показать, товарищи, что в обществе научно обоснованная теория подобна компасу, указывающему ближайший путь к цели...

— А если теория научно не обоснованная? — поинтересовался настойчивый юноша, «диалектик», как про себя окрестил его Васильев.

— Тогда она подобна испорченному компасу... Но хочу добавить, что теорию знать мало, ее надо уметь применять на практике. Карпинский справедливо писал, что знающие теорию, но не умеющие ее применять на практике похожи на машину без мотора.

Перейдем к законам. Что такое закон? В природе и обществе масса самых разнообразных явлений и связей. Одни из них являются случайными, эпизодическими, а другие — устойчивыми, постоянными. Законы как раз и выражают последние, то есть устойчивые, постоянно повторяющиеся явления и связи. Отсюда и название: закономерное явление. Никто не может сказать, какая погода будет на Новый год. В эту пору в Москве бывают морозы под сорок, но случаются и дожди. Но есть в природе явления иного характера. Скажем, лю-

бой предмет, подброшенный вверх, возвращается на землю. Это явление случайным не назовешь. Значит, здесь мы имеем дело уже с законом. С каким? Раньше люди этого не знали. Теперь мы знаем — законом земного притяжения. И не только знаем, но и сознательно его используем.

Спрашивается: а до открытия этот закон использовался? Да, он учитывался эмпирически, неосознанно. Человек прекрасно знал: сорвавшийся сверху предмет может по голове ударить. Учитывал он силу земного притяжения и при разгрузочно-погрузочных работах, хотя ему, как и мольтеровскому герою, который не подозревал, что всю жизнь говорит прозой, и в голову не приходило, что имеет дело с законом. Но чем глубже люди проникают в тайны природы, познают законы ее развития, тем успешнее противостоят они силам стихии.

Но многих явлений природы мы пока объяснить не можем. Непознанный закон, писал Ленин, «делает нас рабами «слепой необходимости». Раз мы узнали этот закон, действующий... независимо от нашей воли и от нашего сознания, — мы господа природы». Ленин пророчески предсказывал: «Ум человеческий открыл много диковинного в природе и откроет еще больше, увеличивая тем свою власть над ней...»

Думаю, что нет необходимости говорить вам о новейших достижениях науки в области изучения тайн природы и использования их на благо человека. Это общеизвестно.

В зале многие одобрительно закивали головой.

В экономической деятельности также происходит множество самых разнообразных явлений и событий. Причем многие из них носят случайный характер. Например, недавно с завода Лихачева вместо Краснодарского края партия запчастей к автомобилям ошибочно была отправлена в Красноярский край... Это закономерное или случайное явление?

— Случайное, — бодро ответил юноша, хорошо усвоивший диалектику...

— Таких случайных, эпизодических явлений в хозяйственной жизни миллионы: кто-то кому-то чего-то недопоставил, кому-то не дали вагоны, и он не отправил продукцию заказчику. Они, безусловно, оказывают отрицательное влияние на процесс производства. Но сегодня не они нас интересуют.

В экономической жизни масса устойчивых явлений. Например: чем сложнее и напряженнее труд, тем выше он оплачивается. Труд шахтеров и нефтяников повсеместно и всегда оплачивается выше, чем труд уборщиц и курьеров. Верно?

— Верно.

— Значит, тут мы имеем уже дело с экономическим законом, который выражает это устойчивое явление.

— Каким законом?

— Законом распределения по труду. Еще пример. Чем выше затраты на производство товара, тем дороже он стоит. Как бы ни изменялись цены, сахар всегда дороже соли, а кожаная обувь ценится выше резиновой. Значит, и здесь мы имеем дело с экономическим законом, законом стоимости...

— А нельзя ли более подробно сказать об этих законах? — спросил «диалектик».

Савельев представил его: Михаил Карасев из отдела науки, славящийся своим умением задавать массу дотошных вопросов.

— Я это только приветствую, — откликнулся Васильев. — Но сначала несколько слов об объективном характере законов.

Позвольте для этого привести вам один пример. Правда, прошу учесть, что всякое сравнение условно, а это в особенности. Представьте, — обращаясь к «диалектику», разъяснял Васильев, — что вы купили собаку. Сознательно ли это сделали или стихийно, под впечатлением моды или по капризу жены — значения в данном случае не имеет. Объективный факт: она у вас появилась. С ее существованием не считаться вы уже не можете. Ее не только надо кормить, но и в определенное время выводить на прогулку... Если вы не будете учитывать это, то она устроит вам в вашей квартире... собачью жизнь.

Любое устойчивое производственное отношение независимо от того — стихийно ли оно складывалось веками или сознательно устанавливалось при социализме — выражает определенный экономический закон. И не считаться с ним, игнорировать его нельзя...

— Так же, как и существование собаки, — дополнил кто-то.

— И пока существует данное отношение, — продолжал Васильев, не обращая внимания на реплику, — будет действовать и выражающий его закон. Отменить

экономический закон невозможно, так же как нельзя избавиться от тени, не устранив предмета, отражением которого она является. Образно говоря, каждый экономический закон является «тенью» какого-нибудь постоянно повторяющегося явления (связи, процесса), существующего в отношениях между людьми в процессе производства. Ясно это положение или показать на примере?

— Лучше на примере,— попросил мужчина средних лет, пристроившийся в ближнем углу зала.

— Хорошо. Все вы хорошо знаете, что при капитализме существует частная собственность на средства производства. Владельцы фабрик и заводов нанимают специалистов и рабочих, организуют производство. Но делают они это не ради спортивного интереса, а ради получения прибавочной стоимости. Владелец, не получающий прибавочной стоимости, разоряется как не выдержавший конкуренции. Короче говоря, без прибавочной стоимости капиталист существовать не может. Поэтому закон прибавочной стоимости Маркс назвал основным законом капитализма.

После победы социалистической революции частная собственность ликвидировалась, а вместе с ней и отношения эксплуатации человека человеком. Если нет эксплуатации, может ли действовать закон прибавочной стоимости, который выражал это отношение?

— Наверно, нет...

— После ликвидации отношений эксплуатации закон прибавочной стоимости при социализме прекратил свое существование. В этой связи Маркс писал: «Если я устранию этот наемный труд,— то, естественно, я устранию и его законы, будь они «железные» или мягкие, как губка».

— Простите, Александр Александрович, что перебиваю,— привстал один из слушателей,— но прошу кое-что уточнить. Законы мы отменить не можем. Это ясно! Но если они сами прекращают действовать после ликвидации отражаемых ими явлений, то у меня возникает такой вопрос: можем ли мы ликвидировать тот или иной закон путем устранения хозяйственной связи, которую он выражает? Иначе говоря, убрать предмет, чтобы его тень не мешала нам загорать...

— Чего захотел! — иронически заметили в зале.

— Да, можем.

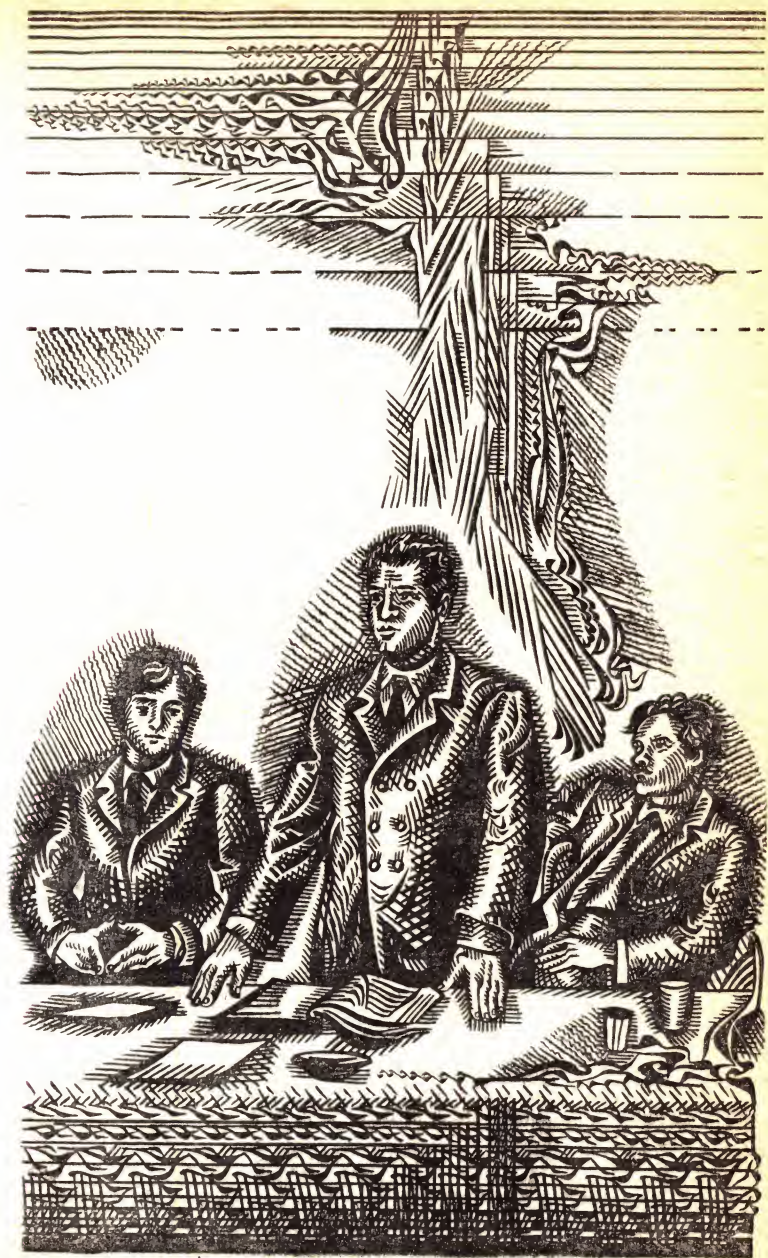
— Так же, как и от собаки,— вставил реплику тот же слушатель.

— Можем, но что из этого получится? Допустим, всем нам не нравится закон распределения по труду, но он действует помимо нашей воли и сознания, так как выражает отношение, которое сложилось между людьми в процессе распределения материальных благ. Если этого отношения не будет, то закон прекратит свое существование. Но вот вопрос: чем заменить это отношение? Как распределять материальные блага между людьми? По потребности? Такой возможности у нас пока еще нет. Допустим, решили платить всем поровну, то есть ввести уравнительное распределение. Тогда вместо закона по труду постепенно начнет действовать принцип равной оплаты. Кстати, в первые годы Советской власти предпринимались попытки ввести уравниловку, но они решительно были отвергнуты жизнью.

Поэтому обращаю ваше внимание на то, что плохих или, как вы выразились, «неудобных» законов не бывает. Отношения, которые выражаются законами, стихийно складывались веками: нерациональные отмирали, отбрасывались, а разумные крепили и развивались. В этой связи хочу напомнить, что экономические законы есть общие и специфические. Первые существуют во всех способах производства, а вторые лишь при одном из них. Поэтому после установления социалистических производственных отношений прекращают действовать далеко не все экономические законы, а лишь те, которые выражали специфику капиталистических отношений. Законы, которые выражают отношения, присущие ряду способов производства, сохраняются и при социализме. К ним относится, например, закон пропорционального развития, закон стоимости и другие. Вместе с тем при социализме возникает и действует ряд новых специфических законов. Их никто не создавал. Они объективно выражают те отношения, которые складываются, развиваются и совершенствуются в процессе социалистического производства и распределения материальных благ. А теперь давайте рассмотрим некоторые законы...

— Если я не ошибаюсь, в вашей газете была большая статья против основного закона? — спросил пожилой мужчина.

— Верно. Такая статья была у нас опубликована.

Правда, я тогда еще не работал в газете. Но знаю, что в редакцию поступило много статей и писем ученых, осуждающих ее, и редакция поместила статью, в которой выражено несогласие с критикой основного закона. В ней признано, что в каждом способе производства имеется свой основной закон, выражающий сущность, цель данного способа производства. Целью социализма является наиболее полное удовлетворение непрерывно растущих потребностей трудящихся.

Итак, начнем с общего закона — закона пропорционального развития. Он действует и при капитализме. Данный закон предполагает соблюдение определенных пропорций в экономике. Если в стране намечено выпустить, допустим, миллион автомобилей, то необходимо произвести соответствующее количество металла, резины и прочих материалов...

— Простите, Александр Александрович, но при капитализме существует анархия. Разве там может существовать пропорциональное развитие?

— Действие закона и его использование не одно и то же. Ведь раньше, как я вам уже сказал, мы отрицали действие объективных законов, но от этого они не переставали действовать. Действуют эти законы и при капитализме и при социализме помимо воли и сознания людей. Но на практике применяются по-разному. Существуют две формы реализации законов — стихийная и сознательная. Но люди не могут произвольно выбирать ту или иную форму; она зависит от типа господствующих в данном обществе производственных отношений.

При частной собственности на средства производства отношения между людьми в процессе производства складываются стихийно. Каждый отдельный фермер, владелец мастерской, завода и корпорации, будучи полновластным хозяином, сам решает, что и сколько производить. В результате здесь существует анархия и конкуренция. Никакой возможности для сознательного использования законов — даже если они и познаны — там нет. Они проявляются стихийно. Знание экономических законов, отмечал Ф. Энгельс, само по себе не может спасти капиталиста от убытков и банкротства, а рабочего — от безработицы и нищеты.

— Сказано это в прошлом веке, а как современно звучит, не правда ли? — обращаясь к слушателям, спросил Васильев. — И далее Энгельс пишет: «Одного толь-

ко познания... недостаточно для того, чтобы подчинить общественные силы господству общества. Для этого необходимо прежде всего общественное *действие*». А частная собственность исключает планомерное действие в масштабах всего общества. Планомерное действие людей в рамках отдельных предприятий и фирм сталкивается с анархией, господствующей в обществе в целом.

Планомерное общественное действие в рамках государства возможно лишь при общественной собственности на средства производства. И только в этих условиях появляется возможность и, я подчеркиваю, необходимость сознательного использования экономических законов.

— А почему вы подчеркиваете необходимость?

— Потому что мы не только можем, но и должны, просто обязаны сознательно применять экономические законы, так как у нас нет условий для их стихийного проявления. Если мы допускаем какой-нибудь просчет, то стихийно положение исправиться не может. Его отрицательное влияние будет продолжаться до тех пор, пока мы его сознательно не исправим. Это делается с помощью системы экономических рычагов, категорий и показателей. В их числе — управление, планирование, хозрасчет, цена, кредит, финансы, режим экономии, материальное стимулирование. В комплексе и взаимодействии они образуют хозяйственную систему.

А теперь вернемся к закону пропорционального развития... Этот закон, как я уже сказал, действует и при капитализме. Его знают и стремятся учитывать, но из этого ничего не получается и получиться не может. «...При капиталистическом производстве,— писал К. Маркс,— пропорциональность отдельных отраслей производства воспроизводится из диспропорциональности как постоянный процесс..., как слепой закон...» А Ленин писал, что пропорциональность «есть идеал капитализма, но отнюдь не его действительность...».

Правда, следует отметить, что в условиях империализма, когда концентрация достигла очень высокого уровня, капиталистам удастся значительно лучше использовать закон пропорционального развития. Мощным рычагом в их условиях для этого являются исключительно строгие санкции за невыполнение взаимных

обязательств. За срыв поставок приходится полностью возмещать причиненный ущерб...

— Это неплохо бы применять и в наших условиях... — предложил кто-то из слушателей.

— Но если ущерб будет возмещаться так же, как ныне штрафы, из государственного кармана, то вряд ли это даст желаемый эффект, — ответил Васильев.

При социализме закон пропорциональности применяется сознательно. Каким образом? Материальные балансы включают важнейшие виды продукции, от которых зависит сбалансированность народного хозяйства. Эти виды продукции затем в директивном порядке доводятся до министерств, которые распределяют их между предприятиями как обязательную номенклатуру...

— Но ведь и у нас случаются диспропорции?

— К сожалению, да. Если говорить в общем, то вызваны они недооценкой закона пропорционального развития. А конкретно — срывами заданий по выпуску важнейших видов продукции. Допустим, план выполняется на девяносто процентов. Недодано десять процентов металла, цемента, древесины, топлива и т. д. Начинается процесс разбалансирования, или дисбаланс. Это вызывает цепную реакцию сбоев на зависимых друг от друга предприятиях. Производство сокращается, эффективность его падает.

Научное применение закона пропорциональности исключает срыв выпуска важнейших видов продукции, на которых базируется материальный баланс. Если произошло где-то ЧП, то на такой случай мы должны иметь необходимые резервы и не допустить разбалансирования. Только тогда общественное производство сможет функционировать, как и предсказывал В. И. Ленин, подобно часовому механизму.

Отсутствие должной пропорциональности между производством сельскохозяйственной продукции и мощностью предприятий по ее переработке в оптимальные сроки приводит к огромным потерям. Много продукции гибнет из-за отсутствия транспорта для своевременной доставки ее к потребителям. Это дорогая плата за недооценку закона пропорциональности. К урону материальному следует добавить моральный: каково производителям наблюдать, как гибнет продукция, выращенная с таким трудом и заботой. Если нет возможности доставить продукцию в соответствующие

сроки в торговлю или на переработку, то лучше ее не производить! Будет солидная экономия.

Игнорированием закона пропорциональности является отсутствие запасных частей для автомобилей, тракторов и другой техники. Кое-где до тридцати процентов наличной техники простаивает по этой причине. Кстати, свежий пример из этой «оперы». Недавно был в командировке в двух областях. Всюду жаловались: примерно треть автомобилей «босые». Стоят на колодках из-за отсутствия резины. Об этом в редакцию идет поток писем. Думаю, что и вас они не обходят.

— Очень много,— подтвердили несколько человек.

— А каждый день с конвейера сходят новые машины, а ранее выпущенные ржавеют, портятся. Научное применение закона предполагает: коль диспропорция допущена и обнаружена, ее надо ликвидировать как можно скорее. Это значит: надо несколько сократить выпуск новых автомобилей, а всю имеющуюся резину направить на вовлечение простаивающей техники. Это дало бы нам огромную экономию...

— А как же быть с рабочими этих заводов?

— Во-первых, если мы выплатим всем рабочим средний заработок, то и тогда получим огромную экономию материальных ресурсов и особенно металла.

Во-вторых, из сэкономленного металла эти же рабочие и на тех же станках и за ту же зарплату могли выпустить большое количество товаров народного потребления.

И в-третьих, и пожалуй, самый эффективный вариант — тот, который предложили бы сами эти заводы. Они лучше знают, как использовать свои мощности и коллективы на благо народа...

— Александр Александрович,— заговорил Савельев,— но, по-моему, даже временная остановка автозаводов может привести к снижению наших темпов развития.

— В какой-то мере это не исключено. Но ведь темпы сами по себе не являются самоцелью. Если они приводятся в соответствие с эффективностью производства во имя претворения в жизнь цели социализма, то, по-моему, это нас не должно смущать. А цель социализма выражает основной экономический закон.

Социалистическое производство организуется и направляется на более полное удовлетворение матери-

альных и культурных потребностей трудящихся. В процессе производства между людьми сложились определенные отношения. Вот это, в частности, отношение и выражает основной экономический закон. И мы должны учитывать его в практической деятельности. Как это конкретно происходит? Что необходимо для удовлетворения потребностей трудящихся?

Васильев сделал паузу, как бы выжидая, что кто-нибудь из зала ответит ему на поставленный им вопрос, но слушатели молчали.

— Для этого нужны самые разнообразные товары,— продолжал он,— хлеб, мясо, молоко, одежда, жилье и т. д. и т. п. Когда речь идет об удовлетворении потребностей людей, то неважнейших изделий не бывает. Без пуговицы, как вы понимаете, брюки не будут держаться на положенном месте. Именно поэтому при планировании предприятия выпуска товаров на первом месте стоит задание по выпуску не только важнейших видов продукции в натуральном выражении, но и заказов торговли.

— Однако же они стараются выполнять задание прежде всего в рублях,— уточнил Карасев.

— И тем самым игнорируют основной экономический закон,— подтвердил Васильев.— Только виноваты ли в этом предприятия? Думаю, что далеко не всегда.

— Кто же виноват? — продолжал допытываться Карасев.

— Имеющиеся недостатки в функционировании механизма реализации основного экономического закона. В результате происходит раздвоение цели социалистического производства. Выпуск многих изделий, и особенно дешевых, но крайне необходимых обществу, может не совпадать с интересами отдельных производственных коллективов. Поэтому они вынуждены под различными предлогами отказываться от них, а если это не удастся, то просто срывать выполнение задания. И, к сожалению, это бывает для них порой меньшим злом, чем его выполнение.

— Почему?

— Да потому, что при выполнении задания выпуска продукции в натуральном выражении, но невыполнении плана в рублях снижаются темпы роста производства, падает производительность труда, уменьшается фонд зарплаты, премии и т. д. Практически ныне сложилась такая ситуация, при которой целью

предприятий является увеличение объема продукции в рублях. Погоня, как говорится, за длинным рублем поставлена во главу угла. Отсюда вывод: основной экономический закон в должной мере не учитывается. Поэтому хотите вы этого или нет, он будет оказывать отрицательное влияние на удовлетворение потребностей трудящихся.

Применение основного закона предполагает, что все обязательства предприятий по хозяйственным договорам и заказам торговли должны выполняться полностью, в заданном ассортименте и своевременно. Отклонение от заданной номенклатуры должно бить по благополучию коллектива еще более ощутимо, чем ныне невыполнение плана в рублях. Но для этого надо строго следовать принципу: что выгодно и нужно обществу, должно быть экономически выгодно и предприятию. В этом направлении предстоит еще немало поработать. И чем раньше мы это сделаем, тем быстрее ликвидируем перечень дефицитных товаров... Ясно?

— Вполне.

— Перейдем к следующему закону — закону стоимости. Судьба этого закона еще более коварна, чем всех остальных. Недавно на одной из конференций по этой проблеме профессор М. Макарова сказала:

«Не рискуя впасть в преувеличение, можно сказать, что в политической экономии нет другого вопроса, по которому бы так долго и жарко спорили и спорят до сих пор, как товарное производство и закон стоимости. И это действительно так. А началось все с «отмены» этого закона...»

— Вы же сказали, что их нельзя отменить, — удивленно произнес невысокого роста мужчина в кожаной куртке.

— И тем не менее на одном из ученых советов Коммунистической академии в 1925 году было принято решение об «отмене закона стоимости». И эта формулировка долгие годы «гуляла» по различным учебным пособиям и журналам. В одном из них, в частности, говорилось: «Отмененный закон стоимости заменяется плановым началом. Процесс становления плана и его ускорения есть вместе с тем процесс уничтожения последних основ возможной реставрации позиций закона стоимости». Вот так. Ясно? — обращаясь к залу, спросил Васильев.

— Ясно.

— Закон стоимости предполагает, что цена должна возмещать общественно необходимые затраты по ее выпуску и давать производителям определенную прибыль. Поэтому главным рычагом реализации этого закона является цена. «Цена,— писал В. И. Ленин,— есть проявление закона стоимости».

При капитализме закон стоимости, как и другие законы, проявляется стихийно и является регулятором производства. Как это происходит? Цены колеблются в зависимости от спроса и предложения на рынке. Если на какой-либо товар предложение не удовлетворяет спрос, то цена на него быстро растет. Соответственно увеличивается и прибыль. В погоне за прибылью в эту отрасль начинается прилив капитала. Через определенное время выясняется, что предложение на него превысило спрос, и цена начинает снижаться, а прибыль уменьшаться. Данная сфера приложения капитала становится невыгодной. Ищут другую — где норма прибыли повыше. Капиталы постоянно перемещаются в поисках большей прибыли, а трудящиеся вынуждены все время переплачивать то за одни товары, то за другие.

При социализме закон стоимости используется сознательно путем планового установления цен. Цены устанавливаются с учетом затрат и плановой рентабельности. Если цены не возмещают затрат, то производители стараются уменьшить ее производство и тем самым сократить убытки, а заодно... и удовлетворение спроса населения.

Зал слушал внимательно. Васильев продолжал:

— Почему же в подобных случаях закон стоимости не содействует росту цен до уровня, возмещающего затраты? Потому, что для этого он должен иметь условия для стихийного проявления, а при социализме их нет.

— А какие это условия?

— Я вам называл: цены должны свободно колебаться под воздействием спроса и предложения, как на колхозном рынке.

Споры вокруг использования закона стоимости продолжают и сейчас. До последнего времени, например, считалось, что в колхозном производстве закон стоимости не действует. На практике это означало, что себестоимость колхозной продукции не исчислялась и хозрасчет не применялся. А когда после XX съезда

партии начали считать себестоимость и в колхозах, то выяснилось, что большинство участников Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в качестве передового опыта страны пропагандировали производство... убыточной продукции.

— Как же они сводили концы с концами? — спросила девушка из середины зала.

— Концы сводились в основном за счет искусственного ограничения роста оплаты в ряде хозяйств и оказания им соответствующей помощи за счет кредитов, которые для многих колхозов периодически списывались за счет госбюджета.

В настоящее время действие закона стоимости при социализме является общепризнанным, а споры в основном идут вокруг механизма его применения на практике, что вполне закономерно.

Несколько слов о механизме использования закона распределения по труду.

Суть этого закона, думаю, вам ясна: оплата должна производиться по количеству и качеству труда. В первые годы Советской власти кое-где стихийно создавались сельскохозяйственные коммуны, но они не выдержали испытания временем. Причина: игнорировался закон распределения по труду. Среди членов коммун, созданных в основном на базе помещичьих усадеб, было много красногвардейцев, партизан. Все, что производилось сообща, они делили по количеству членов семьи — по едокам, независимо от числа работающих. Коммунары видели в этом наибольшую справедливость. Однако они и не подозревали, что, искренне стремясь приблизиться к коммунизму, поступали вопреки его научным основам.

Социализм и уравниловка несовместимы. В этой связи Ленин отмечал: «...В области потребления — уравнительность, в области производства — ударность. Это абсурд экономический, ибо это разрыв потребления с производством».

Теоретически ныне уравниловка единодушно отвергается. А практически в некоторых инструкциях и методических указаниях просматривается курс на усреднение оплаты. Это противоречит закону распределения по труду, согласно которому надо платить сполна тому, кто выполнил работу, а не дарить всем сестрам по серьге. В этом случае добросовестный человек или бригада могут и должны заработать и два, три и более

средних оклада за произведенную ими продукцию. Ведь опыт работы по расценкам в натуральных измерителях убедительно подтверждает, что менее проворный рабочий, да еще с ленцой, делает за смену меньше опытного, добросовестного работника нередко в три раза, а разрыв в их производительности один к двум — массовое явление.

— ...А вы знаете, почему подтягивают средний заработок? — спросили Васильева.

— Тут «ларчик» открывается просто. Стараются сохранить работника. Ибо, если он уйдет, то «унесет» с собой и средний заработок. Ведь предельная величина фонда зарплаты «регулируется» средней зарплатой, помноженной на количество занятых рабочих. «Плановый фонд зарплаты, — говорится в методических указаниях, — определяется умножением расчетной численности работников на их среднюю зарплату». Что сие означает? Сократилось число рабочих — уменьшился и фонд зарплаты, а объемы-то производства остались! Отсюда естественное стремление запрашивать в планах как можно больше работников, создавая тем самым базу для роста фонда зарплаты.

В прошлом году во время отпуска в Кисловодске наш корреспондент предложил побывать в одном из совхозов Предгорного района. Хозяйство действительно оказалось очень интересным. Они внедрили полный хозрасчет во всех подразделениях и добились значительных успехов. Четыре человека, включая председателя, стали Героями Социалистического Труда. Перед отъездом я поблагодарил за интересные беседы, спросил: «Какие проблемы вас больше всего волнуют? Что сдерживает дальнейшее развитие?»

И вместо традиционных ответов о том, что не хватает техники и удобрений, услышал совершенно неожиданный ответ. «Дальнейший рост производства сдерживается применяемым методом оплаты труда», — чеканя каждое слово, ответил председатель колхоза Шумилов Кондратий Савельевич. Он рассказал, что после проведенной специализации и внедрения полного хозрасчета они ввели оплату за конечную продукцию. В течение года оплата происходит как обычно, по расценкам за выполненную работу. А в конце года шесть процентов валового дохода, полученного комплексным специализированным звеном, подлежит распределению. Например, в прошлом году звену, которое зани-

мается выращиванием сахарной свеклы, причиталось к оплате девяносто тысяч. Пятьдесят в течение года им было выдано в форме зарплаты, а остальные сорок получили в качестве дополнительного поощрения. Первое время все шло хорошо. Люди по достоинству оценили новшество, и оно обернулось большой отдачей. Но теперь многие достигли потолка и не заинтересованы в дальнейшем росте...

— Какого потолка? — поинтересовался я.

— Существует масса инструкций разных лет, ограничивающих дополнительную оплату пятью, а для некоторых специальностей — восемью месячными окладами в год. И ни копейки больше. К чему это ведет? У нас работает известный чабан Расул Рахимов, — продолжал Шумилов. — В прошлом году от каждого ста овцематок его чабанская бригада получила по сто шестьдесят ягнят (при плане девяносто семь). К моменту отлучки ягнят от овцематок они сохранили тысячу двадцать ягнят. В два раза превысили плановое задание. Настриг шерсти в зачетном весе у них тоже почти в два раза превысил плановый... Сорок тысяч чистой прибыли дала бригада хозяйству. Когда начислили им дополнительную оплату, то оказалось, что она на три тысячи больше пяти месячных окладов. И эти три тысячи им не выплатили. Разве такой порядок может содействовать росту производства?

И еще об одном случае рассказал председатель. Раньше он работал главным инженером в соседнем колхозе. У них там звеньевой Петр Михлин на площади в триста гектаров вырастил небывалый урожай зерна кукурузы — по семьдесят пять центнеров с га. По плану было сорок центнеров, а средний урожай в других звеньях тридцать пять центнеров. Тридцать пять центнеров сверх плана на каждом гектаре! Это же здорово! Согласно условиям о дополнительной оплате двадцать процентов сверхпланового урожая необходимо было выдать членам звена...

— Выдали? — спросили из зала.

— Целую неделю вопрос обсуждали на правлении и решили не выдавать. Дали только десятую долю начисленного... Районное начальство не рекомендовало. Люди сильно обиделись. Звеньевой уехал в другую область. С тех пор столь высокого урожая там никто больше не получал. Вот почему я считаю, что действующий порядок оплаты серьезно сдерживает рост

сельскохозяйственного производства,— развивал свою мысль Кондратий Савельевич.— Обидно, очень обидно, что такой мощный рычаг, как материальное стимулирование, и к тому же не требующий дополнительных капитальных вложений и материальных ресурсов, использовался не в полной мере.

В сельском хозяйстве руководители всех уровней под самыми разными предлогами добивались заниженных планов. Ибо оплата шла не за продукцию, а за план. За его перевыполнение причитается повышенная оплата. Поэтому нередко в отстающих хозяйствах оплата бывает выше, чем в передовых. Бывало, что урожайность и продуктивность у передовика в два раза выше, но до плана он чуть-чуть не дотянул, а отстающий превысил плановые показатели. И он на коне! У него и заработки будут выше. Поэтому планирование от достигнутого уровня и оплату за план, а не за продукцию нельзя признать научно обоснованными.

С этим председателем трудно не согласиться. В декрете Совета Народных Комиссаров, подписанном В. И. Лениным 7 апреля 1921 года, указывается: «Отменить с 1 мая с. г. ограничения приработка при сдельно-премиальной оплате труда, предоставить всем рабочим, повышением производительности и добросовестным отношением к работе, увеличивать свой заработок независимо от процентного отношения суммы заработка к основной тарифной ставке».

Научное применение закона распределения по труду предполагает: что действительно заработал, то и получи сполна! А инструкции и многочисленные дополнения к ним изобилуют ненаучными ограничителями, которые зачастую ориентируют на усреднение оплаты.

Не лучшим образом применяется закон по труду и при оплате инженерно-технических работников предприятий, хозяйственных ведомств, научных, проектных и конструкторских организаций и учреждений. Уравниловка тут просматривается еще более рельефно. Возможности поощрения более производительного творческого труда крайне ограничены. Выделяемый фонд строго расписывается по строкам штатного расписания. Разница между «младшими» и «старшими», начинающими и опытными, инициативными, творческими работниками и флегматиками, высиживающими положенные часы, порой иллюзорна. Даже за счет экономии фонда хорошему работнику нельзя увеличивать

оплату. Он должен дожидаться, пока освободится строка с окладом на десять-двадцать рублей больше.

Если подходить к закону с научных позиций, то фонд зарплаты должен планироваться не «по головам», занятым на предприятии, и объему валовой продукции, а по нормативной стоимости обработки (НСО). Иначе говоря, по количеству планового выпуска продукции в натуральном выражении с учетом ее трудоемкости. Чем с меньшим числом рабочих предприятие справится в установленный срок с заданием, тем больше они должны заработать. За реально произведенную продукцию ограничения в оплате по действующим нормативам не обоснованы, так как сдерживают рост производительности труда.

Научно не обоснованным представляется с этих позиций и планирование численности административно-управленческого персонала от достигнутого уровня или по прецедентам. Специалисты высказывают немало разумных предложений о планировании фонда зарплаты этой категории работников по нормативам и коэффициентам к числу занятых рабочих и с учетом объема выполняемой работы. Оплата работников проектных, конструкторских и многих научных учреждений может быть увязана с соответствующей квалификацией и объемом выполняемой работы или количеством рабочего времени, необходимого для выполнения заданий.

Планирование производственным коллективам, организациям и учреждениям численности работников, средней зарплаты и усредненных окладов штатным работникам является пережитком периода, когда существовала задача обеспечить работой все деятельное население страны. Ныне положение изменилось коренным образом, а многие методы и рычаги уравниловки сохраняются и развиваются. В современных условиях это заметно сдерживает рост производительности труда и повышение эффективности производства, а в перспективе с учетом демографической ситуации урон будет еще более значительным.

— Разрешите вопрос,— поднялся в центре зала молодой парень.— После получения инженерных дипломов на заводе, где работает моя жена, несколько человек остались рабочими, так как переход в инженеры связан с потерей в зарплатке. Многие инженеры полу-

чают меньше рабочих. Как это сочетается с законом по труду?

— Труд инженера,— начал объяснять Васильев,— требует довольно длительной подготовки, поэтому он является более квалифицированным и, естественно, должен оплачиваться выше труда рабочего за одинаковое количество рабочего времени. Но для этого надо, чтобы инженер не только имел более высокую квалификацию, но и выполнял практически работу, которая по своей сложности не только рабочему, но и технику, имеющему среднее образование, «не по зубам».

Ведь не секрет: кое-где происходит «инфляция» инженеров. С целью повышения окладов сотрудникам административно-управленческого аппарата приставка «инженер» — инженер-организатор, инженер по технике безопасности и т. п.— стала одной из наиболее распространенных в штатных расписаниях. «Инженерами» ныне являются немало сугубо канцелярских работников, в том числе и не имеющих специального образования. И вряд ли было бы справедливым платить им больше квалифицированных рабочих. Ведь не секрет, что в условиях технической революции управление многими аппаратами, машинами, технологическими процессами и операциями требует от рабочих десятиклассного и даже среднего специального образования. Во многих случаях требуется сочетание напряженного умственного и физического труда. Поэтому оплата должна быть органически увязана с напряженностью и сложностью фактически выполняемой работы.

Васильев отпил несколько глотков давно остывшего чая, осмотрел аудиторию, глянул на часы и произнес:

— Наверно, пора закругляться. Нет возражений?

— Пора...

— В заключение я хочу еще раз сказать, что экономическая теория, подобно компасу, может и должна указывать нам путь к увеличению производства материальных благ с наименьшими затратами, к повышению эффективности общественного производства. Не имея такого компаса, движение может идти на ощупь, эмпирически приспособляясь к действию объективных экономических законов, по выражению Ленина, методом «проб и ошибок». Научное применение экономических законов в народном хозяйстве имеет не меньшее значение, чем использование законов Кеплера в астро-

номии. Если последние позволяют определять предстоящие затмения Солнца с точностью до секунд на сотни лет вперед, то и первые дадут нам возможность предвидеть результаты экономических явлений и процессов на десятилетия вперед и делать из этого своевременные выводы.

Конечно, надо иметь в виду, что проявление законов природы более наглядно и чувствительно, чем экономических. Отсюда некоторый пессимизм и сомнения кое у кого относительно объективности последних, настроения типа «что хочу, то и ворочу», то есть если закон не нравится, можем и не считаться с ним... Всем вам хорошо знаком закон смены времен года. Хотели бы мы или нет, но на смену лету в конце концов приходит зима. Я лично, например, люблю ее. Некоторым же товарищам она не нравится, однако они знают, что если будут игнорировать этот закон и появляться на улице в летней одежде, то... Тут закон действует мгновенно и чувствительно! Чего не скажешь об экономических законах.

Игнорируя в свое время закон стоимости, соответствующие ведомства установили на продукцию животноводства закупочные цены, не возмещающие затрат. Чем больше колхозы и совхозы производили мяса и молока, тем больше были их убытки. Естественно, хозяйства под самыми благовидными предложениями уменьшали производство этих продуктов. Медленно, постепенно, но это давало о себе знать. Не так мгновенно, но в конце концов положение с обеспечением этими продуктами резко обострилось. После сентябрьского (1953 года) Пленума ЦК КПСС закупочные цены были резко повышены, по отдельным видам продукции в десятки раз, и положение заметно стало изменяться к лучшему. Среднегодовое производство мяса за 1956—1960 годы возросло на сорок процентов, а молока — в полтора раза по сравнению с предыдущим пятилетием. Такого прироста мы никогда ранее не имели!

Поэтому ныне одна из наиболее актуальных проблем — разработка механизма применения экономических законов в хозяйственной практике, — продолжил Васильев. — Это, по-моему, как раз то звено в цепи хозяйственной жизни, взявшись за которое можно вытянуть всю цепь.

Научное применение экономических законов — это, если хотите, альфа и омега в преодолении недостатков

в руководстве экономикой, оно открывает перед нами практически неограниченные возможности для использования огромных преимуществ социализма.

— Есть вопросы к Александру Александровичу?— спросил Юрий Борисович.

— Александр Александрович, автор очередной нашей статьи по экономическим законам, много места уделяет закону экономии времени. Ссылаясь на Маркса, он называет его первым законом. Если можно, скажите несколько слов, что представляет собой этот закон.

Васильев посмотрел на часы и, обращаясь к Савельеву, сказал:

— Учитывая, что отведенное мне время истекло, если не возражаете, давайте поступим так: отпустим тех, кто связан с выпуском номера, и тогда я отвечу на вопросы. Согласны?

— Вполне,— согласился Савельев и объявил: — Дежурная группа и если у кого срочные дела — можете быть свободными.

— Время необратимо. Потерянные часы и минуты невозможно вернуть никакой ценой,— начал объяснять Васильев.— Маркс действительно назвал экономию времени «первым экономическим законом на основе коллективного производства... законом даже в гораздо более высокой степени». Что же представляет собой этот закон?

Представьте себе лыжный марафон на сто километров по эстафете из десяти участков. По каждому из них с учетом местности имеется расчетное время. Одна из команд поставила цель сэкономить на всех промежуточных участках по одной минуте и выполнила ее. Поэтому, несмотря на то, что их лыжник заключительного участка показал самый плохой результат, они завоевали первое место.

Конечный результат экономической деятельности так же, как и соревнований, складывается из многочисленных промежуточных итогов работы. Конечным результатом социалистического производства является удовлетворение спроса трудящихся на пищу, одежду, жилища и другие материальные и культурные блага. В этой связи Маркс пишет: «Чем меньше времени требуется обществу на производство пшеницы, скота и т. д., тем больше времени оно выигрывает для другого производства, материального или духовного». Я здесь

не буду развивать мысль Маркса, но при подготовке статьи посоветую вам — обращаясь к молодому человеку, задавшему вопрос, — внимательно прочитать раздел «Общественный характер производства в буржуазном обществе в отличие от общественного характера производства при коммунизме». Его объем, по-моему, менее десяти страниц.

— А в какой работе? В «Капитале»? — поинтересовался тот.

— Нет. «Экономические рукописи 1857—1859 годов». В самом общем виде сущность этого закона заключается в необходимости сокращения рабочего времени на производство материальных благ. Эта экономия складывается из бережного расхода живого и овеществленного труда. Возьмем, например, хлеб. Испокон веков крестьянин с помощью самых примитивных орудий пахал, сеял, убирал, молот зерно и выпекал для себя, а порой и для других хлеб. Сапожник покупал шкуры, выделывал их и шил обувь. Раньше удельный вес чужого труда в конечном продукте был минимальным. По мере развития технической революции доля овеществленного труда в потребительских товарах неуклонно и быстро растет. Ныне в хлебе, например, овеществлен труд рабочих, которые добывали руду и выплавляли металл; доставляли металл на машиностроительный завод и изготавливали тракторы и другие сельскохозяйственные машины; пахали, сеяли, убирали и доставляли зерно на заготпункты; мололи его, пекли хлеб и продавали его потребителям. И так по всем изделиям и товарам. Чтобы килограмм хлеба, мяса, метр ткани или квадратный метр жилья стоил дешевле, нужно добиваться снижения затрат по всей цепочке производства, а не только на конечной стадии их выпуска. Из дорогой руды дешевого металла не получить, а из дорогого металла дешевой машины не сделаешь. Дорогие же машины, электроэнергия, удобрения, цемент повышают себестоимость хлеба, мяса, тканей, жилья... Таким образом, закон экономии времени предполагает сокращение живого и овеществленного труда на единицу конечной продукции.

Как же использовался этот закон на практике? Пожалуй, хуже всех других законов. Почему? Основной преградой на пути этого закона является применение показателя валовая продукция в качестве основного экономического показателя. На его основе опре-

делялись темпы производства и уровень производительности труда всех отраслей. Экономия живого и овеществленного труда ухудшала основные показатели их работы. Поэтому они в этой экономии не заинтересованы. Более того, они по возможности старались выпустить новое изделие подороже... Поэтому еще нередки примеры, когда новый станок или машина повышает производительность рабочих, обслуживающих их, на двадцать-тридцать процентов, а стоит в три-пять раз дороже прежнего. Повышение производительности труда на таких машинах оборачивается для общества в конечном счете ее снижением.

— Нет больше вопросов? — уточнил Васильев.

— Если позволите, у меня тоже вопрос, — вставая, сказал молодой человек. — Я готовлю к печати статью. В ней речь идет об экономической стратегии партии и затрагивается вопрос о регуляторе производства при социализме. Не могли бы высказать свою точку зрения по данному вопросу?

— Это наш редактор отдела пропаганды Казначеев, — подсказал Савельев...

— Какие у вас молодые редакторы, — удивился Васильев и, обращаясь к Казначееву, спросил: — А что, по мнению автора, является у нас регулятором?

— Закон планомерного (пропорционального) развития.

— После выхода работы И. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» эта точка зрения считалась общепринятой. Два года назад Кузнецов выступил в печати с утверждениями — и при социализме закон стоимости является регулятором. Вокруг этого началась дискуссия. Свою точку зрения по этой проблеме я обстоятельно изложил в статье «О роли закона стоимости в социалистическом обществе». Она опубликована в нашей газете в ноябре прошлого года. Я пришел к выводу, что «объективным регулятором общественного производства при социализме выступает система экономических законов, сознательно используемых обществом, людьми в практической деятельности».

Этим я хочу подчеркнуть, что любой закон является регулятором на своем участке. Наибольшего эффекта в хозяйственном строительстве мы достигнем лишь в том случае, если будем сознательно использо-

вать всю систему экономических законов в их совокупности и взаимодействии.

Как ни странно, но эту мысль мне подал человек, далекий от экономики. За несколько месяцев до публикации статьи в Тартуском университете проходило обсуждение литературы последних лет издательства «Народное хозяйство». На нем выступил со своей идеей Кузнецов. В спор с ним вступили сторонники господствовавшего в тот период взгляда... Третьи начали доказывать, что регулятором является основной экономический закон. И пошло-поехало...

И тогда выступил заведующий кафедрой неорганической химии, доктор химических наук Пальме. В частности, он сказал: «Я не экономист, но суть спора уловил и считаю его беспредметным. В переводе на язык химиков это означает следующее. При подготовке в химической лаборатории очередного опыта химики вдруг заспорили: какому из факторов, участвующих в этом процессе, надо отдать предпочтение? Одни утверждают, что главное внимание надо уделить температуре, другие — свету, третьи — влажности и т. д. Но у нас так не бывает. Мы в каждом конкретном случае, учитывая объективные законы природы, выбираем оптимальный режим, в котором определяем не только влияние всех факторов, участвующих в данной реакции, но и степень влияния каждого из них...»

При разработке экономической политики мы, безусловно, должны учитывать всю систему экономических законов, так как каждый из них регулирует какое-то отношение людей в производстве. А при решении конкретных задач, в зависимости от ее специфики, степень влияния каждого из них может быть различной...

— Есть еще вопросы? Нет? Тогда разрешите от вашего имени поблагодарить Александра Александровича за интересную и полезную беседу...

Савельев пригласил Васильева зайти к нему в кабинет и выпить кофе. Когда они вошли в приемную, секретарь, подавая Васильеву листок, сказала:

— Ваша секретарша просила передать, чтобы вы позвонили после доклада по этому телефону.

Телефон был Ирины...

ТАЙНА ПРОПАВШЕГО ГОРОДА

Прошли годы...

В вестибюле Дома ученых в этот день было многолюдно.

— Александр, никак ты?..

Васильев резко обернулся. Перед ним, широко улыбаясь, стоял Григорий Комаров, семь лет назад, сразу же после окончания аспирантуры, уехавший в сибирский академгородок.

— Гришка! Вот не ожидал, — радостно воскликнул Васильев, — давай отойдем в сторону... Ну, выкладывай, какими судьбами...

— Все очень просто. Приехал в Москву по делам и вот вчера случайно узнал об этой встрече. Думаю, схожу, старых друзей повидать. А Павел где? А Егоров?

— Павел в командировке, Егоров здесь, только я его найти никак не могу. Рассказывай, как там в Сибири? Читал твои статьи — мне понравились. Да, кстати, от души поздравляю тебя с членкорством. Последний раз тебя видел кандидатом, а теперь — доктор, да еще членкор.

— Да и ты, друг мой, все эти годы не плошал. Когда я вас покидал, ты еще даже кандидата не успел получить, а теперь тоже дважды остепенился.

Беседу прервал звонок, приглашавший участников встречи в зал заседаний. Васильев оставил Григория, строго наказав не уходить с места. Через минуту он вернулся.

— Ну пошли... Ты как наш почетный гость приглашен в президиум.

— Зачем, Саша?

— Не упрямясь. Сядем рядом, там и поговорим...

— Кто это? — спросил Григорий, когда к трибуне вышел первый выступающий.

— Святослав Миронович Царев — заместитель председателя секции экономистов при Доме ученых, заслуженный деятель науки, профессор, заведует кафедрой политической экономики крупнейшего в стране вуза — Института преподавателей общественных наук. В политэкономии придерживается консервативных взглядов, однако на словах чуть ли не новатор. В выступ-

лениях он при всяком удобном случае осуждает доцента Александра Павловича Ермых, решительного противника товарного производства. На деле... Только благодаря его поддержке заместителем у него на кафедре стал... Ермых. И ныне идеи отрицания товарного производства и закона стоимости при социализме все откровеннее пропагандируются на кафедре и положены в основу выпущенного ими учебника по политэкономии.

И как бы в оправдание этих слов Царев стал странно излагать хорошо всем известные истины о важности изучения и обсуждения экономических вопросов. Уловив недовольный шумок в зале, Царев ловко «закруглился».

— Учитывая, что о создании академии экономических наук пока только пишут и говорят, мы посовещались на совете нашей секции, — сообщил он, — и решили провести встречу молодых ученых, откровенно поговорить на ней об актуальных проблемах совершенствования системы управления экономикой.

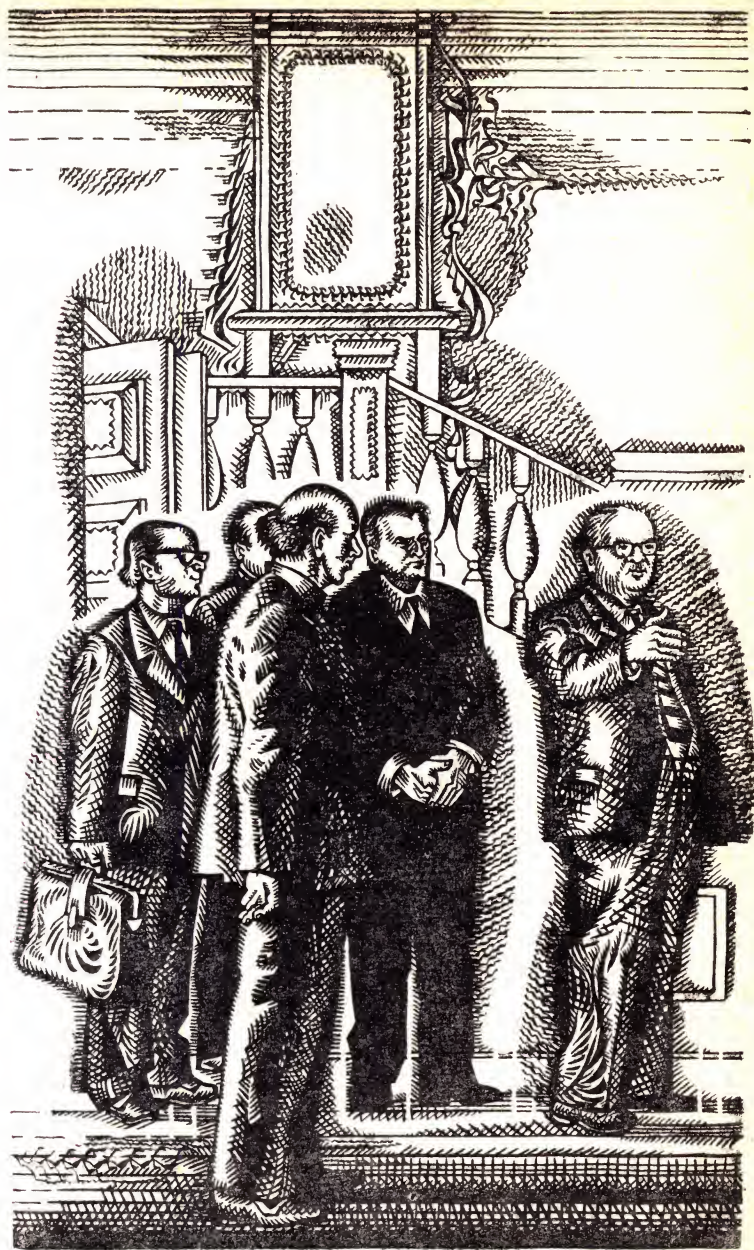
— А вы не слышали р-русскую поговорку, что стар-рый мер-рин бор-розды не пор-тит? — подал кто-то реплику из зала.

— Слышали... Могу добавить к сказанному, что встреча наша не закрытая, объявление сделано своевременно, так что каждый желающий мог сюда прийти. Естественно, хотелось бы выслушать в первую очередь именно молодых ученых...

А теперь слово предоставляется председателю нашей секции, ректору Всесоюзного экономического института имени Карла Маркса товарищу Венидиктову. Пожалуйста, Сергей Илларионович.

К трибуне медленной походкой направился мужчина выше среднего роста, с седой, но пышной шевелюрой.

— Товарищи! Вы знаете, что в последние годы в печати идет дискуссия о путях дальнейшего совершенствования хозяйственного механизма. Она особенно оживилась после публикации в «Правде» статьи Е. Либермана «План, прибыль, премия». Нашему институту поручено подготовить предложения о совершенствовании показателей планирования и оценки работы производственных коллективов и ведомств. Мы

мобилизовали все силы и, скажу без ложной скромности, многое успели сделать. Определенные надежды возлагаются и на эту встречу молодых ученых; думаю, будет высказано немало дельных предложений.

Здесь уже упоминалось о необходимости создания академии экономических наук. К сожалению, мы пока об этом только рассуждаем. А ведь многие науки, к примеру педагогическая, медицинская, сельскохозяйственная, имеют свои академии. Я нисколько не преуменьшаю роль названных и других отраслевых академий, в том числе коммунального хозяйства, но на этом фоне тем более не может не вызывать недоумения отсутствие академии экономических наук.

Венидиктов оглядел аудиторию, откашлялся и продолжал:

— Почему мы отдали предпочтение молодым? Хочу успокоить вас, уважаемый Владимир Михайлович,— обращаясь к профессору Бельскому, сказал оратор,— что «старых мерин», которые «борозды не портят», мы ценим и уважаем, но, как правило, известные наши ученые имеют все возможности высказать по несколько раз и даже пересказывать свои взгляды, убеждения. Ведь издательства всегда в первую очередь берут работы маститых... Поэтому, чтобы узнать их взгляды, не обязательно организовывать подобную встречу, достаточно открыть их книги, прочитать статьи, к тому же эти взгляды меняются очень медленно, подчас вопреки жизни отдельные ученые упорно отстаивают свои взгляды даже в тех случаях, когда они явно устарели. Не хотят прислушиваться к мудрому совету Льва Николаевича Толстого: «Надо любить истину так, чтобы всякую минуту быть готовым, узнав высшую истину, отречься от всего того, что прежде считал истиной». Уместно напомнить высказывание Андре Моруа: «Искусство старения заключается в том, чтобы быть для молодых опорой, а не препятствием, учителем, а не соперником, понимающим, а не равнодушным». Именно поэтому мы и решили сегодня отдать предпочтение молодым, это вовсе не означает, что мы будем игнорировать мнение представителей старшего поколения...

В этой аудитории, я думаю, нет необходимости говорить об успехах социализма, о преимуществах плановой системы ведения хозяйства. Ведь в самом деле:

в исторически кратчайший срок такая отсталая страна, как царская Россия, была превращена в одну из передовых, могущественных держав мира.

Во время войны народное хозяйство было неизменно разрушено, цифры вы знаете... Вам также известны заявления всяческих «пророков», что Советскому государству потребуются десятилетия для того, чтобы достичь довоенных рубежей в сфере экономики. Оракулов на этот счет на Западе было хоть отбавляй, и тем не менее мы с вами — свидетели небывало быстрого восстановления народного хозяйства. Сегодня, когда читаешь речь Сталина, произнесенную в феврале 1946 года на предвыборном собрании избирателей, то просто диву даешься, каким образом за столь короткий срок мы преодолели, можно сказать, непреодолимое. Я присутствовал на том собрании. Когда были названы цифры, которые следовало достичь за две-три пятилетки, они нам просто показались фантастикой. И вот сегодня, спустя сравнительно небольшой исторический срок, мы воочию убеждаемся: намеченные планы выполняются, особенно быстрыми темпами развиваются прогрессивные отрасли народного хозяйства. Но полностью ли используем мы преимущества социализма?

К сожалению, далеко не полностью. Экономическая наука пока еще не отвечает возросшим требованиям хозяйственной практики. Вспомните, как об этом записано в Программе нашей партии: «Достижение в интересах общества наибольших результатов при наименьших затратах — таков непреложный закон хозяйственного строительства».

Сущность этого закона положена в основу учебных программ экономических дисциплин, она красной нитью проходит через все учебники и учебные пособия. Но это, так сказать, теория. А на практике... чем больше предприятия снижают издержки производства, тем хуже согласно действующим оценочным показателям они работают. Разве это нормально?

По расчетам экономистов, промышленность может полгода работать, используя те материальные ресурсы, которые имеются на складах... Здесь возникает вопрос: в чем дело? То ли эти ресурсы попали не по адресу и находятся не там, где надо, то ли произведены не те материальные ценности, которые нужны сегодня? С одной стороны, большое скопление ресурсов, а с дру-

гой — немало сигналов, когда из-за отсутствия сырья простаивают предприятия.

Возьмем другую проблему. Сколько уже исписано бумаги по поводу нехватки запасных частей. По данным, которыми мы располагаем, до четверти автомобилей ежедневно не выходят на линию из-за отсутствия запчастей. Наблюдаются большие простои тракторов в сельском хозяйстве. Обостряется снабжение запчастями нефтяного оборудования, полиграфических машин... В общем, многие виды машин и оборудования своевременно не обеспечиваются наиболее дефицитными, то есть быстро изнашивающимися, деталями. Спрашивается: почему? Ответ на этот вопрос тоже хотелось бы от вас услышать...

Венидиктов приводил все новые и новые примеры. Чувствовалось, что его выступление — плод долгих раздумий. Он задавал вопросы аудитории, чтобы зажать ее, подать пример партийного, принципиального подхода к решению наболевших проблем.

— Весьма неудовлетворительно выглядит положение и в капитальном строительстве. Здесь сроки сдачи объектов затягиваются. Непомерно выросло число незавершенных сооружений. Вместо запланированного сокращения «незавершенки» с годами объемы незаконченного строительства продолжают нарастать. Почему «незавершенка» растет, почему меры, которые принимаются, не дают должного эффекта? Актуальнейшая проблема...

Несколько слов хотелось бы сказать о непроизводственной сфере. В настоящее время по мере роста производительных сил есть возможности для ее расширения. В сороковом году, например, восемьдесят восемь и три десятых процента деятельного населения было занято в сфере производства и лишь одиннадцать и семь десятых процента — вне ее. Ныне удельный вес непроизводственной сферы почти удвоился. Но вот отдача сферы услуг оставляет желать много лучшего.

Кроме того, реорганизация управления промышленностью и строительством, в ходе которой вместо отраслевых министерств созданы территориальные совнархозы, пока еще не дала желаемого результата. Главная цель этой революционной меры — полнее использовать преимущества социализма. В семилетнем плане, принятом на XXI съезде партии, поставлена задача добиться улучшения «всех качественных показате-

телей, особенно снижения себестоимости и повышения качества продукции». Как она выполняется? Прямо скажем — не совсем удовлетворительно. Нам еще не удалось достигнуть поставленных целей. Тревожит повышение материалоемкости продукции и рост издержек производства. Заметно расширяется число убыточных изделий и предприятий, снижается фондоотдача. Теряются миллиарды дополнительных рублей, отвлеченных из национального дохода, которые мы могли бы использовать с гораздо большей выгодой...

Товарищи, ориентиром для нас с вами служит четкая, научно обоснованная экономическая политика партии и государства. Но в процессе практической реализации этой политики на пути от центральных ведомств к совнархозам и особенно к производственным и научным коллективам, видимо, нет должной обратной связи. Между верхним и нижними «этажами» «приводные ремни», «рычаги» где-то не срабатывают, пробуксовывают. Видимо, нет должной увязки между научной разработкой экономической политики и практической ее реализацией. Несовпадение интересов общества и коллективов не может не мешать практическому применению «непреложного закона» социалистического хозяйствования. Потому и разговор на нашей встрече должен вестись главным образом вокруг темы, как лучше управлять социалистическим производством, более достоверно оценивать работу коллективов, справедливее поощрять людей материально и морально.

Предоставляю слово кандидату экономических наук Кузнецову, автору брошюры «О роли рынка при социализме». Она, как вы помните, вызвала много споров. Пожалуйста, Генрих Яковлевич...

Молодой мужчина пружинисто взмошел по ступенькам. Держался он уверенно и непринужденно...

— Мое выступление несколько облегчается тем, что, как уже здесь сказал уважаемый председатель, недавно вышла моя брошюра, в которой я рассматриваю ряд принципиальных вопросов дальнейшего улучшения нашего хозяйственного механизма. Вокруг брошюры разгорелись споры. Высказывались разные точки зрения.

Кузнецов зачитал несколько благосклонных откликов именитых ученых.

— Были и критические замечания, многие из них я учту в дальнейшей работе.

А теперь перейду к вопросам, которых я хотел бы коснуться отдельно. Первый... Это вопрос о товарном производстве. Вы знаете, что некоторые экономисты пытаются доказать, что у нас нет товарного производства и закон стоимости не действует. Считаю эти взгляды ненаучными, они отражают прошлое, когда наша наука топталась на месте. По моему убеждению, подлинное развитие экономической науки у нас началось лишь в последние годы. И на нашу с вами долю выпала нелегкая задача создать настоящую науку о социалистическом хозяйствовании, так как в управлении у нас укоренились главным образом внеэкономические методы управления, и наука оказалась не подготовленной к решению многих практических задач. Думаю, что с этим положением сложно спорить.

Венидиктов полуобернулся к Васильеву и тихо шепнул:

— Ну как, принимаешь такого сторонника товарного производства в свои ряды? Ведь противник-то у вас общий.— И Венидиктов хитро покосился на Царева, с недовольной миной слушавшего выступающего.

Васильев уклончиво ответил:

— Поживем — увидим...

Что ж предлагал Кузнецов для создания настоящей науки о хозяйствовании? Он утверждал, что прибыль должна стать главным экономическим показателем, характеризующим результаты работы социалистических предприятий. Более того, по его мнению, прибыль может быть целью производства и при социализме...

Критикуя действующие на практике показатели измерения производительности труда, Кузнецов предложил определять и производительность труда прибылью, которая, по его утверждению, является наиболее объективным измерителем. Через нее же он предлагал устанавливать и пропорции развития социалистического производства. Получалось: прибыль посредством цен должна регулировать производством.

— К сожалению, в нашей экономической науке до сих пор мы следуем утверждению — мол, закон стоимости в условиях социализма не является регулятором производства. Это утверждение обрело уже пороч-

ность предрассудка, — возмущался Кузнецов. — Цены должны колебаться под воздействием, с одной стороны, спроса, с другой — предложения. При дефиците какой-либо продукции (например, текстильной) цены на нее должны расти, а соответственно должна возрастать и прибыль данной отрасли. Обратный процесс мы наблюдали бы в условиях перепроизводства.

Наличие диспропорций в социалистической экономике Генрих Яковлевич объяснил отсутствием возможности свободного переливания капиталовложений из одной отрасли в другую, равно и между предприятиями — из одного в другое. По его мнению, нужен своеобразный регулятор, который бы автоматически то тут, то там открывал клапан и выпускал излишние средства, одновременно направлял их туда, где в данный момент можно получить наивысшую прибыль.

Кузнецов говорил напористо, хорошо поставленным голосом. Чувствовалось, что он умеет налаживать контакты с аудиторией и производить благоприятное впечатление.

— Бесспорен и тот факт, что ныне действующие оценочные показатели деятельности производственных коллективов являются непригодными, ибо отражают работу предприятий, как в кривом зеркале. Я, по крайней мере, не встретил ни одного серьезного выступления в защиту ныне действующих показателей. Возникает вопрос: какие новые показатели должны прийти на смену, обрести законную силу?

Если вспомнить о возражениях, которые как бы отрицают главенствующую роль показателя прибыли, то, мне кажется, они попросту неубедительны. Ведь основной упор критики делают на то, что ни один из показателей не может быть главным. Товарищи ратуют за систему неких равноценных показателей. Такое предложение я считаю несостоятельным — еще давно подмечено, что у семи нянек дитя без глазу. И это, пожалуй, является основной причиной нынешнего неудовлетворительного состояния экономики. У нас сейчас формально не существует основного показателя. У нас есть система показателей. Она-то и привела к тому, что эффективность производства не повышается, а на многих предприятиях даже ухудшается. Игнорирование прибыли как главного показателя приводит к весьма отрицательным последствиям. Примеров тому сколько угодно. Назову лишь фельетон В. Филиппова

«Тайна пропавшего города», опубликованный в газете «Ленинское знамя». Если кто из вас не читал, советую прочесть. Главный бухгалтер совнархоза рассказывает, что у них две тысячи пятьсот изделий убыточны — начиная от чугуна и стального литья, кончая пряжей и тканями. Переведя эти убытки в квартиры, жилые дома и кварталы, которых так остро не хватает тем же самым предприятиям, бухгалтерия вычислила потерянный город на сто тысяч человек — это за один год и только по одному экономическому району! Сколько же мы теряем таких городов ежегодно?!

Кузнецов покинул трибуну под аплодисменты, но Васильев заметил в зале и много скептических улыбок.

— Выступает кандидат экономических наук, заместитель главного редактора журнала «Народное хозяйство» Егоров, — объявил председатель.

Егоров окинул быстрым взглядом зал, как бы призывая его в единомышленники.

— Хотел бы затронуть важный вопрос — о противоречиях при социализме... Вы знаете, что раньше мы не признавали наличия противоречий в экономике социалистического общества. Их называли недостатками. У меня в свое время на этой почве возникали даже серьезные недоразумения с научным руководителем, который внушал мне: выбросьте из головы слово «противоречия», забудьте его, нет и быть не может такого при социализме. Есть лишь отдельные недостатки, они устранимы в процессе практической деятельности.

Что же это за противоречия? — Егоров достал из кармана пиджака журнальные гранки. — Не секрет, что предприятия всячески стремятся выпускать продукцию подороже, и, увы, они часто этого добиваются. Пути к достижению этой, с позволения сказать, цели самые разнообразные. Наиболее распространенный путь — замена старых изделий новыми, более дорогими, что позволяет коллективам успешно выполнять план и побеждать в соцсоревновании. Предприятия же, которые снижают материальные и трудовые затраты, оказываются в числе отстающих, лишаются поощрений. На эту тему в редакцию журнала приходит немало писем. Перескажу вам лишь содержание вот этого солидного трактата. — Оратор поднял над трибуной «письмо» в полсотню, не меньше, страниц.

Верхнедонский трубный завод совместно с учеными разработал и освоил технологию тонкостенных труб. За три года завод сэкономил на этом двести двадцать четыре тысячи тонн металла. В прошлом году, например, выпуск труб в метрах увеличился на двадцать пять процентов, а расход металла одновременно уменьшился на семь процентов. Выгодное ли для общества дело? Безусловно! А для предприятия? Нет! Все эти новшества обернулись для него большими потерями. При увеличении реальной продукции на четверть годового плана объем валовой продукции в рублях снизился сразу на семь процентов, соответственно упали и темпы роста объема производства в рублях, а производительность труда снизилась на пятнадцать процентов. Почти на семьдесят тысяч уменьшились отчисления в премиальный фонд. В конечном счете завод утратил передовые позиции в социалистическом соревновании. Предприятие оказалось в трудном экономическом положении. Не говоря уже о моральном состоянии коллектива.

Южный компрессорный завод заменил чугунные кольца на капроновые. Первые служили всего лишь три тысячи часов, капроновые — тринадцать тысяч... Чугунное кольцо стоило два рубля двадцать копеек, капроновое — всего-навсего двадцать семь копеек. Завод таких колец выпускал полмиллиона в год. И на каждом из них эконоилось около двух рублей плюс четырехкратное увеличение долговечности. Общество получило огромную экономию! Но что от этого имел сам завод? Сэкономил два рубля на кольце — потерял миллион рублей вала! Вот на этот-то миллион и недополнило план предприятие. Руководство обратилось в вышестоящую организацию с просьбой уменьшить на эту сумму план объема валовой продукции. Им не просто отказали в просьбе, но еще и отчитали: мол, своей самостоятельностью завод ставит под угрозу выполнение программы управления в целом, и уж если сами, мол, снижали стоимость детали, то сами и выкручивайтесь.

К чему ведет эта погоня за рублем? Стоит лишь проследить заголовки выступлений печати, посвященных этой злободневной теме, и все станет ясно — «Терка в дефиците», «Дефицитная прищепка», «Невесомая табуретка», «Пуговица в опале», «Неуловимая конфорка» и так далее. Предприятиям невыгодно производить ве-

щи мелкие, дешевые, хотя и крайне распространенные в быту, очень нужные. Сделай на них ставку — прогоришь с планом в рублях. Вот и получается: общество стремится удовлетворить материальные и культурные потребности населения с наименьшими затратами, производственные же коллективы заинтересованы в обратном — в увеличении этих затрат.

О чем свидетельствуют приведенные примеры и факты? Если прибегнуть к научной терминологии, они свидетельствуют о противоречии между общественными и коллективными интересами. А ведь мы знаем, что общественные, коллективные и личные интересы при социализме должны совпадать. Верно я говорю?

— Совершенно верно! — ответили в зале.

— При социализме нет антагонистических противоречий, потому что в нашем обществе нет эксплуатации, нет классов, интересы которых противостояли бы друг другу. Но в то же время, как мы убедились, экономические противоречия существуют...

В заключение несколько слов о предыдущем выступлении. Я внимательно прочитал брошюру Генриха Яковлевича. Лично у меня она вызывает недоумение. Если претворить те идеи, которые высказывает автор, в жизнь, то централизованное планирование будет, по существу, ликвидировано. Хотя на словах он ратует за укрепление планирования, а предлагаемый им механизм является не чем иным, как стихийным развитием экономики. Но не может же быть планово-стихийного развития производства. Оно может быть или стихийным, или планомерным. В брошюре много говорится о сочетании рынка и плана. Но это опять-таки несоотнесимые категории. Рынок как сфера обращения может быть и стихийным и плановым. У нас он является составной частью плана, который не сочетать надо, а выполнять! Понятию «план» противостоит стихийность. В общем, мне кажется, идея Кузнецова — одно из модных течений в экономике, претендующих на новаторство. Но я не нахожу в ней ничего новаторского...

Усевшись на свое место, чуть успокоившись, Егоров выжидательно посмотрел на Ирину:

— Здорово выступил, тебя так слушали, — похвалила она, — вот и мне бы так...

Она замолчала и сосредоточенно стала следить за новым выступающим.

— Слово имеет аспирант Петров Иван Дмитриевич, прошу.— Председатель до самой трибуны проводил взглядом нового оратора, который был еще моложе предыдущего.

Петров, как и Егоров, начал с того, что признал наличие противоречий между общественными и коллективными интересами и подверг критике положение, что «при социализме производственные отношения находятся в полном соответствии с состоянием производительных сил».

— Практика свидетельствует, что к полному соответствию этих двух сторон способа производства можно лишь стремиться,— заявил оратор под одобрительный шумок зала.— Достигнуть идеального соответствия попросту невозможно. В век технической революции развитие производительных сил и количественно и качественно заметно ускоряется. Отсюда и ряд противоречий, которые могут и должны устраняться в процессе постоянного совершенствования производственных отношений. Только таким образом мы в силах устранять противоречия по мере их возникновения между общественными и коллективными интересами.

В своих утверждениях молодой ученый опирался на высказывания основоположников марксизма-ленинизма. У Карла Маркса и Владимира Ильича Ленина речь идет просто о «законе соответствия...». От сталинских же дополнений «о полном» и «обязательном» соответствии, видимо, целесообразно отказаться и внести в связи с этим необходимые уточнения в учебные программы и учебники.

— Я убежден,— говорил Петров,— что это будет содействовать активной разработке научно обоснованных методов хозяйствования с учетом объективных экономических законов. Вы знаете восточную поговорку: хоть тысячу раз повтори слово «халва», во рту слаще не станет. К чему я это говорю? А к тому, что многие противоречия—мы к ним постепенно привыкаем и считаем уже нормальными,—даже если мы к ним привыкли окончательно, все равно от этого не перестают быть противоречиями. В этой связи мне вспомнился один знакомый, который, будучи аспирантом, сформулировал вопросы, на которые необходимо найти ответы в процессе подготовки диссертации. Этот вопросник, висевший у него перед письменным столом, друзья окрестили «поминальником».

Оратор бегло пробежал взглядом по залу, а затем внимательно начал всматриваться в лица сидящих в президиуме. «Если Васильев своим взглядом не выразит возмущения, то буду продолжать», — подумал он. Увидев, что Васильев о чем-то болтает с соседом, Петров продолжал:

— Соль вопросов «поминальника» сводилась к следующему: почему удорожание продукции выгодно предприятиям, а удешевление ведет к ухудшению его экономического положения? В порядке дополнения к тому «поминальнику» мне хотелось бы назвать несколько «почему», хорошо известных любому из вас:

— почему на вас косо посмотрят, долго и плохо будут обслуживать в ресторане, если вы не закажете спиртного?

— почему в парикмахерской, после того как вас подстригут, очень торопятся освежить жидкостью, порой подозрительной свежести?

— почему наша активная работа по борьбе с алкоголизмом пока еще не дает желаемых результатов?

— почему в столовых и ресторанах довольно редко встречаются дешевые овощные блюда?

— почему весной батареи в квартире настолько горячие, что приходится открывать не только форточку, но и окна, а холодной осенью батареи ледяные?

— почему, например, в булочных разрезанных буханок зачастую не найдете, вам стараются продать целую, большая часть которой попадает затем в мусоропровод?

Все эти «почему», на мой взгляд, имеют объективные причины. Если мы будем объяснять их несознательностью отдельных работников и стремиться устранить путем усиления воспитательной работы, то, значит, «диагноз» будет поставлен неточно и лечение не даст желаемого результата. Болезнь загоним внутрь, и, естественно, она станет хронической. А впрочем, некоторые из названных «почему» уже стали таковыми. Хотя и отрицать в этом деле несознательность некоторых работников и важную роль организационно-воспитательной работы также значило бы допустить серьезную ошибку. Но если исключение становится правилом, а правило — исключением, то здесь налицо противоречие, игнорирование объективных условий...

Егоров наклонился к Ирине и вполголоса произнес:

— Молодец, Иван, как выступает! А вчера божился, что поджилки трясутся. Но смотри, как собрался! Как все четко излагает! Вот умница.

Ирина согласно кивнула.

Петров тем временем продолжал:

— Чтобы выразить свое отношение к «герою нашего времени», а иначе я не могу назвать первого оратора, так как он нынче является, пожалуй, самым модным экономистом, скажу: если пойти по предлагаемому им пути, то количество названных «почему» возрастет настолько, что постепенно из исключения они действительно трансформируются в правило. Что же касается причин названных «почему», то они целиком, по моему убеждению, кроются в несовершенстве показателей планирования и оценки работы предприятий и организаций. Один из серьезных недостатков планирования — установление заданий от достигнутого уровня. Конечно, достигнутый уровень игнорировать нельзя, но учитывать его надо не формально, автоматически, а с учетом реальных условий. Иначе неизбежны перекосы и просчеты в планировании, как неизбежны и отрицательные их последствия.

Из-за ограниченности времени я не могу, естественно, остановиться на анализе названных «почему», но для наглядности давайте рассмотрим хотя бы некоторые. Как, например, оценивается работа ресторана или столовой? Главным показателем их функционирования является выручка в рублях: чем больше они заполучили денег по сравнению с предыдущим периодом, тем лучше! Каким путем им удастся получить прирост? Это уже другой вопрос. Здесь вступает в силу принцип: победителей не судят. Поэтому и рестораны, и столовые все внимание сосредоточивают на выручке, на выполнении плана товарооборота, от чего зависит и рост производительности труда и, естественно, зарплата.

Присмотритесь внимательнее... На рынках и в других бойких местах как грибы растут киоски, лотки и палатки от столовых и ресторанов, в которых продаются многочисленные полуфабрикаты с соответствующей наценкой. Хорошо это или плохо? В принципе хорошо, будь там организована торговля пирожками, пончиками и другими собственными изделиями и полуфабрикатами. Но, к сожалению, сплошь и рядом эти ларьки торгуют не собственной продукцией, а полуфабрикатами и продуктами, полученными для приготовления блюд

в столовых и ресторанах. Почему? Да потому что гораздо проще получить готовые полуфабрикаты и не возиться с ними на кухне, продать их на улице с лотка и иметь оборот.

Запомнилось предложение одного экономиста, который рекомендовал для повышения рентабельности столовых вообще не открывать их двери. Все полуфабрикаты, особенно мясные (благо на них спрос возрастает), получать и продавать с лотка: никаких тебе затрат на обслуживание в столовой, на приготовление пищи, на уборку помещения. Держать при столовой одного-двух продавцов — и все. Вот когда, как это ни смешно и ни больно, будет достигнута высочайшая рентабельность и эффективность работы общепита. Конечно, экономист предлагал это с иронией, но не заложена ли в ней доля истины?

Возьмем, например, такое широко распространенное блюдо, как котлеты. Они бывают мясные и овощные. Трудовые затраты на них одинаковы, а стоимость мясных котлет в два-три раза дороже. Стоимость морковных и капустных котлет далеко не всегда покрывает расходы на зарплату. Поэтому они приносят общепитовцам немалые убытки, а мясные — солидную прибыль. Аналогичная картина происходит с овощными и мясными рагу. Цена многих пирожков на две-три копейки ниже их себестоимости...

Надо ли объяснять, почему пирожков вообще, а с капустой в особенности, овощных котлет и других дешевых изделий в магазинах кулинарии днем с огнем не найдешь? По той же причине овощные и фруктовые блюда — приятное, но редкое исключение в заведениях общепита.

Таким образом, противоречие между интересами работников общепита и посетителями очевидно...

Или: почему борьба с алкоголизмом не дает желаемых результатов? Дело в том, что выручка от спиртного существенно влияет на выполнение плана товарооборота, от которого зависит и рост выручки, и премия, и моральные поощрения торговых работников. Предложения исключить выручку от алкогольных напитков из плана товарооборота пока не находят должной поддержки.

— Вы знаете, какой доход приносит эта статья? — спросили одновременно несколько голосов из зала.

— Я прекрасно знаю доход по этой статье и крайне удивлен вопросом, прозвучавшим именно в нашей аудитории. Разговорами о бюджете, когда речь заходит о спиртном, прикрываются те, кто не понимает в должной мере сущности экономических законов.

Давайте прикинем. Если мы доведем незавершенное производство в строительстве до норматива, я подчеркиваю — научно обоснованного норматива, и в пределах намеченного повысим фондоотдачу, то получим дополнительную сумму средств, с лихвой компенсирующую тот самый пресловутый доход от реализации «горькой». Да ведь и сухой закон вводить никто не предлагает. Значит, речь идет лишь о частичном возмещении «горького» дохода. Но самое главное, самое важное в этой проблеме то, что нельзя измерить никакими миллиардами рублей, — это моральная сторона. Исключительно важное социально-экономическое значение ее переоценить невозможно. В заключительном слове по докладу на Всероссийской конференции РКП(б), состоявшейся 26—28 мая 1921 года с повесткой дня «О продовольственном налоге», Ленин говорил: «Я думаю, что в отличие от капиталистических стран, которые пускают в ход такие вещи, как водку и прочий дурман, мы этого не допустим, потому что, как бы они ни были выгодны для торговли, но они поведут нас назад к капитализму, а не вперед к коммунизму...»

Угроза возврата к капитализму ныне ликвидирована. В материалах XXII съезда партии записано, что социализм в СССР «победил не только полностью, но и окончательно». Однако и в этих условиях вред от спиртного, к сожалению, велик без преувеличений.

Но особенно нетерпимой мне представляется погоня за валом и оборотом в рублях, когда речь заходит о хлебе. Вы знаете, что цена на хлеб у нас самая низкая в мире. Спрос на него давно и полностью удовлетворяется. По мере роста благосостояния стол советских людей становится все богаче и разнообразнее. Повышение удельного веса высококалорийных продуктов ведет к неуклонному снижению потребления хлеба на душу населения. Если в 1940 году в среднем на человека потреблялось сто девяносто пять килограммов хлебобудовых продуктов в год, то в настоящее время — сто пятьдесят пять. Однако же выпуск хлеба, так же, как металла и цемента, потребность в которых растет, планируется неуклонно от достигнутого уровня в рублях.

Передо мной — итоги работы десяти хлебных комбинатов разных городов страны. Во всех объем валовой продукции увеличился и одновременно сократился выпуск хлеба в тоннах. Как это возможно, спросите вы, ведь цена на хлеб устойчивая и ее никто не имеет право повышать? Совершенно верно: именно этот парадокс и заинтриговал меня в свое время. И я решил тогда заглянуть «вовнутрь» хлебной кухни, выяснить, как же удастся такое. Вот данные по Щербаковскому комбинату.

Иван взял со стола лист ватмана, на котором была изображена диаграмма, иллюстрирующая этот пример. Он развернул его и, держа в широко разведенных руках, стал пояснять:

— Смотрите, объем валовой продукции за пятилетку увеличился на двенадцать процентов. Производительность труда с учетом уменьшения численности работников повысилась на восемнадцать процентов. Выпуск хлебобулочных изделий в тоннах сократился на девятнадцать процентов. Средняя же цена одной тонны изделий поднялась на двенадцать процентов. Это удалось благодаря замене одних видов булочек другими, естественно, более дорогими. С этой целью заводы осваивают все новые и новые виды булочек с примесью дорогих компонентов — сахара, жиров, меда, орехов, изюма, повидла и прочего. Особенно обильные «урожай» вала собирают комбинаты благодаря освоению новых видов кондитерских изделий, где, помимо названных дорогих компонентов, учитывается и коньяк, кстати, используемый кое-где для опохмелки. И наконец, часть муки превращают в оладьевую и реализуют ее уже как продукцию собственного производства.

Иван свернул лист, положил обратно на стол.

— Хочу обратить ваше внимание и на такой аспект хлебной эпопеи. Основная масса хлеба выпускается килограммовыми и восьмисотграммовыми буханками. При нынешнем планировании, когда объем в рублях все время увеличивается, а трудоемкость изделий в расчет не принимается, выпускать буханки мелкой расфасовки накладно.

Если учесть расходы, начиная от обработки земли, посева, уборки и так далее, то экономия каждого процента хлебопродуктов дает обществу десятки миллионов рублей. Поэтому потери производителей и продавцов хлеба, связанные с его экономией, представляются

копеечными монетами на фоне сторублевых купюр, получаемых обществом от такой экономии. Но эта огромная выгода находится за пределами интересов пекарей и торговцев. Здесь начинает действовать принцип: свой рубль дороже «чужого» миллиона. Поэтому в поисках баранок и диетических изделий иногда полезно поразмышлять и с позиций пекаря...

— Простите, Иван Дмитриевич, что прерываю,— сказал председатель.— Ваше время, увы, истекло, но говорите вы очень интересно, и нам хотелось бы услышать хотя бы в общей форме ваши рекомендации по устранению этого «хлебного» противоречия.

— Я, конечно, размышлял об этом,— продолжал Петров.— По-моему, не надо планировать увеличение производства и продажи хлеба. Премии продавцам платить не за увеличение оборота, а за строгое соблюдение утвержденного перечня ассортимента. Работу хлебных комбинатов оценивать в зависимости от выполнения ими заказов торговли по количеству и по ассортименту. Фонд зарплаты и производительность труда определять по трудоемкости фактически произведенной продукции.

И в заключение, товарищ председатель, хочу сказать несколько слов по поводу вашего вопроса: почему большие вложения в непроизводственную сферу пока не дают желаемого результата? На мой взгляд, основная причина кроется в том, что господствующий в сфере производства рублевый вал здесь копируется в худшем виде. От невыгодных для предприятий быта услуг они отказываются под самыми благовидными предложениями, а зачастую предлагают заказчику неприемлемые сроки исполнения. Осенью мне необходимо было погладить пальто. Я объехал десятка два мастерских — и всюду ответ один: «Не принимаем!» А ведь еще недавно это делалось в любом ателье. Тогда я поехал в управление бытового обслуживания и спросил: почему мне отказывают? Там ответили, что осуществили специализацию ателье. «И кто же теперь должен гладить?» — спросил я. Называют ателье на Ленинском проспекте. Но я и там был. Слышу: они не имели права отказать, мы сейчас позвоним, отругаем их... После звонка у меня, что называется, со скрипом взяли пальто сроком... на восемь дней. Видимо, все же надеялись — откажусь. Ведь холода начались.

Что кроется за всей этой волокитой? Почему пальто

невыгодно гладить? Копеечная работа — вот и весь ответ. Вот если б вы попутно заказали пришить к пальто какой-нибудь воротник подороже! Тогда бы милости просим!

Благодарю за внимание!

— Молодец! — сказали несколько человек в зале, когда оратор шел на свое место.

— Товарищи, — поднялся председательствующий, — Владимир Михайлович Бельский прислал уже вторую записку, просит дать ему слово вне очереди...

— Да. Я прошу поскорее дать мне слово... — отозвался Бельский.

— Ну что ж, прошу... Послушаем, товарищи, профессора Бельского. Да, кстати, пользуясь случаем, я хочу поздравить вас, Владимир Михайлович, с успешной защитой докторской диссертации.

На мгновение в зале наступила идеальная тишина, многие переглянулись, зашептались. Егоров наклонился к Ирине:

— Я его всегда считал доктором, он ведь давно профессор.

— Да, давно. Целых тринадцать лет... Профессор-кандидат...

— Мне показалось, — начал Бельский, — более уместным высказать свои соображения именно сейчас, после только что выслушанных нами ораторов. Мне совершенно не понравилось, что такие приятные молодые люди как-то уж очень просто, с маху, игнорировали значение серьезных предложений, сделанных Генрихом Яковлевичем Кузнецовым. Егоров даже заявил, что эти предложения отрицают централизованное планирование. Такими фразами, простите, нельзя разбрасываться... Если вы и считаете, что Кузнецов игнорирует централизованное планирование, то объясните, в результате чего это происходит?

Вновь послышался голос Венидиктова:

— Уважаемый Владимир Михайлович! Не могу не вмешаться, уж извините. Думаю, мы уйдем в сторону, если будем здесь обсуждать брошюру Генриха Яковлевича. Наша встреча предполагает более широкий круг вопросов.

— Согласен с вами, Сергей Илларионович. Действительно, это не обсуждение предложений Кузнецова. Можно не касаться ни его брошюры, ни его предложений. Однако позвольте мне закончить мысль: его рассуждения о рынке в социалистическом обществе я считаю весомыми, новаторскими. Просто так отмахнуться от предложений молодого ученого было бы непростительной ошибкой. Они, поверьте, я не преувеличиваю, еще послужат серьезным вкладом в развитие теории и практики социалистического хозяйствования.

Здесь приводились примеры, свидетельствующие о курьезах. Говорилось о наличии противоречий при социализме: да, как ни печально, интересы отдельных коллективов и общества в целом не всегда совпадают. Вместе с тем, признать эти противоречия — это лишь продвинуться на полшага вперед, — говорил Бельский, — главное — устранять эти противоречия! Выступавшие, кроме Кузнецова, не называли кардинальных средств для их устранения.

— А что вы считаете кардинальной мерой? — спросил кто-то из первых рядов.

— Кардинальные меры предложены в брошюре Кузнецова, а также в работах других авторов, предлагающих сделать прибыль главным показателем, — воскликнул Бельский. — Походя отвергать эти предложения нельзя! Слишком дорого нам обходится игнорирование показателя прибыли. В этой связи хочу обратить ваше внимание на упоминавшийся здесь фельетон «Тайна пропавшего города». Убытки только одного экономического района привели к потере целого города — такова цена игнорирования прибыли. И еще я хочу вам напомнить о фельетоне «Премия под занавес». В нем рассказывалось, как прекрасные ткани, предназначенные для женского платья, пустили на занавески ради премии. Такое предприятие по законам логики должно было вылететь в трубу! Но вот в чем заключается беда — превратив красивую ткань в занавески, предприятие, наоборот, оказалось в лидерах. Закрывать надо подобные фабрики и заводы, закрывать! А их руководителей освобождать, дисквалифицировать и направлять на рядовую работу. — Владимир Михайлович распалялся все более, его искренний гнев рвался наружу. — Вот почему я считаю, что предложение сделать главным «арбитром» деятельности производственных коллективов прибыль является тем новшеством,

которое позволит поднять наш механизм управления на уровень современных задач.

А вообще, если говорить шире, как предлагал Сергей Илларионович, если говорить откровенно, то давайте прямо признаем: у нас отсутствует наука об управлении экономикой.

И вновь раздался голос председателя:

— Позвольте, Владимир Михайлович, задать вам вопрос. Вот вы утверждаете, что у нас нет практически науки о социалистическом хозяйствовании. Более подробно об этом говорится на сей раз уже в вашей брошюре. Цитирую.— Венидиктов поднял над головой книжечку, обращая внимание зала, взмахнул ею и зачитал: — «Задачи, которые стоят перед обществом, строящим коммунизм, делают нетерпимым «белое пятно» на месте экономической науки — отсутствие, — далее вами подчеркнуто, — учения о социалистическом хозяйствовании. Предмет этой науки — народное хозяйство в целом, руководство народным хозяйством...»

Таким образом, вы предлагаете ни много ни мало создать новую науку о руководстве народным хозяйством, ибо на ее законном месте сегодня режет глаз «белое пятно». Я вас правильно понял?

— Ну, в известной мере так... В принципе.

— Тогда позвольте уточнить еще один вопрос. В предисловии к вашей брошюре сообщается, что вы являетесь «известным советским ученым, экономистом, имеете ряд фундаментальных, — я цитирую, — трудов по вопросам экономики и финансирования, ваши труды издаются не только в СССР, но и в братских социалистических странах, некоторые статьи переведены и в капиталистических...». О вас пишут как об одном из видных ученых-экономистов нашей страны. Простите, но если у нас нет экономической науки, то о чем написаны ваши научные работы? Можно ли, на ваш взгляд, сочетать отсутствие экономической науки с наличием ученых-экономистов? Откуда взялись ученые, если нет науки?..

В зале раздался смех.

Из почти получасового разъяснения Бельского вырисовывалась некая схема экономического механизма эпохи свободной конкуренции. Она предусматривала полную самостоятельность коллективов, которые, руководствуясь спросом рынка, сами определяют, что они

должны выпускать и в каком количестве. В процессе формирования новой науки о хозяйствовании профессор предложил создать экономические условия, которые оставляли бы предприятиям лишь два пути: либо работай хорошо, либо... исчезай. При этом выступающий красноречиво доказывал, что «имущество, материалы и другие средства производства разорившихся предприятий должны продаваться «с молотка».

В небольшую паузу, когда выступающий решил отхлебнуть чаю, в зале неожиданно привстал молодой человек, извинился, что он вынужден перебить оратора, и попросил его ответить на вопрос:

— Владимир Михайлович, вот здесь перед вами говорили — об этом много и в печати пишется, — что ныне действующие оценки работы предприятий необъективны, они зачастую искажают картину производственной деятельности. Не получится ли и в вашем случае так, что закроются те предприятия, которые по оценочным показателям работали вроде бы плохо, а в действительности — хорошо?

— Вопрос закономерен. Общеизвестно, показатель валовой продукции в роли главного экономического показателя себя не оправдывает — необъективный показатель подобен испорченному компасу, который неверно показывает курс. Потому я присоединяюсь к мнению тех экономистов, которые ратуют за единый, обобщающий показатель, охватывающий все стороны хозяйственной деятельности. А столь ответственную функцию можно возложить только на прибыль.

Опытный оратор, Бельский выдержал паузу и, дождавшись полной тишины, повторил:

— Да, да. Только применение прибыли в качестве главного экономического показателя позволит создать условия для реального осуществления нового принципа социалистического хозяйствования: «Либо работай прибыльно, либо закрывайся». Принцип этот должен стать краеугольным камнем новой науки об управлении народным хозяйством. Повсеместное внедрение этого принципа и поможет нам раскрыть «тайну пропажи городов». Само собой разумеется, в новых условиях мы должны предоставить предприятиям право отказываться от планово убыточной продукции.

Внедрение нового принципа хозяйствования предусматривает и внесение некоторых изменений в финансовую политику. Прежде всего — очередность пла-

тежей. С 1929 года существует эта административная очередность. Ее суть в следующем: при нехватке средств предприятие в первую очередь выдает деньги своим рабочим и служащим, затем выполняет обязательства перед государственным бюджетом и лишь потом, в третью очередь, рассчитывается с поставщиками. Нередко случается и такое: успевает получить деньги для заработной платы вторично, за следующие две недели, а счета поставщиков все еще ждут своей очереди.

Именно в этом мелком, казалось бы, обстоятельстве, о котором мало кто и знает, кроется возможность принимать необоснованный план. Выполнил задание или нет, хорошо ли сработал, плохо ли, а своим рабочим и служащим заработная плата гарантирована. В этом гвоздь. Именно это прежде всего и надо изменить. Внедрять «хронологическую» очередность платежей. То есть чья очередь подошла, тому и плати. Вот когда руководство предприятия будет вынуждено хозяйствовать умело.

Далее Бельский говорил, что и в условиях социализма также неплохо сохранять либо возрождать конкуренцию, основанную на свободном колебании цен и свободном выборе партнеров, желающих как купить, так и продать товар. Он назвал вредными высказывания некоторых экономистов о том, что товарное производство ликвидировано и закон стоимости перестал действовать.

— Пора покончить с этими взглядами, они способствуют движению... вспять.— И сошел с трибуны.

Когда Лаврентьева встала со своего места и дала знак Егорову, чтобы он пропустил ее, Васильев произнес: «Ну, ни пуха...»

Ирина говорила не накатанными научными фразами, а как бы размышляла вслух, делясь с залом давно продуманным и прочувствованным.

— У меня сейчас такое ощущение, словно я присутствую на одной из экономических дискуссий двадцатых годов,— сколько запала в суждениях!

Ирина обратила взгляд в ту сторону, где сидел Бельский.

— Я хочу, Владимир Михайлович, последовать вашему примеру и высказать свои критические замеча-

ния, но... в адрес вашего единомышленника Генриха Яковлевича Кузнецова, о брошюре которого вы так лестно отзывались. Позвольте мне задать вопрос. Я знаю, что автор кандидат наук, а есть ли у него экономическое образование? — Она обернулась к Кузнецову: — Простите, Генрих Яковлевич, если не секрет, какой вуз вы окончили?

— Факультет журналистики Среднеуральского университета.

— Очень уважаемое учебное заведение, — продолжала Лаврентьева. — Это и чувствуется. По форме вы очень гладко написали брошюру, по существу же — на каждом шагу встречаются вопросы, которые вызывают недоумение, и я о них скажу несколько позже, а вначале попробую коснуться сути экономической науки, в отсутствии которой нас пытаются сегодня убедить. Правда, вы, Генрих Яковлевич, более благосклонны, чем Владимир Михайлович, и признаете наличие таковой хотя бы «в зачаточном состоянии», то есть вместо «белого» вы находите «серое» пятно. Мне очень бы хотелось посоветовать вам, Генрих Яковлевич, освободиться от миссии создателя науки, о которой вы столь заботливо печетесь, подчеркивая, что именно «на нас выпала такая миссия». А мне кажется — изучите сначала собственную науку, а потом уже совершенствуйте ее. Изобретать велосипед заново вряд ли следует!

Я работаю над темой, посвященной развитию политической экономии социализма, и мне, естественно, постоянно приходится иметь дело с архивами. В них столько интереснейшего! Встречаются и материалы дискуссий, посвященные развитию экономики прошлых лет. И я все больше убеждаюсь, что мысли, высказанные тогда, остаются и сегодня актуальными: мы изучали, писали историю экономики, не зная как следует предыстории.

Полностью согласна с товарищами, которые подчеркивают большую роль решений XX съезда партии и постановления ЦК о преодолении последствий культа личности. Ведь прежде проблемы развития советской экономической науки разрабатывались крайне слабо. В первую очередь пропагандировались сталинские высказывания и положения, вполне закономерно, что уровень экономических исследований не отвечал возрастающим требованиям жизни, что экономическая

наука оказалась в большом долгу у хозяйственной практики. На мой взгляд, попытка некоторых молодых ученых отрицать подлинное развитие экономической науки вплоть до шестидесятых годов не соответствует исторической действительности.

В начале двадцатых годов Бухарин утверждал, что политическая экономия как наука может иметь своим объектом исключительно и только товарно-капиталистическое общество. Взгляды эти он обстоятельно сформулировал в работе «Экономика переходного периода». Его кредо: конец капиталистического товарного общества будет концом и политической экономии. Сразу же после выхода книги Бухарин подвергается критике. Острую отрицательную рецензию на его книгу написал Михаил Ольминский. Бухарин ему ответил в очень резкой форме. Тогда в полемику включилась Елизарова-Ульянова. Она беспощадно раскритиковала Бухарина и, в частности, за недостойную форму в обращении коммуниста к коммунисту, допущенную в ответе на критику Ольминского.

А в 1925 году известный экономист Иван Иванович Скворцов-Степанов выступил с докладом в Коммунистической академии на тему «Что такое политическая экономия?». Он убедительно доказал, что отрицание политической экономии социализма противоречит положениям классиков марксизма-ленинизма.

Хочу особо подчеркнуть,— продолжала Лаврентьева,— что эта дискуссия проходила в тот период, когда замечания Владимира Ильича Ленина на книгу Бухарина «Экономика переходного периода» еще не были опубликованы.

Все это Ирина излагала, не заглядывая в конспект. Она не отрывала глаз от сидевших в одном ряду Бельского и Кузнецова и внимательно следила за тем, какое впечатление производят на них приводимые ею данные.

— В статье «К вопросу об экономике социализма», которая была опубликована в 1931 году в журнале «Большевик», Николай Алексеевич Вознесенский писал: «...здесь дается лишь попытка написать «конспект» еще не написанной политической экономии социализма». Как известно, Вознесенский впоследствии написал учебник «Политическая экономия коммунизма» объемом тридцать пять печатных листов. Сам Николай Алексеевич отзывался об этом труде так: «Эта книга

моя — кредо ученого и коммуниста». Спрашивается: как же можно игнорировать все, что было сделано до нас? Разглагольствования, прошу простить мне это грубое слово, о «белом и сером пятнах», по-моему, являются не чем иным, как белыми и серыми пятнами в знаниях.

Лицо Ирины стало сурово-торжественным, и аудитория сразу почувствовала резкую перемену в ее тоне. Зал затих...

— Историю собственной науки нам надо знать. И не только ради памяти о предшественниках. Игнорирование истории политической экономии социализма заканчивается подчас тем, что в работах некоторых экономистов под видом нового выдвигаются предложения и рекомендации, в свое время отвергнутые самой жизнью. Это плоды нашего невежества. Чтобы не быть голословной, приведу пример.

В своем выступлении Генрих Яковлевич критиковал взгляды, согласно которым закон стоимости не является регулятором при социализме. По его мнению, нужно создать условия, при которых бы он регулировал производство. Иными словами, он ратовал за механизм регулирования производства в зависимости от спроса и предложения на рынке, выдавал эту идею за новое и весьма оригинальное продолжение.

Хочу огорчить вас, уважаемый Генрих Яковлевич. Подобные идеи весьма подробно изложены в книге Дашковского «Рынок и цена в современном хозяйстве». Вышла она в 1925 году в издательстве «Пролетарий». Автор утверждает — поскольку мы не можем сейчас осуществить измерение стоимости товара, то остается в силе норма прибыли, а следовательно, и закон образования цен, действующий при капитализме: «тенденция к выравниванию нормы прибыли сохраняется и здесь, как и в капиталистическом хозяйстве». Особо я хочу, Генрих Яковлевич, обратить ваше внимание на то, что Дашковский в обоих случаях вел речь о сохранении капиталистического принципа образования цен и нормы прибыли, а вы выдаете это за новинку.

В двадцатые годы эти взгляды разделяло немало экономистов. И потому, даже не вдаваясь в существо дела, вам, Генрих Яковлевич, следовало бы на них сослаться... Взгляды, мол, такие были в свое время высказаны, но «несправедливо» отвергнуты. Прошу не

обижаться на меня за откровенность, но о вашей брошюре можно сказать то, что писал в свое время Вильгельм Либкнехт Энгельсу о работах Лассаля: то, что в его работах хорошо — не ново, что ново — нехорошо.

Суть механизма стихийного (по вашей терминологии «автоматического») регулирования вы излагали и здесь, с трибуны. Вы сказали, что механизм этот хорошо знаком всем экономистам, но они-де сочли его непригодным в условиях социалистического хозяйства. Действительно, он знаком экономистам как механизм стихийного регулирования капиталистической экономики. Но вы, Генрих Яковлевич, в отличие от Дашковского об этом стыдливо умалчиваете...

Этот механизм всесторонне рассматривается в третьем томе «Капитала» Маркса, в котором анализируется процесс капиталистического производства, взятый в целом. Верно я говорю, товарищи?

— Верно... Так оно и есть,—разноголосо ответили в зале.

— Но ведь всем нам хорошо известно и то, что Маркс анализировал эпоху свободной конкуренции, которая давно канула в Лету, а на смену ей пришла монополия.

Я убеждена, что вы, Генрих Яковлевич, допускаете серьезную ошибку. Позвольте в этой связи предложить вашему вниманию мнение известного советского ученого академика Глушкова. Рассуждая о слабости классического рыночного механизма в условиях научно-технической революции, он справедливо отмечает, что привлекательной его стороной является внешняя простота. Все сложности поиска потребительной стоимости товаров перекладываются на никем не конструируемый и не регламентируемый механизм взаимодействия между спросом и предложением. Кое-кому кажется, что стоит только ввести этот механизм, и все сразу образуется. Но это не так просто. Далее я цитирую Виктора Михайловича:

«Классический рыночный механизм может выполнять функцию определения цены товара в соответствии с его стоимостью лишь при соблюдении следующих трех условий. Во-первых, наличие большого количества экономически и юридически независимых покупателей, способных совершать большое число покупок данного товара (многие тысячи и даже более), чтобы

сработал закон больших чисел в процессе случайных колебаний цены. Во-вторых, необходимо наличие достаточного числа также независимых продавцов, чтобы исключить возможность сговора и установления монопольной цены. И, наконец, в-третьих, необходимо, чтобы товар существовал на рынке в неизменном виде (без всяких улучшений или тем более замены его другим видом аналогичного назначения) достаточно долго для возможности стабилизации случайного процесса колебания цены».

Есть ли подобные условия в социалистическом обществе? — обращаясь к залу, спросила Ирина.

— Конечно, нет,— недружно ответили с разных рядов.

— И быть не может! — добавила Лаврентьева. — Более того,— продолжала она,— хочу вам сказать, Генрих Яковлевич, что названных условий в прежнем их виде не существует даже в условиях современного капитализма. Сейчас принцип даже капиталистического подхода иной. Конечно, в основе там остается стихийное регулирование и закон стоимости по-прежнему является стихийным регулятором, но вместе с тем механизм серьезно модифицирован.

Григорий, с вниманием слушавший Лаврентьеву, сказал Васильеву:

— Интересная женщина! А глаза, ты только посмотри, так и сверкают! Ты с ней знаком?

— Да вроде бы,— неуверенно ответил Васильев. — А что?

— Да познакомил бы.

— Пожалуйста...

— Раньше, в эпоху свободной конкуренции, главным решающим принципом увеличения дохода капиталиста было снижение издержек производства,— продолжала Ирина.— Чем ниже издержки, тем ближе к победе. При монополистическом капитализме уровень издержек имеет важное, но не решающее значение. В настоящее время исключительное значение для выколачивания прибыли имеет уровень монополизации в отрасли. Если, допустим, пять-семь монополий объединились, договорились о ценах и выпускают девяносто процентов продукции в данной отрасли, то они в состоянии диктовать цену, и они ее диктуют!..

В президиуме звякнул колокольчик.

— Я заканчиваю. Прошу две минуты,— попросила

Лаврентьева, председательствующий утвердительно кивнул головой, зал притих.— Кузнецов в своей брошюре достаточно убедительно критиковал учебник политической экономии: мол, плохо изложена характеристика экономических законов, о многом не сказано вообще... И знаете, ваши претензии в значительной мере справедливы. Но, как говорится, если во время действия пьесы на сцену повесили ружье, то должно же оно выстрелить? Покритиковав учебник, по логике вещей, вы должны бы предложить что-то лучшее, более совершенное, хотя бы в общих чертах. Вы ничего не предложили сегодня, да и в вашей брошюре бесполезно искать что-то позитивное о механизме сознательного использования экономических законов или о научной системе курса политической экономии социализма. В этой связи нелишне напомнить о том, что мы должны бороться не только *против* чего-нибудь, но также прежде всего за что-нибудь. Уж больно часто мы стали критиковать, не предлагая ничего лучшего взамен. Прошу понять меня правильно, высказала я свои суждения с глубоким убеждением в том, что вы серьезно ошибаетесь, переоценивая показатель прибыли, пытаясь сделать ее целью работы предприятий. Мне кажется, вам надо глубже изучить опыт хозяйствования. Практика, по справедливому замечанию Чернышевского,— великая разоблачительница обманов и самообольщений... На этом я, пожалуй, и закончу.

— Сейчас выступит директор завода резинотехнических изделий товарищ Игнатьев. Пожалуйста, Иннокентий Константинович,— объявил Венидиктов.

— Благодарен организаторам встречи за приглашение. Думаю, такой острый и в то же время доброжелательный, откровенный разговор— это как раз то, чего нам не хватает подчас для более творческого решения важных задач управления народным хозяйством. Ведь мы с вами пионеры создания и внедрения механизма социалистического хозяйствования. Нам учиться не у кого, нам все приходится делать и испытывать впервые. И вполне естественно, что мы подчас далеки от истины в том или ином вопросе. А ее, истину, можно извлечь лишь в результате неустанного совместного поиска ученых и практиков. А право на ошибку в этих условиях имеет каждый из нас. Коль человек ошибся,

ему надо помочь самому удостовериться в нереальности его предложения, в отсутствии научной обоснованности, а не спешить навешивать на него ярлыки и клички, как это, к сожалению, еще не так давно имело место в нашей научной и практической деятельности!

Полностью согласен с товарищами, которые передо мной критиковали действующую ныне систему планирования и оценки работы предприятий. У нас действует целая система показателей, не один, конечно, вал. Много директивных показателей утверждается сверху, значительно больше, чем требуется. Но они носят формальный характер. Господствует же, как справедливо здесь говорили, вал.

В этой связи на память приходит одна байка... Царь всея Руси заехал в заштатный городок. После доклада губернатора царь спросил: «А почему меня встречаете без колокольного звона?» Тот ответил: на то у нас пять уважительных причин имеется. Царь свое: «А что это за причины?» — «Первая — в городе нет ни одного колокола...» Государь обрывает: «Остальные оставьте себе». Другие причины царя, естественно, не интересовали... Во вступительном слове уважаемый председатель спросил: почему предприятиям невыгодно выпускать дешевые изделия? А дальше можно продолжить: почему невыгодно выпускать запасные части, почему снижается фондоотдача? Существует, конечно, много и других «почему». И о них здесь очень хорошо говорил молодой симпатичный ученый.

Все эти «почему» объясняются рядом «уважительных причин». Но колоколом среди них, по моему глубокому убеждению, является ныне действующий принцип планирования фонда заработной платы на рубль валовой продукции. Такой метод определения фонда зарплаты подобен поиску иголки в сене на движущейся автомашине... Судите сами: по науке — любое изменение ассортимента выпускаемой продукции или сырья, кооперированных поставок влечет за собой изменение величины фонда зарплаты. А что происходит, например, в нашем совнархозе на практике? Заводу планируется фонд зарплаты двадцать три копейки от рубля валовой продукции. Это на круг в среднем. Дал на миллион рублей продукции — получи двести тридцать тысяч рублей заработной платы.

— А чем вам это не нравится? — раздался провокационный вопрос. — Ведь вам вал позволяет обеспечи-

вать план даже при срыве задания по конкретным видам продукции.

Игнатьев нахмурился, кинул неприязненный взгляд на спросившего и проговорил:

— Чем? А вот чем...

Игнатьев подошел от трибуны к столу и стал выкладывать из объемистого портфеля содержимое: с десятков мельчайших деталей и столько же изделий по-крупнее.

— Перед вами, дорогие товарищи,— продолжал свое выступление директор,— образцы нашей продукции. Самые крупные, а значит, и наиболее выгодные, я доставить не мог. Кран нужен. Для того чтобы выпустить десять килограммов изделий, каждое из которых весит менее грамма, нам необходимо затратить девятнадцать тысяч триста двадцать минут. Вот эти изделия лежат на белом листе бумаги. Сравните: для получения такого же количества изделий, вес которых составляет от шести до десяти килограммов, нам достаточно всего двести двадцать минут. Или почти в девяносто раз меньше. А если сравнить затраты в нормо-минутах на рубль валовой продукции на самую мелкую деталь с тяжелыми, то они в шестьсот сорок четыре раза выше.

В условиях технического прогресса быстро растет потребность в мелких и мельчайших изделиях, а это связано с повышением трудоемкости продукции и увеличением расхода заработной платы. А совнархоз под предлогом роста производительности уменьшает удельный вес фонда зарплаты на рубль вала, укладывая тем самым нас в прокрустово ложе. И мы не находим иного выхода, кроме уменьшения выпуска дефицитных мелочей. Здесь-то и кроется причина того, что копеечные прокладки, пробки, вентиляторные ремни, прочую мелочь днем с огнем не найдешь, а тяжелыми деталями любой склад завален на многие годы вперед.

Он обратился к председателю:

— В этом, уважаемый Сергей Илларионович, кроется ответ на ваш вопрос: почему на базах лежит материальных ценностей на огромную сумму, а необходимых запчастей нет.

— Позвольте уточнить один момент. Я допускаю, что вам выгодно производить тяжелые и несложные изделия, ну а зачем потребитель их берет на много лет

вперед? Ведь таким образом он сознательно замораживает, омертвляет свои оборотные средства.

— Теоретически, Сергей Илларионович, вы правы. Но практически все обстоит значительно сложнее. У потребителя нет выбора. Он имеет наряд, допустим, на наш завод, и мы ему даем вместе с дешевыми дефицитными изделиями и тяжелые — «в нагрузку». Если он откажется, то сорвет свой план по всем статьям. А если он план выполнит, то омертвление средств ему в великий грех не поставят, глядишь, еще и повысят норматив оборотных средств на будущее, убедившись в том, что существующий «нереален». Конечно, мы прекрасно понимаем, что такое хозяйствование снижает эффективность производства, но, к сожалению, когда у нас с планом туго, а следовательно, и зарплата не набирается, мы просто вынуждены идти на это.

Справедливо ли относить эти наши действия на счет несознательности руководителей предприятий? Теоретически вроде бы да, а практически так вопрос, по моему, ставить не совсем правомерно. Надо учитывать реальные условия, в которые мы поставлены. И одной сознательности недостаточно, когда речь идет о своевременной выплате заработной платы рабочим и служащим. Пока фонд зарплаты определяется по ныне действующему методу, мы вынуждены производить то, что подороже и потяжелее, в чем общество меньше всего заинтересовано. Разве это не наглядный пример противоречия между общественными и коллективными интересами?

— Мне хотелось бы услышать ваше личное предложение по устранению этого противоречия. Пусть это будет, как говорится, революционная мера, какая угодно. Ведь вы об этом не могли не думать? — спросил председатель.

— Вы правы, Сергей Илларионович, я над этой проблемой много думал. Бывал на родственных предприятиях за рубежом, в том числе в капиталистических странах, и знаете, к какому «открытию» я пришел?

— Интересно, к какому же?

— Лучшее того, что написано в учебнике «Экономика труда», не придумаешь. Вот я вам сейчас приведу выдержки: «Определение планового фонда заработной платы,— говорится на странице триста двадцатой,— производится на базе нормированной трудоемкости

и производственной программы в нормо-часах и средневзвешенной часовой тарифной ставки рабочих, соответствующей среднему разряду работ».

А что такое трудоемкость, как она определяется?

«Трудоемкость продукции,— пишут далее авторы учебника,— определяется количеством труда, необходимого для изготовления намеченного планом объема продукции. Она исчисляется суммированием затрат труда по всем операциям при изготовлении каждого изделия, а затем и по всем изделиям производственной программы. Трудоемкость продукции определяется в нормо-часах и в фактических часах работы, затраченных на изготовление продукции».

Что это означает в переводе на практические рельсы? Это значит, что фонд зарплаты надо определять не в среднем на круг по валу, как это делается в нашем совнархозе, а строго в соответствии с трудоемкостью выпускаемых изделий. План не догма. И если в ходе его реализации задание по номенклатуре изменено, то соответствующие коррективы должны быть сделаны и по фонду зарплаты. Тогда выпуск тяжелых изделий вместо мелких станет не только бессмысленным, но и экономически невыгодным.

Между прочим, уважаемый Сергей Илларионович, принципы определения фонда зарплаты, излагаемые в наших учебниках, успешно применяются в капиталистических странах как обычное, само собой разумеющееся явление. Так зачем же нам изобретать что-то еще? Не лучше ли добиться практического применения того, чему учили нас в институтах?

— Позвольте, Иннокентий Константинович,— вновь перебил Венидиктов.— Среди «уважительных причин», оказывающих отрицательное влияние на нашу экономику, «колоколом» вы назвали научно необоснованный принцип определения фонда зарплаты. Нам хотелось бы услышать и другие «уважительные причины».

— Хотите? Пожалуйста...

Венидиктов вновь занял выжидательную позу.

— Вторая— это снижение темпов роста производства. Раз уменьшился вал, на базе которого определяются темпы роста производства, то и последние упали. Третья, очень важная, причина— снижение темпов роста производительности труда, которая определяется путем деления валовой продукции на число занятых рабочих. Четвертая: каждое предприятие имеет кате-

горию. Уменьшение объема валовой продукции может привести к тому, что предприятие на ступеньку опустят, а это, в свою очередь, означает весьма заметное снижение окладов всех инженерно-технических работников и служащих... Как видите, Сергей Илларионович, нам, практикам, есть над чем серьезно подумать, прежде чем решиться на снижение издержек производства и соответствующее уменьшение валовой продукции...

— А что, на ваш взгляд, необходимо предпринять для устранения такого неестественного положения? — поинтересовался Васильев.

— Что касается оценки работы предприятий в целом, то, на мой взгляд, здесь нужна более продуманная система показателей. Я полностью согласен с критикой, прозвучавшей сегодня в адрес экономистов, предлагающих сделать прибыль неким универсальным показателем. Вряд ли найдется какой-то один показатель, способный охватить все стороны производственной деятельности. Мне представляется, что объективно оценить работу предприятия можно только через систему показателей. Причем каждый из них должен быть на своем месте главным, чтобы каждый максимально «работал» в заданном направлении.

Серьезным препятствием на этом пути является ныне действующий принцип планирования от достигнутого, который иначе как петлей на шее и не назовешь: чем лучше работает завод или фабрика, тем быстрее затягивается эта петля... И еще: большим пороком в планировании являются бесконечные изменения планов. Это просто бич. В прошлом году нам изменяли план четырнадцать раз! Это за двенадцать-то месяцев. Поэтому метод непрерывного планирования практики с иронией называют «беспрерывным планированием».

Игнатьев обернулся к председателю:

— Сергей Илларионович, во вступительном слове вы говорили о запчастях. И говорили справедливо. По этому вопросу есть много решений. Идут годы, а проблема не становится менее острой. Я хотел бы пролить свет на этот вопрос. Но в этой связи к вам просьба.

— Какая?

— У меня ведь регламент на исходе, а для ответа нужно время.

— Вот видите, все вы выбиваете регламент, каждый

по своему методу, как запчасти... Однако проблема-то всех волнует. Как, дадим, товарищи?..

— Дадим! Дадим!..— дружно прогудел зал.

— Я эту проблему хорошо изучил на собственном опыте. Около двадцати процентов нашей продукции относится к категории «запасные части» и, я бы сказал, особо контролируется. Если задание по запчастям срывается, то к нам применяются санкции. Наученные опытом, мы это задание «выполняем», но таким же образом, как и общий план,— в рублях, то есть за счет тяжелых и дорогих запчастей перекрываем невыполнение мелких и дешевых.

— Как вы снабжаете ваших заказчиков запчастями, нам теперь ясно,— произнес кто-то ехидно.— А вот как вас ими обеспечивают?

Игнатьев тяжело вздохнул.

— Точно так же,— начал объяснять директор.— И у нас на заводе плохо с запасными частями для оборудования. Вернее сказать, перебои стали нормой, а нормальная обеспеченность — исключением. В результате этого часто простаивает оборудование. Недавно я ездил специально к поставщикам и просил их войти в наше положение. Директор, милый человек, говорит: ты знаешь, дорогой, я всей душой готов тебе помочь, но и ты меня пойми — не могу же я своих рабочих оставить без зарплаты! Задание по выпуску запасных частей у них составляет одну треть объема валовой продукции. Для того чтобы выполнить его полностью, объединение должно израсходовать семьдесят процентов планового фонда зарплаты, так как это очень трудоемкие изделия. Таким образом, на остальные семьдесят процентов производственного плана остается лишь треть фонда зарплаты, а надо минимум половину... Тут, как ни крути, получается заколдованный круг. Тебя выручу — другого накажу...

Ну хорошо, мне, допустим, он все же помог. Значит, другим заказчикам что-то недодал, потому что, как бы мы короткое одеяло ни перетягивали, все им не укроется. Укрыли одних — раскрыли других.

В заключение выскажу предложение. Просьба к секции экономистов, к тем товарищам, кто ближе стоит к нашему производству,— примите, пожалуйста, участие в нашем эксперименте! Суть его в том, что мы с разрешения Госэкономсовета переходим на планирование по чистой продукции. Предусматривается обо-

снование всех плановых показателей на основе трудоемкости изделий, намеченных заданием. Реальную власть получает показатель «нормо-часы». В этих условиях, думаю, появится возможность увязать план с действующими нормами. Иначе же вот что получается: если все рабочие выполняют свои нормы даже на сто процентов, я подчеркиваю — на сто процентов, план по заводу в целом будет выполнен только на семьдесят восемь. Представляете: двадцать два процента недовыполнения. Между нормами и планом нет стыковки! Это вопиюще ненормальное положение. Более того, рабочие перевыполняют нормы на тридцать-сорок процентов, а план не дотягивается. То есть это одно из противоречий, о которых сегодня немало говорилось, — в ходе эксперимента будем его отрабатывать. Производительность труда и фонд зарплаты будут определяться на базе чистой продукции.

Затем на трибуну поднялся кандидат экономических наук Степан Владимирович Масобин. Он выглядел старше своих тридцати пяти, был полноват и сед, говорил в назидательной манере, которую, видимо, приобрел, работая в Госэкономсовете и по совместительству заведую кафедрой статистики.

Отыскав взглядом Лаврентьеву, он обратился к ней лукаво и вкрадчиво:

— О чем я сейчас думаю, глядя на вас, как вы считаете? Да, да, я хотел бы видеть в вас несомненного противника товарного производства.

— Не получится, — бросила реплику Ирина. — Я люблю товары. Особенно красивые, ну и... вкусные...

Зал отреагировал общим смехом.

— Видите ли, вообще против товаров я не выступаю, — продолжал Масобин. — Только против товарного производства.

— Если не будет товарного производства, откуда возьмутся товары? Я много о вас слышана, и вряд ли в моем лице вы обретете единомышленника.

— В каком смысле слышаны?

— В том, что вы чуть ли не главный вдохновитель всех наших «антитоварников», или, как их иначе называют, «ликвидаторов».

— Это за что же так? — немного растерялся Масобин.

— «Ликвидаторами» вас называют потому, что вы «ликвидировали» товарное производство, а вместе с тем исчезли и некоторые товары...

— Спасибо за информацию...— только и нашелся сказать Масобин. Круглое лицо его слегка заблестело капельками пота. Он провел по лицу платком. И кажется, одним этим жестом он вновь обрел уверенность.— Я лишь хотел подчеркнуть, что вы очень удачно выступили, и поэтому вас неплохо бы иметь в числе союзников. Но это была шутка, не более...

А суть моего короткого выступления состоит в следующем. Дело в том, дорогие товарищи, что товарное производство и общественная собственность на средства производства — это взаимно исключающие понятия. И я со всей категоричностью еще раз заявляю: мы можем признать наше хозяйство либо товарным, либо социалистическим — третьего не дано! Предложения, связанные с законом стоимости, с прибылью, происходят оттого, что товарищи ищут именно третий путь. А его нет, не существует, поиски абсолютно напрасны. Товарное хозяйство несовместимо с планированием, это — «сапоги всмятку»...

— А теперь, — сказал Сергей Илларионович, испытующе поглядывая в зал, — эстафету в дискуссии принимает Ермых Александр Павлович, кандидат экономических наук.

Ермых относился к разряду «чистых теоретиков». Недавно он пережил серьезную неудачу: пытался защитить докторскую диссертацию, посвященную отрицанию товарного производства в условиях социализма, но до защиты дело так и не дошло. На кафедре ему была обеспечена поддержка, но ни один из шести докторов наук, которых просили выступить официальными оппонентами, после знакомства с работой не согласился принять на себя эту роль.

Выступление Ермыха ничего нового не принесло. Он с упорством стойка долго и нудно доказывал свою точку зрения, договорившись до того, что «товары у нас есть, а товарного производства... нет». В зале это утверждение вызвало смех.

— Откуда же тогда берутся товары, аист их что ли

приносит? — дерзко спросила из зала девушка, насмешливо глядя на долговязого Александра Павловича.

Отвечать он стал путано, не по существу. В зале усилился шум, и председатель, подстегиваемый криками из зала «Регламент! Регламент!», решительно попросил оратора закругляться...

— Товарищи! Есть предложение дать слово еще одной женщине.— Венидиктов секунду-другую помолчал, собираясь с мыслью. Затем продолжил: — Это человек от практики — директор фабрики, в прошлом аспирантка нашего института. Ее «слава» после публикации фельетона «Премия под занавес», о котором уже здесь говорилось, разошлась широко. Итак, слово кандидату экономических наук, директору Белонежской швейной фабрики Харитоновой Ларисе Семеновне. Суть славы Харитоновой в том, — пояснял Венидиктов, — что в конце месяца фабрика получила большую партию модной и красивой импортной ткани. Это был момент, когда «горел» план. На фабрике объявили аврал. Собрали всех, кто мог мало-мальски строчить на машинке. И круглосуточно строчили... занавески. В итоге штурм коллектив овладел и планом, и премией. А позже за этими занавесками в магазинах была такая давка, как во время войны за хлебом. Дома женщины шили из этих занавесок красивые кофточки либо отделявали ими платья. Лариса Семеновна, я верно суть дела изложил? Если что не так, поправьте. Вам слово. Прошу.

Харитонова стояла за трибуной и нетерпеливо поглядывала на Венидиктова. Это была миловидная женщина в строгом, но элегантном сером костюме. Все в ней — и стройная фигура, и гладкая деловая прическа, и еле приметные сережки, отсвечивающие сапфиром, — говорило о том, что женщина эта придает своему внешнему виду немаловажное значение...

«Вот она, современная женщина-руководитель, — подумал Васильев. — Женственна и деловита».

— Суть фельетона вы, Сергей Илларионович, передали верно. Что же касается существа дела, то оно в фельетоне, к сожалению, не нашло отражения. А полезно было бы хоть немножко коснуться и самой проблемы. Люди ведь... Начиная с седьмого и по шестнадцатое февраля включительно фабрика полностью простаивала из-за отсутствия материала. Я обошла инстанции, обязанные обеспечивать нас всем необходимым...

Удалось выбить немного. Только два цеха из шести приступили к работе. В управлении труда и зарплаты совнархоза я объяснила создавшееся положение и просила помощи с зарплатой. Мне категорически отказали. И вдруг — о, везение! — двадцать шестого февраля получаем ткань, о которой идет речь в фельетоне. Надо было спасать зарплату. И мы решились на ту самую операцию. При этом, если говорить честно, старались предугадать интересы покупателей — занавески делали больших размеров, чтобы хватило на кофточку.

— Но это же вам выгодно, — уточнили в зале.

— Верно. В данном случае интересы фабрики «совпали» с интересами покупателей.

Но, товарищи, разумеется, я взяла слово не для таких вот объяснений. Хочу сказать, что действующий ныне порядок определения фонда зарплаты мало сказать негоден — он вреден. Мне начальник управления совнархоза как-то сказал: «Ваши куртки сидят на людях, точно мешки». Я ответила, что это вполне закономерно. «Почему?» — удивился он. «Да потому, что фонд зарплаты на куртки нам выделяется такой же, как и на мешки». Он был сконфужен, так как, по его словам, не подозревал об этом курьезе, обещал исправить положение. Но, увы, время идет, а воз и ныне там.

Лариса Семеновна обвела взглядом зал и, увидев доброжелательные и сосредоточенные лица присутствующих, стала дальше развивать свою мысль.

— Планирование фонда зарплаты в отрыве от реального положения вещей приводит к самым нежелательным последствиям, ставит нас подчас в безысходное положение. И мы вынуждены искать какой-то выход. Единственной научной основой для определения фонда зарплаты, как справедливо здесь говорил мой коллега Игнатьев, является написанное в учебниках — это трудоемкость изделий, и только! Но у нас почему-то все наоборот: работаем с дорогими материалами — обеспечена и зарплата, и премия. Пошла хлопчатка, другие дешевые ткани — мы «горим». Выход один: срочно пускать на конвейер нетрудоемкую продукцию — простыни, занавески, мешки...

В первой половине прошлого года фабрика переработала большую партию хлопчатобумажных тканей, ситца — и положение с товарной продукцией сложилось архинеблагоприятное. И экономист Галя Думова, недавно окончившая институт, знаете, что предложи-

ла? Заказать фурнитуру — пуговицы и различного фасона запонки, застежки для кофточек, «молнии», крючки — из серебра, золота. Да, да, не смейтесь... На совершенно полном серьезе она сделала расчеты и показала, что это даст: государству — высокие темпы роста объема производства, а коллективу — план, зарплату и дополнительное вознаграждение. У нас теперь, чуть возникнут затруднения, кто-нибудь и скажет: а что, если вернуться к проекту Думовой? Лучше Думовой ничего не придумаешь!

Сегодня мне особо хотелось подчеркнуть тот факт, что научно не обоснованный принцип определения фонда зарплаты является первопричиной разграничения изделий на выгодные и невыгодные, в зависимости от стоимости материала.

— Но все же: как вы в тот раз вышли из положения? — спросил кто-то в зале.

— «Разов» было много... Всегда как-то выкручивались. Вам что, нужен материал для очередного фельетона?

— Нет. Просто для интереса. Я ваш коллега. Может, придется воспользоваться опытом.

— Вы, дорогой коллега, лучшего места не нашли для обмена опытом в таком щепетильном деле? Лично меня с каждым днем все больше тревожит вопрос: почему мы должны «выкручиваться», искать лазейки?.. В фельетоне дело представлено так, будто операция с занавесками была организована во имя премии. Чепуха... В среднем премия у нас составляет лишь два-три процента к зарплате. Мне даже трудно представить, чтобы кто-то из моих коллег ради этих копеек рискнул губить прекрасную ткань на занавески и одновременно с треском провалить задание по номенклатуре изделий.

— Вот вы критикуете действующую систему показателей, а ведь она для вас выгодна. — Это был голос Бельского. — Вал, как спасательный круг, благодаря ему вы всегда «выплываете». Использую ваши же примеры. Задание провалили по основным изделиям, а вам государство выплатило не только зарплату, но еще и премию выдало... Чем вы еще недовольны?

— Уважаемый Владимир Михайлович, извините, но у вас несколько утрированное представление о практических работниках, весьма далекое от жизни. Сужу не только по вашему выступлению. Об этом свидетель-

ствуют ваши идеи и предложения, которые изложены в статье «Работай хорошо либо закрывайся».

— И чем же вам не понравились мои предложения, если не секрет?—В голосе Бельского появилась ирония.

— Не секрет. Ваши предложения о ликвидации очередности платежей в современных условиях совершенно неприемлемы. Потому что, применив их на практике, рабочие многих предприятий остались бы без зарплаты. Вы ведь регулярно получаете зарплату? Более того, вам исправно выплачивают гонорары за статьи и брошюры, проповедующие идеи, которые могут никогда не найти практического применения. А рабочих вы хотите лишать зарплаты за фактически выполненную работу. Разве они повинны в перебоях с материальным обеспечением? Или в затоваривании некоторых изделий? Или в необоснованности некоторых цен, не покрывающих издержки производства?.. В самой идее «работай хорошо либо закрывайся» нет ни грана науки. Это декларация. Вы тут ссылались на фельетон «Тайна пропавшего города». Прежде всего позвольте заметить: фельетон—не самый лучший источник для аргументации научных выводов. Лично я хорошо знаю один из комбинатов, названный в фельетоне. Он поставляет нам ткани. Отличное предприятие... В структуре этого комбината есть заводы и цехи современные, но две фабрики построены, как говорится, при царе Горохе. Издержки на них в четыре раза выше, чем на новых. А цены всюду одинаковы. Прибыль новых производств не перекрывает ошеломляющие убытки «гороховских» фабрик. Однако если вы сегодня закроете две сверхубыточные фабрики, то, простите... без штанов можете остаться.

В зале раздался дружный хохот. Бельский явно смутился, развел руками—дескать, не спорить же мне с женщиной, тем более такой симпатичной и острой на язычок.

— Закрывать, и, безусловно, в плановом порядке, нужно лишь те заводы, без продукции которых можно обойтись. Вот из какого принципа надо исходить, а не судить столь облегченно, дескать, есть прибыль—живи, а нет—закрывайся. Ведь цель-то наша первоочередная не прибыль, а продукция. К примеру, мы испытываем дефицит на хорошие ткани. В таком случае как можно закрывать предприятия, выпускающие их? Предложение о ликвидации предприятий, каких бы

отраслей это ни касалось, я считаю, выставлать неправомерно. «Тайна» же злополучного города кроется в несовершенстве цен. Кое-где цены давно бы следовало пересмотреть. Вопрос ценообразования, на мой взгляд, коренной хозяйственный вопрос. Это одна из серьезных экономических проблем, и пока мы ее не отработаем с учетом закона стоимости, многие аспекты рентабельности и убыточности не будут решены. Вы же, Владимир Михайлович, предлагаете всех под одну гребенку...

Несколько слов о самостоятельности предприятий. Вы хотите свободу нам дать. Да лучше уж воспользуйтесь такой свободой сами. Сегодня мы занимаемся только снабженческими вопросами, а вы еще хотите создать для нас проблему сбыта. Сейчас продукция реализуется в плановом порядке по твердым ценам. Если же допустить колебание цен, в зависимости от спроса, то придется и производство то расширять, то свертывать... Цена более высокая — покупательский спрос упал, куда же прикажете девать товары?

— Но все-таки согласитесь, что вал вас спасает в трудных ситуациях, — не сдавался Бельский. — Иначе в вашем случае с занавесками фабрика оказалась бы в тяжелейшем положении.

— Надо устранить недостатки в планировании, и тогда мы не будем попадать в «занавесочные» ситуации. Мы должны удовлетворять потребности людей, а не добиваться любой ценой высокой прибыли. Да и неужели вам не известно, что практики активно выступают за ликвидацию господства вала? Будь он им угоден, разве они бы себя так вели? Поработать бы вам, Владимир Михайлович, у нас хоть месяц дублером начальника планового отдела. Мне думается, вам это было бы крайне полезно. Вспомним одно высказывание Плеханова: между наукой и жизнью существует теснейшая, неразрывная связь, ни для одной из них немало не унижительная.

— Спасибо за приглашение, — отозвался уже не столь бодрым голосом Бельский. — Хотелось бы посмотреть, и как директор работает...

— Вы правы. И моя роль не самая последняя, но я половину рабочего времени и примерно столько же свободного, имею в виду выходные дни, трачу на дела неэкономические. Занимаюсь снабженческими вопросами, а они связаны чаще всего с «хождением по му-

кам». Много трачу времени, доказывая нереальность плана, так как показатели плана не стыкуются, концы с концами не сходятся. И кроме того, я еще, пожалуй, одну треть рабочего времени провожу на многочисленных совещаниях и заседаниях. Но еще я говорю все это к тому, чтобы вы поняли: никто так не страдает от серьезных недостатков в планировании, как руководители производственных коллективов. С них спрашивают план. Они должны своевременно обеспечить зарплату рабочим и служащим, что сделать в нынешних условиях порой бывает ох как нелегко! При этом все требуют обеспечения средней зарплаты, и тут разговор короткий: не обеспечишь — уйду.

А теперь, товарищи, позвольте и мне по примеру Иннокентия Константиновича показать вам образцы нашей продукции.— Харитоновая взяла стоящую за кафедрой объемистую сумку, подошла к столу президиума и разложила для обозрения красивые оригинальные куртки, кофточки, брюки...

— Что-то в магазинах я таких не встречал. Это, видимо, импортные,— ехидно сказал кто-то из первого ряда.

— И не встретите, пока зарплата будет выплачиваться в зависимости от объема выполненной работы в рублях,— ответила Лариса Семеновна.

— Вы думаете, наши модистки и швеи хуже немецких, французских и прочих зарубежных? Глубоко ошибаетесь! Если кто будет из вас в Белонежске, зайдите в наш фабричный музей. В нем собрано немало оригинальных красивых изделий, созданных нашими мастерами. Я лично ничего подобного за границей не встречала. И неудивительно. Россия испокон веков славилась мастерами всех видов народного творчества.

— Почему вы не запускаете эти образцы в серию?— не успокаивался все тот же слушатель.

— Я об этом уже в принципе говорила,— спокойно сказала Харитоновая.— Если хотите на конкретном примере, пожалуйста. Цена спортивной куртки сорок восьмого размера из такого материала и аналогичного артикула, как эта,— Харитоновая взяла со стола модную элегантную куртку и показала залу,— пятнадцать рублей. Чтобы эта куртка появилась в магазине, необходимо затратить дополнительно еще два рубля тридцать копеек на отделку. А имей мы на это право — я уверена, что такую куртку за восемнадцать рублей купят,

как говорится, с руками. Покупатель и производитель будут довольны, и государство от каждой куртки получит по семьдесят копеек дополнительной прибыли.

С нового года мы приступаем к эксперименту по нормативной стоимости обработки (НСО), постараемся показать все это на практике...

— А в чем же суть НСО? — вновь подал голос настойчивый слушатель.

— Нормативная стоимость обработки — это трудовые затраты в денежном выражении, необходимые для производства данного изделия. В наших условиях — на пошив пальто, куртки, платья. В прошлом году объем продукции фабрики составил один миллион четырехста пятьдесят тысяч рублей, а собственные затраты на превращение тканей в изделия — девять тысяч. Эти девять тысяч с прибавкой к ним части накладных расходов и явятся плановой цифрой. Из них и будем исходить. Тогда операции, подобные пошиву занавесок, окажутся бессмысленными, а стоимость ткани перестанет влиять на выполнение плана, на увеличение или сокращение фонда зарплаты, который будет зависеть от трудоемкости выпущенной продукции.

Эту идею нам подсказала все та же Галя Думова, работавшая на фабрике. Сейчас она вышла замуж и работает в Комитете легкой промышленности... Некоторые предприятия нашей отрасли уже работают по НСО, и Галя говорит, что их итоги превзошли всякие ожидания: желающих строчить простыни резко поубавилось, появилось желание повышать квалификацию и шить красивую модную одежду и получать то, что заработал.

— А вы не боитесь, что из-за этих нововведений коллектив разбежится и вы останетесь без рабочей силы? — прозвучал вопрос из притихшего зала.

— Если на одного работоспособного будет два рабочих места, то текучесть кадров можно считать запланированной, так же как и перебои в снабжении.

— Молодец! — громко кто-то произнес в зале.

— А сейчас, товарищи, перед вами выступит Бурлаков Кирилл Григорьевич, — произнес Венидиктов, жестом приглашая оратора к трибуне.

— Товарищи, мое положение, — голос Бурлакова зазвучал уверенно, — как и положение Кузнецова, не-

сколько облегчается тем, что у меня недавно вышла брошюра «Прибыль и стимулирование». Многие из вас,—Кирилл Григорьевич доверительно кивнул в зал,—я знаю, читали ее. Поэтому передавать содержание не буду, лишь сделаю некоторые обобщения. Но прежде,—он предостерегающе поднял руку, как бы подчеркивая важность того, что хочет сказать,—я вынужден решительно отвергнуть несостоятельные обвинения критиков в адрес Кузнецова и Бельского. Ведь все вы как экономисты прекрасно знаете, что прибыль является источником удовлетворения общественных потребностей независимо от социальной природы общественного строя. Прибыль—это денежная форма выражения прибавочного продукта, который присутствовал во всех социально-экономических формациях. Так что социализм, по моему мнению, в этом смысле исключения не представляет.

Бурлаков приостановился, во взгляде его прищуренных глаз проскользнула чуть заметная ироническая усмешка:

— Мы уже убедились и еще не раз убедимся, что прибыль при социализме будет приобретать все большее значение, как бы и кто бы ни силился ее принизить. Прибыль станет основной движущей силой в развитии народного хозяйства, в увеличении производства продукции. А теперь,—Кирилл Григорьевич повернулся к председателю,—мне хотелось бы сказать несколько слов относительно сельского хозяйства. Так получилось, что здесь в основном говорили об экономике промышленности, и прежде всего, понятно, о планировании. Ну а я, как вы знаете, экономист-аграрник и умолчать о проблемах этой важнейшей для нашего общества отрасли не могу.

Перспективы дальнейшего развития сельского хозяйства в настоящее время особенно благоприятны. Я увязываю их перво-наперво с тем, что несколько лет назад было наконец принято предложение о ликвидации МТС. Нам думается, что продажа техники колхозам—это решительный шаг в области экономики сельского хозяйства. Однако я должен заметить, что даже эта исключительно важная мера не даст должного эффекта, если не предоставить колхозам полной самостоятельности. Раз мы передали хозяйствам технику, сказав тем самым «а», надо сказать и «б» — открыть

перед ними широкие возможности для самостоятельного хозяйствования.

Что для этого необходимо сделать?

Первое. Нам представляется нецелесообразным установление хозяйствам в централизованном порядке заданий по продаже продуктов тех или иных видов. Следует дать хозяйствам право самим планировать объемы реализации продуктов, а за государством оставить лишь планирование цен и материально-техническое снабжение.

Второе. Задания по заготовкам сельскохозяйственной продукции в натуре целесообразнее доводить только до заготовительных органов, а колхозам и совхозам плана продажи не устанавливать. В этом случае именно заготовительные органы должны определять, где и что им выгоднее закупить. Они будут не везде и все закупать, а лишь там, где дешевле, и то, что дешевле. То есть будут содействовать правильному развитию специализации.

Третье. Пора изменить методику планирования, от натуральных показателей перейти к стоимостным, то есть планировать прибыль в денежном выражении, а как хозяйства ее получают, зависит от собственной их инициативы, предприимчивости. Сама ситуация, экономическая конъюнктура заставят их приспособиться к рынку и давать то, что пользуется в данный момент наибольшим спросом. Уверен, в этих условиях они всегда будут производить самые нужные для потребителя продукты.

Собственно, — продолжал Бурлаков, — мы вернулись к тому, о чем здесь уже говорилось: главным оценочным показателем для сельскохозяйственных предприятий должна стать прибыль. Кто из нас, участников этой встречи, может сосчитать, сколько раз за последние годы списывали задолженность с хозяйств, сколько у нас убыточных совхозов? С этим пора кончать. Во главу угла надо поставить прибыль, рентабельность, доходность. Именно то, что предлагал Владимир Михайлович для промышленности.

И в заключение несколько слов о колхозном секторе. Поскольку в колхозах существует кооперативная собственность на средства производства, следовательно, они должны быть полностью самостоятельными во всех вопросах ведения хозяйства. Что и сколько им производить, кому, когда и сколько своей продукции

продавать — решать им. Собственность колхозов на средства производства не только предполагает взаимоотношения с государством на исключительно коммерческой основе, но и настоятельно требует этого.

— Так что же, вы хотите совсем обособить колхозный сектор, свести его экономические связи к сугубо коммерческим отношениям? — не выдержал кто-то в зале. — Плановое хозяйство превратится в какую-то стихийную коммерцию.

— Извините, — пожал плечами Бурлаков, — мы говорим с вами на разных языках. Вы отталкиваетесь от административных методов руководства экономикой, я — от экономических методов управления. Пока административные методы не будут вытеснены экономическими методами управления, об эффективности сельского хозяйства нечего и говорить.

Венидиктов коротко объявил о выступлении доктора экономических наук Кальмана. Между кресел по центру зала уверенно, твердым, почти солдатским шагом прошел мужчина лет шестидесяти. Во взгляде его улавливалось что-то решительное. Чувствовалось, что он настроен весьма боевито. Борису Абрамовичу не так давно присвоили звание заслуженного деятеля науки...

Начал он безо всяких предисловий. С хрустом развернул газету и, мельком скользнув по странице, заговорил:

— Товарищи, я не знаю, как вы отнеслись к этому, но сегодня меня крайне удивило одно объявление в газете «Экономика и жизнь». Позвольте его зачитать: «С 1 апреля электромеханический завод имени 1 Мая закрывается. Заработная плата рабочим будет выплачена после продажи заводского имущества. Все претензии предъявлять к ликвидационной комиссии в течение месяца со дня опубликования настоящего объявления».

В рядах поднялся шум. Теперь уже недоумевали все присутствующие.

Ирина шепотом спросила у Егорова:

— Неужели действительно закрыли?

Но тут раздался голос Венидиктова:

— Спокойно, товарищи. Такое объявление может появиться лишь после принятия предложений Владимира Михайловича. Верно я говорю, Борис Абрамович?

Кальман живо откликнулся:

— Совершенно верно, Сергей Илларионович! Успокойтесь, товарищи, обьявление — плод моей фантазии. Однако если пойти по пути, предложенному уважаемым Владимиром Михайловичем Бельским, то подобные сообщения станут нормой. А я лишь попытался представить себе, что было бы, осуществись его идеи... Собственно, это и побудило меня выступить. Ведь к молодым ученым меня уважаемый председатель даже с натяжкой отнести не сможет и к средним тоже — научное совершеннолетие позади. Докторская защищена почти четверть века назад. Видимо, более всего мне подходит «пожилой ученый».

— Пусть оно вас, Борис Абрамович, не смущает, — прерывая его, сказал Венидиктов. — Вольтер писал: «Для глупца старость — бремя, для невежды — зима, а для человека науки — золотая жатва». Девятое издание учебника по организации производства, прошлогодня монография по совершенствованию управления, которую я прочитал с большим удовольствием и написал рецензию в «Народное хозяйство», и, наконец, регулярные статьи в периодической печати по актуальным проблемам — яркое свидетельство «золотой жатвы» на вашем научном «огороде». Извините, что перебил. Продолжайте, пожалуйста.

— Дорогой Владимир Михайлович! При всем глубоким уважении к вам, хочу сказать, что идея «работай хорошо либо закрывайся», пожалуй, самое неудачное ваше творение. В научном отношении оно ниже всякой критики. И передо мною наши милые женщины, очень симпатичные, эрудированные, справедливо вас критиковали. Разделяя мысль Лаврентьевой, которая призывала изучать историю собственной науки, хочу сообщить: ведь вы не первый «закрыватель» предприятий, и вам следовало бы делать ссылки: так, мол, и так, в свое время выдвигались похожие предложения, но их несправедливо отвергали...

Как-то вы мне рассказывали, что в свое время каждый год сдавали зачеты по «Краткому курсу истории ВКП(б)». Но, видимо, мало оказалось тех зачетов, коль вы не заметили в «Курсе...» одно очень важное для ваших идей обстоятельство. Первым «закрывателем» был Троцкий. На XII съезде партии он предложил закрыть такие крупные заводы, как Путиловский, Брянский, и другие, потому что они не давали прибыли, были убы-

точными. В чем же новизна вашего предложения? Вы это не объясняете, а я принципиальных отличий обнаружить не смог.

Ирина наклонилась к Егорову и тихо сказала:

— А ведь это убийственный довод против нашего «новатора». Я как-то не обратила на это внимания, хотя факт общеизвестен.

Борис Абрамович продолжал говорить спокойно и уверенно, прямо глядя перед собой, словно бы его совсем и не волновало то, о чем он говорил.

— Выдвинутый вами «краеугольный камень» новой науки — песчаный. Он рассыпается при первом дуновении ветра, поэтому «принцип «работай хорошо либо закрывайся» неприемлем в принципе».

При этом я должен сказать, что вы излишне увлеклись финансовой стороной вопроса. Роль финансов я, разумеется, не собираюсь недооценивать... Но и ваши реформы у меня не вызывают симпатии. Вы советуете изменить очередность платежей, ликвидировать некоторые формы кредитования. Но это приведет опять же к тому, о чем с тревогой говорила Лариса Семеновна, — коллективы будут несвоевременно получать зарплату, а ведь это граничит с хаосом... Руководители предприятий будут заранее отказываться от убыточной продукции, узрев в ней все корни зла, и в первую очередь наивысшую угрозу оставить рабочих без зарплаты.

А если разобраться поглубже, необоснованный план, убыточная продукция — это не вина, а беда предприятий. Вы же, подменив беду виной, обрушиваете на производителей несправедливый гнев. Бороться с необоснованными планами надо, но не таким образом. Вы пытаетесь решить задачу, поставив ее с ног на голову. Неужели вы думаете, что предприятия сами для себя верстают и утверждают несбалансированные планы, включающие и убыточную продукцию? Почему же вы и не пытаетесь докопаться до первопричины? Почему комитеты, министерства и совнархозы продолжают практиковать такое несовершенное планирование?

Ваше кредо, или, как вы говорите, «гвоздь вопроса», — ликвидировать порядок внеочередной выдачи заработной платы рабочим и служащим. Пытаетесь доказать, что это основа основ вашей будущей науки. Но, к сожалению, вы далеки от истины. Требование

«работай хорошо либо закрывайся», по существу, дорогой Владимир Михайлович, ведет к ликвидации централизма в управлении производством, и оно означает: «работай на свой страх и риск». Полностью поддерживаю Ларису Семеновну, она говорила: вместо того, чтобы поправлять и совершенствовать наши методы планирования, вы предлагаете, по существу, ликвидировать само планирование. Она права: сейчас производственники сталкиваются только главным образом с перебоями в снабжении, однако стоит лишь им принять вашу методику, как тут же появится проблема сбыта, ибо цены начнут расти по принципу цепной реакции. Вот когда вы поставите предприятия в немыслимо тяжелейшие условия, практически развязав бешеный рост цен в погоне за максимальной прибылью.

— Я не согласен,— привстал со своего места Бельский.— Ваше утверждение бездоказательно, и выводы ваши, согласен, весьма печальны, но ни на чем не основаны.

— Вы так думаете?— спросил Кальман.— Но об этом свидетельствует опыт.

— Какой опыт? — попросил уточнить Бельский.

— Прошу не перебивать оратора. Вопросы в конце,— сказал председатель. И, обращаясь к Кальману, сказал:— Продолжайте.

— Об этом свидетельствует наш собственный опыт. Однако вы, уважаемый Владимир Михайлович, так же как и Кузнецов, о нем почему-то умалчиваете, в поте лица трудитесь над созданием «новой» науки, и вам все недосуг изучить как следует «старую».

Позвольте привести выдержку из приказа Высшего Совета Народного Хозяйства номер 394 от 16 июля 1923 года: «Государственная промышленность вступает в новую фазу своего развития — в фазу коммерчески упорядоченного ведения хозяйства отдельных государственных предприятий и централизованного коммерческого управления государственными предприятиями, находящимися в ведении ВСНХ со стороны последнего. Производственными единицами управляет правление треста. Трестами руководит ВСНХ. В основу управления кладется прибыль хозяйственной единицы, то есть треста, и под углом зрения прибыли направляется вся деятельность треста и оценивается деятельность правления треста (разрядка авторов приказа).

...Таким образом достигается возможность для правления треста приспособить деятельность треста к условиям развивающегося товарного хозяйства и в то же самое время устанавливается определенная система государственных промышленных предприятий, прибыль коих идет на пользу всего рабоче-крестьянского государства. Отсюда ясно, что общим руководящим началом для деятельности как предприятий, так и ВСНХ на ближайший период является прибыль».

Этот приказ экономического штаба страны вам, уважаемые Владимир Михайлович и Генрих Яковлевич, знать было бы весьма полезно. Ведь приказ не случайно появился. Он результат горячих споров о прибыли, о необходимости закрывать убыточные предприятия... Это итог теоретических рассуждений. И принят он, как подчеркивается в нем, с целью «последовательного и решительного осуществления на практике».

Какова же судьба приказа, объявившего целью нашего производства получение прибыли? И каков результат всесоюзной погони за прибылью? «Последовательно и решительно» выполняя этот приказ, тресты погнались за прибылью. Начали вздувать цены на свою продукцию. Причем подняли их очень резко. К чему это привело? В конце 1923 года разразился кризис, который, по оценке XIII партконференции, характеризовался «кризисом с большим раствором «ножниц», то есть большой разницей в ценах на товары промышленности и сельского хозяйства. А в силу этого — отрывом нашей промышленности от сельскохозяйственного деревенского рынка. На XIII партконференции приказ номер 394 был зачитан и подвергнут резкой критике.

Поэтому, прежде чем объявлять новую всесоюзную погоню за прибылью, целесообразно показатель прибыли проверить в порядке эксперимента. Активность в этом деле должна исходить от Кузнецова и Бельского и их сторонников. Но они на это не идут. Я лично с их стороны такого желания не слышал. Они хотят включить в погоню за прибылью сразу всех и повторить двадцать третий год. Я глубоко убежден, что, пойдя мы сейчас на это, нас ожидали бы самые неутешительные результаты. Посему, дорогой Владимир Михайлович, организуйте сначала эксперимент, уверяю, он очень скоро развеет миф о вашей так называемой новой науке. Думаю, что вообще поиски универсального показателя — некая алхимия. Еще раз искать философию

ский, вернее экономический, «камень», думаю, бессмысленно.

Борис Абрамович понизил голос, собираясь завершить выступление. Он вообще известен своей пунктуальностью и обязательностью. И уж если установили регламент, то он собирался его соблюсти — первым из выступавших до сих пор. Но женский голос нарушил его намерение:

— А не могли бы вы изложить свое мнение по поводу показателя «валовая продукция»?

Кальман на секунду заколебался, затем сказал:

— Что касается валовой продукции, то, если мне будет позволено несколько минут сверх регламента, я мог бы сказать о новом аспекте «деятельности» вала.

— Я лично сомневаюсь, — отозвался председатель, — что о вале можно сказать что-то новое. Вся его «деятельность», как вы выразились, изборождена вдоль и поперек. Но мы готовы вас послушать...

— Согласен, о валовой продукции написано много, пожалуй, больше, чем обо всех остальных показателях, вместе взятых...

— И это в какой-то мере закономерно, — снова включаясь в разговор, сказал Венидиктов. — В решении судьбы предприятий, по словам выступавших здесь директоров, вал имеет реальную власть побольше, чем все остальные показатели, вместе взятые.

— И тем не менее, — продолжал Кальман, — я хочу сказать о малоисследованном аспекте вала, а точнее — о сравнительно новом методе искусственного увеличения валовой продукции. В этой аудитории нет необходимости говорить о том, что одним из важнейших направлений технического прогресса на современном этапе является развитие специализации и кооперирования. В моей книге имеется раздел об эффективности специализации и кооперирования. Во время сбора и анализа материала для нее я встретил ряд фактов, которые иначе, как курьезы, и не назовешь. Судите сами.

Объединение Дормаш изготавливает приспособления для бульдозеров, скреперов, экскаваторов и другой дорожной техники, которые монтируются на соответствующие марки автомобилей и тракторов. Расходы, связанные, например, с превращением трактора Т-330 в бульдозер ДЗ-94, составляют четыре с половиной процента стоимости последнего. А собственный вклад, или чистая продукция бульдозеростроителей, — всего лишь

один-полтора процента. Получается что-то вроде пальто и пуговицы. Экономическая логика и даже здравый смысл подсказывают целесообразность доставки бульдозерного ковша к месту выпуска трактора. Однако находятся «предприимчивые» хозяйственники, которые поступают наоборот — везут пальто к пуговице. За сотни, а порой и тысячи километров привозят автомобили и тракторы, навешивают соответствующие приспособления, добавляют к ним стоимость трактора или автомобиля и отправляют «свою» продукцию во все районы страны, в том числе и туда, откуда получили «полуфабрикаты».

Этот метод увеличения объема валовой продукции в почете и на предприятиях фирмы Спецмаш. Они получают автомобили разных марок без кузова. Устанавливают на них кузов соответствующего назначения и добавляют к стоимости кузова стоимость автомобиля, разумеется, с учетом расходов на доставку, плюсуется и определенный процент рентабельности. Таким образом формируется цена специальных машин — чем больше расходов было на пути к конечной продукции, тем больше вал.

Вы знаете, что поступление в оборот фальшивых асигнаций расстраивает механизм денежного обращения. Точно так же липовая, или бумажная, продукция нарушает ритм хозяйственной жизни, порождает диспропорции, перебои в снабжении и розничной торговле. Хозяйственные руководители, которые выполняют план за счет подобного «увеличения» объема продукции, не только наносят большой вред обществу, но и подрезают сук, на котором сидят. Они сами набрасывают себе, по образному выражению одного оратора, «петлю на шею» и постепенно затягивают ее. В первый год внедрения подобной «специализации» они добиваются большого скачка по основным экономическим показателям и, естественно, завоевывают передовые позиции в социалистическом соревновании. А что же дальше?

Липовая продукция заметно повышает их «достигнутый уровень», от которого впредь устанавливаются все показатели. Но дальнейшее получение каждого процента прироста объема продукции и повышения роста производительности труда становится все более и более трудным. Сделать это без расширения специализации-профанации становится просто невозможно.

И, идя по этому пути, они все туже и туже затягивают петлю на шее. Так «предприимчивые» хозяйственники ради сиюминутного успеха становятся жертвами экономической близорукости. Но рано или поздно таким «успехам» приходит конец. Урон обществу от них немалый. Поэтому я убежден, что чем раньше мы ликвидируем производственные связи, установленные под видом специализации ради увеличения объема в рублях за счет повторного счета изделий, тем благоприятнее будут условия для повышения экономической эффективности общественного производства...

— Простите, Борис Абрамович, что перебиваю,— обратился к оратору Игнатьев,— но если повторный счет прекратить, у многих предприятий резко сократится объем валовой продукции. Соответственно упадет производительность труда и уменьшится фонд зарплаты, хотя выпуск продукции в натуре сохранится или даже возрастет. Как же тут быть? Поэтому Ваше определение близорукости с позиций предприятия представляется спорным...

— Когда устанавливали нерациональные связи ради дешевого успеха, то близорукость была бесспорной. Но теперь Ваше замечание, Иннокентий Константинович, вполне справедливо. Поэтому, прежде чем их ликвидировать, надо отказаться от вала как основного оценочного показателя. Вот на этом, пожалуй, я и закончу.

Обращаясь к залу, Венидиктов сказал:

— Время уже позднее, а список желающих выступить не исчерпан. Мы рекомендуем продолжить нашу встречу в следующую субботу. Нет возражений?

— Нет! Согласны! — дружно ответили в зале.

— Сегодня,— оглядывая зал, сказал председатель,— было высказано немало интересных предложений, но к концу многие стали повторяться. Во избежание этого есть предложение попросить Васильева, который в следующий раз выступит первым, сформулировать, по возможности с учетом мнений выступавших сегодня, ответ на вопрос: чем целесообразнее заменить валовую продукцию? Как объективнее оценивать работу предприятий и отраслей?

А выступающих попросим высказать свое отношение к его предложениям. И, таким образом, мы смо-

жем более конкретно сформулировать наше отношение к обсуждаемой теме.

...Васильев внимательно оглядывался по сторонам — он искал Ирину. И наконец увидел ее: она стояла наверху лестницы и беседовала с Кузнецовым. Судя по выражению их лиц, беседа носила вполне миролюбивый характер. Вот Кузнецов галантно раскланялся и пошел к выходу. Ирина обернулась и, увидев Александра, направилась ему навстречу. Григорий заметил:

— Смотри, Лаврентьева. Познакомишь?

— Познакомлю, коль обещал.— Васильев помахал Ирине рукой.

Когда Ирина подошла и несколько вопросительно посмотрела на Комарова, Васильев почти торжественно произнес:

— Ирина, позволь представить тебе моего старого друга Григория Евге́ньевича Комарова, бежавшего от нас в Сибирь. А это, Григорий, Ирина Терентьевна Лаврентьева.— И, сделав небольшую паузу, добавил, уже не сдерживая озорной улыбки.— Моя жена.

Комаров посмотрел на Васильева, потом на Ирину.

— Ну, Александр, и конспиратор же ты. Вы себе представляете, Ирина Терентьевна, мы с ним рядом целый день, а он хоть бы словом обмолвился, что женился. А я его еще просил с вами познакомиться... Ох, Александр, я тебе это когда-нибудь припомню. Но раз уж я с вами наконец познакомился, то это надо как-нибудь отметить. Я в «Москве» остановился, давайте ко мне.

— Вы езжайте, а я никак не могу,— сказала Ирина.

— Нет, так не пойдет. Идти — так всем...

— У нас дочь дома с бабушкой осталась. Нужно пораньше прийти. А знаете что, Григорий Евгеньевич, давайте к нам. Посидим, вы с Александром поговорите.

— Идет,— согласился Комаров.

Они вышли из Дома ученых и не спеша пошли по Кропоткинской...

ЗАКОН ВРЕДНОСТИ

1

После женитьбы Васильев переехал к Ирине, которая жила с мамой в двухкомнатной квартире, выходящей окнами на сад «Аквариум». Мама Ирины радушно встретила гостя, когда Васильев представил ей Комарова. Она посоветовала ему «чувствовать себя как дома».

— Но не забывать, что находишься в гостях,— дополнил ее Комаров.

Что же касается дочери Васильевых, то она не проявила интереса к гостю. Пятилетняя Оля забралась на диван и старательно разрисовывала цветными карандашами стену комнаты. Наверное, это было ее привычным занятием, так как почти что вся стена на высоте ее роста была «украшена» разноцветными человечками, домиками, какими-то странными, похожими на морковку фигурками, очевидно изображавшими космические корабли.

Григорий полюбовался неожиданной «фреской», и, честно говоря, его удивило спокойствие родителей и бабушки, не «замечающих» своеобразного оформления гостиной.

— Должен же быть в семье творческий человек или, как их теперь именуют, — интеллеktуал, — заметив недоуменный взгляд Комарова, улыбаясь, сказала Ирина и отправилась готовить ужин...

За столом вначале разговор по инерции продолжился о встрече в Доме ученых.

— Извините за любопытство, Ирина Терентьевна, а как вы относитесь к Кузнецову как человеку? — спросил Комаров. — Я видел, вы с ним очень мило беседовали, даже смеялись после встречи.

— Что касается Кузнецова, то мне он нравится. Человек очень приятный, остроумный собеседник. Слава, конечно, на него подействовала... Он честен, безусловно, и говорит то, что думает. Вот идеи его — вздорные, а ведь он искренне убежден в их плодотворности. И настаивает-то он на их осуществлении искренне, бескорыстно, пока, по крайней мере...

— Как это «пока»? — удивился Григорий.

— Ну знаете, как бывает, — протянула Ирина. —

Выскажет ученый какую-нибудь мысль. Его похвалят, начнут идеи его пропагандировать. Он возомнит себя пророком, открывшим новые горизонты, создаст свою школу. Ученики, приверженцы... И если даже сам поймет, что мысли его абсурдны, то уже смелости не хватит это признать, слишком уже все далеко зашло — степени, титулы, должности.

— Да, пожалуй, вы правы, — согласился Комаров и, обернувшись к Васильеву, озорно улыбнулся. — Тебе-то, Александр, не грозит спокойная «лавровая» жизнь. Уж больно горячи те проблемы, которые тебя интересуют.

Разговор затянулся. Тогда в беседу на правах хозяйки вмешалась Ирина.

— А не хватит вам, друзья, экономическую пластинку крутить? — решительно сказала она. — Расскажите лучше, Григорий, о своей сибирской жизни.

Григорий стал рассказывать о своей жизни и работе в сибирском академгородке, а хозяева с интересом слушали его, иногда задавая вопросы.

Затем незаметно разговор зашел о прежней жизни в Москве, о совместных знакомых и друзьях.

— А что слышно о Денисове? — поинтересовался Комаров и взглядом попросил Ирину, чтобы она налила ему еще чаю.

— Он же в твоих краях обитает, — ответил Александр.

— Интересно, куда его занесло?

— Сейчас он, кажется, не то в Томске, не то в Иркутске, в политехническом преподает.

— Он так и не защитился? — спросил Григорий, живо вспомнив Илью Денисова, чуть рассеянного, нестроенного, но искреннего и веселого парня.

— Увы, пока нет, — вздохнул Александр. — Водка помешала. Диссертацию завалил, нажил массу неприятностей на работе. Жена несколько раз от него уходила.

— Жаль, отличный парень был. Способный, только целеустремленности не хватало, — посетовал Комаров.

— Что-то давно звонков от него не было, — вмешалась в разговор Ирина.

— Думаю, позвонит. У него наметился прогресс. Бросил пить. Был здесь как-то проездом, в институте на защите докторской встретились, я там оппонентом выступал. Он даже от банкета отказался. Говорит, завязал, диссертацию заканчиваю. Дай бог...

— А Лазарева в какие края судьба забросила? — продолжал выпрашивать Григорий.

— Женьку-то? Да здесь он, у нас в газете редактором отдела работает.

— Да, а Павел-то где работает? — спохватился Григорий. — Ты сказал, что он в командировке.

— Ну да. В составе делегации отбыл, как говорится, с дружеским визитом в Берлин. Вернется через неделю. Может, ты его еще и застанешь, — объяснил Александр, сосредоточенно опустошая вазочку с вареньем.

— Насколько я помню, он увлекся общественной работой, завалил диссертацию и вернулся в свое министерство начальником отдела планово-экономического управления, как он выражался, для завершения практически полезной диссертации на базе теории, полученной в аспирантуре.

— Все верно, — подтвердил Васильев. — Но когда все это было, Гриша? Павел слов на ветер не бросает. После этого он успешно защитился, работал начальником главка, затем секретарем парткома министерства, и года два, наверное, прошло, как его избрали секретарем райкома партии. Я все забываю о твоём долгом отсутствии, — сказал Александр.

Григорий удивленно покачал головой, обрадовался:

— Ну, Павел, молодец. Хотя все закономерно, я помню, он еще в институте был комсомольским вожаком, причем не формальным, а настоящим — всегда поймет, поможет, если надо. Да и дома-то у него как хорошо всегда было! Помнишь?

— Еще бы не помнить, — мечтательно отозвался Александр. — Этот дом всех притягивал как магнит, — продолжил Александр. — Мы с Ириной у них по-прежнему часто бываем. Могу тебе сказать, что инициатором встречи молодых ученых является Павел.

Вечер затянулся, и Васильев и Комаров, люди вечно занятые, у которых свободного времени в обрез, неожиданно вдруг открыли для самих себя, как бывает хорошо посидеть вечером со старым приятелем, вспомнить былое, старых друзей.

В соседней комнате давно уже спала Оля, Ирина с мамой тихо убирались на кухне, а Александр и Григорий, не замечая времени, все говорили, говорили.

Наконец, взглянув на часы, Григорий заторопился и, не слушая уговоров Васильева посидеть еще хоть полчаса, сказал:

— Пора трогаться. А то в гостиницу еще не пустят.

— Я тебя провожу, — одеваясь, сказал Александр, — и прослежу, чтобы ты в гостиницу попал.

До гостиницы было близко — три остановки на троллейбусе. Давно уже схлынула вечерняя толпа, заполняющая после спектаклей ярко освещенную площадь Маяковского — пожалуй, самую театральную из всех площадей Москвы.

Сидя в пустом троллейбусе и добродушно поглядывая на обнявшуюся впереди молодую пару — единственных, кроме них, пассажиров, Александр наконец задал вопрос, который вертелся у него на языке весь вечер:

— Ну а ты, Григорий, не женился?

Первая жена Комарова, переводчица по профессии, отказалась уехать вместе с ним из Москвы. Они были женаты несколько лет, жили, как всем казалось, очень дружно и вдруг... Григорий тогда еще пытался шутить: «Я же не декабрист, добровольно еду, вот жена и не едет за мной в Сибирь». Он еще верил, что это решение не окончательное — вот он поедет, устроится, найдет для жены интересную работу, и все станет на свои места. Вышло иначе... От общих знакомых Васильев слышал, что жена Комарова вышла замуж то ли за своего бывшего профессора, то ли за писателя.

— Да нет, не женился. Сам знаешь, обжегшись на молоке... А я-то уж обжегся... — помрачнев, ответил Григорий. — Завидую я тебе, Александр, повезло, что и говорить.

Когда друзья стали прощаться у гостиницы, Комаров сказал:

— У меня есть к тебе просьба.

— Какая?

— Выбери время и расскажи о впечатлениях о поездке в Югославию. Что собою в жизни представляет их система самоуправления?

— А ты не был в Югославии? — поинтересовался Васильев.

— Пока нет.

— Я с утра должен поехать в редакцию. Если можешь, приезжай к десяти часам, мы поговорим и с двенадцати, как и договорились, отправимся в культпоязд... по старым московским адресам.

— Добро.

— Тогда до завтра!

Когда Комаров появился в кабинете Васильева, тот говорил по телефону и указал рукой на кресло у приставного столика.

Положив трубку и пожав руку другу, Васильев сказал:

— Если не возражаешь, то я вкратце познакомлю тебя с историей газеты.

— Нет, конечно, — ответил Григорий.

— Тогда пройдем в наш микромузей.

Когда вошли в большую светлую комнату, стены которой увешаны увеличенными фотографиями, а полки заставлены многочисленными подарками и сувенирами, Васильев дал возможность гостю осмотреться и затем как заправский гид начал свой рассказ.

— Вот перед тобой первый номер газеты «Экономика и жизнь». Он вышел в 1918 году. Внимательно просматривая старые номера газеты, я все время убеждаюсь в справедливости выражения: «Газеты пишут историю». К этому можно добавить еще, что газеты являются своеобразным путеводителем в истории. В них особое внимание уделено тем событиям, которые в свое время были наиболее важны. Они поданы на первой полосе. Набраны крупным шрифтом. К особо важным даны комментарии. Иначе говоря, оцениваешь события давно минувших дней с позиции того времени. Это так интересно!

В нашей газете активно сотрудничали видные публицисты, партийные и хозяйственные деятели, известные ученые и писатели, соратники В. И. Ленина. Вот перед тобой портреты многих из них.

— Кржижановский, Калинин, Ногин, Куйбышев, Красин, Чубарь, Губкин, Демьян Бедный, Струмилин, — читал вслух Комаров.

— В грозные дни гражданской войны, индустриализации и коллективизации, — продолжал рассказ Александр, — наша газета регулярно освещала состояние и динамику народного хозяйства. Поблекшие полосы того времени представляют собой летопись хозяйственных невзгод и трудностей, успехов и побед на пути строительства первого в мире социалистического государства. Все писалось по свежим следам. Обрати внимание. Это первомайский номер за 1930 год. В нем опубликована серия материалов, посвященных завершению

строительства Туркестано-Сибирской дороги. Демьян Бедный публикует свою знаменитую поэму «Шайтан-Арба». — И Васильев начал с выражением читать:

Одного с них, буржуев, Демьяна довольно.
Досадил я эстетике вражеской больно.
И сейчас им изрядно в ушах поскребу,
Огласивши «Шайтан-Арбу»,
Рассказ про творческое напряжение,
Про большевистское достижение,
Про геройское завершение
— Без чьей-либо сторонней подмоги! —
ТУРКЕСТАНО-СИБИРСКОЙ ДОРОГИ.

После того, как Васильев закончил увлеченный рассказ об истории газеты, Комаров сказал:

— Я вижу, ты серьезно «заразился» журналистикой.

— Думаю, что это увлечение, как сказал первый марксист России, «надолго и, может быть, навсегда!».

— А в какой связи это было сказано? — поинтересовался Григорий.

— Ты знаешь, что Плеханов к революции 1917 года отнесся с недоверием и непониманием, пытался доказать, что Россия «не созрела еще для социалистической революции». Но когда эсер Савинков предложил ему возглавить правительство, которое белогвардейцы надеялись создать после подавления революции, Плеханов ответил: «Я сорок лет своей жизни отдал пролетариату, и не я его буду расстреливать...» Когда же люди из окружения Плеханова стали предрекать Советам скорый конец, он в серьезной задумчивости пророчески сказал: «Большевики взяли власть надолго, и может быть, навсегда!»

Вернувшись в кабинет Васильева, друзья, с удовольствием отхлебывая из чашечки кофе, еще несколько минут поговорили о газете, а затем Александр протянул Комарову массивную книгу, сказал:

— Возьми. Перед отъездом вернешь.

— А что это за трактат?

— Это «Хроника о рабочем самоуправлении», изданная недавно в Белграде на русском языке. Здесь подробно дается описание югославской системы самоуправления. Поэтому я расскажу тебе лишь об основных ее положениях.

— Ты когда вернулся оттуда?

— Недели две назад. Но я бывал там и раньше. Имел там многочисленные встречи — и всюду чувствовал доброе, порой просто душевное отношение к советским людям. В Югославии многие помнят огромный вклад советского народа и его армии в разгром фашистской Германии. Ты знаешь, что и Югославия немало сделала для победы. Миллион семьсот тысяч югославских граждан погибли во второй мировой войне. Когда едешь по стране, то на пути встречается много братских могил, памятников... И всюду цветы...

Что же касается системы управления, то до 1950 года в Югославии существовала система управления народным хозяйством, которая в настоящее время в официальных югославских документах и в экономической литературе именуется «административно-бюрократическим» или «государственным» социализмом, а зачастую просто «этатизмом».

— Что представляет понятие «этатизм»?

— Это понятие не имеет буквального перевода. Оно происходит от слова «etat», что по-французски означает «государство». По смыслу этатизм — это государственное управление народным хозяйством. Ликвидация этатизма согласно югославской трактовке означает «высвобождение народного хозяйства из-под влияния государства». «Мы отказываемся от этатизма, — говорил Иосип Броз Тито, — потому что он оказался неспособным разрешить общественные противоречия и проблемы эффективного развития...» С этой целью в 1950 году был принят закон о передаче фабрик, заводов, железных дорог и других производственных объектов, включая торговые предприятия, в «непосредственное ведение рабочих коллективов» и образовании рабочих советов для управления ими.

— А в совет избирают только рабочих?

— Нет, конечно. ИТР и служащих и прежде всего директора.

В книге, которую я тебе предложил почитать, в частности, говорится: «Сама идея об управлении рабочих фабриками содержала в себе отрицание существовавшей тогда административно-централистской системы управления хозяйством. Им все было запланировано сверху. Дирекции предприятий получали от государственных органов задания. В таких отношениях новоизбранным рабочим советам, по существу, нечего было делать...»

Поэтому для практического применения закона о рабочем самоуправлении потребовалось принятие серии постановлений и нормативных актов, направленных на предоставление предприятиям свободы, что, естественно, ослабляло, а порой и устраняло централизованное управление. Хотя в теоретическом плане ставилась и ставится задача сочетать плановое руководство с рыночным регулированием. Отдельные руководители и экономисты говорят: «Мы не должны относиться к рынку как к всемогущему механизму» — и призывают «к сознательным действиям на основе самоуправления, где бы рынок служил полем для соревнования».

Васильев взял из папки на столике листок, просмотрел его и продолжил:

— В законе, принятом в 1951 году, предлагалось устанавливать предприятиям сверху круг заданий, «ограниченный только основными пропорциями общественных планов, направленных исключительно против анархии общественного производства и распределения, присущей стихийному воздействию закона вредности».

— Какой вредности? — с недоумением спросил Григорий.

— Речь идет не о законе, который в обиходе мы называем законом вредности или подлости. Стоимость по-сербски — вредность, поэтому закон стоимости в Югославии называется законом вредности. Я, находясь там, первое время все никак не мог к этому привыкнуть, а потом, как видишь, по инерции определенное время называю его вредностью.

В ходе осуществления мероприятий по децентрализации в 1952 году предприятиям сверху утверждались такие показатели: обязательный минимум использования производственных мощностей, задание по капитальному строительству, размер фонда заработной платы и норма накоплений, отчисляемая в фонд государства. В процессе децентрализации отраслевые министерства и другие центральные хозяйственные органы были упразднены. Были созданы союзная, республиканские и общинные хозяйственные палаты.

— А что представляют собой эти палаты?

— Это общественные организации, но все хозяйственные организации и учреждения обязательно должны быть членами и отчислять взносы на их содержание. Раньше они создавались по отраслевому принципу,

а в 1962 году принят закон о единых хозяйственных палатах по территориальному принципу — от общинных до хозяйственной палаты страны. Основная их функция — координация деятельности предприятий и организаций. Действуют они на общественных началах и поэтому материальными средствами и фондами не располагают. Основными «рычагами» их помощи своим членам являются советы и рекомендации.

В этот момент в кабинет вошла секретарь.

— Александр Александрович, вас просит дежурный.

Васильев подошел к тумбочке у письменного стола, на которой стояла целая батарея телефонных аппаратов, поднял нужную трубку и, выслушав дежурного редактора, ответил:

— Можете сокращать, только не за счет последнего раздела. Предложения автора надо сохранить полностью.

Давай договоримся так, — продолжал Васильев. — Говори, какие тебя вопросы больше интересуют, а я постараюсь на них ответить.

— Прежде всего скажи о форме собственности, что она собой представляет у них: государственная или кооперативная?

— В нашем понимании ни то, ни другое. Термины «государственная» и «общенародная» форма собственности у них не применяются. У них существует понятие «общественная собственность». За такой на первый взгляд формальной заменой понятий скрывается свое глубокое содержание.

Васильев взял югославскую книгу, нашел нужную страницу и продолжал:

— Вот послушай, что говорится по этому вопросу во вступительной статье к книге:

«В настоящее время в рамках социалистического движения этот вопрос (о характере собственности. — Д. В.) ставится как дилемма: государственная или общественная собственность на средства производства. В зависимости от ответа на этот вопрос имеются две основные формы управления: государственное, то есть административное, в котором органы государственной власти управляют производством, распределением, обменом, и рабочее самоуправление, в котором непосредственные производители — прямо или через выборные органы самоуправления — управляют своими трудовыми организациями...»

В своей речи в Скупщине в связи с введением самоуправления Иосип Броз Тито сказал: «Отныне государственная собственность на средства производства фабрик, рудников, железных дорог постепенно переходит в высшую форму социалистической собственности... В этом заключается наш путь в социализм, и это единственно правильный путь, когда речь идет об отмирании государственных функций в народном хозяйстве».

— Но понятие «общественная собственность» у нас тоже широко применяется,— сказал Григорий.

— Совершенно верно. Но мы это понятие не противопоставляем государственной (общенародной) форме собственности, а используем его как синоним.

— Что же представляет собой тогда их «общественная» форма собственности?

— В отличие от государственной, которая является собственностью в масштабе всего общества, югославская «общественная собственность» ограничена рамками предприятий и объединений (трудовых формирований), и поэтому по своей сущности она ближе к коллективно-групповой форме собственности. Она является юридическим основанием для ограничения централизованного управления и планирования.

— Тогда и планирование у них должно быть в рамках коллективных владений. В такой экономической ситуации они же не могут планировать развитие народного хозяйства в целом? — поинтересовался Комаров.

— Планировать все можно,— ответил Васильев.

— Как это понимать? — настороженно спросил Григорий.

— Между составлением и выполнением планов, как говорят в Одессе, две большие разницы. В этой связи представляет интерес интервью корреспондента «Экономического вестника» с доктором Дарко Бранковичем. — Васильев взял газету и развернул ее. — Пожалуйста:

«Корреспондент:

— Просим Вас, товарищ Бранкович, высказать свое мнение о том, что следовало бы предпринять для того, чтобы можно было составлять хорошие планы?

Д. Бранкович:

— Мы не можем составить хороших планов по той простой причине, что, какой бы план мы ни составили, он не выполняется, а невыполненный план — плохой

план. Таким образом, главный вопрос заключается не в том, как составлять планы, а в том, чтобы выполнять план, каким бы он ни был.

Плановое управление составляет новый план, его всенародно обсуждают, депутаты в Скупщине его утверждают, все мы крутимся с этим, а оказывается, что «машина работает вхолостую». Дело в том, что наша экономическая политика не срабатывает. И если надо дать поручение, то это будет поручение не плановикам и тем более не плановому управлению, а поручение политическим органам, чтобы они принятое однажды решение последовательно проводили в жизнь...»

Ты прекрасно понимаешь, — сделав небольшую паузу, продолжал Александр, — что для выполнения планов предприятия должны быть обеспечены в плановом порядке всеми необходимыми ресурсами и, кроме того, иметь рынок сбыта своей продукции по ценам, обеспечивающим им рентабельную работу. Но этих условий югославские предприятия не имеют. Они действуют на свой страх и риск. Они приобретают оборудование, сырье, материалы и другие необходимые ресурсы по ценам, складывающимся на внутреннем и мировом рынке. Исходя из конъюнктуры рынка они сами решают: что и в каком количестве целесообразнее выпускать, стараясь возместить затраты и получить как можно больше прибыли.

Планы в Югославии не имеют директивного характера, представляют собой нечто типа рекомендаций. Образно говоря, планы не имеют права решающего голоса, наделены только совещательным...

Васильев взял из папки небольшую по объему синего цвета брошюру и сказал:

— Это издание союзного бюро по экономическому планированию, называется «Система общественного планирования в Югославии».

— Что представляет собой это бюро планирования?

— Формально это нечто вроде нашего союзного Госплана, но по наличию прав, а следовательно, и обязанностей они, конечно, резко отличаются. Вот что говорится в этой брошюре:

«В системе рыночной экономики и самоуправления планы не могут быть формально-юридически обязательными ни для нижестоящих общественно-политических содружеств, ни для трудовых организаций». Таким образом, в Югославии каждая хозяйственная орга-

низация самостоятельно планирует свою деятельность с учетом получения максимальной прибыли.

Каковы последствия ликвидации централизованного планирования? — поставил вопрос Васильев и стал на него отвечать: — Серьезным недостатком децентрализации экономики является недоиспользование производственных мощностей. По данным союзного бюро по экономическому планированию, производственные мощности во всей промышленности используются примерно на семьдесят процентов, а в отдельных отраслях и того меньше. В такой важнейшей отрасли, как машиностроение, примерно наполовину.

Одной из важных причин неудовлетворительного использования производственных мощностей, по мнению югославских экономистов, является проблема неликвидности, затоваривания. Когда я слушал в субботу в Доме ученых выступление Харитоновой, которое мне очень понравилось, невольно вспомнил о югославских неликвидах. Она метко заметила, что сегодня директорам приходится преодолевать перебои в снабжении, а если начнется погоня за прибылью, то цены возрастут и остро встанет проблема сбыта. В погоне за прибылью югославские предприятия все время повышают цены.

— А зарплата?

— Зарплата тоже растет, но не в такой же пропорции, — ответил Васильев. — И кроме того, следует иметь в виду такой факт. В целом по стране за этот период она увеличилась почти на восемьдесят процентов, но у одних в четыре-пять раз, у других на десять-пятнадцать процентов, а кое у кого доходы остались на прежнем уровне. В конечном итоге покупательский спрос падает. Происходит, как у нас говорят, затоваривание. По оценке югославских экономистов, неликвидность по товарам массового спроса порой достигает почти половины годового их потребления. В этих условиях широкий размах получил потребительский кредит. Его доля в розничном товарообороте тоже заметно увеличилась.

Вот что писал в этой связи Драгомир Мекич — директор одного из белградских предприятий в статье «Непознанный рынок»: «Нам сказали, что наши выступления на рынке должны быть основным показателем нашей деятельности. Так мы и поступали — производили, загребали все, что могли, инвестировали, тра-

тили... А ныне попали в неликвидность. К счастью, ни в нашей теории, ни в практике еще не найдена система экономических санкций за экономические ошибки и падения».

Далее. После замены централизованного планирования рыночным регулированием заметно ухудшилось использование главной производительной силы общества — трудящихся. В стране сотни тысяч рабочих не могут найти работу, и, кроме того, сотни тысяч югославских граждан работают за границей.

— А пособие безработным выдается?

— Выдается, но не всем. Молодежь или люди, ранее не работавшие на производстве, например, мигранты из деревни, что впервые ищут работу, не имеют права на пособие.

Ну а теперь скажу несколько слов о законе вредности, или стоимости. Закон стоимости, по утверждению многих югославских ученых, является основным законом социалистической экономики.

Васильев подошел к шкафу, взял книгу, открыл нужную страницу и продолжал:

— Вот что пишет в учебнике «Политэкономия» Радомир Борач: «Нужно создать такие условия, чтобы максимально развивать саморегулирующие функции закона стоимости как основного закона всякого товарного производства». Автор критикует экономистов, которые подходят «к закону стоимости не как к основному закону социалистической экономики». По его мнению, в Югославии нет условий для спора: закон стоимости или план? «Я утверждаю, — заключает профессор, — что у нас полностью господствует закон стоимости и не существует «или-или»!» И профессор прав! Его утверждение соответствует новой экономической реформе.

Как же проявляется закон стоимости на практике?

Закон стоимости, как ты знаешь, реализуется на практике через механизм ценообразования. Еще VIII съезд СКЮ признал необходимым «обеспечить более свободное действие рынка, быстрый отказ от административного регулирования цен с тем, чтобы устранить существующее соотношение цен, которое порождает различия в условиях хозяйствования».

Время идет, а добиться на практике действительно свободных цен все не удается. Почему? В погоне за прибылью производители все время повышают цены, и

с целью защиты жизненного уровня трудящихся государство вынуждено замораживать цены.

Откровенно говоря, Григорий, в результате знакомства с югославской практикой у меня складывается такое убеждение: чем активнее у них происходит «высвобождение народного хозяйства из-под влияния государства», тем острее требуется его вмешательство в экономику для предотвращения диспропорций и для стабилизации жизненного уровня. Одним из рычагов такого вмешательства и является контроль за ценами.

Перед реформой в Югославии было три вида цен: твердые, контролируемые и свободные. На ограниченный круг товаров государством по-прежнему устанавливались твердые цены. Более широкий круг цен находился под контролем союзного управления по ценам, республиканских или местных органов. И таким образом под контролем государства до реформы находилось не менее тридцати процентов цен. Остальные складывались свободно, как у нас на колхозном рынке.

— А какая разница между твердыми и контролируемыми ценами?

— Твердые цены устанавливаются государством, и только оно может через определенное время менять их. Контролируемые цены производители могут изменять, но они должны сообщить мотивы, по которым они это делают. Если они представили заявку о необходимости повышения какой-либо цены и в течение тридцати дней не получили ответа, то они имеют право осуществить свое намерение.

У меня складывается такое впечатление, что в их системе самоуправления условия для сознательного использования объективных экономических законов ликвидированы, а для стихийного их проявления в должной мере не созданы, так как административное вмешательство нарушает свободное колебание цен под воздействием спроса и предложения.

Теоретически суть югославского самоуправляемого социализма заключается в том, что объединения, предприятия и учреждения, получившие статус самоуправления и избравшие для этой цели рабочие советы, должны быть свободны в принятии экономических решений. Целью их деятельности является прибыль, и только прибыль. Никто ничего сверху им не гарантирует, а поэтому и не имеет ни материального, ни мо-

рального права вмешиваться в их деятельность. Поэтому замораживание и контроль за ценами вызывает недовольство у производителей. В момент замораживания цен у одних производителей они дают солидную прибыль, у других — мизерную, а у третьих — увы, и того нет. Как тут быть?..

В 1965 году многие цены были объявлены свободными, но они быстро начали повышаться. И государство вновь было вынуждено большинство из них заморозить.

Васильев взял отложенную газету и сказал:

— Вот что говорится в том же интервью Дарко Бранковича по поводу цен:

«Корреспондент: Вы настаиваете, что и цены складываются не так, как это предусматривалось реформой?»

Д. Бранкович: В вопросе цен духу реформы противоречит то, что сейчас мы имеем больший контроль, чем десять лет назад, и что нет никаких видимых перспектив его ослабления. Это полностью противоречит реформе. Когда объявили о реформе, то были на шесть месяцев заморожены цены с тем, чтобы после этого дать полную свободу рынку. Время идет, а все остается по-прежнему...»

Но, несмотря на усиление государственного контроля, — продолжал Васильев, — цены все время растут. И не только свободные, но и контролируемые и даже твердые. За предыдущие пять лет рост оптовых цен в торговле составил шестьдесят процентов.

В условиях рыночного регулирования экономических процессов повышение оптовых цен служит базой для роста розничных цен. За этот срок они возросли на восемьдесят два процента. Особенно быстро повышались цены в сфере обслуживания и на предприятиях общественного питания — в столовых, кафе и ресторанах. Здесь они повысились почти в четыре раза.

Базой, или первопричиной роста оптовых и розничных цен, является неуклонное повышение цен производителей. Эти цены примерно соответствуют нашим оптовым ценам предприятий. За пять лет цены производителей на промышленную продукцию в целом возросли на сорок один процент, а на сельскохозяйственную — в три раза!

— Недавно одна сотрудница нашего института была в Югославии и рассказывала, что в разных городах

цены различны. Так ли это? — попросил уточнить Григорий.

Васильев улыбнулся.

— Если речь идет о свободных ценах и значительной части контролируемых, то она совершенно права. Даже в одном городе в разных магазинах цены на аналогичные товары могут быть неодинаковы.

Таким образом, в условиях рыночной экономики в ценообразовании действует принцип: рост цен одних товаров вызывает цепную реакцию их повышения на другие. Тон в этом задают свободные цены. Их рост на отдельные виды сырья и стройматериалы служит «объективной» основой повышения цен на готовую продукцию и квартплату. А это, в свою очередь, вызывает необходимость увеличения заработной платы. Повышение последней является поводом для роста цен на твердые и контролируемые цены, а также на культурно-бытовые услуги. А затем по новому кругу... И так круг за кругом, виток за витком...

Со свободными ценами кое-где доходит до курьезов. В аэропорту в Дубровнике мы зашли в буфет. Я подал динары и попросил трехсотграммовую бутылку минеральной воды. Подождал сдачи. Увы. Тогда сопровождающий объяснил: ты понимаешь, здесь свободные цены.

— Но это же в десять раз дороже, чем в магазине, — удивился я. — Должен же быть какой-то предел?

— Тут есть вопрос. У нас сейчас идет обсуждение: как с этим бороться? Выдвигаются разные предложения: одни за установление контроля, а другие за то, чтобы в таких местах было по два буфета и между ними шла конкуренция...

Попытки экономистов представить дело таким образом, что в условиях свободы рынка образуются наиболее объективные цены, не имеют ничего общего с марксистско-ленинской теорией. Практическое осуществление их концепции как раз и ведет к тому, что рост одних цен служит «объективной» основой для повышения других. Поэтому я рекомендовал Кузнецову познакомиться с критикой Торренса Марксом.

— При чем тут Торренс? — поинтересовался Григорий.

— Образование рыночных цен так называемые модные экономисты ныне пытаются выдать за нечто новое в экономике. Но эта «новинка» впервые появи-

лась... в 1821 году в трактате Торренса, который подменил теорию трудовой стоимости Давида Рикардо вульгарной теорией издержек производства. Эту идею подверг критике Джеймс Милль, которого беспощадно критиковал Маркс за разложение рикардианской школы. Но, критикуя Милля, Маркс делал такую оговорку: «Против этого молодца (Торренса.— Д. В.) прав Джеймс Милль, когда он говорит: «сказать, что стоимость товаров определяется стоимостью капитала, значит сказать, что стоимость товара определяется стоимостью товара». Так выглядит легенда об объективности рыночных цен...

Васильев открыл бутылку боржоми, налил Григорию и себе, отпил несколько глотков и продолжил:

— Теперь скажу коротко о принципах оплаты труда в югославской системе самоуправления. Закон распределения по количеству и качеству труда действует у них в рамках самоуправляющихся трудовых коллективов. За их пределами на арену выступает так называемый закон доходов, который в конечном счете регулирует личные доходы в разных отраслях и регионах. В условиях стихии рынка на сумму дохода оказывают влияние многие факторы, не зависящие от деятельности коллектива.

— Как понимать «закон доходов»?

— Каждая хозяйственная организация в результате своей деятельности имеет определенный доход. Из него надо сделать все отчисления согласно действующим законам и постановлениям, и что после этого останется, распределяется между членами коллектива. Иначе говоря, складывается «остаточный» принцип распределения.

— И много таких отчислений?

— Они составляют более сорока процентов от валового дохода. И все они имеют строго обязательный характер. Только пройдя через все директивные отчисления, взносы и вычеты, можно в какой-то мере представить «свободу» самоуправляемых коллективов.

Поэтому вопрос свободы деятельности хозяйственных организаций в Югославии является предметом дискуссии, высказываются различные точки зрения. Касаясь этой проблемы, Эдвард Кардель говорил: «На деле же свободу получили не рабочие и самоуправляющиеся коллективы, а свободу получило развитие технократического монополизма. Я не говорю

о жуликах. Я говорю о тех честных людях, которые трудятся на руководящих постах в экономике, глубоко уверены, что работают хорошо и правильно, однако они создают такую ситуацию в нашем обществе, что оно отстывает от того курса, который принят. Другими словами, я говорю о слабостях системы».

— А что такое «технократический монополизм»?

— «Технократия» у них довольно распространенный термин. По словам Ристо Валича, «технократическая идеология — это идеология паразитов. Ее главная опасность в узурпации общественно-экономической силы рабочего класса. Она появляется при корпорационной групповой собственности». Он утверждает, что «нарастание технократических явлений захватило все структуры общества».

В результате такого распределения доходов происходит довольно резкая дифференциация оплаты труда в различных отраслях и сферах. В отраслях материального производства оплата ниже, чем в непроеизводственной сфере...

— А не наоборот?

— Нет, не наоборот.

— Но если строители получают меньше, чем торговцы, то почему строители не перейдут в сферу обслуживания?

— Я сказал, что в стране сотни тысяч безработных. Если где-то в торговле освободится место, то оно тут же будет занято очередниками. К тому же я хочу отметить, что у работников торговли и сферы обслуживания, несмотря на сравнительно приличные заработки, есть свои проблемы. Многие из них заняты не круглый год.

Все это ведет к дифференциации, и порой довольно значительной, между специалистами одинаковой квалификации, но занятыми в разных отраслях. Во время недавнего посещения Югославии я побывал в редакциях двух белградских газет и наряду с другими вопросами поинтересовался и этим. Сотрудники «Вечерних новостей» зарабатывают намного больше, чем в газете «Экономска политика». Почему? В первой много рекламы и различных платных объявлений. Тираж газеты, естественно, большой, и доход высокий. А в «Экономской политике» тираж в несколько раз меньше, и за статьи надо гонорар платить, доход получа-

ется более чем скромным, но из него они так же, как и в «Вечерних новостях», должны сделать все директивные отчисления и платежи и только то, что останется, распределять между сотрудниками.

Васильев взял из папки газету.

— Передо мной любопытная таблица из «Экономического обозрения». В ней приведены минимальные и максимальные доходы одинаковых профессий разных предприятий и организаций по Белграду:

Генеральный директор — разрыв между минимальным окладом и максимальным — в пять раз.

Далее идут должности технического и коммерческого директора, разрыв в четыре раза.

Самый высокий разрыв у делопроизводителей — в семь раз.

Затем, как видим, перечисляется ряд должностей и профессий — инженер, квалифицированный, полуквалифицированный и неквалифицированный рабочий, уборщица и курьер.

Обрати внимание на последнюю строку.

Курьер: минимальная оплата ниже, чем у всех остальных профессий, а максимальная больше, чем у генерального директора в первой строке с минимальной оплатой...

— Хочу отметить, что эти колебания не связаны с размерами предприятия, количеством занятых на них рабочих и объемом выпускаемой продукции. Сплошь и рядом максимальные доходы могут быть на мелких полукустарных предприятиях, где занято несколько человек. Все зависит от прибыли, на сумму которой оказывают влияние многие факторы, не зависящие от количества и качества труда работников.

— Каковы колебания между оплатой различных категорий работников внутри предприятия?

— По данным Загребского института, в хорватских хозяйственных организациях и учреждениях оплата специалистов с университетским образованием выше средней в четыре-пять раз, хотя в отдельных случаях бывает и больше.

Таким образом, личные доходы весьма дифференцированы. В тех отраслях и сферах, в которых рыночная конъюнктура хорошая, заработки растут быстрее, а там, где плохая, они растут медленно или определенное время остаются на прежнем уровне, в отдельных случаях снижаются. Зависимость трудовых коллекти-

вов от стихии рынка создает неуверенность в работе, в заработке.

— Какое у них соотношение между социалистическим и частным сектором?

— В стоимости основных производственных фондов на долю социалистического сектора приходится восемьдесят семь процентов. Более восьмидесяти процентов конечного продукта создается в социалистическом секторе. Основные позиции частного сектора находятся в сельском хозяйстве, где только четырнадцать процентов пахотной земли принадлежат социалистическому сектору.

— А как выглядит социалистический сектор?

— Он возник сразу же после победы революции. В основном на базе национализированных крупных землевладений. После аграрной реформы были созданы первые государственные сельскохозяйственные предприятия — имения. Ныне есть среди них хозяйства, располагающие десятью-пятнадцатью и более тысячами гектаров обрабатываемой земли. Особенно эффективными в Югославии являются агропромышленные объединения, в которых сельское хозяйство органически соединяется с промышленной переработкой его продукции. На некоторых из них я побывал. В частности, на агропромышленном комбинате «Белград». Он расположен в тридцати минутах езды от столицы. Этим и определено направление его специализации — обеспечение Белграда свежими сельхозпродуктами. Комбинат имеет восемьдесят пять тысяч гектаров обрабатываемых площадей и десятки промышленных предприятий. В его составе агроэкономический институт. В хозяйстве имеется развитое растениеводство и животноводство молочно-мясного направления. Такие комбинаты сами не только перерабатывают, но в значительной мере и реализуют собственную продукцию. Они имеют десятки фирменных магазинов в ближайших городах страны и продают в них мясо, овощи, фрукты, молоко. Эти комбинаты имеют выход и на внешний рынок, где реализуют свою продукцию и закупают необходимое им оборудование, сырье и материалы.

Кроме того, в Югославии имеются различные формы кооперирования единоличных хозяйств. Если пожелаешь подробно узнать о них, то в этой книге есть специальный раздел.

— Судя по количеству земли, видимо, основная масса сельской продукции производится в частном секторе? — поинтересовался Григорий.

— Я бы этого не сказал. Хотя в социалистическом секторе трудится четыре процента рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, а в частном — девяносто шесть. И тем не менее на долю социалистического сектора приходится почти половина товарной продукции отрасли! В частном секторе очень низкая товарность. В социалистическом секторе, например, производится двадцать семь процентов всего объема пшеницы, а в индивидуальном — семьдесят три. А по закупкам они поменялись местами: семьдесят три и двадцать семь. Производство кукурузы в социалистическом секторе составило четырнадцать процентов, а закупки — сорок.

— А что представляет собой частный сектор?

— В нем все время происходит дробление частных владений на мелкие и мельчайшие участки. — Васильев взял из папки журнал и сказал: — Передо мной обзор на эту тему за последние десять лет. Вот какая складывается картина:

число хозяйств до полгектара увеличилось на двадцать пять процентов;

от половины до гектара — на десять процентов;

от одного до двух гектаров — на полпроцента.

Количество хозяйств размером от трех и более гектаров уменьшилось:

от четырех до пяти гектаров — на восемь процентов;

от пяти до восьми гектаров — на десять процентов;

свыше восьми гектаров — на девятнадцать процентов.

— Это новое явление. Во всем мире происходит обратный процесс, — сказал Комаров.

— Совершенно верно, — подтвердил Васильев.

— Какое соотношение между номинальными и реальными доходами?

Васильев отыскал нужный лист и ответил:

— За пять лет номинальные доходы увеличились в три с половиной раза, а реальные на десять процентов. В последние годы увеличение доходов довольно заметно опережает рост производительности труда. Это один из факторов, и довольно существенных, ведущих к инфляции, к разрыву между номинальными и реальными доходами.

— Я читал, что в Югославии имеется специальный централизованный фонд, предназначенный для ускорения развития отсталых в экономическом отношении республик. Что он собой представляет?

— Такой фонд имеется, но размеры его ограничены — примерно два процента всех доходов хозяйственных организаций. Разрыв в уровне экономического развития по-прежнему остается весьма значительным. Производство, например, национального дохода на душу населения в таких республиках, как Босния и Герцеговина, Черногория и Македония, составляет лишь семьдесят процентов к среднеюгославскому, и тридцать восемь процентов к уровню Словении. При этом надо иметь в виду, что этот разрыв не сокращается, а увеличивается. Это ведет к тому, что и личные доходы по республикам и краям заметно отличаются. Самой развитой в экономическом отношении является Словения. Личные доходы здесь на шестнадцать процентов выше, чем в целом по стране, и на тридцать три процента по сравнению с Македонией.

Васильев взял новый листок и продолжал:

— Вот как колеблются доходы работников транспорта. В Белграде и Загребе они на двенадцать процентов ниже, в Скопле — на девятнадцать, а в Титограде — на двадцать пять процентов, чем в Словении. Примерно такое же колебание и по строительству. Эта закономерность сохраняется у работников общественных и государственных учреждений, хотя все союзные ведомства находятся в Белграде. Тем не менее в Белграде и Загребе оплата этой категории сотрудников ниже на шесть процентов. Еще большее колебание в сельском хозяйстве. В Словении доходы в этой отрасли, например, выше против Сербии на шестнадцать процентов, Боснии и Герцеговине — на тридцать шесть, Македонии — на сорок один процент.

— Как у них распределяются средства на капитальные вложения?

— Раньше примерно двадцать процентов этих средств оставались в хозяйственных организациях, а восемьдесят были сосредоточены в руках государства, что было довольно серьезным рычагом поддержания пропорционального развития отраслей экономики.

Новая экономическая реформа предусматривает оставление в распоряжении хозяйственных организаций до семидесяти процентов средств на капитальные

вложения. Доводом в пользу такого решения выдвигался такой факт. Объекты и предприятия, которые строятся административным путем, то есть из фонда государственных средств, малорентабельны, а порой и убыточны. То, что строится из фондов предприятий, высокорентабельно и быстро окупается! Хозяйственные организации-де лучше знают, куда вкладывать капиталовложения. Об этом мне много, в частности, рассказывали руководители Хорватской хозяйственной палаты. С этим, конечно, трудно согласиться. Смотря с каких позиций и как определять рентабельность. Государство вкладывает капиталовложения, которые оно имеет, в такие отрасли, как энергетика, сельское хозяйство, добывающая промышленность и другие сырьевые отрасли. Они, как правило, малорентабельны, но крайне необходимы для пропорционального развития народного хозяйства и предотвращения диспропорций. Хозяйственные организации вкладывают свои средства туда, где можно больше получить отдачи и в кратчайший срок. Приведу такой пример.

Я был на агропромышленном комбинате в Словении «Эмона». У него есть немало достижений. Я поинтересовался, куда они направляют очередные капиталовложения? Оказалось, срочно заканчивают строительство пансионата на Адриатике.

— Вы же агропромышленное объединение, а строите пансионат? — удивился я.

— Это очень выгодно.

Ларчик открывается просто. Пансионат этот они построили для того, чтобы получать валюту в сезон. Они посчитали, что окупится этот объект за год-полтора, а затем будет давать солидную чистую прибыль...

— Ваши сотрудники там отдыхают? — спросил я.

— Кто пожелает, пожалуйста, но в сезон это обходится очень дорого.

И это действительно так. Цены в летний сезон в пансионатах очень дорогие. Сопровождавший меня, например, подсчитал, что союзный секретарь (министр) с женой и двумя детьми или внуками на свой заработок сможет прожить в хорошем пансионате неделю. Поэтому среди отдыхающих преобладают иностранцы. Туризм в стране стал мощным источником получения валюты. В этом плане пансионатам, гостиницам, ресторанам и другим туристско-развлекательным заведениям, прямо скажем, повезло. Если же ана-

лизировать этот путь использования капитальных вложений с позиций всего общества, то нетрудно обнаружить его недостатки. Развитие сезонных пансионатов получается гораздо выгоднее объектов добывающей и перерабатывающей промышленности. Но разве это может предотвращать диспропорциональность в развитии народного хозяйства? Разумеется, нет! Определение рентабельности с позиций отдельного коллектива, объективно вытекающее из требований закона вредности, скорее ведет к обострению ряда социально-экономических проблем, чем к их решению, содействует усилению дифференциации личных доходов и уровней экономического развития республик и краев.

Васильев посмотрел на часы и, собирая разбросанные на столике материалы, произнес:

— Все, дорогой Григорий Евгеньевич, время поджимает... Остальное считаешь... Поехали.

3

— Привет! Сколько лет, сколько зим? — радостно приветствовал Комаров Татьяну и Бориса, встретив их около гостиницы, когда они вернулись с Васильевым из поездки по городу.

В их бытность аспирантами Татьяна хорошо знала Григория и его жену.

— Я вчера во время встречи долго не могла узнать, с кем это Александр рядом сидит и мило на виду всей публики переговаривается, — крепко пожимая друзьям руки, сказала Татьяна. — А ты почти не изменился — вид у тебя такой же спортивный. По-прежнему фехтуешь? В свое время Григорий увлекался фехтованием, был отличным шпажистом и даже выступал за сборную столицы.

— Да, на членкора ты не очень похож. Кстати, поздравляю.

Все это Татьяна говорила быстро, даже не дожидаясь ответов Григория, который едва успевал вставлять короткие фразы:

— А семьей... не обзавелся?

Григорий, сохраняя безмятежный вид, попытался отшутиться:

— Нет, не обзавелся. Оставляй своего Бориса, — улыбаясь, сказал он, — и поедем в Сибирь...

— Уж если мужа бросать, то ради академика, на меньшее не согласна. Вот станешь им, тогда и подумаю...

— Ты что, приехал мою жену в Сибирь сманивать? — шутя заговорил Борис.

Комаров посмотрел на часы и сказал:

— До начала спектакля времени много. Зайдемте, друзья, ко мне в номер и заодно выясним, едет ли Татьяна Федоровна в Сибирь?

— Я пас, — посмотрев на часы, сказал Васильев. — Пойду погуляю и встречу Ирину.

— А где вы встречаетесь? — поинтересовался Борис.

— У нашего памятника.

— Где, где? — переспросил Борис.

— Пойдем вместе, и посмотришь где, — иронически произнес Александр.

— А что, пойдем, — задорно подхватила Татьяна. — Интересно узнать, что это за памятник.

Когда вошли в Александровский парк, Васильев подвел Татьяну и Бориса к обелиску и сказал:

— Любуйтесь, пожалуйста!

— Маркс, Энгельс, Либкнехт, Лассаль, Бебель, Кампанелла, Мелье, Уинстлей, Мор, Сен-Симон, Вальян, Фурье, Жорес, Прудон, Бакунин, Чернышевский, Лавров, Михайловский, Плеханов, — прочитал Борис.

— Все знакомые имена? — спросил Васильев.

— Откровенно говоря, я кое-кого не знаю, но и вас почему-то не нахожу, — ехидно улыбнувшись, ответил Борис.

— Кто такие Уинстлей и Вальян, не имею представления, — сказала Татьяна. — Увековечены рядом с основоположниками научного коммунизма, но о них даже в Большой Советской Энциклопедии ничего не сообщается. — И, обращаясь к Васильеву, спросила:

— Саша, а ты о них что-нибудь знаешь?

— Теперь знаю...

— А почему теперь?

— Этот же вопрос возник перед нами с Ириной, когда мы после знакомства в Ленинке здесь прогуливались... С тех пор мы занялись изучением жизни и деятельности этих мыслителей.

— Это интересно. Расскажи...

— Об Уинстлее есть несколько слов в энциклопедии, но здесь его имя воспроизведено не совсем точно. Надо — Уинстенли. Его имя Джерард. О нем сохрани-

лись очень скромные биографические сведения. Нет ни фото, ни даже описания его внешности. Родился он в графстве Ланкашир 10 июля 1609 года. Никто не знает, где и когда он умер. Предполагают, что в 1652 году... В молодости Уинстенли был торговцем, но в годы гражданской войны разорился. Сначала пас скот соседей, а затем занялся литературной деятельностью. С конца сороковых годов в своих памфлетах он резко критиковал прогнившую власть короля, помещиков и церкви. В частности, он писал: «Священники околдовывают народ и предают его во власть тиранов, ибо они сами за свои проповеди кормятся добычей, которой делятся с ними тираны. Все они враги народа».

Огромная заслуга Уинстенли в том, что он решительно и бескомпромиссно осудил частную собственность. В памфлете «Новый закон справедливости» он объявил частную собственность главной причиной всех социальных зол. По его утверждению, она виновник того, что люди начали красть друг у друга, что привело к изданию законов вешать тех, кто украл. Частная собственность толкала людей на преступления...

В «Декларации угнетенных бедняков Англии» в адрес господствующих богачей он пишет, что «вы и ваши предки получили вашу собственность путем убийства и воровства и той же силой удерживаете ее от нас, имеющих на землю равное право с вами. Англия — это тюрьма...».

— Это же Шекспир,— вставила Татьяна.

— Это определение навело исследователей на мысль, что он был знаком с творчеством Шекспира. Не исключают, что он читал «Утопию» Мора. Но с абсолютной достоверностью известно, что Джерард не получил сколько-нибудь систематического образования.

— Самоучка из народа...

— И последовательно защищал его интересы. Наиболее ярко свои идеи он изложил в последнем произведении «Закон свободы» в 1652 году. Его памфлет начинается с обширного предисловия, обращенного к Кромвелю, в котором, разоблачая антинародный характер революции, спрашивает: «За что боролись?..» и отвечает:

«Обещания и присяги давались только для того, чтобы втянуть простой люд в войну. Теперь, когда война закончена, обещания не выполнены, народ обманут.

Новые дворяне — худшие воры и тираны, чем король, которого изгнали...»

Поэтому его произведения достойно стоят в одном ряду с «Утопией» Томаса Мора и «Городом Солнца» Томмазо Кампанеллы, в числе выдающихся произведений утопического социализма XVI—XVIII веков, а их автор удостоен чести быть увековеченным на этом обелиске.

— Спасибо! А Вальян?

— Аналогичная история получилась и с Вальяном. Он тоже есть в энциклопедии как Вайян. Бывают такие звучания, которые можно в одинаковой мере перевести и так и эдак...

— А что представляет собой эта личность? — поинтересовался Борис.

— Он один из активных участников Парижской Коммуны, чудом оставшийся в живых...

— Расскажи подробнее.

— Его политические взгляды формировались в период нарастания кризиса режима Наполеона III. Во время поездок в Германию и Австрию проникся там социалистическими идеями и вступил в немецкую секцию Интернационала в Женеве. Был участником Лозаннского конгресса I Интернационала в 1867 году. Известие о капитуляции французской армии под Седаном всколыхнуло Париж, где тогда находился и Вайян. Стихийно возникла мощная манифестация рабочих. Они ворвались в Бурбонский дворец и провозгласили республику. Вайян был в первых рядах, и по его предложению тотчас же была отправлена телеграмма Марксу о революции в Париже и падении империи...

После торжественного провозглашения Парижской Коммуны Вайян избирается ее членом. В последнем сражении окруженные коммунары до последнего вдоха защищали свое детище в битве с превосходящими их в двадцать раз силами версальцев... После поражения Вайяну удалось скрыться, а затем эмигрировать в Англию.

Заочно его приговорили к смертной казни. В Лондоне он был избран членом Генерального совета I Интернационала. После амнистии в 1880 году вернулся на родину, а через три года избран в палату депутатов. Он сыграл большую роль в развитии социалистического движения в стране. Вайян выдвигался и кандидатом на пост президента Франции. В этой связи В. И. Ленин

писал: «Голосование за Вальяна было демонстрацией в честь Коммуны. Вальян — живая память о ней. Достаточно хоть раз видеть, как встречают парижские рабочие появление на трибуне седого как лунь Вальяна, чтобы понять это».

— Это очень интересно, — сказал Борис. — Но вы же с Ириной экономисты, а не историки...

— Историю знать полезно всем ученым, — начал объяснять Васильев. — Изучение же биографий этих деятелей дает особенно большую пользу экономистам. Большинство из них очень глубоко занимались экономической теорией. Не говоря уже об основоположниках научного коммунизма. Татьяна Федоровна знает, что сейчас немало экономистов отрицают наличие при социализме товарного производства и для «обоснования» своих взглядов используют положения классиков. При этом они выдергивают их из контекста или не учитывают, в какой конкретной связи оно было сказано или написано. Изучение рукописей и переписки Маркса и Энгельса со многими корреспондентами дало нам много дополнительных материалов по многим дискутируемым ныне проблемам. Кстати, а вы знаете историю этого обелиска? — спросил Васильев друзей. — Ведь она сама по себе весьма любопытна...

— В каком смысле? — поинтересовался Борис.

— Обелиск был воздвигнут в честь 300-летия царствования династии Романовых, — сообщил Александр.

— Как?..

— В 1913 году Романовы торжественно отмечали свое 300-летие. В честь этого события и был воздвигнут данный монумент, а венчал его сверху двуглавый орел — герб царской России. На нем были высечены имена всех царей династии и еще больше было оставлено чистого места для имен будущих российских монархов. Но увы!.. История распорядилась иначе. Революционная буря смела с престола последних представителей царской фамилии. По образному выражению Ленина, за несколько дней была опрокинута трехсот-летняя телега, залитая «кровью и грязью романовской монархии».

В апреле 1918 года был утвержден декрет Совета Народных Комиссаров о снятии памятников царям и их слугам, не представляющих исторической или художественной ценности. Вместо них было предложено поставить монументы в Москве и других городах

Советской России видным деятелям социализма и революционного движения. Учитывая трудности того времени, Ленин предложил снять с обелиска царский герб, стереть имена царей и высечь на нем имена, которые мы теперь изучаем. Я сделал такой подсчет. Деятели, чьи имена на нем увековечены, более трехсот лет провели в изгнании, ссылках, карцерах и казематах. Это почти половина их сознательной жизни!

— Скажи, Саша, несколько слов о Мелье. Если я не ошибаюсь, это французский материалист,— попросила Татьяна.

— Да, но явным материалистом он стал после смерти...

— А при жизни?

— После окончания духовной семинарии сорок лет он был священником прихода деревушки Этрепины в Шампани. По утрам под звон колоколов он открывал для всех страждущих двери церкви. А вечером склонялся над исписанными листами своего «Завещания» к прихожанам и грезил о справедливом обществе, где не будет ни церквей, ни священников, ни частной собственности... «Я всей душою,— писал он,— ненавидел нелепые обязанности своей профессии. Тысячу и тысячу раз проклинал их в душе. Как я внутренне мучился, когда бывал вынужден проповедовать вам благочестивую ложь, которую ненавидел всей душою. Сколько угрызений совести вызывала во мне ваша доверчивость! Тысячу раз я готов был публично покаяться, но страх, превышавший мои силы, меня вдруг удерживал и вынуждал молчать до самой смерти». Вот так было дело.

— А что произошло после смерти? — поинтересовался Борис.

— В его бумагах была обнаружена большая рукопись. В ней говорилось: «Дорогие друзья, мне нельзя было при жизни открыто высказать то, что я думал о порядке и способе управления людьми, о религиях и нравах. Это было сопряжено с очень опасными последствиями. Поэтому я решил сказать вам это после своей смерти. Цель моя — открыть вам глаза на все нелепые заблуждения...»

Все «Завещание» посвящено разоблачению сильных мира сего. С особой силой он обрушивался, как это ни странно, на священников. Обвинял их в том, что они в своих проповедях под страхом проклятия и веч-

ных мук проповедуют повиновение князьям и государям, а те, в свою очередь, одаривают их большими доходами. Он решительно выступает против частной собственности, а государственную деятельность называет «узаконенным разбоем».

Мелье призывал народ объединиться для борьбы за освобождение. «Начинайте, — советовал он, — с тайного сообщения друг другу своих мыслей и желаний! Распространяйте повсюду писания, подобные этому. Поддерживайте все друг друга в этом справедливом деле, которое касается общего интереса всего народа!»

Согласно идеям Мелье общество должно составлять единую коммунистическую общину. Он призывал людей объединиться и расправиться с тиранами. Его смелый клич «Перевешать всех благородных и сильных мира сего в петлях из кишок священников» произвел сильное впечатление и на его современников, и на последующие поколения. Даже в далекой России спустя почти сто лет после смерти Мелье А. С. Пушкин обыграл эту мысль в стихах:

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

Церковники и тираны сразу же после смерти Мелье позаботились, чтобы замести следы «слишком бунтовщической рукописи». Но запретный плод особенно сладок. Под угрозой казни за большие деньги ее размножали и продавали. Попал экземпляр и Вольтеру. «Прекрасный катехизис дьявола» — так лестно он о ней отзывался. Но время и принятые меры сделали свое черное дело. Подлинники «Завещания» бесследно исчезли. И немецкие профессора объявили, что никакого Мелье вообще не было, что его выдумал Вольтер.

И вдруг более ста лет спустя Рудольф Шарль в Голландии в букинистической лавке обнаружил один из подлинников «Завещания». В 1864 году в Амстердаме Шарль опубликовал полный текст этого замечательного произведения. Вскоре профессор Московского университета Шахов выписал амстердамское издание «Завещания» и в начале семидесятых годов прошлого века широко использовал его в своих лекциях о Вольтере и его времени. А затем передал этот замечательный труд своему ученику Випперу, а последний — Волгину,

который написал ряд интересных работ о Мелье и его «Завещании».

Идеи и призывы Мелье во многом перекликаются с мыслями Кампанеллы.

— Только Кампанелла был бунтарем и вступил в открытую борьбу с тиранами и священниками при жизни, большую часть которой провел в тюрьмах,— встала Татьяна.

— Совершенно верно,— подтвердил Александр.— В этом отношении они прямая противоположность. Я сейчас работаю над очерком о Кампанелле. Пока все свежо в памяти о посещении мест, связанных с этой легендарной личностью...

— Сколько он просидел в тюрьмах?

— Тридцать три года в пятидесяти тюрьмах Италии!

— Он был осужден, насколько я помню, пожизненно, как ему удалось выйти на свободу?

— Одно обстоятельство позволило ему обрести свободу.

— Какое?

— Италия в то время находилась под игом испанцев, и у папы Урбана VIII возникли серьезные трения с испанским двором, который пожелал избавиться от неудобного папы. С этой целью испанцы начали распространять ложные предсказания многочисленных астрологов о скорой смерти папы. В гороскопах называли даже дату смерти папы, предсказанную расположением звезд. К этому времени многие труды Кампанеллы через его друзей были изданы во многих странах Европы, и он был признан крупным ученым и считался «знаменитым узником». Когда через охранников до него дошли вести о гороскопах, то он заявил, что может предотвратить предсказания... Это дошло до папы, который был очень мнительным и окончательно потерял покой.

Папа потребовал доставить к нему «знаменитого узника». Кампанелла не стал опровергать предсказания астрологов, а, наоборот, добавил несколько наблюдений, подтверждающих опасность, нависшую над папой, но он посеял в душе Урбана VIII надежду избежать предсказанной судьбы...

— Что для этого надо? — спросил папа.

— Я должен быть свободным и иметь в своем распоряжении все необходимое для изменения предсказания...

В июле 1628 года Урбан VIII приказал освободить Кампанеллу. По вполне понятным причинам процедура «спасения» папы была делом совершенно секретным. В один из жарких августовских дней Урбан VIII беспрекословно выполнял все, что повелевал ему «спаситель»: становился на колени перед камином, в котором пылали большие поленья, пел, произносил молитвы, послушно повторял за Кампанеллой различную тарбарщину магических формул... Заметьте, что за подобные «языческие ритуалы» святая церковь немедленно отправляла их исполнителей на костер. Кампанелла все процедуры проводил нарочито медленно. Он наслаждался тем, как первосвященник любой ценой стремился подольше задержаться на этом свете. Вопреки собственным проповедям папа пытался изменить «волю божью» и отсрочить свое отправление в «рай». И папа в роковую дату не умер, чувствовал себя прекрасно. Это укрепило его веру в силу и знания Кампанеллы... Папа открыто высказывал признание своему «спасителю», часто приглашал его на беседы. Кампанелла воспользовался этим покровительством и добился, чтобы вернули его многочисленные рукописи, конфискованные и запрещенные инквизицией.

Но душа его неутомонна! Пользуясь своим положением, он снова готовит восстание за освобождение любимой Калабрии. В заговор вошли многие влиятельные лица Неаполя, но, как и треть века назад, его постигло предательство... Глубокой ночью под чужим именем в экипаже французского посла он навсегда покидает свою любимую Италию... Вот так он, друзья, оказался на свободе...

— А куда он направился?

— Давний враг Испании — Франция с большими почестями встретила знаменитого философа, легендарного узника инквизиции и ярого противника Испании. Его даже пригласили в королевский совет. По поручению Ришелье он руководил учеными собраниями, на базе которых вскоре вырастает Французская академия наук. Умер он в монастыре св. Якова, ставшем через полтора века политическим клубом якобинцев...

— Саша, а ведь все, что ты рассказал, так интересно. Почему бы вам не издать книгу очерков о деятелях, увековеченных на этом обелиске? — серьезно сказал Борис.

— Материал о них пока накапливается. В свободное время мы как раз и занимаемся «нашим памятником», так мы называем его между собой. И во время прогулок стараемся навестить, а в дни рождений кого-нибудь из них мы по возможности стараемся положить цветы. Раньше около метро «Площадь Революции» в любое время были цветы. Купил и положил, а теперь здесь их не стало. Кому они мешали? Едем к Белорусскому вокзалу, там пока еще бывают...

— Но что касается книги, о которой ты, Борис, говорил, то в ближайшее время до нее руки не дойдут. Ирина завершает докторскую, и, кроме того, мы с ней готовим монографию о товарном производстве. Времени свободного, сами понимаете, очень мало, но я должен сказать, что посвящение досуга изучению таких людей очень интересное и полезное хобби.

Я теперь яснее представляю развитие коммунистических идей от возникновения до претворения в жизнь. Период этот — пять веков. Какие трудности были на пути! Когда это знаешь, более оптимистично смотришь на современные проблемы...

— А все началось с Мора, — то ли вопросительно, то ли утвердительно сказала Татьяна.

— Да, с Мора, — подтвердил Александр. — От его «Утопии» идет название «социалисты-утописты». И, единственный из этих деятелей, он был казнен, хотя занимал высокие должности...

— А за что его казнили, за «Утопию»? — спросил Борис.

— Нет, — ответил Александр. — «Утопия» тут ни при чем. Глубокий смысл этого замечательного и нестареющего произведения королевской знати, в подавляющей массе ожиревшей и отупевшей, был «не по зубам». Как раз после выхода «Утопии» началась его головокружительная карьера — Мор избирается членом королевского совета, затем становится спикером палаты общин, а в 1529 году лорд-канцлером Англии.

Король Англии Генрих VIII, так же как и Мор, в свое время отверг Реформацию. Более того, король опубликовал книгу против Мартина Лютера, на которую последний ответил ему очень грубой статьей. И тогда появился на свет «Ответ Томаса Мора на глумления, которыми Мартин Лютер осыпает короля Генриха VIII английского». В нем Мор поддержал Генриха

как ревностного католика, хотя сам таковым никогда не был.

Но вы прекрасно знаете, что в жизни все «течет и изменяется». Изменились и убеждения короля. Он решил разорвать узы дружбы с папой римским...

— Почему?

— В свое время Генрих VIII по расчету был женат на испанской принцессе. Когда этот брак по политическим мотивам стал не нужен, он попросил у папы развод, чтобы жениться на Анне Болейн, но папа в угоду испанскому королю отказал... Тогда Генрих осуществил свое намерение, разорвав отношения с папой римским. Он стал сторонником Реформации и объявил себя главой английской церкви, и этим он сэкономил солидную сумму, которую ранее платили Риму. Кроме того, Генрих конфисковал имущество монастырей и принадлежавшие им земли и пополнил свою казну. Прямой и принципиальный характер Мора не мог одобрить этой авантюры, и тогда король затеял вокруг него грязную возню. Даже после того, когда запуганный угрозами короля парламент признал его главой церкви и объявил наследницей престола рожденную до брака дочь Анны Болейн (будущую королеву Елизавету I), Мор отказался принести требовавшуюся от него присягу, за что и был обвинен в государственной измене. Согласно приговору его должны были четвертовать, а затем прибить по одной четверти его тела над четырьмя воротами Сити, а голову выставить на Лондонском мосту. Но Генрих VIII оказался «милостив». Учитывая огромные заслуги Мора перед Англией, он заменил этот мучительный приговор отсечением головы...

— Слушай, Саша, ведь Бакунин анархист, — как бы опомнившись, стала уточнять Татьяна. — Как же он оказался на обелиске рядом с Марксом и Энгельсом? Вы с Ириной не задумывались над этим?

— Конечно, задумывались. Список деятелей для обелиска готовил Луначарский, но он был на доработке и одобрении у Ленина. Поэтому мы полагаем, что Бакунин, так же как и Лассаль, которого критиковали Маркс и Энгельс, оказался здесь потому, что Ленин придерживался в данном вопросе принципа, согласно которому «исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками».

— С этих позиций Бакунин — личность. Белинский писал, что в Бакуине его «пленило движение жизни, беспокойный дух, живое стремление к истине...». Гонимый этим «беспокойным духом», он появлялся всюду, где назревали революционные события, шли ожесточенные бои. Бакунин — участник революционных восстаний середины прошлого века во многих европейских странах. В 1848—1849 годах он был на баррикадах Парижа и Берлина, среди руководителей Пражского и Дрезденского восстаний. Он участник Парижской Коммуны. Оттуда он Огареву писал: «Чем бы это ни кончилось, а надо сказать, молодцы! В Париже нашлось то, чего мы тщетно искали в Лионе и Марселе: организация и люди, решившиеся идти до конца. Вероятно, они будут побеждены. Но вероятно то, что для Франции отныне не будет другого существования, кроме социальной революции».

Дважды Бакунина приговаривали к смертной казни, восемь лет провел он в саксонских, австрийских и русских карцерах одиночного заключения, четыре года в ссылке в Сибири и более двух десятилетий, до конца своей жизни, — в эмиграции. После его смерти ленинская «Искра» дала объявление о сборе средств на памятник революционеру Михаилу Александровичу Бакунину, сделав при этом приписку от редакции: «Нам остается добавить, что, несмотря на глубокие различия, отличающие наши взгляды от взглядов М. А. Бакунина, мы умеем ценить в нем человека, в течение всей своей жизни твердо и самоотверженно боровшегося за свои убеждения. Таких людей, к сожалению, слишком мало еще у нас в России, и память их должна быть дорога даже для их противников».

— Замечательно сказано. А где он похоронен?

— В Швейцарии. А ты знаешь жизненный финал Лассалья?

— Нет.

— Во время лечения в Швейцарии он встретился с красивой и обаятельной дочерью баварского дипломата Еленой фон Деннигес, которая была помолвлена с румынским магнатом Янко фон Раковица. Елена влюбилась в Лассалья, и, несмотря на категорический запрет родителей на этот брак, она предложила ему бежать... Но он хотел все же уговорить родителей и мирному решить проблему. В итоге 31 августа 1864 года между женихами состоялась дуэль, и Фердинанда

Лассалья не стало. На скромном могильном памятнике на его родине, в Бреслау, где мы с Ириной побывали в прошлом году, высечена надпись: «Здесь покоится все, что было смертным в Лассале, мыслителе и борце». После его гибели Энгельс писал Марксу: «Можешь себе представить, как это известие поразило меня. Каков бы Лассаль ни был как личность, как литератор, как ученый, но что касается политики — это был, несомненно, один из самых значительных людей в Германии. Он был для нас в настоящем очень ненадежным другом, в будущем — довольно несомненным врагом, но все же становится очень больно, когда видишь, как Германия губит всех сколько-нибудь дельных людей крайней партии. Какое ликование будет теперь в лагере фабрикантов и прогрессистских собак, — ведь в самой Германии Лассаль был единственным человеком, которого они боялись».

— Если дело у нас дойдет до издания книги, то очерк о Лассале мы назовем словами Маркса о нем: «Враг наших врагов!»

— Семейную тайну выдаешь? — улыбаясь, произнесла незаметно подошедшая Ирина.

— А это очень интересно, — приветствуя ее, сказал Борис...

— Время экскурсии истекло. Назначенная встреча у «нашего памятника» состоялась, — констатировал Васильев. — Пора двигаться...

После театра Васильев с Ириной проводили Комарова до гостиницы, и, когда стали прощаться, он спросил:

— Как у вас со временем во вторник вечером?

— Я провожу занятие семинара пропагандистов в райкоме партии.

— А в четверг?

— А почему ты нашим временем интересуешься?

— Хочу собрать знакомых — отметить членкорство.

— Думаю, что удобнее всего это сделать в субботу, после окончания встречи в Доме ученых. Большинство знакомых там будет. Прямо с корабля на бал...

— Что ж, пожалуй, это идея.

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ

На этот раз шумихи и толкотни в Доме ученых было еще больше. Прослышав о том, что встреча носит острый дискуссионный характер, многие ринулись в особняк на Кропоткинской. Даже при беглом взгляде было ясно, что мест для всех не хватит, самые предусмотрительные уже стояли поближе к дверям, ожидая приглашения в зал. Васильев с Ириной несколько задержались, и теперь Александр поглядывал по сторонам, недоумевая, куда мог запропасться Комаров.

— Долго спите, товарищ выступающий, — хлопнув по плечу, приветствовал друга невесть откуда появившийся Григорий. — Я уже с полчаса здесь прохлаждаюсь. Доброе утро, Ирина Терентьевна. Егоров велел передать, что место вам займет, видите, что творится. — Григорий указал на «пробку» в дверях, ведущих в зал.

— Вот и отлично, а то я уже стала беспокоиться: попаду ли вообще на сегодняшнее заседание?

Венидиктов появился, как всегда, подтянутый, молодежавый, подошел к микрофону и сказал:

— Товарищи, очевидно, на всех мест не хватит. Я попрошу «лишних» ученых принести стулья из фойе и буфета.

Через несколько минут, когда в аудитории воцарилось спокойствие, Венидиктов продолжил:

— Я думаю, товарищи, сегодня мы обойдемся без вступительных речей, все было сказано в прошлый раз. Просто начнем работу...

«Доктор экономических наук, главный редактор газеты «Экономика и жизнь», регулярно ведет «круглый стол» по экономическим вопросам по Центральному телевидению, и вам, наверное, хорошо знаком, как и его статьи...» — долетали до Васильева обрывки фраз из президиума, когда он подходил к трибуне... Зал заинтересованно отнесся к выступлению молодого ученого, которому на вид было не более тридцати пяти лет, однако имя его уже было широко известно в экономических кругах...

— Если сравнить современные автомобили с их прообразами — телегами-самокатами, — начал свое выступление Васильев, — то на первый взгляд покажется,

что между ними нет ничего общего. А между тем основа у них одна: колесо — изобретение древности. Затем двигатель внутреннего сгорания, передаточный механизм... На этих же трех «китах» базируется и современный автомобиль. Но в результате естественного развития науки и техники примитивная телега, передвигавшаяся со скоростью не более десяти километров в час, превратилась в прекрасный скоростной лимузин. Однако и сам автомобиль постоянно совершенствуется. Скажем, появилась резина — и отпала необходимость в колесе с жестким металлическим ободом. Нашли применение и другие материалы, более надежные в эксплуатации...

Меняется и конструкция машины.

И вот такая тут любопытная особенность... Совершенствуя автомобиль, конструкторы и инженеры меньше всего критиковали своих предшественников, они рассматривали свою деятельность как закономерный процесс, вытекающий из самой сущности научно-технической революции. К сожалению, этого, товарищи, не скажешь об экономистах, о чем лишний раз свидетельствует и наша встреча. В экономике еще нередки случаи, когда закономерное улучшение хозяйственного механизма сопровождается попытками отдельных ученых представить прежние рычаги или показатели научно необоснованными или даже ошибочными.

А между тем, дорогие товарищи, если провести аналогию «автомобиль — хозяйственный механизм», не забывая при этом, что любая аналогия условна и относительна, то нетрудно будет удостовериться: совершенствование хозяйственного механизма социалистического общества во сто крат сложнее. Улучшая хозяйственный механизм, нельзя не учитывать не только достижения науки и техники во всех отраслях и связанный с ними рост производительных сил, но и никоим образом нельзя сбрасывать со счетов развитие общественных отношений, многочисленные субъективные факторы и даже психологические моменты.

Важно подчеркнуть и другое: автомобиль имел хоть какую-то предшественницу — телегу, ведь первые «авто» в буквальном смысле были телегой с двигателем. В то же время механизм социалистического хозяйствования прообраза не имел.

Иначе говоря, в свое время социалистическая система управления экономикой действительно создавалась

на «белом пятне», о котором тут так горячо говорил Владимир Михайлович Бельский.

Васильев отыскал в зале Бельского, который сел немного ближе, чем в прошлый раз. Их взгляды встретились.

— В этой связи хочу особо отметить, что капиталистический механизм хозяйствования не мог послужить «телегой» для развития системы руководства народным хозяйством при социализме. Трудная, но благородная миссия создания социалистической системы рычагов управления экономикой выпала не «на нашу с вами» долю, уважаемый Генрих Яковлевич, так как мы тогда с вами еще и на свет божий не появились, а на долю партии большевиков и первого в мире социалистического государства. Важнейшие принципы социалистического хозяйствования были научно обоснованы Владимиром Ильичем Лениным, затем они развивались партией с учетом накопленного опыта. В острой классовой политической борьбе ленинские принципы хозяйствования отстаивались первым поколением советских экономистов.

Товарищи, мне поручено сегодня сделать сообщение с учетом уже высказанных здесь мнений на тему: как наиболее объективно оценивать работу производственных коллективов? Чем заменить вал? Какой из показателей целесообразнее сделать главным?

— А выступающие, прошу прощения, что перебиваю,— сказал председатель,— должны высказать свое критическое отношение к вашим предложениям: с чем они согласны, а с чем нет и почему? Продолжайте, пожалуйста.

— Прежде чем перейти к показателям, считаю уместным коротко напомнить о ленинских принципах социалистического хозяйствования. Выделю три, на мой взгляд, главных:

централизованное управление социалистическими предприятиями на основе принципа демократического централизма;

директивное планирование народного хозяйства; экономическое стимулирование производства на основе хозрасчета.

Эти основополагающие принципы и впредь должны служить фундаментом хозяйственной системы при социализме.

— Александр Александрович, извините, что перебиваю.— Это заговорил Кузнецов.— Вы неоднократно и довольно убедительно критиковали в своих статьях показатель валовой продукции, а сейчас рассуждаете о принципах, которые породили вал и которые, как вы считаете, должны по-прежнему оставаться фундаментом хозяйственного механизма. Мне кажется, вы не совсем откровенны и последовательны...

— Генрих Яковлевич, вы немного опережаете события. Говорю я совершенно откровенно. И даже думаю: моя откровенность может оказаться вам не по душе. Я не случайно заговорил о принципах социалистического хозяйствования. Дело в том, что необходимость улучшения показателей оценки работы предприятий ныне не вызывает сомнений. И ученые и практики тут единодушны. Но что касается конкретных путей их улучшения, то на нашей встрече, как и в дискуссии, которая ведется сейчас в печати, выявились два принципиально различных подхода.

Первый я бы назвал научным. Совершенствование системы управления производством в данном случае рассматривается как объективный процесс, развивающийся в соответствии с законами диалектики: позитивные количественные изменения подготовили переход к новому качеству. Образно говоря, речь идет об улучшении автомобиля, который заметно устарел и не отвечает достижениям научно-технической революции.

А второй подход — нигилистический. Его сторонники отвергают предыдущий опыт хозяйствования, действующий механизм считают ошибочным и потому предлагают изобрести кое-что «новое»: велосипед. Причем взгляды эти стали очень модными, популярными. И ситуация складывается таким образом — если ты не разделяешь этих взглядов, значит, ты консерватор. Ни больше, ни меньше! Вот Владимир Михайлович, — вновь обратился оратор к Бельскому, — предлагает создать новую науку якобы на пустующем ныне месте, или на «белом пятне». И что же это будет за наука? Ее суть, насколько я понял, заключается в концентрации внимания на прибыли, и только на прибыли. Если предприятия работают нерентабельно, их надо закрыть, а имущество, пользуясь его терминологией, «продавать с молотка».

А теперь представьте себе такую картину. В настоящее время, как известно, большинство совхозов нерен-

табельно. Полностью убыточной является угольная промышленность и добрая треть предприятий других отраслей народного хозяйства. Что ж, давайте все эти предприятия, а то и целые отрасли закроем... Не далеко ли мы зайдем в своих «научных» изысканиях?

Отставание экономической науки от жизни бесспорно. Однако огульно отвергать все достигнутое несправедливо. Наряду с серьезными монографиями в стране написаны и десятки неплохих учебников по экономическим дисциплинам. В них отражены многие научно обоснованные положения о руководстве народным хозяйством. К сожалению, далеко не все, что в них написано, применяется на практике. За претворение научных выводов в жизнь надо активнее бороться. И в этом отношении мы не должны занимать позицию петуха — прокукарекал, а там пусть хоть не рассветает. Написал учебник — и дело сделано. А ведь появляются ведомственные инструкции, которые игнорируют порой элементарные научные истины...

Что касается вас, Генрих Яковлевич, то вы в своей оценке экономической науки оказались более благосклонным — полагаете, она «хотя и в зачаточном состоянии», но все же существует. Я внимательно, как говорится, с карандашом в руке, прочел вашу брошюру. Казалось бы, хорошо написана, особенно критическая часть. Но вот что касается позитивных предложений, то они, на мой взгляд, вне всякой критики.

— А нельзя ли конкретнее уточнить, чем они вам не нравятся? — бросил реплику Кузнецов.

— Пожалуйста! — Васильев отпил глоток чая и повернулся к Кузнецову. — Если говорить коротко, то ваши предложения исключают централизованное управление и планирование...

Кузнецов резко вскочил с места.

— Александр Александрович! Извините, пожалуйста. Но вы предъявляете мне слишком серьезные обвинения в ликвидации централизованного планирования. Вы сказали, что внимательно читали брошюру. Вот вам, пожалуйста, брошюра, покажите, где это сказано.

— Генрих Яковлевич, не надо волноваться. Я вашу просьбу выполняю, но при одном условии...

— А если без всяких условий? Вы и другие мои «противники» говорите, что я ратую за стихийность, за анархию. А в моей брошюре и слов таких нет... Это

ваши домыслы. Вот я и прошу вас подкрепить сказанное без всяких условий.

— Мое условие — сущий пустяк: ответ не должен включаться в регламент...

Зал, предвкушая удовольствие от назревающего острого спора, заметно повеселел. «Пусть говорит», «пусть покажет», — крикнули из рядов. Особенно бурно отреагировали сторонники Кузнецова.

А Бельский даже встал с места:

— Дать ему время. А то стало уже модно обвинять нас во всех грехах, хотя я лично не знаю ни одного советского экономиста, который бы ратовал за ликвидацию централизованного планирования...

— Пожалуйста, Александр Александрович, продолжайте, — сделал легкий жест рукой председатель. Васильев, дождавшись тишины, спокойно заговорил:

— Уважаемый Владимир Михайлович! Хочу спросить: неужели вы полагаете, что после того, когда перед всем миром мы столь убедительно продемонстрировали преимущество централизованного планирования в нашей стране, найдется экономист, который вдруг скажет: «Долой централизованное планирование! Да здравствует стихия, анархия — мать порядка!»

Обратимся к брошюре. Действительно, слов «план», «планирование» в ней больше чем надо. Но это — слова. И только. Давайте будем судить не по словам, а по существу. «Зри в корень!» — советовал Козьма Прутков. — Васильев вышел из-за трибуны и взял у Кузнецова брошюру. — Откроем раздел «Пропорциональность и прибыль». В нем вы, Генрих Яковлевич, справедливо отмечаете, что у нас еще немало диспропорций. Как же вы объясняете их появление и что предлагаете для ликвидации? Читаем: «Причины возникающих диспропорций таковы: во-первых, невозможность своевременного переливания капиталов из одной отрасли в другую, из одного предприятия в другое; во-вторых, отсутствие критерия, позволяющего автоматически открывать то тут, то там клапан, чтобы выпускать излишние средства, направляя их туда, где их можно эффективнее использовать...» Таков ваш вывод, уважаемый Генрих Яковлевич! — обращаясь к Кузнецову, сказал Васильев. — Надеюсь, вы не станете упрекать меня в неточном изложении вашей мысли?

— Нет, конечно,— надменно ответил Кузнецов.— Но как же этот вывод вы используете против планирования, когда в нем даже этого слова нет?!

— Совершенно верно! — громко и уверенно заговорил Васильев.— В ваших рекомендациях по устранению диспропорций о планировании нет даже упоминания!

— Что значит «автоматически выпускать средства из одной отрасли в другую»? — повернувшись в сторону Кузнецова, спросил оратор.— Автоматизм автоматизму рознь. Автоматизм, регулируемый планом в соответствии с общегосударственными интересами, не родня «автоматизму», регулируемому рынком, погоней за прибылью. Как явствует из ваших трудов, вы понимаете автоматизм в экономике как стихийное развитие ее под воздействием каких-то сверхъестественных факторов. Экономика может развиваться планомерно или стихийно. Третьего не дано!

Далее. Что значит «выпускать излишние средства туда, где их можно использовать эффективнее»? Что вы понимаете под эффективностью?

На следующей странице, рассуждая о повышении нормы прибыли, вы ставите точки над «и». Читаю: «Где выше норма прибыли, туда и устремляются деньги, средства производства». Это и есть, по-вашему, путь к наиболее эффективному использованию денег и средств производства?! Для внедрения такого механизма в жизнь вы предлагаете создать условия, при которых цены могли бы «под воздействием спроса и предложения отклоняться в том направлении, которое подсказывает всеобщее тайное и равное голосование на рынке с помощью рубля». Что это за условия? Речь идет о капиталистическом механизме эпохи свободной конкуренции, где закон стоимости является стихийным регулятором,— заключил полемику Васильев.

Васильев подошел к Кузнецову, вернул ему брошюру и молча дал ему понять: «Сам же напросился!» Вернулся на трибуну и продолжал:

— Прошлый раз один молодой человек тут напомнил о «поминальнике», висевшем у меня над столом в аспирантские годы. В нем было несколько вопросов, на которые я искал ответы. Более десяти лет минуло с начала моего поиска... Многое давно для меня прояснилось. И чем яснее я себе представляю эти ответы, тем более простыми они кажутся. Еще работая в строительстве и на заводе, я убедился, что для оценки ра-

боты предприятий показатель «валовая продукция» весьма неэффективен. Естественно, меня интересовало, кто, когда и почему предложил определять на его базе объем производства в денежном выражении и, кроме того, сделать его основным «арбитром» при оценке работы производственных коллективов. Предлагались ли другие показатели и почему они отвергнуты?

С этой целью я самым внимательным образом изучил литературу двадцатых и тридцатых годов. Выяснилось, что порой мы спорим о том, что еще в двадцатые годы было совершенно очевидным. Позвольте привести вам выдержку не из научного трактата, а из массового издания — первой Большой Советской Энциклопедии, изданной в 1927 году. — Васильев взял лист и начал читать: — «Исчисляя валовую продукцию какой-либо совокупности хозяйственных единиц, объединенных хозяйственной связью, как, например, какой-либо отрасли промышленности и тем более всей промышленности в целом, путем простого суммирования валовой продукции отдельных хозяйств, составляющих данную систему, — мы удаляемся от действительного стоимостного объема производства, именно: преувеличиваем его. Это увеличение вызывается повторным счетом, происходящим вследствие того, что продукция одних хозяйств, будучи однажды учтена, может вновь и вновь попасть в учет продукции других хозяйств, куда она поступает в порядке дальнейшей обработки. Так, например, ткань, будучи раз учтена как продукция текстильной промышленности, может затем вновь попасть в учет при исчислении продукции швейной промышленности.

...Несостоятельность метода валовой продукции как для нахождения общего стоимостного объема производства, так и для сопоставления удельного веса отраслей производства между собой вызвала к жизни ряд других методов учета продукции, ставящих себе задачей возможно ближе подойти к определению ее реального объема. Таковы, например, методы исчисления: «ценности, прибавленной обработкою» (value added by manufacture) у американцев и «чистой обработки» (net output) у англичан».

Поэтому в двадцатые годы предпринят поиск других стоимостных (в рублях) показателей, более объективно отражающих объем произведенной продукции и результаты работы производственных коллективов.

Что зафиксировано и в энциклопедии: «В советской статистике получили распространение методы: валового оборота, товарной продукции и чистой продукции».

Постепенно культ вала настолько стал непререкаем, что во втором издании Большой Советской Энциклопедии, вышедшей в 1951 году, о его недостатках не говорится уже ни слова! А о чистой продукции даже упоминания нет. Хотя повторного счета стоимости одних и тех же материальных ресурсов в составе валовой продукции стало гораздо больше. Развитие специализации и кооперирования привело к тому, что наряду с сырьем и материалами в повторный счет включаются готовые изделия, узлы и даже машины.

Чем больше углубляется специализация, тем больше двойного, тройного и т. д. повтора стоимости одних и тех же материалов, полуфабрикатов и готовых изделий. В погоне за планом в рублях под видом специализации кое-где организуется кооперирование, которое противоречит не только экономическим законам, логике хозяйствования, но и... здравому смыслу. Почему? Во имя чего это делается?

Прошлый раз Егоров говорил здесь о том, что Верхнедонской трубный завод освоил новые, более прочные, тонкостенные трубы, но цена на них на двадцать процентов ниже, так как резко сократился расход дорогого металла. Из передового коллектива в отрасли и в городе предприятие стало отстающим. Наша газета выступила в его защиту. Ему оказана единовременная помощь. Хотя звучит это, конечно, парадоксально: предприятие, которое дало обществу десятки миллионов рублей и сотни тысяч тонн металла экономии, нуждается в помощи. Ныне оно снова оказалось в тяжелом положении. Вызвано это тем, что строители под самыми благовидными предложениями отказываются от их труб...

— Почему же? — поинтересовались в зале.

— Богатырский трест строительства газонефтепроводов свой отказ мотивировал следующим образом: «Стоимость газопровода Богатырск — Нижнедонск миллион рублей. Эта сумма и была включена нам в план. Объект сдан в строй, но из-за применения более дешевых труб затраты составили лишь восемьсот тысяч рублей. Объем выполненных работ уменьшился на двести тысяч рублей. Резко снизилась производительность труда, образовался солидный перерасход фонда зар-

платы. Трест оказался в тяжелом экономическом положении, не говоря уже о моральном состоянии коллектива, который из передовиков переключался в отстающие». Короче говоря, дорогие товарищи,— отложив в сторону листок, продолжал Васильев,— завод потянул вслед за собой в число отстающих и потребителей своей продукции, которые также оказались без вины виноватые.

Сейчас все большее число практиков и ученых убеждаются в необходимости принципиального совершенствования хозяйственного механизма, внедрения более объективных показателей планирования и оценки работы производственных коллективов. Основные расхождения между учеными ныне в вопросе: чем заменить вал, какой из показателей должен быть главным?

В прошлую субботу на эту роль предлагался ряд показателей и особенно настойчиво прибыль. Мое мнение хотите? — повернувшись к председателю, спросил Васильев.

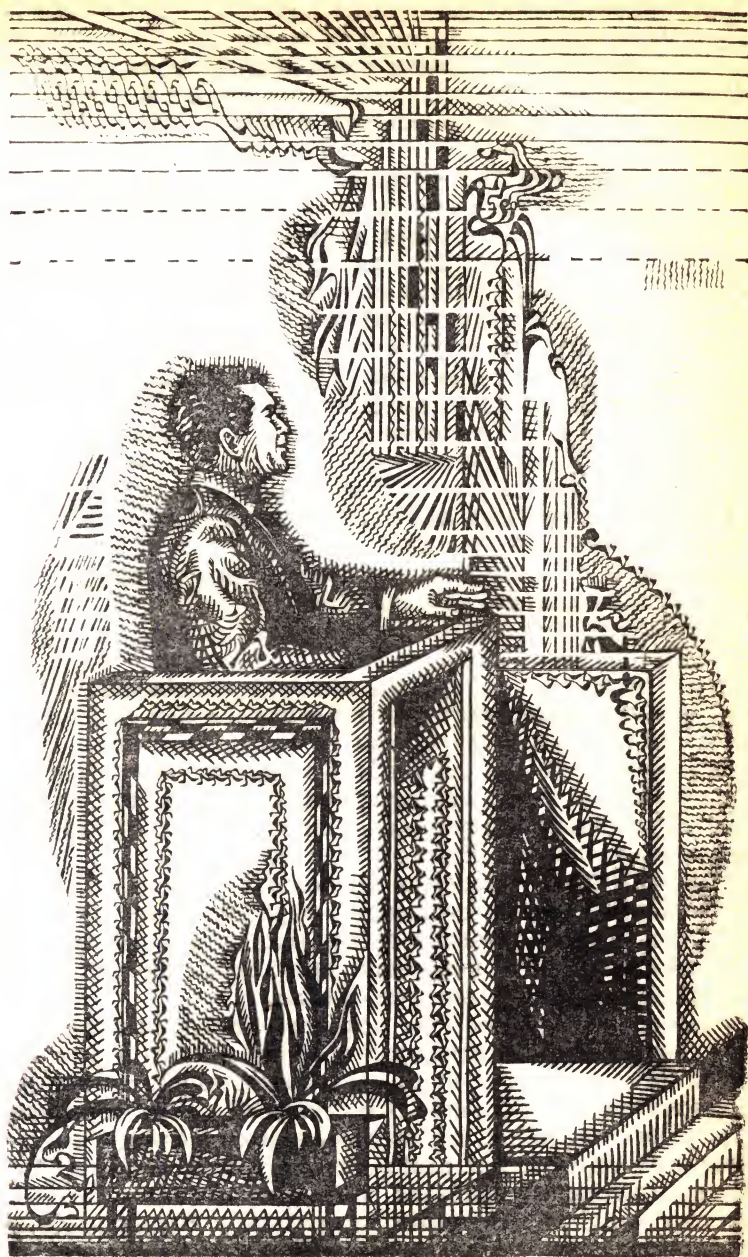
— Да, конечно.

— Скажу откровенно: поиск главного, или, как его некоторые называют, универсального, показателя мне представляется неправомерным в принципе. Мне представляется, что поиск его будет столь же безуспешным, как и попытки ученых средневековья найти философский камень.

Многие слушатели начали оживленно переговариваться. Председатель нажал на кнопку звонка и попросил успокоиться...

— Попытаюсь объяснить столь отрицательную позицию.

Показатели бывают частные (конкретные) и обобщающие. Число, например, забитых шайб или мячей показывает результат данной игры, а количество набранных очков характеризует итоги соревнования всех его участников. Чем сложнее явление, тем больше требуется частных показателей и тем труднее подбирать для них обобщающий показатель. Экономическая деятельность относится к особо сложным общественным явлениям, так как здесь наряду с объективными факторами надо учитывать субъективные, в том числе и психологические моменты, поэтому выбор здесь сквозного учетного показателя для определения объема производства дело не простое. Какой показатель

при капитализме используется для этой цели? — обращаясь к слушателям, спросил Васильев.

— Прибыль, — ответили несколько голосов.

— Прибыль никогда таким показателем не была и по своему экономическому содержанию быть им не может!

— Это почему же? — громко спросил Бельский.

— Для определения объема общественного продукта и национального дохода в капиталистических странах, — не обращая внимания на реплику, спокойно продолжал Васильев, — применяются показатели типа нашей чистой или условно чистой продукции. Прибыль является лишь частью вновь созданной стоимости, и поэтому она не может быть мерилom стоимостного объема производства и динамики его роста.

В нашей стране сквозным учетным показателем, на основе которого определяется стоимостный объем производства и динамика его роста, является валовая продукция, которая вызывает много нареканий и горячих споров. Ныне ее недостатки проявляются особенно наглядно и убедительно. И потому все единодушны в необходимости его замены. Чем?..

Васильев внимательно посмотрел на Венидиктова, а тот, уловив его взгляд, сказал:

— Интересно, интересно, что вы предложите?

— В роли сквозного учетного показателя для определения объема он может быть заменен чистой или условно чистой продукцией. Конкретно это должны решить статистики. Другого показателя для этой функции в условиях товарно-денежных отношений, по моему убеждению, просто не существует.

— А НСО? — спросили несколько человек.

— Нормативная стоимость обработки так же, как и прибыль, представляет собой лишь часть вновь созданной стоимости и по этой причине не может быть основой для определения ее объема.

Но показатель, на базе которого определяется стоимостный объем производства и динамика его развития, по-моему, не может быть одновременно и основным оценочным показателем. Эти функции целесообразнее разграничить. Какой показатель при социализме в наибольшей мере может выполнять функции оценочного? При капитализме таковым является прибыль. Может ли она, уважаемые Генрих Яковлевич и Владимир Михайлович, и при социализме оставаться в этой роли? —

обращаясь к Кузнецову и Бельскому, спросил Васильев.

Но те, видимо, почувствовав подвох в этом вопросе, решили промолчать.

— Наверно, может,— неуверенно произнес молодой человек из первых рядов.

— Нет, не может! — решительно произнес Васильев.— Почему этот показатель является там главным оценочным? Потому что целью капиталистического производства является получение максимальной прибыли. Эта цель оправдывает любые средства для ее достижения. И тем не менее хочу обратить внимание, что он не является универсальным. Объем производства, производительности труда и темпы их развития определяются на базе других показателей.

Целью социализма является наиболее полное удовлетворение материальных и культурных потребностей народа на базе непрерывного развития производства с учетом достижений научно-технического прогресса. Как конкретно сделать эту цель и целью всех предприятий и организаций, заинтересовать их в ее реализации и наиболее объективно оценить вклад каждого коллектива в это дело? Сделать это с помощью какого-либо одного показателя очень сложно.

Представьте, что любому из вас потребовалась справка о состоянии здоровья. Прежде чем сделать заключение «практически здоров», врач, несмотря на то, что температура, пульс и давление у вас нормальные, заставит пройти диспансеризацию. Ведь нередко бывает так, что после получения кардиограммы, результатов анализов и заключений специалистов выясняется, что больной нуждается в срочном лечении... Неужели сторонники главного показателя думают, что количественный и качественный анализ деятельности завода или совхоза более простое дело, чем определение состояния здоровья человека? Если это так, то они глубоко заблуждаются.

Ни один показатель не может дать ответа на вопрос: хорошо или плохо работает завод? Для этого нужна «диспансеризация»: как выполнено задание по номенклатуре и ассортименту? Как использовались производственные мощности, материальные и трудовые ресурсы? Какова производительность труда, себестоимость, рентабельность и прибыль? Это можно сделать только с помощью системы показателей нату-

ральных, стоимостных и трудовых, о чем справедливо прошлый раз говорили здесь многие товарищи...

— Вы ломитесь, Александр Александрович, в открытую дверь, у нас и сейчас имеется система показателей,— бросил реплику Бельский.

— Надо, чтобы она не только «имелась», но и действовала! — ответил Васильев. — Что представляет собой нынешняя система директивных показателей?

Первый из них — выпуск основных видов продукции в натуре (штуки, тонны, метры). Случайно ли это? Разумеется, нет! Из этих «основных видов» состоит материальный баланс народного хозяйства. Их выпуск диктуется законом пропорционального развития хозяйства, без реализации которого о сбалансированности экономики и речи быть не может.

Причина возникающих у нас диспропорций не в отсутствии «возможности переливания капиталов из одной отрасли в другую — где выше норма прибыли», как пишет Кузнецов, а в срыве многими предприятиями задания по важнейшим видам продукции! Почему?

Потому, что этот показатель лишь формально стоит на первом месте, а в «экономической пьесе» по оценке работы предприятий ему роли не досталось, и он ждет своей очереди «за кулисами». Он подобен английской королеве или японскому императору, которые формально провозглашены главами государств, но реальной власти для этого не имеют. При выполнении предприятием плана в рублях вступает в силу принцип: победителей не судят!

Если бы система показателей не только «имелась», но и действовала, то невыполнение первого директивного показателя рассматривалось бы как ЧП. И понятно почему. При нынешней зависимости предприятий друг от друга невыполнение задания по важнейшим видам продукции в одном месте дает цепную реакцию срывов и сбоев ритма. Поэтому в условиях централизованного планирования этот показатель должен не только стоять на первом месте, но и быть первой скрипкой при оценке работы хозяйственных звеньев всех уровней!..

Сбалансированное народное хозяйство нам нужно не само по себе, а для наиболее полного удовлетворения материальных и культурных потребностей трудящихся. А для этого постоянно необходима «тысяча мелочей». Отсюда следует: предприятия должны пол-

ностью, своевременно и в указанном ассортименте производить продукцию согласно хозяйственным договорам и принятым заявкам от торговых организаций. Если оно не выполняет своих обязательств, то не отвечает в полной мере своему предназначению, не справляется с целью, ради которой оно создавалось и существует. По экономическим законам и хозяйственной логике, это отстающее производственное звено. К этому следует добавить, что времена, когда мы вынуждены были выполнять план любой ценой, канули в Лету. Во что обходится нам продукция и каково ее качество, ныне имеет не меньшее значение, чем своевременное выполнение плана в натуральном выражении. Но в этой связи хочу особо подчеркнуть: если предприятие не выполняет задание по выпуску конкретных видов в натуральном выражении, то оно нуждается даже не в «диспансеризации», а в лечении. Болезнь тут налицо. При «лечении» надо установить причины с целью предотвращения ее повторения.

Только разумное сочетание натуральных и стоимостных показателей создает необходимые условия для более глубокого использования системы экономических законов. Недооценка стоимостных показателей (так же, как в настоящее время натуральных) может быть очень серьезным препятствием на пути повышения экономической эффективности общественного производства.

— У вас получается, что показатель «валовая продукция» вообще не нужен? — спросили из зала.

— Пока существуют товарно-денежные отношения, без него мы никак не можем обойтись. Только с его помощью мы можем узнать динамику материалоемкости продукции и общую ее стоимость. Но этот показатель должен быть расчетным. Мне думается, что и чистую продукцию в роли обобщающего показателя целесообразнее сделать тоже расчетным. Допустим, что вместо вала директивным показателем станет чистая продукция. Из двух зол это будет, безусловно, меньшее. Однако деление продукции на выгодную и невыгодную сохранится. В погоне за выполнением плана в рублях предприятия будут отдавать предпочтение более трудоемкой и рентабельной продукции.

И в заключение позвольте несколько слов сказать о «загрязнении» чистой продукции... Согласно марксистско-ленинской теории новая стоимость создается

живым трудом, и только живым! Но согласитесь, что это общеизвестное положение игнорируется на практике?

— В каком смысле игнорируется? — раздался голос из зала.

— В самом прямом. Как ныне определяются оптовые цены? К полной себестоимости согласно норме рентабельности в процентах добавляется прибыль, и получается оптовая цена. При таком методе ценообразования складывается впечатление, что в создании новой стоимости участвует и прошлый труд. Использование чужого, то есть прошлого, труда увеличивает не только вал, но и прибыль. А чем больше прибыли, тем больше чистой продукции, а в масштабе народного хозяйства — национального дохода!

Так, для превращения трактора Т-330 на заводе дорожных машин в бульдозер расход зарплаты составляет одну тысячу шестьсот рублей, а прибыль от каждого бульдозера четырнадцать тысяч рублей. Но ведь не прошлый труд, овестьствованный в тракторе, создал солидную новую стоимость. Видимо, надо совершенствовать ценообразование, не допускать такой ситуации, чтобы на каждый рубль прибыли все меньше и меньше приходилось реальных ценностей, а экономические расчеты на базе национального дохода становились бы все менее достоверными.

Важно устранять недостатки в практике ценообразования, из-за которых во многих случаях серьезно «загрязняется» чистая продукция. Если придерживаться положения Маркса, то рентабельность надо устанавливать в процентах не ко всем затратам, а к расходам на зарплату с учетом фондовооруженности труда. Вот тогда мы «очистим» чистую продукцию.

— А вы не идеализируете показатель чистой продукции? Не может получиться так, что в погоне за трудоемкими изделиями предприятия начнут свертывать специализацию и кооперирование, не будут заинтересованы в механизации и автоматизации, еще больше будет процветать ручной труд? — робко спросила девушка из первого ряда.

— Я уже говорил, что такое вполне может случиться. Идеальных показателей не существует, — ответил Васильев. — Если заменить культ вала культом чистой продукции, то мы не сможем добиться желаемых результатов. Поэтому фетишизация не только вала, но

и любого другого экономического показателя, в том числе и чистой продукции, не может не оказывать отрицательного влияния на сочетание общественных и коллективных интересов. Нет показателя, который мог бы в равной степени отразить все стороны и аспекты динамичной и разносторонней деятельности производственного коллектива. «Жюри» для этой цели должно состоять из системы показателей, игнорирование любого из которых должно ущемлять интересы коллектива.

Именно поэтому я решительно выступаю за систему показателей. Ведь если сделать чистую продукцию директивным показателем, то, хотите вы того или нет, коллективы будут вынуждены стремиться к его выполнению. А это значит — будет действовать принцип: чем больше затрат живого труда и выше предусмотренная в цене рентабельность, тем лучше.

Нам нужна система показателей, которая стимулировала бы и, если хотите, принуждала производственные коллективы выпускать именно те виды продукции и товары массового потребления, которые пользуются спросом. И чем качественнее и дешевле получатся изделия, тем доходнее это должно быть для производителей. Короче говоря, все, что необходимо и выгодно обществу, должно быть выгодным и для производителей. Интересы общества и коллектива должны совпадать. Таков, на мой взгляд, наиболее целесообразный критерий подбора системы показателей для оценки работы предприятий, объединений и отраслей.

Говорят: кто деньги платит, тот и музыку заказывает. Ныне оплата производится по валу, следовательно, он и заказывает соответствующую музыку. Поэтому оплата должна быть непосредственно связана с количеством, качеством и ассортиментом изделий. Иначе говоря, натуральные показатели должны заказывать музыку, способствующую успешному и эффективному осуществлению наших первоочередных задач. Невыполнение задания в натуральном выражении должно «бить» по интересам коллектива так же, как сейчас недовыполнение плана по валу.

— Советую вам поразмыслить на досуге, — обращаясь к девушке, продолжил Васильев, — станете ли вы делать ставку на ручной труд, если срыв задания по номенклатуре проваливает план, лишает коллектив не только премии, но и зарплаты? И с другой стороны,

выполнение задания в натуральном выражении слишком дорогой ценой тоже создает экономические затруднения...

Только система показателей может быть объективным арбитром оценки работы коллектива. И в этом направлении, по-моему, должен быть направлен наш поиск. Любая крайность в этом деле чревата нежелательными последствиями.

Чтобы энергичнее совершенствовать хозяйственный механизм, надо повысить активность и действенность экономической науки, сблизить науку с производством, а производство — с наукой. В этом плане, как мне кажется, нынешняя встреча дала нам всем хороший заряд для размышлений. А впредь, видимо, целесообразно проводить и семинары, посвященные отдельным проблемам, о чем говорили предыдущие ораторы.

Кроме того, пользуясь случаем, приглашаю вас на заседание «Делового клуба», учрежденного в редакции газеты «Экономика и жизнь». Эти заседания, как правило, посвящены актуальным экономическим проблемам. Материалы заседаний публикуются в газете, а по наиболее актуальным проблемам будем издавать сборники. Просим быть нашими гостями и участниками...

— Слово доктору экономических наук, профессору Арханову Георгию Ивановичу,— строго, официальным тоном объявил председатель.

Арханов велеречивым жестом поправил дужку очков.

— Я не собирался выступать, но после только что прослушанного оратора появилась такая необходимость... Уважаемый председатель просил высказывать свое отношение к предложениям Васильева, я и решил этим воспользоваться.

Слушая Васильева, создается впечатление, что мы планируем и оцениваем работу хозяйственных звеньев только в рублях.

— А у нас не создается...— выкрикнул кто-то из зала.

— Прошу не мешать оратору,— строго произнес Венидиктов.— Продолжайте, пожалуйста, Георгий Иванович.

— Как составляются у нас в настоящее время годовые и пятилетние планы? Сначала предприятия делают

наметки, исходя из своих возможностей в натуре и в рублях, и передают в свою вышестоящую организацию, и так они постепенно поднимаются все выше и выше. В конечном счете территориальные совнархозы и союзные ведомства направляют их в Госэкономсовет. Здесь они обобщаются, балансируются с наличными материальными и трудовыми ресурсами, при необходимости корректируются и отправляются в обратный путь уже в порядке директивы...

Арханов еще долго сыпал цифрами. И только после третьего тактичного напоминания председателя о регламенте сказал:

— Поэтому нам не надо создавать какую-то новую систему показателей, о которой говорил Васильев...

— А он же не предлагает новой системы...— попытался вставить реплику тот же голос, но председатель резко его оборвал:

— Я же просил...

— А что же он тут предлагал?

— Задействовать имеющуюся систему показателей и определять объем производства на базе не валовой, а чистой продукции и роста производительности труда,— подсказал Васильев.

Венидиктов косо посмотрел на него, но промолчал...

— Если в системе показателей на первом месте стоит задание по выпуску продукции в натуральном выражении и кое-где оно не выполняется должным образом, то за это руководителей предприятий, комитетов и совнархозов надо наказывать самым строгим образом,— запальчиво заключил свою речь Арханов.

— Разрешите, товарищ председатель, несколько слов,— сказала женщина из первых рядов.

— Пожалуйста.

Председатель внимательно наблюдал за симпатичной грузинкой. И когда она подошла к трибуне, спросил:

— Как вас зовут?

— Нона Георгиевна.

— Я прошу вас, Нона Георгиевна, представьтесь, пожалуйста, аудиторией...

— Моя фамилия Церцвадзе,— приятным голосом с чуть-чуть заметным акцентом заговорила Нона Георгиевна.— Работаю начальником планового управления

Закавказского совнархоза. Я не собиралась выступать, но послушала Васильева и решила высказать некоторые мысли.

...По характеру работы Церцвадзе часто бывала в Москве. В летнюю пору, пользуясь визитом, иногда встречалась со старыми друзьями и знакомыми на даче у Николаевой. Воспользовавшись очередной встречей, Васильев пригласил ее в Дом ученых. На его предложение выступить она решительно отказалась. «Что же она надумала сказать?» — размышлял Александр Александрович.

— Я решительно хочу поддержать новую, по крайней мере для меня, мысль Васильева о разграничении *учетных* и *оценочных* функций в хозяйственном механизме. Если мы культ вала заменим культом чистой продукции и взвалим на нее ту ношу, которая ныне возложена на валовую продукцию, проку будет мало. Выбор показателей для учета объема производства в рублях ограничен: по полной или вновь созданной стоимости. Третьего варианта тут не дано! Недостатки первого общеизвестны. О них много и убедительно уже говорили. Остается второй вариант — чистая продукция. Но я тоже полагаю, что этот показатель целесообразнее сделать расчетным. Если он так же, как и вал, станет и основным оценочным, то, хотите вы или нет, снова появятся выгодные и невыгодные изделия и работы. Прошлый раз Борис Абрамович Кальман справедливо говорил о том, что специализация и кооперирование ради искусственного увеличения объема в рублях кое-где используются для расширения повторного счета стоимости одних и тех же полуфабрикатов и узлов. Если же чистая продукция наряду с учетными функциями будет выполнять и оценочные, то не исключено, что в погоне за увеличением трудовых затрат могут прекращаться экономически выгодные связи и активизируется погоня за более рентабельными изделиями...

— Какой, по вашему мнению, показатель больше всего подходит на роль оценочного? — спросил внимательно слушавший председатель.

— Если продолжить сравнение Васильева, то «термометром», определяющим состояние самочувствия предприятия, должно быть выполнение договоров и заказов. Но Александр Александрович прав, что успешное выполнение задания по номенклатуре и ассорти-

менту еще не значит, что завод работает хорошо. Чтобы убедиться в этом, надо сделать, как он выразился, «диспансеризацию». В отличие от учетных функций, где мы ограничены выбором показателя, у нас есть большие возможности для оценки применять систему показателей дифференцированную, с учетом специфики и особенностей отраслей и сфер общественного воспроизводства.

Церцвадзе подошла к столу президиума, взяла с подноса чистый стакан, налила боржоми, отпила несколько глотков, медленно провела взглядом по залу и продолжила:

— Свою производственную деятельность я начала на строительстве Мингечаурской ГРЭС на реке Куре. Многие из вас, наверное, о ней слышали. Кроме гидроэлектростанции, там построен ряд сложных оросительных систем. И вот, когда все это было построено, наступил торжественный момент — перекрытие старого русла реки. Вода пошла в новом направлении, и вся система была задействована! К чему я говорю? Здесь кто-то бросил Васильеву реплику о том, что система, мол, у нас есть...

Да, система показателей у нас есть. Но чтобы ее задействовать, надо перекрыть старое русло и направить ее течение в новом направлении — исчислять стоимостной объем производства не по валовой, а по чистой продукции.

Прошлый раз тут назывался Южный компрессорный завод, который заменил чугунные кольца на капроновые и потерял миллион. Он еще кое-что удешевил и в конечном счете потерял больше двух миллионов. Недавно в связи с систематическим невыполнением плана директора перевели на другую работу... Он оказался без вины виноватым!

Многолетний опыт работы убеждает меня в том, что применение валовой продукции в роли основного оценочного показателя противодействует повышению эффективности производства. Использование этого показателя еще и для учета объема производства превращает его в подводный камень на пути технического прогресса. Судите сами.

Технический прогресс позволяет сокращать общественно необходимые затраты и в конечном счете снижать оптовые цены. Это ведет к уменьшению объема валовой продукции, а следовательно, и к снижению

рассчитанных на базе этого показателя темпов роста объема производства и производительности труда. При такой практике расчетов, как видите, технический прогресс для предприятий может быть связан с немалым риском, о чем справедливо тут уже говорили директора.

В условиях интенсификации экономики надо менять «русло», что позволит задействовать систему оценочных показателей.

— Теперь послушаем...— Сергей Илларионович, забыв имя выступающего, склонил голову над листками с записями,— Нефедова, председателя колхоза. Фигура для нашей аудитории, согласитесь, редкая... Что же, тем с большим интересом слушаем. Прошу, Аркадий Захарович.

— Начну с короткой предыстории о том, как оказался ваш покорный слуга в роли председателя колхоза. Работал-то ведь я прежде в институте... Многие из вас, видимо, и не подозревают, что раньше в колхозах себестоимость не исчислялась, а значит, и хозрасчет не внедрялся, цены на продукцию научного обоснования не имели... Я работал доцентом на кафедре экономики сельского хозяйства, предложил тему докторской диссертации по себестоимости колхозной продукции. Крамола! Ведь категория себестоимости колхозной продукции тогда считалась антимарксистской. Подумал я, подумал, да и пошел в райком с просьбой направить меня в колхоз. Решил на месте разобраться с действием закона стоимости и попытаться найти пути исчисления себестоимости колхозной продукции.

Зал затаил дыхание. За трибуной стоял среднего роста мужчина лет под сорок, крепкий, судя по его уверенности, волевой и решительный.

— Кстати, как у вас с диссертацией? — поинтересовался председательствующий.— Брошюры и статьи ваши читал внимательно, многого достигли в колхозе.

— Да в общем-то на месте не стоим,— кивнул Нефедов.— А с диссертацией посложнее. На практике принципы, о которых в ней должна идти речь, давно действуют. Не только у нас — теперь уже исчисление себестоимости во всех колхозах официально узаконено. Но вот завершить и защитить диссертацию не удастся — захлестнули дела...

Только меня сейчас больше беспокоит другое. Посмотрите: ведь ни в одной отрасли экономической работа не запущена так, как в сельском хозяйстве, и особенно в колхозах.—И, обращаясь к Бельскому, сказал:—Уважаемый Владимир Михайлович, если вам хочется найти «белое пятно» в экономической науке, то обратите свои взоры на сельское хозяйство. Длительное время пятно это действительно существовало. Действие экономических законов, и прежде всего закона стоимости, в этой отрасли игнорировалось в принципе. В целях более полного использования огромных преимуществ колхозов и совхозов предстоит немало потрудиться и ученым и практикам.

Претворение в жизнь гениальных идей ленинского кооперативного плана позволило нам в течение жизни одного поколения коренным образом изменить социально-экономический уклад советской деревни. Но чем быстрее наше движение, тем больше возникает проблем.

Особо хотелось бы отметить,— продолжал оратор,— несовершенство системы планирования и управления, непоследовательное или половинчатое внедрение директивных решений. В этой связи хочу сказать несколько слов о планировании.

Большие надежды работники села возлагали вот на этот документ.—Аркадий Захарович показал залу тоненькую желтую брошюру.—Это постановление «Об изменении практики планирования сельского хозяйства». Сложившийся порядок планирования, говорится в нем, при котором хозяйствам указывается сверху, какие культуры и в каких размерах нужно сеять, какие виды скота и в каких количествах им необходимо содержать, приводил во многих случаях к нерациональному ведению хозяйства.

В постановлении предложено перейти на новый порядок планирования, в котором отправным началом должен быть объем товарной продукции. Планирование и учет должны вестись не по количеству засеянных гектаров той или другой культуры и не по количеству голов скота в стаде, а по количеству полученных центнеров зерна, картофеля, овощей и других продуктов полеводства, по количеству мяса, молока, шерсти и других продуктов животноводства.

Но жизнь лишний раз подтвердила, что принять решение, даже самое хорошее,—это половина дела.

Главное — осуществить его на практике. А что произошло? Год за годом намеченные изменения в планировании в должной мере не реализуются. Регламентация сверху стала еще более жесткой. А многолетние травы и чистые пары были объявлены «вне закона». А поскольку в нашей зоне без них солидного урожая не получишь, приходится наличие их скрывать...

— Простите,— обратился Венидиктов к оратору,— мне и раньше приходилось слышать, что посевы трав и пары скрывают. Но ведь это же не драгоценности, которые можно спрятать в сейф, и даже не мотор, который можно упрятать в складских помещениях. Речь идет о гектарах земли. Как же ее можно спрятать? Ответьте, пожалуйста, если, конечно, это не секрет.

— Никакого секрета тут нет. Посевные площади мы завышаем на количество гектаров земли, занятой под парами и травами. А затем полученный урожай делим на всю пашню. В прошлом году мы фактически получили зерновых по двадцать девять центнеров с гектара, а по отчету получилось двадцать четыре, а в среднем по району — только одиннадцать. Как видите, искусственно занижая урожайность, мы все же имеем хорошие результаты. А если мы не будем иметь паров и трав при том пока еще недостаточном количестве удобрений, то вряд ли и на пятнадцать центнеров выйдем. Примерно такая же картина и с поголовьем коров. Нам установлено строгое задание. Его мы по отчету и указываем, а на самом деле содержим меньше, но получаем высокие удои и делим на плановое поголовье.

Многие ораторы говорили о порочности принципа планирования «от достигнутого уровня». В сельском хозяйстве его неэффективность усиливается тем, что оплата зависит не от количества и качества полученной продукции, а от выполнения плана. Отсюда стремление закрепиться в рядах середняков. Как только в хозяйстве повышается урожайность и продуктивность скота, автоматически увеличивают план, даже незначительное недовыполнение которого уменьшает оплату и премии по сравнению с тем, что было при заниженном плане. Поэтому руководители хозяйств добиваются уменьшения плана под всякими предлогами: и под видом специализации, и под видом механизации — кто во что горазд. Чем меньше план, тем легче его выполнить и перевыполнить. А за это поощряют:

расценки и доплаты за сверхплановый центнер зерна, мяса, молока значительно выше.

У нас в хозяйстве в два раза с лишним выше урожайность и продуктивность скота, а соседи сплошь и рядом получают доплат не меньше наших, так как у них плановая урожайность и надои молока в два — два с половиной раза ниже. Поэтому нередко случается, что в отстающих хозяйствах, имеющих низкие планы, заработки такие же, как и в передовых, а бывают и выше. Поэтому я хочу поддержать предложения Васильева. На первое место при планировании и оценке работы производственных коллективов надо поставить реальную продукцию, то есть то, во имя чего организуется производство. Для этого нужна система показателей с учетом специфики отраслей. Но если задание по производству продукции не выполнено, то и оценивать нечего. Реальная продукция — это та «печка», от которой в экономике при всех случаях надо танцевать. Только так должен стоять вопрос! Нельзя допускать, чтобы с помощью «эквистристики цифр» отдельные горе-руководители годами ходили в передовиках. Передовик — тот, кто добился большего количества продукции с гектара земли. Васильев, помоему, прав, делая упор на то, что мы не должны выполнять план «любой ценой», — надо добиваться неуклонного снижения издержек производства.

Посмотрите, сколько у нас пропадает сегодня фруктов и овощей. Когда я выполняю план по зерну и животноводческой продукции, то уверен — реализую их полностью и по твердой цене. А что получается с фруктами и овощами? Нам рекомендуют побольше их производить, а иногда и задание дают. Но как только вырастим — не знаем, что с ними делать, хотя имеем полную свободу по их продаже. Если серьезно говорить об эффективности производства, включая плодоводство и овощеводство, то необходимы четкий порядок и дисциплина исполнения. Обязательства надо взаимно выполнять! Нужна гарантия: все выращенное в срок согласно договору и установленной цене будет вовремя принято и оплачено. А дальше пусть у других голова болит... Нельзя допускать, чтобы колхозы и совхозы, как частные фермеры, которые без конца разоряются тысячами, десятками тысяч, зависели от стихии рынка. Иначе какое же это планирование?

— А что, по вашему мнению, надо сделать для

улучшения планирования? — вновь поинтересовался Венидиктов.

— По-моему, надо комплексно осуществлять на практике недавно принятое постановление партии и правительства «О фактах грубых нарушений и извращений в практике планирования колхозного и совхозного производства», — ответил Нефедов. В нем сделан критический анализ реализации постановления, о котором я говорил в начале своего выступления, и намечены практические меры по внедрению нового порядка планирования на практике. Позвольте привести из него некоторые выдержки.

Нефедов развернул «Правду» и начал читать:

«Там, где строго придерживаются нового порядка планирования, обеспечивается более разумное использование земли, растет производство сельскохозяйственных продуктов. В таких колхозах и совхозах повысилась ответственность работников за результаты труда, возросла их заинтересованность в более высоком урожае зерновых, технических и других культур, в увеличении продуктивности животноводства.

Однако за последнее время в ряде областей, краев и республик допускают давно осужденную партией практику шаблонного планирования производства сверху, бесцеремонно навязывают хозяйствам планы по посевным площадям и урожайности сельскохозяйственных культур, поголовью скота и его продуктивности, регламентируют приказным порядком всю работу колхозов и совхозов. Тем самым парализуется деятельность руководителей и специалистов хозяйств, глушится инициатива колхозников и рабочих совхозов».

— Видимо, товарищи, — отложив газету, продолжал Нефедов, — примеры, которые я приводил из опыта нашего хозяйства и района, не являются исключением. Чувствуется, что в ходе принятия нового постановления был сделан глубокий анализ положения на местах, о чем свидетельствуют и намеченные меры.

В постановляющей части этого документа говорится: «Установить, что набор культур, размеры посевных площадей, поголовье скота, сроки выполнения сельскохозяйственных работ, агротехнические и зоотехнические приемы и мероприятия определяются, исходя из местных условий, непосредственно в колхозах и совхозах их специалистами и руководителями

с широким привлечением к этому делу колхозников и рабочих совхозов. Колхозам и совхозам необходимо доводить лишь государственный план закупок сельскохозяйственной продукции, а планирование производства должно осуществляться самими колхозами и совхозами, исходя из необходимости обеспечить выполнение государственного плана закупок».

— Это и есть предоставление колхозам и совхозам полной самостоятельности в решении хозяйственных вопросов на основе централизованного плана. Такую свободу мы горячо приветствуем, так как она открывает новые возможности для дальнейшего использования огромных преимуществ колхозно-совхозного строя, повышения эффективности общественного производства.

Самостоятельность хозяйств в планировании, на мой взгляд, следует дополнить расширением прав при определении форм оплаты по труду и дополнительного стимулирования за сверхплановую продукцию. Во-первых, оплата должна быть в прямой зависимости от количества и качества продукции. И, во-вторых, надо снять ограничения при дополнительной оплате за сверхплановую продукцию...

Несколько слов о реорганизации МТС. Я думаю, что в свое время предложения об их ликвидации были отвергнуты правильно: все мы помним, насколько мелки и слабы были колхозы, как мало имелось в сельском хозяйстве техники, и продажа ее сельхозартелям вылилась бы не во что иное, как в распыление средств. Сейчас, конечно, иные условия. В одном нашем колхозе машинный парк больше, чем тот, который имелся в МТС. Да, отношения, которые сложились между машинно-тракторными станциями и колхозами, дальше были нетерпимы. У земли оказалось два хозяина, причем каждый из них преследовал свои интересы.

С ликвидацией МТС вроде бы остался наконец один хозяин. Если не считать одной «мелочи»: у техники по-прежнему два хозяина — с одной стороны колхоз, а с другой — Сельхозтехника. От техники, как понимаете, все больше и больше зависит и урожайность полей, и продуктивность скота, и прибыль колхозов, то есть все — и земля, и люди, и производство, и быт... Один наш механизатор так сказал: «Трактор для меня что конь для моего деда — и кормилец и поилец». Только разница, думаю, в том заключается, что

в коне — одна лошадиная сила, а в тракторе — десятки, а в ЛТК-601 их, этих сил, двести. И если он простаивает, то этот простой равен простою десятков, а то и сотен лошадей и людей. У нас два таких трактора. Как они используются?

Нефедов на секунду остановился, отыскал нужный листок и сказал:

— Плохо. Дело в том, что, выпуская эту махину, своевременно не позаботились о шлейфе прицепных орудий. Во избежание их простоя прицепляем к ним орудия и тележки, которые и наполовину не загружают их мощность. А бывает и хуже. Я имею в виду отсутствие запасных частей. У одного трактора в двигателе вышли из строя кольца — цена им шесть рублей. Проще простого: доставь комплект в колхоз, вмиг замени кольца и продолжай работать. Так нет. Кольца — в специализированной мастерской, за триста километров. Отправили туда двигатель, а там делают только капитальный ремонт, и на очереди таких моторов — конца не видать. Через три месяца отремонтировали! Посчитали наши экономисты, во что обошлась эта операция хозяйству. За капитальный ремонт, в котором и нужды-то не было, — полторы тысячи, да продукции из-за простоя трактора недополучили: трактор-день стоит девяносто рублей — на шесть тысяч семьсот рублей. Всего — восемь тысяч двести. Вот и судите: мы боремся за экономию каждой копейки, за снижение себестоимости продукции, а тут вместо червонца расход превысил восемь тысяч... Но зато Сельхозтехника получила сотни рублей прибыли.

— Почему же такое происходит? — выкрикнули из зала.

— Почему? — Нефедов нахмурился. — А все потому, что Сельхозтехника оторвана от земли. Оценка и планирование ее деятельности ставят ее не в положение партнера колхозов и совхозов, а в положение стороннего наблюдателя-подрядчика. Нередко случается, что урожай в районе снижается, а прибыль у Сельхозтехники повышается. Основные ее показатели служат ее ведомственным интересам. Два у нее показателя: первый — товарооборот, второй — объем ремонта в рублях. От выполнения и начисляется прибыль, премия, зарплата...

Кстати, о ремонте. Тут налицо явный парадокс. Колхоз заинтересован, чтобы машины работали как можно

дольше и надежнее, Сельхозтехнике это невыгодно: может план по ремонту не выполнить. Чем чаще машины выходят из строя и попадают в ремонт, тем лучше. Искусственному увеличению ремонтов содействует то, что запчасти теперь почти полностью находятся в ее руках. Разве это разумно? — Голос Нефедова даже задрожал от обиды. — Ремонт ведут два звена — хозяйства и Сельхозтехника, а запчасти отданы одному из них. Чьи интересы, спрашиваю, Сельхозтехника блюсти будет? Неужели интересы колхозно-совхозной ремонтной базы? Как бы не так: своя рубашка ближе к телу. Вот и получается сплошь и рядом — нужна нам пустяковая деталь, они и говорят: гони трактор или комбайн в районную мастерскую, мы все исправим. И приходится гнать. Словом, поток машин направляем... к запчастям! Во что это обходится, нетрудно догадаться.

Однажды работник Сельхозтехники мне знаете что сказал? Для нас самое невыгодное — отдавать запчасти хозяйствам. Какой сапожник, говорит, будет раздавать гвозди, он сам постарается их забить. Вот и забивают. То же самое происходит с монтажом оборудования животноводческих ферм. Полгода у меня лежат возле коровника механизмы — завезла Сельхозтехника и не монтирует. Сколько к ним обращался — ответ один: нет людей. Наконец управляющий мне и говорит: если торопишься, монтируй сам, но подпиши акт, что установили оборудование мы.

Но самое удивительное, что за этот грабеж среди бела дня мы еще и благодарим работников Сельхозтехники: иначе запчастей не получишь, оборудование вообще не завезут, отправят его другим, более покладистым. Вот в какие поставлены мы условия. — Аркадий Захарович снова горько усмехнулся. — Получается, что не Сельхозтехника работает на нас, а мы на нее. И тем самым создается видимость ее эффективности, обеспечиваются ей высокие прибыли...

Не могу говорить о других областях, но в нашей облсельхозтехнике находят пути и для искусственного увеличения товарооборота. Немалое количество техники и других материально-технических средств мы получаем непосредственно от поставщиков. Сами разгружаем и доставляем в хозяйство. Иногда прямо от поставщиков вывозим их продукцию своим транспортом. Однако Сельхозтехника берет с нас и за эти из-

делия такую же наценку, как и за изделия, получаемые у них на базе. Спрашивается, за что? Кроме того, немалым резервом увеличения товарооборота является продажа по несколько раз одних и тех же деталей внутри своей системы...

Пользуясь случаем, хотелось бы затронуть вопрос о «национализации» коров. Мне представляется, что в самой недалекой перспективе эта мера отрицательно скажется на удовлетворении населения сельскохозяйственными продуктами. Вину за это потом будут сваливать на того, кто принимал решение, но определенную долю вины за это должны нести и ученые. В последние годы они опубликовали немало материалов о неэффективности личного подсобного хозяйства. Когда читаешь их, невозможно оставаться равнодушным.

Разве можно сравнивать затраты на литр молока в домашнем хозяйстве и на специализированных фермах? У меня в портфеле десятки вырезок, в которых предлагается избавиться от таких пережитков прошлого, как содержание скота в личном пользовании и подсобных участков колхозников и рабочих. На мой взгляд, это вредные предложения. Подсобное хозяйство неправильно считать личным. При социализме оно является серьезным подспорьем в удовлетворении потребностей в продовольствии, и его надо развивать.

Венидиктов заметил:

— Простите, Аркадий Захарович, ваше время почти истекло, но вы так говорите, что мне хотелось бы услышать ваше мнение и об управлении сельским хозяйством.

— Что же,— проговорил Нефедов,— управление сельским хозяйством вызывает немало нареканий и действительно нуждается в дальнейшем совершенствовании. Но не в таком, какое мы подчас наблюдаем сегодня. Что я имею в виду? Прежде всего процесс создания все новых управленческих организаций. Сельское хозяйство на глазах дробится и дробится. Появилось объединение Сельхозтехника, которое призвано заниматься снабжением сельского хозяйства запчастями, ремонтом, монтажом оборудования. Появились строительные межколхозные, государственно-колхозные организации. Возникает много самых различных трестов и объединений. Все эти организации оттягивают, как магнит, из колхозов и совхозов и людей, и технику, и фонды. А показатели их работы не связаны

с ростом сельскохозяйственной продукции. У каждой из них свои ведомственные цели и задачи...

Мне кажется, вопрос управления единым агропромышленным комплексом в районе — один из первостепенных вопросов. Такой комплекс надо оформлять организационно и экономически, подчинив единой воле и единой цели. В этой же связи встают вопросы специализации. Ее необходимость уже ни у кого не вызывает сомнений. Но вот что настораживает. Поспешность, с которой в ряде колхозов и совхозов избавляются от многих отраслей, особенно животноводства. Специализируют отдельные хозяйства на производстве свинины и говядины, строят комплексы, а в срок они не вступают, а когда вступят — перебой с кормами вырастают в проблему. Из-за этого комплексы на запланированное поголовье не могут выйти. А там, где раньше и кормов хватало для содержания небольшого стада на фермах, и люди были, — от ферм избавились. Такая картина предстает и в нашем районе. Несмотря на то что появились комплексы и специализированные хозяйства, в районе производство животноводческой продукции снизилось. Этого мы, конечно, допускать не вправе, специализация должна проводиться, во-первых, постепенно, во-вторых, продуманно.

В процессе улучшения управления сельским хозяйством необходимо учитывать накопленный опыт аграрно-промышленного кооперирования. Созданные в республиках и областях агропромышленные комплексы, объединяющие совхозы и колхозы, с одной стороны, и перерабатывающие их продукцию предприятия, с другой, а кое-где и торговые организации, с третьей, оказались весьма эффективными. Однако, несмотря на многочисленные решения и рекомендации всемерно расширять этот процесс, сдвиги в этом направлении пока малозаметны. Главная причина — ведомственность. На словах все за, а на деле никто не желает передавать «свои» предприятия «чужому» ведомству...

В одном убежден я твердо: не по пути дробления отрасли мы должны идти, а по пути объединения производства, транспортировки и переработки продукции. Мне представляется целесообразным в порядке эксперимента организовать в районе единый агропромышленный комплекс. Кроме колхозов и совхозов, в него должны войти все специализированные предприятия, связанные с переработкой продукции и обслужива-

нием сельского хозяйства. Как предложил бы оценивать их работу?

Основными показателями для всех — прирост сельскохозяйственной продукции, повышение ее качества и снижение издержек производства. И все должны быть в этом заинтересованы. Тогда бы во время сева и уборки практически весь район занимался сельскохозяйственными работами, а остальное время — переработкой продукции, строительством, ремонтом, подготовительными операциями. Уверен, наше будущее в агропромышленном комплексе... Нам нет необходимости держать на селе круглый год людей и технику, способных за пятидневку убрать урожай и за несколько дней провести посевную кампанию.

И в заключение позвольте мне высказать замечание в адрес Бурлакова. Вы, уважаемый Кирилл Григорьевич, здесь утверждали, что прибыль является источником удовлетворения всех общественных потребностей независимо от социальной природы общественного строя. Это не совсем так. Для капиталиста любая прибыль хороша, каким бы путем она ни была получена. За счет повышения цен, усиления интенсификации труда или других мер, включая даже взятки. Любая прибыль удовлетворяет потребности капиталиста, ибо она для него является целью производства.

Иное дело при социализме. Абсолютизация прибыли здесь может привести к негативным явлениям, снизить возможности удовлетворения общественных потребностей. Прибыль, получаемая за счет искусственного удорожания сельскохозяйственной продукции или повышения цен на промышленные изделия, не может быть «источником удовлетворения общественных потребностей». Наоборот, она ведет к снижению эффективности производства и приводит к несоответствию товарной и денежной массы. И при этом, по-моему, мы забываем простую истину, которую очень емко выразил А. С. Пушкин в романе «Евгений Онегин»: «как государство богатеет и почему не надо золота ему, когда простой продукт имеет».

Поэтому я целиком и полностью поддерживаю предложение Васильева, который весьма кстати напомнил одно из принципиальных теоретических положений Маркса о том, что прибавочный продукт создается живым трудом. Прошлый, овеществленный труд не создает и не может создавать прибыли. При-

быль, полученная без увеличения реальной продукции, столь же иллюзорна, как и валовая продукция, которая получена в результате повторного счета стоимости материалов и полуфабрикатов. Учет чистой продукции и реальной прибыли во всех отраслях народного хозяйства и на всех его уровнях, по-моему, исключительно важная задача.

Зал встретил последние слова оратора одобрительным гулом.

— Следующим выступает Пономарев, кандидат экономических наук, — объявил председатель. — Насколько помню, вы строитель и, по-моему, аспирантуру заканчивали у нас на кафедре экономики строительства?

— Совершенно верно, Сергей Илларионович, — отозвался Пономарев, открывая перед собой объемистую папку.

— По-моему, мы с вами после защиты говорили о работе на кафедре преподавателем. Ну и почему же вы покинули институт?

— Во время учебы я женился. Жили мы в однокомнатной квартире, которую я получил до аспирантуры, работая заместителем управляющего строительным трестом. А тут жена сюрприз преподнесла — подарила мне трех дочерей — Веру, Надежду и Любовь. Жить стало тесновато, а получить у вас квартиру я рассчитывать не мог, вот и пришлось вернуться на старое место. Управляющего трестом, с которым я работал, как раз тогда назначили начальником главка, он меня и порекомендовал на свою прежнюю должность.

— Так, так... Вы что же, навечно связали свою судьбу с трестом? К нам не собираетесь вернуться? Нам практики очень нужны!

— Опять осложнение, Сергей Илларионович! Жена одарила меня еще одной радостью — двух сыновей преподнесла... В скором времени матерью-героиней стать может. А тут начальника главка заместителем министра назначили, он предложил мне занять освободившийся пост. Поэтому я, можно сказать, выступаю перед вами в новой роли, хотя говорить буду с позиции старой...

Прежде всего мне, как человеку, давно работающему в строительстве, хотелось сказать, что в этой отрасли, и особенно в послевоенные годы, мы достиг-

ли огромных успехов. За годы Советской власти на пустом месте созданы многие прогрессивные отрасли индустрии — тракторная, автомобильная и т. п. Построены и восстановлены десятки тысяч предприятий, цехов и других производственных и культурно-бытовых объектов. Создана мощная строительная индустрия, имеется более одиннадцати тысяч подрядных строительных организаций. В первой и второй пятилетках только треть объема работ выполнялась подрядным способом, а в настоящее время — девяносто процентов. Вместе с тем и в строительстве имеются немалые резервы для повышения эффективности производства, о чем идет здесь откровенный разговор. Мне особенно понравились два образных и глубоко отражающих сущность сравнения.

Первое касается сравнения действующего метода определения фонда заработной платы с «колоколом», без которого немислимо устроить колокольный звон. Здорово сказано! И второе: принцип планирования «от достигнутого уровня» образно сравнили с петлей на шее, которая, чем лучше работаешь, тем быстрее затягивается все туже и туже. Я на себе это испытал.

— Ну а теперь, будучи начальником главка, вы можете снять эту петлю с треста? — вставил Сергей Илларионович.

— Трудно сказать, ведь я и раньше был в добрых отношениях с начальником главка и просил его уж если не снять, то хотя бы дальше не затягивать эту петлю. Он отвечал: «Мне труднее, чем тебе. Пойми, дорогой, что и у меня есть такая петля, и она тоже затягивается. Ведь у главка план превысил уже триста миллионов рублей. И каждый год еще по восемьдесят процентов добавляют. Если я перестану тебе затягивать петлю, то кому-то другому я должен затянуть ее в два раза туже. Тот, другой, может задохнуться, и мне же придется его экстренно спасать, то есть снижать ему план, а за счет каких резервов?» Посему я и воздержусь поспешно давать утвердительный ответ на ваш, Сергей Илларионович, вопрос: поживем — увидим.

— Сразу чувствуется почерк строителя. Давать уклончивые ответы вы мастера, — съязвил председатель.

— Жизнь учит... — философски резюмировал Пономарев.

— Хочу поддержать предложения Васильева. При планировании и оценке работы производственных коллективов всегда и везде на первом месте должна быть реальная продукция, ради которой и создано то или иное предприятие. Особо мне хотелось поддержать его мысль о том, что обобщающий показатель должен быть расчетным. Кстати, для реализации этого никаких затрат не требуется, а экономия будет огромная.

Возьмем строительство. Подрядным организациям с учетом их материально-технической базы надо планировать количество объектов, каждый из которых имеет нормативные сроки строительства. Просто определить, какое количество и каких объектов может реально построить та или иная организация. Это и должно быть отражено в плане. На каждый объект имеется проектно-сметная документация. В ней указано, каких и сколько требуется материальных ресурсов, включая трудовые затраты. Оценивая работу организации, прежде всего следует выяснить: выдерживаются ли сроки ввода объектов в строй и их качество? Нет ли превышения сметной стоимости?

Я много размышляю над существующей практикой в строительстве, и у меня создается впечатление, что простое дело мы искусственно усложняем и тем самым создаем массу проблем. Представьте себе, что вот на этом столе,— оратор показал рукой на длинный стол президиума,— стоят десять чемоданчиков с набором необходимых инструментов и приборов разных специалистов — сантехника жэка, мастера телеатэлье, электромонтера, парикмахера, врача, фоторепортера и т. д. На каждом из них указана сумма стоимости содержимого. Давайте теперь все, что есть в этих чемоданчиках, свалим посреди стола в одну кучу, а затем снова на указанную сумму разложим по чемоданам, что куда попадет. Смогут ли и после этого специалисты выполнять нормально свои функции, как и прежде?

Но ведь в строительстве происходит нечто подобное. Каждый объект имеет свой чемоданчик с необходимым набором. Перечень содержимого в нем указан в проекте и смете. Если нашему тресту поручается строить какой-то объект, то, по законам элементарной логики, содержимое чемоданчика именно данного объекта должно быть полностью передано в распоряжение подрядчика. Но на практике это делается по-иному. Содержимое чемоданчиков всех плановых объек-

тов сваливают на большой стол, именуемый Главснабом. И выделяют нам объекты с пустыми чемоданчиками, на которых указано лишь, на какую сумму, каких приборов и инструментов туда надо вложить. И вот мы выстраиваем эти чемоданчики в ряд, открываем их крышки и по мере выделения нам ресурсов с большого стола заполняем их. Длится этот процесс долго, а порой и очень долго. Многие чемоданы почти полностью заполнены и годами стоят открытыми из-за отсутствия каких-либо мелочей.

Все, что говорилось тут о ненаучном методе определения фонда зарплаты, в полной мере относится и к строительству. Когда более пяти лет назад я вернулся в трест после аспирантуры, фонд заработной платы составлял двадцать четыре процента от «объема строительно-монтажных работ, выполненных собственными силами». Так длинно у нас называется валовая продукция.

— А почему «собственными силами»? Вы что, разве можете строить с помощью шабашников? — спросили из зала.

— Вы слышали слово «субподрядчик»? Трест, как генеральный подрядчик, заключает договор с заказчиком и обязан сдать ему готовый объект для эксплуатации. Кроме нас, заказчик ни с кем не имеет отношений. А мы заключаем по некоторым объектам десятки субподрядных договоров на выполнение специальных работ с соответствующими организациями — с теплотехниками, связистами, энергетиками, монтажниками, наладчиками... Объем выполненных ими работ мы включаем в отчетность, но он не дает нам ни плана, ни зарплаты. В этом общем объеме выделяется то, что выполнено «собственными силами». Как видите, шабашники тут ни при чем.

Итак, пять лет назад фонд заработной платы у нас составлял двадцать четыре процента от «объема строительно-монтажных работ, выполненных собственными силами». К настоящему времени его постепенно снизили до восемнадцати процентов. Это значит — восемнадцать копеек на рубль валовой продукции в среднем на всех объектах, на которых ведется строительство.

Прошу обратить внимание: нам планируют в среднем восемнадцать копеек на рубль объема выполненных работ. А по сметам и фактически трудовые затра-

ты колеблются от десяти до пятидесяти процентов к объему. На строительстве Домов культуры, где много дорогих материалов, расходы на зарплату составляют примерно десять-двенадцать, а при сооружении стадионов — более пятидесяти процентов.

Откуда же взялась цифра «восемнадцать»? Обоснована ли она? Никакого обоснования она не имеет и иметь не может.

— Это почему же? — удивленно спросил председатель.

— Да потому, уважаемый Сергей Илларионович, что в тот момент, а точнее, в конце года, когда нам утверждают фонд зарплаты на будущий год, еще никто не знает, какие объекты каких заказчиков будут в конечном счете включены в титульные списки для финансирования Стройбанком. Как же можно определять фонд зарплаты, не зная объектов строительства? Даже самые знаменитые провидцы и астрологи вряд ли могли бы взяться за это дело. А вот в нашем ведомстве не только «определяют» его, но и утверждают!

«В огороде бузина, а в Киеве дядька» — так образно сравнил один экономист связь фонда зарплаты строителей с объемом выполняемых работ в одной из статей. Верно подметил!..

— Почему же вам планируют восемнадцать процентов? Вы не сказали, откуда взялась эта цифра, — напомнили оратору.

— Формальным «обоснованием» ее, — начал объяснять Пономарев, — является тот факт, что в прошлом году у нас было девятнадцать процентов. Запланированный рост производительности труда должен снизить трудовые затраты до восемнадцати процентов...

— Вполне логично, — сказал Венидиктов.

— Формально да, но по существу никакой тут логикой и не пахнет, — возразил оратор. — Дело в том, дорогие товарищи, что в прошлом году в девятнадцать процентов не мы укладывались, а просто нас «укладывали». Если лимитом по труду нам утвердили девятнадцать процентов к объему выполненных работ, то ни копейки больше Стройбанк нам не финансировал. Если бы мы нормально работали и вводили в строй объекты по графику, то не смогли бы обеспечить коллективу зарплату. Как же мы выкручивались?

Брали все новые и новые объекты и выполняли там самые выгодные работы. Это вело к тому, что незавер-

шенное производство у нас год от года увеличивалось и сейчас равно почти трехгодичной трестовской программе. Чтобы сдать недостроенные объекты, нам надо в течение трех лет работать только на них, не начиная ни одного нового. Вы, Сергей Илларионович, обращаясь в своем выступлении к аудитории, просили назвать и причины неуклонного роста незавершенки. Да, незавершенка стала притчей во языцех. Чем больше мы говорим о ее снижении, тем быстрее она растет. И опять-таки главная, коренная причина ее роста, на мой взгляд, — ненаучный принцип определения фонда зарплаты. Я убежден: пока зарплата зависит от объема в рублях, сократить незавершенку до норматива очень трудно, а кое-где просто невозможно. Буду очень рад, если мой прогноз не подтвердится...

Что же происходит? Мы срываем сроки сдачи, об этом вы знаете. За срыв сроков ввода объектов нам, как правило, объявляют выговор. У меня, например, перед новым назначением был строгий и два обычных выговора. Какой порядочный строитель без выговоров? В нашей отрасли их количеством иногда просто гордятся. Выговор можно стерпеть, а вот если вы не выплатите рабочим заработную плату — голова с плеч... Поэтому единственная «палочка-выручалочка» в наших условиях — увеличение незавершенки.

Росту ее способствует и неправильный метод распределения капиталовложений. У нас есть немало так называемых «мертвых строек», то есть чемоданчиков с открытыми крышками, процесс заполнения которых прекращен. Откуда они берутся, такие объекты-чемоданчики? Дело в том, что каждый заказчик пытается пробить, утвердить, включить в титульные списки свой объект, и зачастую этого добивается. Мы начинаем строить: производим земляные работы, устанавливаем кран, укладываем фундамент, завозим кирпич... А на следующий год другие, более пробивные, заказчики заполучают себе капиталовложения... Начатая стройка замораживается, а подрядчик, то есть мы, узнает об этом нередко лишь в феврале — марте, после утверждения титульных списков. Мы вынуждены переходить на другие объекты-чемоданчики и заполнять их выделяемыми ресурсами под объем работ в рублях... И таких объектов немало. Обратите внимание, сколько стоит в некоторых городах «мертвых» кранов!

Вы знаете, — продолжал Пономарев, — конечно, о

таком направлении, как реконструкция предприятий. Очень эффективное направление, но строители отбиваются от него, как черт от ладана. Их можно понять. Реконструкция — это прежде всего высокий удельный вес расхода заработной платы, так как стоимость вновь устанавливаемого оборудования в объем работ не включается, а работать в действующих цехах приходится в основном вручную, — реконструкция просто разоряет строителей...

В процессе удорожания работ мы стараемся отказываться и от дешевых материалов, применяем более дорогие, хотя сейчас можно в строительстве использовать дешевые, легкие материалы и конструкции...

В общем, проблем у нас немало, но особенно волнует строителей ненаучный принцип планирования материально-технического снабжения. Ныне в строительстве все более широкое распространение получает так называемый «миллионник».

— Что означает «миллионник»? — спросили из зала.

— «Миллионник» — это принцип распределения материальных ресурсов на миллион рублей капитальных вложений по определенным нормам, — пояснил Пономарев. — Например, тресту утвержден план на этот год тридцать миллионов рублей. На эту сумму ему Главснаб и выделяет по норме металл, цемент, кирпич, гвозди и другие материалы, вместо того чтобы выделить то, что указано по смете каждому замороженному объекту-чемоданчику. Между фактической потребностью согласно проектно-сметной документации, обозначенной на чемоданчике, и выделяемыми ресурсами по «миллионнику» по многим материалам амплитуда колебания составляет от десяти до двадцати процентов. На многих объектах вечно чего-нибудь для завершения не хватает, хотя по ряду материалов образуются излишки. Отсюда и начинается натуральный обмен по принципу: ты — мне, я — тебе...

Как видите, материальные ресурсы, так же как и фонд зарплаты, определяются округленно, приблизительно, без должного обоснования. К тому же в каждый чемоданчик мы стараемся вложить побольше дорогих инструментов и приборов, чтобы выполнить план.

— Но тогда вы не уложите в сметную стоимость, обозначенную, как вы называете, на чемоданчике... — уточнил Венидиктов.

— А мы и не укладываемся,— спокойно ответил Пономарев.— Уложиться можно лишь в том случае, если к объекту дается чемоданчик не пустой, а с полным набором всех необходимых для него ресурсов и в срок. Но это пока, к сожалению, бывает редко.

— А за чей счет оформляется перерасход сметы? — снова спросил Венидиктов.

— За счет заказчика, а точнее, за счет государства,— ответил оратор.— Ведь многие сметы по несколько раз пересматриваются в сторону повышения их стоимости. И чем дольше строится объект, тем больше таких пересмотров. Для этого мы заранее по каждому объекту готовим перечень объективных причин. Например, редко применяем материалы, указанные в проекте. Трубы, как правило, используем больших диаметров, чем надо, железный лист толще положенного и так далее... К тому же простои из-за перебоев в снабжении рабочим оплачивать тоже надо.

— Но простои идут по другой статье,— уточнил кто-то из зала.

— Должны идти, но не идут,— возразил Пономарев.— Простои бывают практически во всех строительных организациях, но пойдите поищите их по документам — днем с огнем не найдете. Если мы будем платить за простои по тарифу — рабочие потеряют в заработке и уйдут туда, где и за простои платят сполна!

Сергей Илларионович вновь подал голос:

— А что бы вы могли предложить для устранения недостатков в строительстве?

— Прежде всего надо внедрить правильное планирование. Вы можете сказать, что это общие слова. Верно. Давайте порассуждаем. Как раньше крестьянин строил избу? Он сначала готовил все необходимое для этого. Порой, бывало, год-другой у него лес лежит, а он не строит. Сосед спрашивает: «Почему?» — «Понимаешь, кирпича пока нет да стекла нет». Да и что бы получилось, построй он дом без печки или без окон, дверей? Все равно не жилье. А вот когда он все собрал, то сразу зовет знакомых, друзей и родственников — и за две-три недели дом готов! Этот древний метод значительно ближе к науке, чем утвердившаяся в нашем тресте практика.

Мы, как я уже сказал, можем начать объект, а на следующий год финансирование его по неизвестным

причинам может быть прекращено. А надо все доводить до конца и в предельно сжатый срок. Согласно смете должны быть выделены все необходимые материалы и, конечно же, заработная плата. И тоже по смете, с учетом трудоемкости работ, а не по валу. Собственно, все должно планироваться и осуществляться в жизни так, как в учебнике об этом написано.

— Если я вас правильно понял, Николай Филиппович,— сказал Венидиктов,— беда в том, что на практике вы делаете не так, как говорится в учебнике?

— Большинство наших бед связано с тем, что ведомственные инструкции не согласуются с учебниками даже по важнейшим, принципиальным вопросам. Я позволю себе кое-что зачитать, но уже из учебника «Экономика строительства». Вот что говорится в нем: «Плановый фонд заработной платы определяется прямым расчетом по отдельным видам работ и конструктивным элементам, исходя из плановых объемов работ и соответствующих укрупненных расценок». Четко и ясно. Следуй мы этому правилу на практике, парадоксы, о которых я говорил, были бы исключены.

Или возьмем, например, планирование производственной программы. В названном учебнике есть научно обоснованные рекомендации о расчете производственной мощности и определении на ее основе реального плана. При этом справедливо указывается на отрицательные последствия заниженного или завышенного плана. Применение этих рекомендаций на практике — надежный путь повышения эффективности.

Игнорирование научных положений противоречит порой и здравому смыслу. Вернувшись в трест после аспирантуры, на одном из совещаний я, помнится, много говорил о внедрении сетевых графиков и других прогрессивных новинок в строительстве.

А затем выступил один из наших ветеранов, начальник СМУ, и сказал: «Вы, Николай Филиппович, здесь очень красиво говорили. Но впредь не тратьте время, не агитируйте нас за технический прогресс. Мы заранее с вами согласны, только создайте сначала необходимые условия. А сейчас я и без сетевого графика до конца года могу сдать не менее пятнадцати объектов, если бы выделили нам необходимые по смете ресурсы. Перечень их я передал вам две недели назад, но пока что ни ответа ни привета. С высоких научных небес,— заключил он,— вам придется опуститься на землю».

матушку и заняться сугубо земными делами. Главный наш бич был и остается — перебой в снабжении материальными ресурсами. А в этих условиях никакой сетевой график не поможет. Вы лучше добейтесь, чтобыстроек у нас было ровно столько, сколько можно обеспечить всем необходимым. И ни одной больше. Вот тогда и вернемся к разговору о сетевых графиках...»

Внедрение показателя чистой продукции является особо актуальным, так как в значительной мере ликвидирует недостатки, о которых шла речь выше. И к тому же сделать это в строительстве проще простого. Ведь что у нас нынче получается? Когда мы устанавливаем, например, розетки, щетпселя, электросчетчик, раковины, унитазы и прочее оборудование, их стоимость из объема выполненных работ исключается. А стоимость проводов, кабелей, труб, кирпича, паркета и всех других материалов включается. Разве это справедливо? Конечно, нет. Паркет и кабель — это такой же прошлый или овецествленный труд, как электросчетчик и унитаз. Они не могут увеличивать вновь созданной стоимости, а лишь переносят свою стоимость на строящийся объект.

Отсюда вытекает, что еще при составлении смет стоимость материалов, так же как и оборудования, должна исключаться из объема выполненных работ. Вместо последних, на мой взгляд, целесообразнее иметь графу: стоимость нормативной обработки. Что она представляет? В учебниках этому показателю дается подробная характеристика. А к НСО следует установить единый процент рентабельности. Тогда мы в значительной мере ликвидируем выгодные и невыгодные работы и многие связанные с ними беды.

— Слово Каверину Алексею Васильевичу. Будьте любезны, представьтесь аудитории,— сухо вато промолвил Венидиктов, когда к трибуне подошел очередной выступающий, молодой человек, всем обликом выражающий простоту и скромность.

— Я аспирант института транспорта. Вы, товарищ председатель, верно заметили вначале, что молодым не так просто высказать свое мнение, опубликоваться. Знаю по собственному опыту... С юных лет работаю на транспорте, был рабочим, мастером, заместителем на-

чальника станции. После института работал заместителем начальника планового отдела Дороги.

Два года назад я успешно выдержал конкурс в аспирантуру, сдал кандидатский минимум и в основном подготовил первый вариант диссертации, благо материал у меня был собран еще раньше. Тема касается совершенствования показателей работы транспорта. Но когда с диссертацией ознакомился мой научный руководитель, Неверов Григорий Захарович, он категорически отверг ее и посоветовал впредь этой темой вообще не заниматься. Уверяет, что я занял позицию, неверную в принципе. Мол, практика развивается иным путем... В общем, все у меня получилось, конечно, не как в сказке. Я на распутье. Друзья советуют согласиться с руководителем...

— А чего требует от вас научный руководитель? — поинтересовался Царев и строго посмотрел на молодого человека. Неверова он знал хорошо, был с ним в приятельских отношениях и потому нарушил так долго хранимое им молчание.

— Он предлагает прежде всего отказаться от критики показателя «тонно-километр». Я же доказываю вред оценки работы транспортных организаций по тонно-километрам. Это, по-моему, можно сделать лишь с помощью системы показателей, отражающих количество тонн перевезенного груза. А Григорий Захарович в свое время защитил докторскую диссертацию, в которой доказывается, что тонно-километр более, чем другие, подходит на роль главного показателя. Сегодня на транспорте, как известно, все инструкции, вся практическая деятельность держатся на тонно-километрах. Вот друзья и говорят: согласись, а станешь кандидатом, тогда и критикуй свои тонно-километры на здоровье.

Было заметно, что Каверин начинал горячиться. С мальчишеской порывистостью он выпалил:

— Получается: сначала защитись, а для этого пиши не то, что считаешь актуальным, важным, а то, что по душе научному руководителю, потом уж воюй. Я этим путем не пойду. Я как-то сказал товарищам, тем самым советчикам: не посчитайте высокопарными мои слова, но мы ведь марксисты. И давайте вспомним, чему учит Маркс... В предисловии «К критике политической экономии», цитируя Данте из «Божественной комедии», он

пишет, что у входа в науку, как и у входа в ад, должно быть выставлено требование:

«Здесь нужно, чтоб душа была тверда; здесь страх не должен подавать совета».

Если же мы с первых шагов в науке начнем придерживаться конъюнктурных вариантов, то уже одним своим присутствием окажем ей медвежью услугу. Ведь в свое время классическая буржуазная политическая экономия достигла больших высот, но как только она стала подгонять свои выводы под тезис — выгодно это капитализму или невыгодно, и все невыгодное капитализму уже отрицалось, отвергалось, наука начала на глазах перерождаться из классической в... вульгарную.

Допустимо ли науке подстраиваться под практику? Практика бывает научно обоснованная, а бывает порой и научно не обоснованная, чему на нашей встрече приводилось немало примеров. И если мы не будем смотреть вперед, утратим самостоятельность, откажемся от поиска, мы не оправдаем доверия, возложенного на нас партией и государством, не окупим затраченных на нас народных средств.

Конечно, я могу ошибаться, как всякий ученый, тем более молодой, но убеждения свои буду отстаивать. А препятствий на моем пути, по всей видимости, возникнет немало. Первое уже существует реально — Неверов. Я подготовил статью для журнала, но по утвердившемуся в институте порядку она должна быть одобрена отделом. Неверов прочитал ее и предложил отредактировать, тогда, мол, статья будет опубликована. Но я-то хорошо понимаю, что после его редакции это уже будет совсем другая и не моя статья.

В голосе Каверина появились нотки горечи, он посмотрел в зал и, увидев добрые, внимательные лица присутствующих, собрался с мыслями и продолжил:

— Ну, это так, для вступления. А теперь я хотел бы сказать несколько слов по существу. Прежде всего почему я твердо убежден в том, что ныне оценка работы транспорта, ее планирование осуществляются не по-научному.

Позвольте сначала зачитать выдержку из статьи заместителя начальника Центральной дороги по экономике И. Мыланского. Вот что он пишет в «Правде»: «Возможно ли представить бригаду рыбаков, работу которой учитывали не столько по количеству вылов-

ленной рыбы, сколько по объему прошедшей через невод воды. Любой скажет, что это несуразица. Но вот о наших железнодорожниках столь категорично этого заявить уже нельзя. Нет, и для тружеников стальных магистралей, бесспорно, важна «рыба», количество принятых и отправленных грузов, но не меньшее значение имеет и «вода» — грузооборот в тарифных тонно-километрах. Именно от них в первую очередь зависит оценка работы железной дороги, различных ее служб и подразделений. Если тонно-километры в ажуре, то почти автоматически оказываются перевыполненными задания по росту производительности труда, прибыли, снижению себестоимости перевозок. С другой стороны, даже если поезда мчат беспрепятственно, составы формируются и обслуживаются отлично, пути и технические средства содержатся в образцовом порядке, топливо и энергия расходуются бережно, но план грузооборота недовыполнен, тогда сразу же все экономические показатели резко ухудшаются. Таким образом, сама система оценки результатов работы транспорта побуждает заботиться не об увеличении перевозки грузов в тоннах, а о том, чтобы «накрутить» как можно больше тонно-километров».

Далее Мыланский приводит конкретные примеры, как удлиняются маршруты с целью накрутить побольше тонно-километров. Впрочем, его статья называется «Кружным путем»... Она, естественно, вызвала очень бурную отрицательную реакцию в нашем институте, и в частности у Неверова. А я считаю, что Мыланский прав. Судите сами...

Алексей положил перед собой тетрадь, надел очки и продолжил:

— Что такое тонно-километры? Неверов во всех своих статьях и в учебниках пишет: «Грузооборот и пассажирооборот являются продукцией транспорта». Надо же, продукция транспорта! Чем длиннее маршруты перевозок, тем больше создается «продукции» при прочих равных условиях. В пику Мыланскому в нашей ведомственной газете Неверов напечатал как бы ответную статью, где утверждает, что «грузооборот — единственный из показателей, наиболее объективно отражающий работу всего процесса перевозки».

Итак, по мнению Неверова, тонно-километры — это продукция транспорта, и она, эта «продукция», — единственный наиболее объективный показатель оценки

деятельности транспортников. Тонно-километр выдается за идеальный показатель, «полностью исключаящий» возможность приписок. Несмотря на то, что данную концепцию поддерживают многие транспортники и она является ныне господствующей, с этим трудно согласиться.

— Не будете ли вы так любезны, уважаемый...— Царев посмотрел в список выступающих,— Алексей Васильевич, назвать хотя бы основные недостатки, которые, по-вашему, присущи этому показателю?

— Начнем с «продукции»,— уже более уверенно продолжал Каверин.— Могут ли тонно-километры быть продукцией? Мой опыт работы на транспорте убеждает меня, что нет. Поэтому я по данной проблеме разделяю точку зрения профессора Бакланова.

«Что же представляют собой тонно- и пассажиро-километры? — пишет Бакланов.— Это масштаб измерения проделанной транспортной работы по перемещению грузов и людей. Так же, как метр, килограмм не могут быть продукцией, они только являются мерилем продукции, не выражают ее качества и содержания, так и тонно-пассажиро-километры не могут быть транспортной продукцией». С такой постановкой вопроса, если не отвлекаться от реальной действительности, трудно не согласиться.

Разве может быть продукцией абстрактный метр, килограмм? Если бы метр чего-то, все было бы ясно, либо тонна муки, сахара, угля... Но сам-то по себе метр? Оттого, что мы делаем показатель условно натуральным, каковым и является тонно-километр, он никак не может быть продукцией. Измеритель, как вы его ни крутите, не способен превратиться в продукцию. Поэтому рост тонно-километров далеко не равнозначен росту продукции транспорта. А поскольку господствует мнение, что тонно-километр — это продукция, неминуема погоня за тонно-километрами. Особенно видно это на примере железной дороги.

Наши железные дороги работают очень напряженно, и успехи у транспортников велики. Это все бесспорно. Грузооборот превысил три триллиона тонно-километров в год! Астрономическая цифра. Это — более половины перевозок, выполняющихся на всех стальных путях планеты и почти втрое больше, чем в США. А протяженность наших стальных магистралей составляет сто сорок тысяч километров, около

одиннадцати процентов их суммарной длины на земном шаре. Выходит, что каждый километр пути у нас эксплуатируется в шесть-семь раз интенсивнее, чем в США, Канаде, странах Западной Европы.

Когда называют подобные цифры, я невольно задумываюсь: а какая же часть этих тонно-километров проделана ради самих тонно-километров? Или просто приписана? Думаю, немалая.

Вряд ли кто станет отрицать такой факт. План по грузообороту утверждается Дороге в декабре предшествующего года, а план по отправлению грузов, далеко не всех, а лишь основных,— в марте планируемого года, то есть разрыв в четыре месяца. Это делает план грузооборота волевым или основанным только «на достигнутом уровне». Планирование грузооборота, а следовательно, и доходов, и прибыли производится без распределения по родам грузов и видам сообщений. Поэтому задание по доходам, себестоимости и прибыли устанавливается без учета реальных изменений структуры грузооборота, хотя последняя является главным фактором, определяющим доходность перевозок, так как ставки по разным грузам колеблются от одной до семи копеек за десять тонно-километров.

— Меня удивляет,— заговорил председатель,— как же можно утверждать план грузооборота и связанные с ним качественные показатели при отсутствии данных о грузах, подлежащих перевозке, и расчетов о дальности их доставки?

— Ничего удивительного здесь нет, такая практика ныне получила «прописку» во многих отраслях экономики, в том числе и на транспорте. Делается это чаще всего так: берется прошлогодний план, фактический уровень тонно-километров, прибавляется несколько процентов — и запрограммирована завтрашняя деятельность Дороги.

Таким образом, план грузооборота сугубо ориентировочная, приближенная цифра. Но уж коль появилась она на свет, неважно, каким образом, все остальные будущие показатели зависят от нее, от тонно-километров. И значит, ее надо выполнять!

При этом хочу подчеркнуть, что для подсчета тонно-километров берутся не реальные тонны, измеренные на весах, как думают некоторые товарищи, а в основном условные технологические, показанные отправителем грузов в документах или принятые по

технической норме загрузки вагона либо контейнера. Нередко случается, что отправители, лишь бы не платить штраф за простой, не загружают вагоны до нормы, а в документах отражают полную загрузку, что, оговоримся, отвечает интересам транспортников, и потому санкций они не предъявляют. Транспортники вынуждены «закрывать глаза» на миллионы тонн встречных перевозок металла, железобетонных изделий и других видов продукции. Ликвидация их означает забить гол в свои же ворота. А кто на это пойдет? Ведь это же уменьшает их «продукцию» со всеми вытекающими отсюда неприятными последствиями.

Или возьмите автотранспорт. Автомобилисты часто требуют, чтобы им в путевку писали не то количество груза, которое они реально перевезли, а соответствующее грузоподъемности машины. Если писать будете меньше, говорят заказчику водители, я не заработаю на хлеб насущный и завтра к вам не приеду. Так пишутся и пишутся «липовые» тонны и рейсы. Затем благодаря простой арифметике они превращаются в тонно-километры. Я как-то читал — контролирующие органы проверили одну плотину, сколько же там в действительности засыпано земли. Теоретически это было подсчитать легко, но, когда проверили путевые листы и сопоставили данные, оказалось: в плотине земли в три с половиной раза меньше, чем указано в документах...

А между тем сколько тонн либо кубометров грунта предстоит вывезти или привезти, определить путем геодезического замера проще простого. Определить и передать комплексной бригаде по аккорду. Вот когда появится реальная продукция. И отпадет нужда в учетчиках и журналах, в которых процветает сплошная липа...

Недавно меня с одним сотрудником министерства послали в Североуральск для проверки одного факта: там много скопилось на железнодорожной станции невывезенного груза. И действительно, триста тысяч тонн грузов не было вывезено. Стали выяснять, в чем дело. Машин нет? Есть машины, но большое количество их занято перевозками грузов в Баку, Ереван, Ташкент и другие дальние города. Что же заставило автотранспортников увлечься столь неблизкими рейсами? Шестнадцать тысяч тонн грузов, вывезенных в дальние города, дали им десять миллионов тонно-километров. Но

если бы они отдали эти грузы железной дороге, а сами вывезли тем временем триста тысяч тонн, которые лежат на складе в Североуральске, при средней дальности десять километров один рейс «накрутили» они бы всего-навсего три миллиона тонно-километров.

Как видите, уважаемый Святослав Миронович,— обращаясь к Цареву, говорил Каверин,— для получения тех десяти миллионов тонно-километров в городе автотранспортникам потребовалось бы погрузить, перевезти и разгрузить свыше миллиона тонн грузов вместо шестнадцати тысяч! О дальних рейсах мечтают не только руководители транспортных предприятий, но и шоферы. И вот почему.— Каверин взял с кафедры листок, внимательно посмотрев в него, сказал:

— Передо мной результаты работы двух водителей за июль прошлого года — Ларина и Журавлева. Первый — отстающий в междугородной колонне, перевез шестьдесят четыре тонны груза и выработал «продукции» девяносто четыре тысячи тонно-километров. Второй — передовик внутригородской колонны, перевез тысячу триста тонн, то есть в двадцать раз больше первого водителя, и дал всего лишь четырнадцать тысяч тонно-километров. Ларин заработал пятьсот семнадцать, а Журавлев триста десять рублей.

При этих словах присутствующие стали оживленно переговариваться. Венидиктову вновь пришлось наводить порядок в зале.

— Любопытно, что за прошлую пятилетку объем перевезенных грузов городской автобазой возрос на семь процентов, а грузооборот в тонно-километрах увеличился в два раза. Вот она, «продукция» тонно-километров... Я забыл сказать, что поводом для поездки в Североуральск послужила заметка в газете «Поездом по городу». В ней говорилось, что с целью предотвращения простоя на ряде предприятий грузы со станции на заводы доставлялись... поездом, а автомашины в это время находились в дальних рейсах, «накручивали» тонно-километры...

Приведу еще один пример. Я был в отпуске. Вы знаете, сейчас во многих районах создаются транспортные автобазы для обслуживания сельскохозяйственных предприятий того или иного района. Дело, видимо, перспективное. Но, оценивая работу автобаз количеством тонно-километров, мы отталкиваем их от кол-

хозов и совхозов, создаем противоречия. Сельхозтрансам невыгодно возить сельскохозяйственную продукцию. Расстояния внутриколхозных перевозок равны десяти-пятнадцати километрам, до элеватора — двадцать пять. Машины больше стоят под погрузкой и разгрузкой, чем находятся в пути. В связи с этим новые большегрузные машины директор Сельхозтранса отправляет в дальние рейсы, чтобы набирать тонно-километры и гарантировать себе экономические показатели.

Я ему говорю: что же вы делаете? Государство дает новые машины для того, чтобы продукция не гнила в поле, чтобы срочно ее вывозили, а вы вместо этого возите промышленные товары на дальние расстояния. Он, в свою очередь, спрашивает: а что мне делать, ведь нужны тонно-километры, иначе я план не выполню, не будет плана, значит, и зарплату не смогу выплатить...

Заколдованный круг получается. И до того меня возмутило это очковитательство под благовидным предлогом, что я заявил: тогда вообще всю технику, которая предназначена перевозить сельхозпродукцию, отправьте в тартарары и пусть она накручивает вам тонно-километры. Отвечает: нет, это неразумно, тогда меня либо освободят, либо строгача мне вкатят. Надо, мол, все делать в разумных пределах. По его мнению, «разумно» в колхозы посылать старые машины, малотоннажные. Поломалась — ничего. Все равно считается, что в поле была. Да и не будет она там одинокой. Ведь промышленные предприятия присылают на вывозку урожая не лучшие свои машины...

Алексей тяжело вздохнул, вновь зачем-то снял очки, обвел близоруким взглядом аудиторию и стал рассказывать дальше:

— Разве это нормально, что транспортные расходы неуклонно возрастают, предприятия, по существу, не имеют ограничений на расходы по транспорту. Сколько и куда хочешь — пожалуйста, вези! И министерства уже поэтому допускают огромное количество встречных перевозок.

Я говорил о Североуральске. Так вот, две с половиной тысячи вагонов там было использовано на отправку железобетонных конструкций из города и три с половиной тысячи вагонов потребовалось для того, чтобы ввезти в Североуральск примерно аналогичные конструкции, разумеется, по каналам других ведомств.

Растет и дальность перевозок. По Североуральску она за год увеличилась с семисот двадцати до девятисот шестидесяти километров.

Поэтому мне хотелось бы, уважаемый председатель, чтобы в том документе, который вы готовите, было особое внимание уделено совершенствованию показателя работы транспортных организаций.

Сергей Илларионович, внимательно слушавший Каверина, воскликнул:

— Я бы вас попросил подготовить справку о том, что вы сейчас говорили, и высказать ваши конкретные предложения о новой системе оценки работы транспортных предприятий, о системе, которую вы считали бы наиболее подходящей. И еще. Скажите, пожалуйста, коротко: какой показатель, по вашему мнению, наиболее объективно характеризует деятельность транспортных предприятий? Иначе говоря, чем бы вы предложили заменить тонно-километры?

— Вашу просьбу, Сергей Илларионович, я выполню с большим удовольствием и в ближайшие дни,— продолжал Каверин.— Что же касается замены тонно-километра, то на транспорте так же, как в промышленности и строительстве, о чем хорошо говорили предыдущие ораторы, необходимо иметь систему показателей с учетом специфики видов транспорта и назначения предприятий, а показатель тонно-километр должен сохраниться как расчетный.

— Благодарю вас!— сказал председатель.— Итак, товарищи, список желающих выступить исчерпан. Если нет возражений, будем закругляться.

Неожиданно в третьем ряду встал молодой человек в расстегнутой куртке и смущенно проговорил:

— Не собирался я выступать... Но вот Каверин подал пример, и я решил высказать кое-какие мысли. Возможно, они вас интересуют... Если позволите, конечно...

— Трибуна в вашем распоряжении. Пожалуйста,— ответил Венедиктов.

— Представьтесь, пожалуйста. Из какого института, ученая степень...— попросил Сергей Илларионович.

— Моя фамилия Думов... Георгий Николаевич... Я прошу прощения за свою навязчивость. Я ведь не ученый. Я инженер-металлург. И у меня нет научных

выводов. Мне хотелось изложить вам некоторые факты, чтобы вы, уважаемый товарищ председатель, поручили своим ученым изучить их и сделать научный анализ.

Ну, я думаю, что об успехах металлургов вы знаете. Наши достижения в этой отрасли общепризнанны. По производству важнейших видов металла мы не только догнали, но и перегнали развитые капиталистические страны. В области техники металлургам есть чем гордиться. Но что касается эффективности работы и качества продукции, тут резервов еще немало... С чего же начать?

— Смелее, смелее, — подбадривал заинтригованный председатель. — Кстати, а вы не брат той Думовой Гали, о которой здесь говорила Лариса Семеновна?

— Да, Галя — моя сестра. Она теперь не Думова, а Захарова. Вышла замуж... Я, конечно, знаком с ее идеей пропускать драгоценности через производственный процесс швейных фабрик. И говорил ей тогда, что это чепуха. И государству это ничего не даст, кроме «липового» роста объема производства. Но она в порядке ответного довода спрашивала: а зачем же мы вторично включаем в объем работ стоимость тканей, мехов и других материалов? На это я ей дать вразумительного ответа не мог. У нее принцип: если вести двойную бухгалтерию, то везде и во всем, а если нет, то нигде этого не делать. Переход на работу по нормативной стоимости обработки, о чем здесь говорила Лариса Семеновна, как раз и предусматривает ликвидацию двойной бухгалтерии. Но я хочу сказать, что двойная бухгалтерия существует не только у швейников. Это относится к отрасли, где я работаю, — к металлургии. Мы много говорим на эту тему с Галей и ее мужем. Он экономист. К сожалению, сейчас в командировке. Он бы обрисовал вам ситуацию более четко и обстоятельно. Но я попытаюсь объяснить суть дела. С чего бы начать...

— С футбола, — подсказала девушка из зала.

— Спасибо, Галя, я воспользуюсь советом, — ответил сестре Думов.

Есть такая игра — футбол. Ученые своей команды не имеют и многие, наверно, не являются болельщиками, но смысл игры наверняка знают. Так вот, представьте себе, что металлурги — это одна команда, а потребители металла — другая. У футболистов иногда бы-

вает так, что команда, имеющая перевес в голах, «тянет» игру, пасует мяч между своими игроками.

Болельщики кричат, свистят, а те свое... В «игре» же с потребителями «перевес» всегда на стороне металлургов: в их руках металл, и они пасуют его между своими заводами... Потребители же прилагают все усилия, чтобы овладеть им. А нам невыгодно выпускать металл из своего отраслевого круга. Чем дольше мы будем его пасовать с одного металлургического завода на другой, тем лучше. Переброска миллиона тонн металла с одного завода на другой для очередного технологического передела равнозначна отправке такого же количества металла потребителям. Каждый внутриотраслевой пас приравнивается к голу...

— Простите, что перебиваю, но я хочу уточнить, понять,— сказал Венидиктов.— Ведь вы на потребителей работаете. И чем больше дадите им металла, тем выгоднее для вас должно быть...

— В принципе, Сергей Илларионович, вы правы. Но у нас, по-моему, происходит какое-то отступление от правил. Чтобы стать готовой продукцией, металл должен пройти как минимум три передела: доменный цех выплавит чугуна, который тут же в мартеновском или кислородно-конвертерном цехе должен быть переработан в сталь, а она, в свою очередь, в прокатном производстве превращается в конечную продукцию — готовый прокат, который идет потребителям разных отраслей народного хозяйства. Разрывая технологию переделов во времени и пространстве, металлурги получают большие возможности работать на себя... Пасовать друг другу. Как плохая футбольная команда — стараемся не отпускать мяч от себя, тянем игру...

— Но почему?— выкрикнул кто-то из зала.

— А вот посмотрите. Я, скажем, чугун продал коллеге. Он мне — сталь, выплавленную из моего же чугуна. Я ему обратно отправляю заготовку, а он мне продает крупносортовый прокат, из которого я и сделаю конечную продукцию. Улавливаете? Два раза я продавал металл в «своем» кругу и только в третий раз — потребителю. А если бы мой чугун прошел у нас на комбинате все переделы, то есть из него на месте выплавляли бы сталь, а из стали тут же изготовили бы нужный прокат, то мы имели бы возможность продать металл только один раз — готовую продукцию.

Зачем и кому нужна эта карусель?— спросите вы.

Нам, металлургам, то есть отрасли: дело в том, что металлургическим комбинатам утверждают план не только в тоннах, но и в рублях. Причем второй показатель важнее первого. А учет ведется так: прохождение металла по технологической цепи — от чугуна до готового проката — на одном и том же предприятии при переходе с одного передела на другой прибавляет ему лишь стоимость трудовых затрат. А если металл уходит на другой комбинат, безразлично, с какого передела и куда, то каждый раз повторяется стоимость чугуна, стали, проката и т. д. Поэтому если идет обмен «голами», то вал с учетом повтора стоимости одного и того же металла растет и растет... Теперь улавливаете смысл пасовки?..

Знаете, сколько катается такого металла внутри отрасли?.. Тысячи железнодорожных вагонов принимают активное участие в этой «игре». И разорвать этот замкнутый круг пока сложно.

В прошлом году на Южный металлургический комбинат планировалось завезти шестьсот тысяч тонн слабов низколегированной стали с Верхневоронежского металлургического комбината для прокатки ее на местном стане в трубную заготовку. А такое же количество углеродистой стали своего кислородно-конвертерного цеха южане должны были отправить на Северный комбинат. В результате достижений научно-технического прогресса южане освоили выплавку трубного металла из собственной углеродистой стали. Отпала необходимость везти сюда слэбы из центра страны, а отсюда сталь на Север. Выгодно это государству? Еще бы!

Для перевозки шестисот тысяч тонн металла с Южного на Северный комбинат потребовалось бы более девяти тысяч вагонов. Тариф на этом «плече» составляет двести семьдесят семь рублей сорок копеек за вагон. К тому же для укрепления слэбов в вагоне нужно затратить по одному кубометру бруса стоимостью двадцать восемь рублей. Экономия по накладным расходам почти три миллиона. С учетом того, что верхневоронежцы возместили северянам эти шестьсот тысяч тонн, чистая экономия составила полтора миллиона рублей, не считая эффекта от разгрузки железной дороги. Поэтому южане попросили уменьшить им план в рублях на стоимость полученной стали — сорок восемь миллионов рублей. Но тут произошла осечка...

А кому эту сумму добавить к плану? Из-за этого комбинат не мог выполнить план и оказался в числе отстающих. В результате коллектив пострадал материально и морально. Солидная сумма премиальных была потеряна... Вот и сокращай перевозки. Не делай лишних пасов...

Вот еще один пример из прошлого года. По утвержденному плану Северный комбинат должен был отправить на Уральский завод сто пятьдесят тысяч тонн слитков, перекатать их там в слябы и привезти обратно. Связано это было с недостаточной мощностью своего обжимного цеха. Но северяне все же нашли возможность перекатать у себя дополнительно 100 тысяч тонн металла. Автоматически «зависли» в воздухе восемь миллионов рублей валовой продукции. Им план так и не уменьшили...

— Простите, что еще перебиваю, — вмешался в разговор Венидиктов. — Вы говорите довольно странные, по крайней мере для меня, вещи. Хочу уточнить вашу мысль. Если я правильно понял, вы считаете, что перевозки металла между металлургическими заводами, или, по вашему выражению, «пасы между своими заводами», надо ликвидировать. Каждый комбинат должен доводить свою продукцию до готового проката соответствующего назначения и отправлять потребителям.

— Нет, нет, — забеспокоился Думов. — Это невозможно. Вы неправильно меня поняли, видимо, потому, что я не до конца высказал свою мысль. Переброски металла между металлургическими заводами необходимы, но их можно резко уменьшить. С этой целью Валентин Петрович Захаров, по-моему, резонно предлагает изменить порядок планирования и оценки работы металлургов. В план засчитывать только «голы», то есть металл, отправленный потребителям: пасы же между своими заводами, так же как и на футбольном поле, не следует приравнивать к «голам». Расходы, связанные с перебросками металла между металлургическими комбинатами, целесообразнее относить на внутриотраслевые расходы, сокращение которых, так же как и собственное потребление металла, повышало бы доходы отрасли. В настоящее время уменьшение пасов невыгодно. Поэтому при строительстве новых и реконструкции старых объектов металлургии стараются не только не допустить этого, но и по возможно-

сти расширить внутриотраслевые переброски. Как это делается?

Новые цехи стараются строить там, где требуется для них привозной полуфабрикат, то есть где нет резервов собственного сырья. Например, прокатный стан будет поставлен там, где нет своей стали и требуется привозная, а кислородно-конвертерный цех — где не имеется излишков собственного чугуна, и так далее. Вот пример. На Северном комбинате построили прокатный стан, а излишков своей стали там тогда не было. Четыре года потребовалось для строительства конвертеров, обеспечивших его сырьем. Четыре года стан работал на привозном сырье... Часто простаивал, не выдавал продукции, а ведь на него регулярно выдавались наряды потребителям...

— Есть в нашей отрасли и другие недостатки. Если позволите, Сергей Илларионович, я на них тоже останавлиюсь.

— Не возражаю, — устало ответил председатель. — Повестка дня исчерпана. Вы у нас последний выступающий, но, как говорится, последний по порядку, но не по значению. То, что вы говорите, — очень важно. Продолжайте, прошу вас.

— Так вот. Центробежная многороторная машина выпускает в час сорок пять штук чугунных труб. Но они могут быть диаметром пятьдесят или сто миллиметров. Первые весят пятьсот килограммов, а вторые — тысячу сто тридцать. Объем валовой продукции в первом случае будет семьдесят рублей, а во втором — сто тридцать два рубля. Это означает, что производительность одного и того же рабочего, так же как и оборудования, во втором случае будет в два раза «выше»! Эта вилка при производстве проволоки разных сечений, уголкового и листового железа различной толщины на одном и том же оборудовании еще больше. Вот и получается: чуть-чуть отпустил винтики, регулирующие параметры продукции, и тем самым в несколько раз «повысил» производительность труда и «увеличил» объем производства. Как только туговато с планом, так руки сами тянутся к винтикам...

По расчетам Валентина Петровича, на этой операции перерасход металла исчисляется миллионами тонн. Единственное утешение, что потребители, не имея выбора, берут что дают. Хотя, откровенно говоря, им даже выгодней получать уголок больших размеров, лист

и проволоку потолще, так как это содействует выполнению и перевыполнению плана в рублях. И наоборот, получение облегченных и удешевленных профилей создает потребителям немало трудностей...

И еще в этой связи мне хотелось сказать несколько слов вот о чем. В прошлом месяце в Челябинске состоялось Всероссийское совещание металлургов, машиностроителей и строителей по вопросу освоения производства и внедрения в машиностроение и строительство облегченных и экономичных видов проката, труб, метизных изделий и проката из низколегированных сталей. О нем подробно писали центральные газеты и многие из вас, видимо, читали.

Мы с Валентином Петровичем принимали участие в работе этого совещания. Он встретил там много своих друзей — экономистов, работающих в разных отраслях. И вот однажды они собрались в нашем номере и устроили вечер воспоминаний. Незаметно, как это часто бывает, разговор перешел на работу. И тогда Валентин Петрович сказал: если при сохранении действующих ныне показателей учета объема производства и оценки работы предприятий намеченные совещанием меры будут реализованы даже наполовину, то наша отрасль, грубо говоря, обанкротится. Присутствующие каждый со своих позиций начали его успокаивать. Мол, не стоит волноваться, нам не нужны ваши облегченные и удешевленные изделия. Один, помню, Феликсом звали, рассказывал, как машиностроители переживали, когда химики начали предлагать свои изделия вместо металлических. А они ведь в десятки раз дешевле и, что греха таить, кое-где и в несколько раз прочнее. Поэтому лобовое сопротивление тут было неуместным. Кое в чем пришлось с ними согласиться, что-то принять и даже внедрить. Но многое пришлось «замариновать» и постепенно спустить на тормозах... А вскоре после химиков, как вы помните, железобетонщики начали приставать к нам со своими услугами. Изготовление базовых деталей для машин из железобетона сократит расход металла на восемьдесят, а их стоимость на шестьдесят процентов. И при этом еще на двадцать процентов снижается трудоемкость изделия. При изготовлении из железобетона фундаментной плиты, например, металла расходуется меньше, чем идет в отходы при ее изготовлении из стали. Все это, как вы понимаете, неплохо, но дешево,

слишком дешево. «Разориться» можно... Будем надеяться, что в нашу бытность и до облегченных профилей дело не дойдет! — подытожил Феликс.

Я не знаю, уважаемый председатель, — заключил Думов, — насколько мне удалось объяснить свои размышления, но мне кажется, что они должны привлечь внимание ученых. Если вы поручите своим ученым изучить эту проблему, то советую включить в группу Захарова. У него много собрано материала по этой проблеме.

— А где работает Захаров? — спросил председатель.

— Он заместитель начальника планового отдела управления черной и цветной металлургии совнархоза, — ответил Думов.

— Спасибо огромное за сообщение, оно не останется без внимания, — ответил Венидиктов.

Сергей Илларионович приподнялся с места и, приняв торжественную осанку, сообщил:

— Теперь, товарищи, я думаю, будем окончательно закругляться. Позвольте мне сказать несколько слов в заключение... — Он собрал свои записи, сложил в папку и занял место на трибуне.

— На нашей дискуссии выступили представители разных поколений советских ученых и научных школ. Наряду с молодыми трибуна была предоставлена людям среднего и старшего возраста. Я полностью разделяю мнение ораторов, которые говорили о том, что подобный обмен мнениями является весьма полезным и плодотворным. Поэтому мне хотелось бы от имени экономической секции Дома ученых выразить всем вам благодарность и пожелать больших творческих успехов. А теперь я хочу коротко остановиться на ряде вопросов по существу.

Прежде всего мне хотелось поддержать многих выступавших, которые на конкретных примерах говорили о том, что «продукция», получаемая за счет повторного счета, «разводит» реально созданную продукцию. Думается, что это в полной мере относится и к прибыли, «создаваемой» прошлым или овеществленным трудом, о чем здесь впервые поставил вопрос Васильев. Поэтому главный вывод, который напрашивается из нашего обсуждения, по-моему, таков:

Валовая продукция, по-моему, не может быть основным директивным показателем планирования и оценки деятельности хозяйственных звеньев всех уровней, она недостаточно верна и для исчисления объема продукции в денежном выражении. Убедительными мне представляются и предложения о нецелесообразности определения уровня производительности труда на базе валовой продукции. Для этих целей шире следует применять натуральные и трудовые показатели, а в качестве сквозного учетного, видимо, лучше использовать в зависимости от специфики отрасли чистую продукцию или нормативную стоимость обработки. Разумеется, все это требует дополнительного изучения и специального обсуждения.

В целом разговор, на мой взгляд, у нас получился интересный и деловой. Даже ранее известные предложения, о которых приходилось уже читать и слышать, как бы ожили, более ярко представились. А теперь позвольте и мне коснуться отдельных проблем и выступлений.

Выступающие отмечали, что преимущества социалистической системы хозяйствования используются пока еще не в полной мере. Назывались причины объективные и субъективные. Если говорить о первых, то они вполне закономерны. Никакого опыта мы не имели, и учиться было не у кого. Все приходилось делать впервые. С другой стороны, быстрый, я бы сказал, бурный рост производительных сил требовал непрерывного совершенствования социалистических производственных отношений. Поэтому немало наших проблем объясняются трудностями роста.

Наши успехи в развитии экономики общеизвестны. Достигнуты они благодаря системе централизованного управления и планирования народного хозяйства. Попытки игнорирования или недооценки централизованного планирования были подвергнуты здесь справедливой и научно обоснованной критике. Поэтому я не буду повторяться. Думаю, что нет необходимости говорить о несостоятельности нигилистической оценки состояния экономической науки в целом, хотя отставание ее от практики ныне является очевидным.

Венидиктов отпил несколько глотков чая, откинул назад пышные выющиеся волосы и продолжал:

— Более подробно мне хотелось остановиться на причинах субъективного характера. Ведь не секрет,

что для устранения многих из них порой не требуется каких-либо дополнительных затрат...

Здесь немало говорилось, и совершенно справедливо, о научно не обоснованном принципе определения фонда заработной платы. Об этом, кстати, свидетельствуют и материалы, подготовленные работниками нашего института. Механизм реализации закона распределения по количеству и качеству труда на практике нуждается в серьезной доработке. Научные основы этого закона четко сформулированы классиками марксизма-ленинизма: оплата рабочих и служащих должна быть органически увязана с количеством и качеством произведенной продукции или выполненных работ. К сожалению, эта истина во многих инструкциях и других нормативных актах недооценивается.

Я не случайно у выступавшего здесь директора Игнатьева спросил: как бы вы предложили определять фонд заработной платы? Его ответ мне очень понравился. Он предложил осуществить то, о чем говорится в учебниках. Там все четко и научно обосновано — определить фонд зарплаты на базе трудоемкости планируемой продукции. Как же можно иначе?

Трудоемкость различных изделий на одном и том же заводе колеблется в десятки раз, а порой и в сотни! Если добавить к этому, что в условиях технического прогресса динамика номенклатуры и ассортимента продукции весьма подвижна, то совершенно очевидна тщетность попыток усредненного определения фонда зарплаты на рубль валовой продукции. Такой метод кто-то справедливо здесь сравнил с поиском иголки в стоге сена на движущейся автомашине, когда иголка все время перемещается с одного места на другое. Точно так же и научно обоснованный фонд зарплаты в зависимости от номенклатуры и ассортимента производимой продукции постоянно «перемещается» то в одну, то в другую сторону. Поэтому в данном случае метод округления и усреднения противопоказан.

Венидиктов говорил ровным, утомленным после долгого заседания голосом.

— Мне импонирует новый аспект предложения, суть которого сводится к следующему: предлагая что-то новое, надо убедиться, правильно ли применялось старое. Если да, то убедиться, в чем оно конкретно изжило себя, почему не отвечает современным требованиям. Представьте, что машина или станок эксплуа-

тируются с грубыми нарушениями технических условий. Можно ли в этом случае правильно определить пути улучшения данной машины? Конечно, нет! Так же, как и лечение человека не может дать желаемого результата, если больной нарушает предписанный ему режим.

Возьмем, например, принцип планирования «от достигнутого уровня». Его нельзя не учитывать, но весь вопрос, где и как? В спорте, например, достигнутые рекорды являются ориентиром, чего надо добиваться. Многие из них со временем являются обычным явлением. А разве при нормировании мы не должны учитывать достигнутый уровень?! Но когда речь идет о плане в целом и тем более в рублях, то здесь есть объективные пределы на пути увеличения плана. Искусственное его завышение толкает хозяйственников на удорожание выпускаемой продукции. При этом многие из них оказываются в роли без вины виноватых.

Товарищи образно сравнивали эту ситуацию с петлей на шее: чем лучше работаешь и большего достигаешь, тем туже затягивается петля, и в конце концов предприятие начинает задыхаться, потому что резервы исчерпаны, а планы ему все добавляют и добавляют... Поэтому, прежде чем предлагать замену принципа «от достигнутого уровня», надо выяснить, каковы предписания науки по этому вопросу? Я хочу последовать примеру ряда выступавших и прочитать кое-что...

Венидиктов, медленно листая книгу, нашел наконец нужную страницу и продолжил:

— Передо мной учебник «Планирование на промышленном предприятии». Давайте вспомним, как должны составляться планы предприятий: «План производства продукции — основной раздел техпромфинплана. Именно ради выпуска продукции и создаются предприятия, организуется производство. Основными показателями плана являются: 1) номенклатура и количество продукции в натуральном выражении; 2) объем валовой и товарной продукции в денежном выражении».

Каковы исходные данные, необходимые для составления плана? Следует такое перечисление:

«а) научно обоснованная потребность в данной продукции;

б) научно обоснованные расчеты производственной

мощности с учетом ее роста или уменьшения в расчетном периоде;

в) перспективы развития специализации и кооперирования с учетом внедрения достижений научно-технического прогресса;

г) данные о реальных возможностях удовлетворения потребностей предприятия в сырье, материалах, топливе, энергии, а также в рабочей силе».

Как видим, в научных рекомендациях о «достигнутом уровне» нет даже упоминания. Поэтому, прежде чем предлагать ему замену, сначала надо реализовать то, что предлагает наука. А применяются ли эти рекомендации на практике? Судя по выступлениям, далеко не полностью... Кое-где эти научные основы планирования под видом упрощения нарушаются, игнорируются. В результате упрощение превращается в упрощенчество.

Виновато ли планирование в тех парадоксах, о которых здесь говорили и пишут в печати? Конечно, нет. Поэтому прежде всего мы должны позаботиться о том, чтобы практическая деятельность хозяйственных звеньев на всех уровнях соответствовала научным основам управления народным хозяйством.

И в этой связи я хотел бы сказать, что дело ученых не только писать учебники. Если мы учим: вот так надо планировать фонд зарплаты, а планировать производственную программу следует таким образом, а в жизни все это упрощается донельзя, превалирует примитивизм, что приносит большой вред, то, на мой взгляд, святое дело ученых решительно выступать против этого, а не подгонять свои научные выводы под инструкции хозяйственников, которые не всегда еще учитывают объективные экономические законы.

Сказанное выше, однако, не означает, что мы имеем до конца отлаженный хозяйственный механизм. В этой связи позвольте мне остановиться на показателях оценки работы хозяйственных звеньев. Полностью разделяю мнение выступавших здесь товарищей о том, что поиск для этой цели универсального или главного показателя является напрасной тратой времени. Объективная оценка деятельности производственных коллективов может быть сделана только благодаря системе натуральных, трудовых и стоимостных показателей. Из стоимостных показателей более прогрессивными в эпоху технического прогресса мне представля-

ются чистая продукция и нормативная стоимость обработки, ибо они исключают повтор материальных затрат. Это более объективный и достоверный измеритель, чем валовая продукция. Но особенно важно сейчас повысить роль натуральных показателей.

Ряд выступавших на встрече настаивали на том, чтобы сделать прибыль главным показателем. И теоретически, и в нашей практике эти предложения имели место уже вскоре после победы социалистической революции. Борис Абрамович Кальман зачитывал здесь приказ по ВСНХ, узаконивший прибыль в роли главного показателя и цели деятельности трестов. В приказе никаких оговорок насчет того, каким путем получать прибыль, не было. В предложениях современных сторонников прибыли эта «деталь» тоже опускается. А между тем источники получения прибыли для нас далеко не безразличны.

В настоящее время основными путями увеличения прибыли являются:

увеличение объема выпуска продукции;

снижение материальных и трудовых затрат на выпуск единицы изделий, то есть уменьшение ее себестоимости;

улучшение качества и освоение новых, более рентабельных и эффективных видов продукции;

изменение ассортимента с учетом повышения удельного веса более выгодной для предприятия продукции;

повышение цен за счет псевдоновой продукции, или, попросту говоря, благодаря смене этикеток.

Первые три источника отвечают интересам общества. Они дают реальную прибыль и повышают экономическую эффективность производства. Но этого нельзя сказать о двух последних. К сожалению, на практике некоторые нерадивые работники предпочитают «эксплуатировать» последние два источника, так как они более доступны и отвечают их интересам. Поэтому мы не можем мириться с увеличением прибыли любым путем. Система показателей должна быть построена так, чтобы побуждать хозяйственников к получению не липовой, а реальной прибыли.

Не могу не поддержать товарищей, которые справедливо отмечали, что установление прибыли в роли главного оценочного показателя неизбежно ослабило бы централизованное планирование... Планирование и стихийность — понятия взаимоисключающие. Конеч-

но, если понимать планирование как элемент организации труда в рамках предприятия, в таком виде оно сохранится. Именно так понимают и трактуют планирование многие буржуазные экономисты, разглагольствующие о конвергенции, сближении социализма и капитализма. Такое «планирование» действительно имеется и на капиталистических предприятиях и фирмах. Но за их пределами царит анархия и конкуренция, которые противостоят высокой организации производства в рамках частных владений. В конечном счете в условиях частной собственности не может не господствовать стихия, анархия.

Ленин писал, что при капитализме есть элементы планомерности, но полной планомерности тресты не дали, не дадут и не могут дать. Автоматический, стихийный, перелив капиталовложений «туда, где выше норма прибыли», означает превращение планомерности в придаток стихийности, которая займет господствующее положение.

Ныне мы заранее планируем, сколько выделить средств на энергетику, на машиностроение, на развитие других отраслей. Но представьте себе, что в пищевой промышленности рентабельность значительно выше, чем в энергетике, а тем паче в угольной промышленности. Значит, из угольной промышленности, из энергетики капиталовложения автоматически должны переключаться в карман пищевиков. Для чего, спрашивается? Чтобы получить больше прибыли? Но ведь производство угля и электроэнергии сократится. Это по вашим, Генрих Яковлевич, расчетам должно привести к росту цен, а следовательно, и прибыли. И привлечь сюда, то есть на шахты и электростанции в обратном порядке капиталовложения со счетов кондитерских фабрик и молочных комбинатов. Но к чему, простите, затеяна вся эта чехарда? Зачем же допускать стихийный рост цен? Если требуется их где-то повысить, это можно и надо сделать в плановом порядке...

Наша первейшая задача — обеспечить спрос населения на продукты, товары при тех же ценах либо при последовательном их снижении за счет роста производительности труда. Вы же пытаетесь достичь этого путем стихийного переливания капиталовложений, искусственного создания дефицита, взвинчивания цен. Так и будем мы вечно гоняться за прибылью. В одном

месте упала, зато в другом подскочила. Нет, как хотите, но предложения ваши, Генрих Яковлевич, неприемлемы. Сознательно ли, нет ли, но ваши идеи отрицают централизованное планирование!

Венидиктов сделал глоток чая, откашлялся и вернулся к затронутой проблеме.

— Думается, вам, как и тем, кто разделяет вашу идею, полезно изучить приказ ВСНХ 1923 года о прибыли, сделать обстоятельный анализ его последствий и, кроме того, изучить опыт братских социалистических стран, которые экспериментировали прибыль в роли главного показателя.

Рассуждая о путях обеспечения успеха в экономике и соблюдении комплексности и пропорциональности в развитии народного хозяйства, вы, Генрих Яковлевич, утверждаете, что это сделать «возможно лишь путем перехода от натуральных к стоимостным началам». Но ведь это и есть последняя точка в отрицании централизованного планирования.

В этой связи, думаю, нелишне напомнить, что в резолюции съезда нашей партии записано: «Обеспечить выполнение государственных плановых заданий всеми отраслями промышленности и предприятиями не только по валовой продукции, но и по всей установленной номенклатуре и качественным показателям».

По многим изделиям задания в натуральном выражении выполняются лишь на девяносто и менее процентов. Недовыполнение плана по выпуску продукции в натуральном выражении на одном предприятии является «объективной» причиной для срыва таких заданий на многих заводах и фабриках, с которыми они кооперируются. В результате этой цепной реакции появляются диспропорции между отдельными отраслями и сферами народного хозяйства и дефицит отдельных товаров массового спроса.

Поэтому я поддерживаю товарищей, которые делают упор на то, что выполнение заданий по номенклатуре — это важнейший рычаг реализации основного экономического закона. Поэтому партия всегда уделяла большое внимание повышению ответственности за выполнение предприятиями взаимных обязательств. В 1931 году ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об ответственности за невыполнение заказов и поставок по договорам для обобщественного сектора народного хозяйства».

В случае невыполнения или ненадлежащего выполнения, говорится в нем, хозяйственными органами принятых на себя обязательств по договорам заказов и поставок для государственной промышленности, транспорта, обобщественного сектора сельского хозяйства, а также для других отраслей обобщественного сектора народного хозяйства — директора заводов и другие должностные лица, ответственные за выполнение данного заказа или поставки, привлекаются к ответственности, как за должностное преступление.

Должностное преступление! Не правда ли, остро поставлен вопрос? — спросил Венидиктов, обращаясь к залу. — А ведь в тот период специализация и кооперирование были в начальной стадии. Удельный вес получаемых по кооперации изделий и полуфабрикатов не достигал и двадцати процентов, а ныне он на многих предприятиях превысил восемьдесят. Поэтому строгое выполнение договорных обязательств является особенно актуальным.

Для обеспечения пропорциональности ныне составляется материальный баланс, в котором учитывается производство и расход важнейших материальных ресурсов. В директивном порядке это доводится до предприятий как обязательная номенклатура основных видов продукции. Срыв этого задания должен рассматриваться как должностное преступление.

Если задание по номенклатуре не выполняется, то данное предприятие или строительная организация, которая вовремя не сдала объект, должны попадать в достаточно сложное экономическое положение, в какое сегодня они, к примеру, попадают в случае невыполнения плана в рублях.

В связи с необходимостью повышения роли натуральных показателей мне хотелось бы затронуть вопрос, касающийся самостоятельности предприятий. Некоторые товарищи здесь рассуждали о предоставлении предприятиям, включая сельскохозяйственные, полной свободы. Но что значит полная производственная свобода? Это значит: каждый действует на свой страх и риск. Давай прибыль и действуй как хочешь... Так трактуется полная самостоятельность.

На самом деле хозяйственная самостоятельность наших предприятий и объединений не имеет ничего общего с так называемой полной свободой. Совнархозы, министерства и комитеты обязаны обеспечить свои

предприятия всеми необходимыми ресурсами по научно обоснованным нормативам для выпуска предусмотренной планом продукции. Как рациональнее использовать эти ресурсы, производственным коллективам на местах виднее, и в этом они должны быть полностью самостоятельны. Соблюдается такой порядок в жизни? К сожалению, далеко не всегда. Позвольте мне в этой связи привести одну выдержку из статьи Васильева.

«Выделяемые предприятию средства, как правило, расписаны по строчкам, и за каждой из них сидит ее «телохранитель» — функционер. Он является ее хозяином. Если его строка расходовалась — хорошо работал, а если недорасходовалась — плохо! Сверху расписано, сколько надо расходовать на рацпредложения, на подготовку кадров, на технику безопасности, на канцпринадлежности...»

А выступавший сегодня здесь председатель колхоза Нефедов рассказывал, что им указывают сверху, когда, сколько и чего сеять, какого и сколько голов скота надо иметь.

Все это и есть мелочная опека, ликвидация которой позволит полнее использовать большие резервы повышения эффективности производства.

Нам необходимо полнее использовать накопленный опыт. У нас, например, на многих предприятиях прекрасно используются нормо-часы. А на московском заводе «Динамо» изобрели нормо-рубль. Мне кажется, он весьма перспективен...

Сергей Илларионович обратил свой взгляд к Васильеву.

— Александр Александрович, вот, пожалуйста, прекрасная тема для заседания «Делового клуба».

— Она значится у нас в плане, а с директором завода есть договоренность, что заседание проведем прямо на заводе, — ответил Васильев.

— А теперь о необходимости определения наиболее рациональных путей преодоления противоречий между общественными и ведомственными интересами. Думается, что надо постепенно переходить от затратного метода планирования и оценки деятельности хозяйственных звеньев, суть которого: чем больше затратил средств, тем лучше работал, к результатному: чем больше дал продукции с меньшими расходами, тем лучше.

— А не слишком ли это сложно? — поинтересовал-

ся Бельский.— Ведь в эпоху научно-технической революции выпускаются миллионы различных изделий и появляются все новые и новые. Как же их учесть?

— Простите, Владимир Михайлович,— начал отвечать Венидиктов,— но обычного покупателя не интересуют сотни тысяч и миллионы изделий, которые вмонтированы в космические корабли, ракеты, подводные лодки, автоматизированные системы управления, электронно-вычислительные машины разных поколений, морские лайнеры, электровозы, автомобили, телевизоры... Эти изделия должны интересовать только тех, кто их производит и использует. Покупателя же интересует всего лишь «тысяча мелочей». Начиная с хлеба, мяса, молока и кончая простынями, трусами и носками. Именно эти «мелочи» и должны быть на контроле и гарантироваться «руководящими креслами» ведомств и объединений, ответственных за их выпуск.

Программно-целевое планирование — основа перехода от затратного метода к результатному. Этот метод предполагает выделение капиталовложений под определенные виды продукции тем, кто гарантирует рост их выпуска с наименьшими затратами.

Пару слов о «Тайне пропавшего города». Для меня эта пропажа не тайна. Я не отрицаю, что на упомянутых в фельетоне предприятиях есть недостатки, но не в этом суть. «Тайна» кроется в несовершенстве принципа ценообразования. Мы должны обеспечивать рентабельность предприятий. Существуют разные пути. Самый плохой из них, по моему глубокому убеждению,— это предоставление заводам и фабрикам права отказываться от убыточной продукции. Такое право внесло бы в производственный процесс анархию, и тогда потом разберись, какие изделия приняты к исполнению, а какие нет, и как с ними дальше поступать?

В этой связи хочу поддержать весьма оригинальное предложение Васильева о том, что рентабельность надо устанавливать в процентах не к полной себестоимости, а лишь к нормативным трудозатратам. Положение о том, что новая стоимость создается только живым трудом, является аксиомой марксистско-ленинской экономической теории. Об этом говорится во всех учебниках, но в жизни оно игнорируется. При формировании оптовых цен рентабельность определяется ко всем затратам. В результате по многим изделиям прошлый или

овеществленный труд «создает» прибыли гораздо больше, чем живой. Это, конечно, ненормально, так как от подобной «прибыли» богаче не станем!

Много выступлений, заслуживающих внимания, прозвучало в этом зале. Мне хотелось бы поблагодарить всех выступивших товарищей, также и тех, кто принял участие в нашей встрече.

Есть у меня и одна просьба к присутствующим. Может, кто не успел выступить или просто не решился — пожалуйста, передайте свои соображения в письменном виде. Мы самым внимательным образом изучим все материалы.

Хочу поддержать тех, кто предложил почаще встречаться в нашей экономической секции. Считаю, следует подумать и о создании постоянно действующего проблемно-теоретического семинара. Особенно для аспирантов и молодых преподавателей занятия по конкретным темам экономики принесут большую пользу. Что касается вашего приглашения, Александр Александрович, — Венедиктов встретился взглядом с Васильевым, — принять участие в работе «Делового клуба», то лично мне это представляется весьма интересным. И хочу внести в этой связи предложение. Хорошо бы на заседания «Делового клуба» приглашать представителей центральных экономических ведомств, включая авторов инструкций и других нормативных документов.

Если бы на нашей встрече побольше выступило представителей центральных ведомств, то не сомневаюсь, что они назвали бы немало вопросов, требующих научной разработки, высказали бы ученым полезные советы и пожелания. Думаю, что прозвучали бы справедливые упреки и в адрес практиков. Ведь не секрет, что некоторые из них в интересах своих коллективов нарушают действующие нормативные акты. Мы располагаем, например, данными о том, что отдельные руководители предприятий и объединений в целях утверждения более высокой оптовой цены завышают издержки производства и особенно трудовые затраты.

В общем, расширение круга участников заседаний «Деловых клубов» позволит более глубоко обсуждать суть проблем, коль разговор будет, как говорится, с глазу на глаз...

На этом мы, пожалуй, и закончим нашу встречу.

Еще раз выражаю всем участникам встречи благодарность, желаю новых творческих успехов.

...Прошло сравнительно немного времени.

В марте и сентябре 1965 года состоялись Пленумы ЦК КПСС, на которых были рассмотрены принципиальные вопросы экономической политики партии и государства с учетом предшествовавшей широкой экономической дискуссии. На сентябрьском Пленуме, в частности, отмечалось, что в обсуждении основных мероприятий, которые вносятся на настоящий Пленум, принимали участие руководители, партийные работники, экономисты и другие работники многих предприятий Москвы, Ленинграда, Волгограда, Минска и других городов, ученые, специалисты плановых и хозяйственных организаций. Предложения рассматривались также советами министров союзных республик, Госпланом СССР, президиумом Академии наук, министерствами, государственными комитетами и ведомствами. Принципиальные положения проекта получили всеобщее одобрение.

В принятом постановлении Пленум признал целесообразным устранить излишнюю регламентацию деятельности предприятий, сократить число плановых показателей, утверждаемых предприятиям сверху. В свете решения Пленума Совет Министров СССР, Госплан СССР совместно с другими центральными экономическими ведомствами разработали и утвердили ряд документов, направленных на улучшение управления, планирования и усиление экономического стимулирования производства, получивших обобщенное название: «Хозяйственная реформа».

Васильеву приятно было, что многие вопросы, которые ставились на страницах газеты «Экономика и жизнь», нашли отражение в решениях партии и правительства. Но это уже пройденный этап. Впереди большая работа по пропаганде решений Пленума и освещению практического осуществления хозяйственной реформы...

— Вас просят из отдела печати МИДа, — сообщила секретарь Васильеву.

— Слушаю, — ответил он.

— Черников приветствует. Как дела?

— В бегах по заседаниям, конференциям и встре-

чам, а между ними, как видишь, иногда и в редакцию попадаю.

— В плане работы с иностранными корреспондентами, аккредитованными в Москве, намечено провести пресс-конференцию на тему: осуществление хозяйственной реформы в СССР.

— Только пресс-конференции мне не хватало...

— Вы же регулярно публикуете материалы о ходе реформы, и в Комитете по печати нам советовали провести это мероприятие совместно с вами.

— А в чем это должно выразиться?

— Сделать обзор в пределах сорока минут, а затем ответить на вопросы слушателей.

На Западе много пишут, что реформа является-де отходом «от традиционных марксистских методов руководства», выискивают «отступление от централизованного планирования», а кое-кто находит в ней и «подтверждение» сближения социализма с капитализмом... Многие, конечно, делают это сознательно. Но среди журналистов есть и такие, которые толком не разобрались в сути проблем нашей экономики. Поэтому хорошо бы во вступлении показать объективную закономерность осуществляемых мер и дать критику наиболее типичных извращений.

— Какие сроки?

— Примерно через пару месяцев...

— Согласен. За две недели договоримся о дате. Я попрошу собрать заранее у корреспондентов вопросы. Тогда на многие из них — наиболее типичные — я смогу сразу ответить...

МЮНХГАУЗЕН В ГОЛЛАНДИИ

— Я сегодня специально не стал обедать в министерстве в надежде на Домжур. Грешным делом, люблю вашу «журналистскую» кухню, готовят здесь отлично,— приветствуя Васильева и Егорова, весело сказал Черников.

— Что вы, Анатолий Карпович, мы далеко не всегдатаи, очень редко бываем здесь, да и в отличие от многих международных навверняка не можем выступать дегустаторами и ценителями напитков и блюд — не избалованы,— пожимая руку Черникова, отвечал Васильев.— Мы с Андреем только что с заседания жюри по присуждению премий Союза журналистов... честно признаться, на обед не надеялись.

— Времени до пресс-конференции еще достаточно, может, все же перекусим?

— Пожалуй... Как, Андрей? Кстати, познакомьтесь — Андрей Варламович Егоров, главный редактор журнала «Народное хозяйство», мой старый друг. А Анатолий Карпович,— обращаясь к Андрею, сказал Васильев,— представляет отдел печати МИДа. Да вы, может, и раньше встречались?

— Встречались, конечно,— сказал Егоров.— Да только познакомить нас никто не удосужился.

Они прошли в ресторан, заняли свободный стол в центре зала.

— Как Ирина Терентьевна поживает? — поинтересовался Черников.— Докторскую еще не защитила?

— Защиту пришлось отложить.

— Неужто анонимки помешали? — обеспокоился Черников.

— Да нет, тут дело в другом, хотя редкая защита докторской обходится без оных... Жена подарила мне вторую дочь, Дарью.

— Поздравляю. От души. Восточная пословица гласит: если хочешь жить как человек, а умереть как собака, не имей детей. Если хочешь жить как собака, а умереть как человек — обзаводись детьми...

— Ну нам это не грозит. Родной профсоюз позаботится! А верно говорят, что именно ресторан Дома журналиста описан у Булгакова в «Мастере и Марга-

рите»? — оглядывая уютный зал, поинтересовался Черников.

— Эта версия вроде не подтверждается. Знатоки утверждают, что раньше перед зданием Литературного института, на Тверском бульваре, был ресторан, где собирались литераторы.

— Жаль, а я-то полагал себя причастным к месту событий дней минувших...

— Не огорчайся, наш особняк имеет более славную историю.

— Какую?

— Во-первых, сразу же после венчания в церкви у Никитских ворот Пушкин и Наталья Николаевна приехали в этот дом, принадлежавший его приятелю, где в их честь состоялся бал. А в двадцатом году здесь был открыт Дом печати, и в зале, где будет встреча, Маяковский читал свою поэму «Владимир Ильич Ленин», выступал здесь Луначарский...

— Что будете кушать? — приветливо обратилась официантка к Черникову.

— Как всегда солянку и фирменную поджарку, на пылающем примусе, конечно. А на закуску — икру зернистую, запеченные грибочки и капусту-провансаль...

— Не уснешь после такого обильного обеда на пресс-конференции? — поинтересовался Васильев.

— Если интересно будешь отвечать на вопросы, то можешь не волноваться, — тоже улыбаясь, ответил Черников.

— Нелегкая ноша предстоит... — двусмысленно парировал Васильев.

— И кто же будет очередными лауреатами журналистских премий, если не секрет? — не обращая внимания на ироническую реплику, поинтересовался Анатолий Карпович.

— Демидов, Казначеев и Гудов.

— Гудов ваш?

— Да, Аполлинарий Иванович Гудов, специальный корреспондент газеты «Экономика и жизнь».

— Откровенно говоря, я вашу газету бегло просматриваю, но его репортаж «Неделя в такси» читал с большим удовольствием. Кто ему подал идею «реинкарнировать» в таксиста?

— Новое — это прочно забытое старое. Идея при-

надлежит Михаилу Кольцову, но Гудов ее творчески развил и уже успел сменить несколько профессий.

— А в какой «шкуре» он побывал после «таксиста»?

— Был стажером директора вагона-ресторана. Когда директор узнал, что Аполлинарий Иванович многие годы провел на Колыме, то проникся к нему глубоким уважением и приложил немало усилий сделать из него образцового директора, раскрыл ему ряд профессиональных секретов, позволяющих успешно выполнять план и получать солидный дополнительный доход, не вступая в конфликт с Законом.

— Но если Гудов опубликует тайну вагонной эпопеи, то директор может отказаться. Разговор у них наверняка был без посторонних.

— Все ценные советы и инструкции по их реализации во время пути увековечены на пленку... Затем Гудов попросил устроить его продавцом галантерейной палатки у Курского вокзала.

— А чем могла привлечь его палатка?

— Решил выяснить, откуда у многих продавцов таких палаток на рынках и вокзалах при минимальной зарплате имеются машины и дачи.

— Ну и как, выяснил?

— Конечно. Сначала под предлогом «выпить хочется, а денег — нет» его попросили купить по дешевке новые носки с этикетками, затем платки и т. д. Как говорится, дальше в лес — больше дров. А когда прошел «испытательный срок», то предложили солидную партию левого товара. От его реализации доля Гудова превысила бы стоимость «Москвича»...

В этот момент к их столику подошла молодая женщина и попросила огонька. Когда, поблагодарив, женщина отошла, Черников сказал:

— Насколько помню, это бельгийская корреспондентка...

— С кем ты тогда, Александр, смотался с банкета Комарова, если, конечно, не секрет? — вмешался в разговор Егоров. — Мне надо было с тобой поговорить, ринулся, а твой уж след простыл. Спросил у Комарова, тот ответил: «Встретил какую-то знакомую, извинился и ушел».

— И совсем не «какую-то». Галина — грех моей молодости. Если бы я познакомился с ней в Закавказье немного раньше, то наверняка бы все сложилось по-иному. — Александр задумался. — Мы встретились, ког-

да я уже заказал билет в Москву, а у нее был назначен... день свадьбы — через неделю после моего отъезда. Знаешь, Андрей, впервые тогда я поверил в любовь с первого взгляда. До моего отъезда мы встречались ежедневно... Но увы... Обстоятельства разлучили нас...

С разлукой убывает
Любовь — людей подчас
И сердце забывает
Все, что не видит глаз.

— Справедливо писал древний восточный поэт Гургани, — покачал головой Васильев.

— И с тех пор ты о ней ничего не знал? — спросил Егоров. — А как вы вообще-то познакомились?

— Меня назначили директором завода вместо ее отца, которого освободили за срыв плана и перерасход фонда зарплаты. Когда я сделал анализ работы завода, — стал вспоминать Васильев, — то сразу же убедился, что единственной «виной» Харитонову было резкое снижение себестоимости продукции... Тогда я предложил ему остаться на заводе главным инженером... Когда меня выдвинули, я рекомендовал его снова директором.

— И его назначили? — поинтересовался Егоров.

— Назначили. Несколько лет завод шел в гору, реализуя мою идею двойного счета стоимости опор, о которой я тебе рассказывал. А когда повторный счет охватил все СМУ треста, то завод снова оказался в тупике. И Харитонову пришлось приехать ко мне и к бывшему тогда управляющим трестом, а ныне замминистра Рустамову за советом и помощью.

— А как она оказалась на банкете у Комарова?

— Помнишь, в Доме ученых выступала директор швейной фабрики Лариса Семеновна? Она сестра отца Галины. Защищала диссертацию вместе с Комаровым на одной кафедре, там и познакомились.

— Ну как же, как же! Выступление Ларисы Семеновны хорошо запомнил. Да и женщина она яркая, умная. Ты что-то знаешь о ней более подробно?

— Могу рассказать биографию, коли заинтересовался...

Родилась она и жила в Закавказье, на учебу поступила в местный филиал института имени Карла Маркса. Студенткой познакомилась с гвардии подполковни-

ком Казначеевым и вскоре вышла за него замуж. А когда Дмитрий Васильевич демобилизовался, молодые уехали на его родину — в самый центр земли русской — Белонежск, где жили отец с матерью Дмитрия. Родители несказанно обрадовались их приезду, жили они одиноко — старших сыновей потеряли в войну, а тут единственный сын вернулся с красавицей женой и маленькой прехорошенькой дочуркой Юлей. Словно солнце поселилось в их доме...

Вскоре Казначеев поступает на заочный в политехнический институт, а Лариса — в заочную аспирантуру. Успешно защитилась и продолжала работать заместителем директора Белонежской швейной фабрики. Фабрику лихорадило, трижды менялись директора, взятые «со стороны». И вот назначили Ларису, выращенную, как говорится, в родном коллективе.

— Судя по ее выступлению в Доме ученых, руководитель она грамотный и сильный, умеет выходить из сложных ситуаций, — одобрительно сказал Егоров. — Ты вот давеча вспомнил, как к тебе Харитонов приезжал за поддержкой, ну и как, помог вывести завод из тупика?

— Конечно.

— Интересно, как? Посоветовали третий раз считать стоймость одних и тех же опор? — ехидно поддел Андрей.

— Наоборот, ни разу не считать!

— Как это понимать?

— В порядке эксперимента перевели завод на работу по чистой продукции, — довольно ответил Васильев. — Этим обстоятельством удачно воспользовалась Галина.

— В каком смысле? Кем она работает?

— Она закончила пищевой техникум. Работала помощником мастера, мастером, начальником цеха. Когда я уехал, поступила в заочный институт. После окончания она была назначена директором комбината. В это время как раз вернулся из Москвы отец с разрешением на внедрение чистой продукции. Галина изучила методику эксперимента и предложила перевести комбинат на работу по чистой продукции. Результаты эксперимента превзошли все ожидания. Они резко расширили выпуск дешевых, но вкусных новинок... В прошлом году ее избрали депутатом Верховного Совета республики.

— Знаешь, Саша,— после небольшой паузы заговорил Егоров, тактично переводя разговор на другую тему,— приведенная тобой цитата о чистой продукции из первого издания Большой Советской Энциклопедии произвела впечатление на встрече молодых ученых. Выступил ты, конечно, здорово. Молодец.

— А разве ты плохо? Мне очень понравилось.

— Вообще встреча получилась очень интересной. Раньше я многие экономические парадоксы объяснял плохими руководителями, низким уровнем их сознания и ответственности. А после, читая статью «Одну машину делают, три ломают...», по-иному стал представлять положение участников описанной в ней эпопеи.

— А где она опубликована?

— В «Правде».

— Что-то не запомнил. До реформы или после?

— Незадолго до сентябрьского (1965 года) Пленума. Не запомнить ты ее не мог. Видимо, просто пропустил...

— О чем там речь шла?

— Буравский завод выпускает специальные агрегаты для посева травы на железнодорожных насыпях,— начал рассказывать Егоров.— На нем устанавливаются два бункера для семян от зерновой сеялки и один бункер от какой-то, не помню марки, другой сеялки. Буравский завод обратился через свое ведомство к тем, кто выпускает эти изделия, с просьбой поставлять им необходимое количество. Не можем — последовал ответ. Если хотите, берите сеялки в комплекте. Нужный бункер стоит тридцать три рубля, а сеялка в комплекте около тысячи. Завод, естественно, отказался. Финал этой эпопеи такой...

— Интересно? Интересно? — вопросительно сказал Черников.

— Завод получил сверху телеграмму: «В нормы расхода травосеющих агрегатов включена полная стоимость необходимых сеялок. Во избежание срыва поставок агрегатов в суточный срок отзовите отказы от поставок сеялок в комплекте». В конце этой грозной директивы требовали прислать объяснение: почему завод отказался от сеялок без согласования с трестом?

В конечном счете завод стал получать новые сеялки, снимал с них нужные детали, а остальное на свал-

ку. В результате цена простенького травосеющего агрегата, с учетом полной стоимости тех сеялок, подскочила до трех тысяч рублей...

— Останови, пожалуйста, свой монолог. К нам, по-моему, снова направляется дама,— прервал Анатолий Карпович Васильева.

Действительно, к ним вновь подходила бельгийка в сопровождении мужчины средних лет, которого Васильев сразу узнал. Это был Ричард Корстун — корреспондент английского «Экономиста».

— Разрешите вам представить коллегу из Бельгии мадам Мари Верлан,— обращаясь к Васильеву и Черникову, произнес он.— Мадам приехала недавно и просит познакомить ее с вами.

— Я представляю газету деловых кругов Бельгии,— начала говорить Мари.— И мне бы хотелось встретиться с вами, господин Васильев, и побеседовать об экономике. У меня есть ряд вопросов и по реформе.— И она неуверенно подала исписанный лист Васильеву.

Васильев бегло пробежал по нему взглядом и, вручая Мари Верлан свою визитную карточку, сказал:

— На поставленные здесь вопросы я постараюсь ответить сегодня. А что касается встречи, договоримся по телефону.

Простившись с Егоровым, Васильев с Черниковым направились на второй этаж.

Черников постучал стаканом по бутылке с боржомом и попросил присутствующих успокоиться. Дождавшись тишины, сказал:

— Уважаемые господа, вчера мы разослали вам проект плана работы на второе полугодие с иностранными корреспондентами, аккредитованными в Москве. Просьба внимательно ознакомиться с ним и до конца месяца прислать свои пожелания. Сегодня очередная наша встреча, как и намечалось, посвящена хозяйственной реформе.

Внимательно осмотрев зал и подождав, пока усядутся несколько опоздавших, Черников продолжил:

— Такое количество присутствующих на общественных мероприятиях — явление редкое.

— Сто процентов,— бросили реплику из зала.

— Видимо, тема волнует всех. Лично я в экономи-

ке не силен, но благодаря Александру Сергеевичу Пушкину кое-что запомнил...

— Неужели Пушкин занимался экономикой? — спросили в зале.

— Конечно. Послушайте:

Бранил Гомера, Феокрита,
Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконо́м,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

В одной из работ Маркс приводит такой факт, — продолжал Черников. — Много веков назад на территории нынешней Чехословакии были обнаружены богатые залежи золотого песка. Началась «золотая лихорадка», в результате чего «забыли» посеять хлеб. И когда наступила зима, многие владельцы золота умирали от голода. Я, конечно, не собираюсь отрицать роль золота в экономике, хочу лишь подчеркнуть, что разделяю мнение немецкого писателя Георга Лихтенберга, который утверждал, что более, чем золото, изменил мир свинец, и более — тот, что в типографских литерах, нежели тот, что в пулях... Думаю, и вы, как работники прессы, согласитесь со мной... Кстати, а как наш докладчик? — поворачиваясь к Васильеву, спросил Черников. — Ведь у него положение несколько сложнее. Как главный редактор газеты, он должен отдать предпочтение «типографским литерам», но, являясь профессором политической экономии, не может недооценивать и роль золота...

Итак, господа, слово Александру Александровичу Васильеву. Все ваши записки с вопросами переданы ему заранее. Если возникнут вопросы в ходе беседы, пожалуйста — вы можете их задавать...

— Повышенный интерес к нашей реформе вполне понятен, — начал говорить Васильев. — О ней много пишут на Западе. Наряду с объективными материалами появилось немало небывлиц и домислов. Это, естественно, не могло не оказать соответствующего влияния и на вас, что чувствуется по переданным мне запискам. Учитывая, что многие вопросы повторяются, я их

сгруппировал по темам. Первая из них — причины реформы, чем она вызвана?

Прежде чем рассказать, почему нам необходима реформа, я хочу обратиться к вам с просьбой проявить максимум объективности при изложении материалов нашей беседы.

— А мы всегда пишем объективно, — громко произнес кто-то в зале.

— Кто это так уверенно за всех отвечает? — поинтересовался Васильев у Черникова, раздосадованный тем, что его перебивают в самом начале.

— Корреспондент голландской газеты «Трау квартал» Нико Кьюсендрагер.

— Ах, это вы, господин Кьюсендрагер? Любопытно... Вы слышали русскую пословицу: «На воре шапка горит»? — спросил Васильев.

— Нет.

— А ведь она имеет к вам прямое отношение. Смысл ее таков: в одном селе завелся воришка, и, чтобы его разоблачить, жители пригласили мудреца. Когда тот приехал, собрали все село. Он медленно, изучающе осмотрел всех, а потом, показывая рукой в толпу, произнес: «Смотрите, на воре шапка горит». У вора нервы не выдержали, и он схватился за шапку...

— Простите, но какое отношение все это имеет ко мне? — спросил Кьюсендрагер.

— В декабре прошлого года вы опубликовали статью, в которой говорится, что «советские плановые органы дали обувной фабрике заказ на ботинки лишь на правую ногу, а на левую забыли. Так и выпускает фабрика ботинки только на правую ногу». На основе этого и других подобных фактов вы делаете далеко идущий вывод. — Васильев спокойно нашел в папке нужный листок, видимо, приготовленный на всякий случай, и прочитал: — «План, таким образом, выступает как по секторам, так и по районам в роли носителя зла». Естественно, господин Кьюсендрагер, мы дали в нашей газете реплику «Мюнхгаузен в Голландии». Она перепечатана в газете Компартии Нидерландов «Ваархайд». Не читали?

— Нет, не читал, — растерянно ответил корреспондент.

— В этой связи, — обращаясь к Черникову, сказал Васильев, — пожалуй, уместно вернуться к «типографским литерам». Кстати, Анатолий Карпович, я должен

признаться, что раньше не слышал замечательного высказывания Лихтенберга. Но в качестве дополнения к нему я хотел бы привести слова Анатоля Франса: «Говорят, что книгопечатание приносит столько же зла, сколько творит добра, ибо наряду с хорошими книгами печатают и плохие, а наряду с распространением знаний и истины оно распространяет ложь и заблуждения. Это было бы верно, если бы лжи было так же выгодно предстать перед нами при полном свете, как выгодно это истине. Но это отнюдь не так. Заблуждения зреют в тени, а знание пышно расцветает в лучах света...» Итак, о причинах реформы...

— Разрешите в этой связи спросить, уточнить, что ли. Вильсон из агентства Рейтер, — представился пожилой, несколько грузный мужчина. — Верно ли, что реформа вызвана кризисом советской экономики?

— Нет, господин Вильсон, неверно. Утверждения о «крахе советской экономики» являются очередным домыслом наших недругов на Западе. Судите сами. — Васильев достал приготовленные материалы и продолжал: — Среднегодовой прирост промышленного производства за 1918—1966 годы составил в СССР около 10 процентов, а в США и во Франции — всего лишь 3,7 процента, в Англии — 2,1 процента. При этом прошу учесть, что успехи эти достигнуты, несмотря на то, что около двадцати лет из пятидесяти ушло на войны и послевоенное восстановление экономики.

— На Западе утверждают, что признаки кризиса экономики в СССР стали наблюдаться в последние годы, — настаивал Вильсон.

— Ничего подобного! — возразил Васильев. — Решение о проведении хозяйственной реформы в промышленности, как вы знаете, было принято в 1965 году, то есть в год завершения семилетнего плана. Объем промышленного производства за семилетку увеличился на 84 процента вместо 80 процентов по плану. Национальный доход за этот период возрос на 53 процента.

Поэтому нужно потерять всякое чувство меры, чтобы, характеризуя итоги семилетнего плана, утверждать (как это делают Гардт, Галлик и Тремл в «Сборнике подкомиссии конгресса США об экономике Советского Союза»), что «этот период экономического беспорядка можно в общих чертах сравнить с периодом депрессии в Соединенных Штатах в 1929—1940 годах. Оба эти

периода сопровождалась значительной неудовлетворенностью экономическим порядком, серьезными опасениями в отношении действенности существующей системы»... Именно о таком «беспорядке» мечтают капиталисты, когда предпринимают отчаянные, но безуспешные попытки планировать развитие своей экономики, предотвратить анархию производства.

Васильев оглядел знакомый зал — просторный, с высоким лепным потолком, резными белыми дверями, массивной хрустальной люстрой. Со сцены, на которой была установлена трибуна, ему хорошо были видны лица присутствующих.

— Подобные извращения советской действительности, — продолжил Васильев, — не новы. В 1932 году американский журнал «Каррент хистори» утверждал: «Обзорение нынешнего положения дел в России ведет к заключению, что пятилетняя программа провалилась в отношении объявленных целей». Ныне этот журнал вынужден заговорить по-иному. «Быстрое развитие советской экономики» он рассматривает как следствие «десятилетий планирования, основанного на материалистической философии»... Вот видите, господин Кьюсендрагер, какую оценку планированию дает журнал, который вы вряд ли можете подозревать в симпатиях к социализму. Ваша фантазия о планировании как «носителе зла» характерна для бульварных газет двадцатых годов. И мы в редакции были немало удивлены, когда газета опубликовала ваши домыслы.

Кьюсендрагер молчал.

— Таким образом, уважаемые господа, подлинные мотивы реформы ничего общего не имеют с домыслами о «крахе» и «застое» в советской экономике. Необходимость реформы диктуется объективными экономическими законами. В частности, законом соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Не буду злоупотреблять статистикой, но одну цифру в этой связи мне хочется назвать. Только за двадцать послевоенных лет — с 1946 по 1965 год — объем промышленного производства у нас увеличился в десять раз! Такой быстрый рост возможен только благодаря научно-техническому прогрессу. Но последний, как вы знаете, содействует быстрому развитию специализации и кооперирования производства, что ведет к расширению и усложнению производственных связей как по горизонтали, так и по вертикали. В этих

условиях необходимо дальнейшее совершенствование форм и методов управления на всех уровнях экономической пирамиды.

— А нельзя ли в связи с причинами реформы сказать: соответствует ли она методам, которые предлагали Маркс и Ленин? — попросила Мари Верлан.

— Госпожа Верлан, корреспондент из Бельгии. В Москве она совсем недавно, — представил Васильев журналистку. — Многие из вас, по-видимому, незнакомы с ней. Перед самой конференцией она вручила мне свои вопросы. Первый из них такой: «На Западе многие экономисты объясняют причины реформы отступлением от экономических методов Маркса и Ленина, которые якобы исчерпали себя и стали неэффективными. Верно ли это?» Отвечу: никакого отступления нет и быть не может!

— И даже быть не может? Почему вы так уверены и категоричны? — спросил сосед Мари слева.

— Да потому, уважаемый господин Корстун, — что ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин не только не предсказывали конкретных методов управления хозяйством, но и весьма неодобрительно относились к попыткам отдельных социалистов определить детали руководства коммунистическим обществом.

— Как это понимать? Нельзя ли пояснить эту мысль конкретнее? — настаивал англичанин.

Васильев подошел к столу президиума и, открыв «дипломат», извлек оттуда синюю папку и вернулся к трибуне.

— Можно и конкретнее. Ну вот хотя бы такой пример. В мае 1893 года корреспондент французской газеты «Le Figaro» попросил интервью у Энгельса. В числе других вопросов был такой: «А какую вы, немецкие социалисты, ставите себе конечную цель?» Прочитую ответ Энгельса: «...Мы сторонники постоянного, непрерывного развития, и мы не намерены диктовать человечеству какие-то окончательные законы. Заранее готовые мнения относительно деталей организации будущего общества? Вы и намек на них не найдете у нас. Мы будем уже удовлетворены, когда нам удастся передать средства производства в руки всего общества...»

— Если можно, назовите, пожалуйста, источник, — попросила мадам Верлан, продолжая делать заметки в блокноте.

— Двадцать второй том сочинений Маркса и Энгельса.

— Благодарю вас. А как насчет взглядов Ленина?

— Еще до революции Ленин писал: мы не доктринеры. Наше учение не догма, а руководство к действию... «Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически, это покажет лишь опыт миллионов, когда они возьмутся за дело».

Эту же мысль Ленин повторил после победы революции, на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства: «Нам нужно в самом ходе работы, испытывая те или иные учреждения, наблюдая их на опыте, проверяя их коллективным общим опытом трудящихся... строить наше экономическое здание... В таком гигантском деле мы никогда не могли бы претендовать, и ни один разумный социалист, писавший о перспективах будущего, никогда и в мыслях не имел того, чтобы мы могли по какой-то заранее данной указке сложить сразу и составить одним ударом формы организации нового общества».

— Однако же Маркс, Энгельс и Ленин оставили вам работы, в которых характеризуется коммунистическое общество,— не сдавался Корстун.

— Совершенно верно,— подтвердил Васильев.— Классики марксизма-ленинизма оставили нам богатое наследие, которое мы изучаем и реализуем на практике. Они научно доказали объективную необходимость замены капитализма коммунизмом. Сформулировали важнейшие принципы нового, более прогрессивного общества... В «Манифесте Коммунистической партии» говорится: «...Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности». Таким образом, рубиконом перехода от капитализма к социализму является превращение частной собственности на средства производства в общественную. Кстати,— Васильев извлек из папки листок,— если вернуться к речи Ленина на I съезде Советов ВСНХ об организации нового общества, выдержку из которой я только что привел, то в ней говорится следующее:

«...Мы знали... что частная собственность на средства производства осуждена историей, что она лопнет,

что эксплуататоры неизбежно будут экспроприированы. Это было установлено с научной точностью... Это мы знали, когда брали власть для того, чтобы приступить к социалистической реорганизации, но ни форм преобразования, ни темпа быстроты развития конкретной реорганизации мы знать не могли. Только коллективный опыт, только опыт миллионов может дать в этом отношении решающие указания...»

— Простите, господин Васильев, что перебиваю,— поднявшись из центра зала, заговорил мужчина лет сорока,— в последнем номере американского журнала «Тайм» опубликована большая статья о реформе в СССР. Вы успели познакомиться с ней? И если да, то как вы относитесь к ней?

— Это господин Питерсон, корреспондент «Юнайтед пресс интернейшнл»,— представил Черников.

— Да, я знаком с этой статьей. Она дана под заголовком «Россия заимствует у капитализма». Я скажу о ней по ходу ответов на ваши вопросы. По «секрету» могу вам сообщить, что мы готовим ответную статью под названием «Абсурдные вымыслы журнала «Тайм». Ведь в журнале утверждается, что Советский Союз якобы порывает с основами социалистической экономики, с коренными принципами марксистско-ленинской экономической теории и переходит на капиталистические... Но подобные утверждения не имеют ничего общего с положениями Маркса, Энгельса и Ленина о коммунизме.

Разве решения сентябрьского (1965 года) Пленума ЦК КПСС о хозяйственной реформе предусматривают ликвидацию общественной собственности и передачу заводов и фабрик в частные руки? Разве мартовский того же года Пленум, обсуждавший вопросы дальнейшего развития сельского хозяйства, наметил организацию частных ферм, а не укрепление колхозно-совхозного строя? А если ничего подобного в нашей действительности нет, о каком же «отходе от коренных принципов марксистско-ленинской теории» разглашает «Тайм»?

Питерсон промолчал.

— Рассуждения об отходе от «основ социалистической экономики» и «переходе на капиталистические основы» являются досужим вымыслом многочисленных советологов разных мастей и оттенков, «исследования» которых хорошо оплачиваются владельцами

средств производства, стремящихся затушевать пороки капитализма и продлить его существование,— заключил Васильев.

— Но, по-моему, журнал «Тайм» верно пишет, что в реформе используется показатель «прибыль», а это капиталистическая категория. Разве не так? Я специальный корреспондент французского еженедельника «Ля ви Франсез» Жан-Мари Ланье,—представился молодой человек в клетчатом, спортивного покроя пиджаке.

— Очень приятно, господин Ланье, что экономический еженедельник «Французская жизнь» проявил интерес к пресс-конференции, устроенной при участии представителя советской газеты «Экономика и жизнь»,— обыграл схожесть названий Васильев.— Но кто сказал, господин Ланье, что прибыль — капиталистическая категория? — вопросом на вопрос ответил Васильев.

— Как кто? Все. Об этом много говорят и пишут,— после продолжительной паузы несколько растерянно, как показалось Васильеву, проговорил Ланье.

— Когда много говорят и пишут, то это не может не настораживать. У разных народов встречается такая поговорка: ты сказал — я поверил, ты повторил — я засомневался, а когда ты одно и то же сказал в третий раз, я перестал верить...

— А у нас говорят, что язык дипломату дан для того, чтобы скрывать то, что он на самом деле думает,— дополнил кто-то из зала.

— Но поскольку я не дипломат, а экономист, то не буду скрывать от вас то, что думаю. В ваших записках очень много самых различных вопросов о прибыли. И я подробно останавлиюсь на этой проблеме несколько позже. В большинстве ваших записок содержится просьба рассказать о сущности хозяйственной реформы. Многие спрашивают: каковы наиболее серьезные изменения в экономическом механизме, намеченные реформой? В частности, госпожа Верлан пишет: «Если возможно, назовите, пожалуйста, что нового дает реформа по сравнению с прежней системой?» Поэтому, если вы не возражаете, то давайте рассмотрим сначала сущность реформы и постепенно дойдем до прибыли. Итак, что же представляет собою хозяйственная реформа? В чем ее главное содержание, сущность?

Хозяйственная реформа означает проведение комплекса мероприятий, направленных на органическое соединение преимуществ социализма с достижениями научно-технического прогресса, более глубокое использование экономических законов. В системе этих мер можно выделить три главных направления: первое — изменение структуры управления народным хозяйством; второе — внедрение новой системы планирования и оценки деятельности предприятий; третье — применение новой системы экономического стимулирования производства.

— А нельзя ли сказать о них подробнее?..

— Можно и должно. Начнем с управления. Кто и как должен управлять национализированными предприятиями? Как планировать и оценивать их работу? Как оплачивать труд рабочих, инженеров и служащих? Эти и тысяча других аналогичных вопросов встали перед нами впервые в истории после социалистической революции. Никаких указаний на этот счет у класиков, как я уже сказал вам, не было и быть не могло. Все надо было начинать на пустом месте, не имея никакого опыта. Для оперативного руководства предприятиями во многих случаях создавались различные коллегии, советы, комиссии. В ходе обсуждения различных методов руководства наиболее спорным оказался вопрос о соотношении коллегиальности и единоначалия. В. И. Ленин был активным борником последнего. На основе обобщения опыта первых лет работы он сказал: «...Мы будем безусловно требовать, чтобы коллегиальная система управления не выражалась в болтовне, в писании резолюций...» «Коллегиальность в лучшем случае дает громадную растрату сил и не удовлетворяет быстроте и отчетливости работы, требуемой обстановкой централизованной крупной промышленности». Однако его предложение о переходе к единоначалию в управлении предприятиями вызвало серьезную оппозицию. Решение этого вопроса затянулось. Многие годы у нас действовала функциональная система управления.

— В чем ее суть? — поинтересовались в зале.

— Руководители и специалисты заводов и фабрик подчинялись непосредственно соответствующим службам вышестоящей организации. Более подробно об этом я рассказал в очерке «Приобщение к поиску». Если кого интересует, можете почитать...

— А когда вы перешли к единоначалию?

— Постановление ЦК ВКП(б) «О мерах по упорядочению управления производством и установлению единоначалия» было принято в 1929 году. Но в некоторых отраслях «функционалка» процветала и в тридцатые годы,— констатировал Васильев.— Сегодня мы не мыслим управления без единоначалия и персональной ответственности руководителей предприятий и организаций за результаты работы. Чтобы внедрить этот метод управления путем «проб и ошибок», потребовалось более десяти лет. Или возьмем такой пример. Сегодня трудно себе представить руководство народным хозяйством без централизации управления. Но в свое время и вокруг этого вопроса шли горячие споры. На I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства под давлением «левых коммунистов» на секции организации производства был принят проект «Положения об управлении национализированными предприятиями», предусматривающий полную свободу действий фабрично-заводских правлений или советов... Ознакомившись с этим проектом, В. И. Ленин сделал следующее замечание: «Коммунизм требует и предполагает наибольшую централизацию крупного производства во всей стране... Отнять право у всероссийского центра подчинять себе непосредственно все предприятия данной отрасли во всех концах страны, как это вытекает из проекта комиссии, было бы областническим анархо-синдикализмом, а не коммунизмом»...

Вернемся к системе управления. Царская Россия, как вы знаете, была в основном аграрной. Она значительно отставала по уровню промышленности от передовых держав. Фабрик и заводов было немного. Для руководства ими в начале двадцатых годов на местах были созданы советы народного хозяйства, деятельность которых направлял и координировал Высший Совет народного хозяйства при Совнаркоме.

Индустриализация страны содействовала бурному росту промышленности, созданию многих новых отраслей и подотраслей, управление которыми в рамках совнархозов становилось все сложнее. В начале тридцатых годов ВСНХ был преобразован в Народный комиссариат тяжелой промышленности. И кроме того, были образованы комиссариаты легкой и лесной промышленности. Впоследствии из комиссариата тяжелой промышленности выделилось несколько самостоятель-

ных отраслей. Таким образом, в тридцатые годы постепенно у нас сложилась отраслевая система управления народным хозяйством. Успехи, достигнутые в довоенный и послевоенный периоды, убедительно подтвердили целесообразность такого решения...

— Почему же позже были ликвидированы министерства?

— Постепенно в деятельности министерств накапливались и негативные явления. Каждое министерство создавало свое замкнутое хозяйство. По образному выражению одного критика, каждое из них стало «государством в государстве, которому недоставало лишь своего флага и герба». И в этом была большая доля истины. Ведь каждое министерство имело свою систему снабжения и сбыта. В результате в каждом городе и городке ютились сотни ведомственных баз и контор. Ведомство стремилось обзавестись своими строителями и создать собственную ремонтную базу автомобилей, тракторов, станков, не говоря уже о специальном оборудовании. В этом скрывались немалые резервы для дальнейшего роста производства и повышения его эффективности. Начался поиск более эффективных путей управления...

— А предложений о введении свободного предпринимательства не высказывалось? — спросил седовласый пожилой мужчина в очках.

— Это корреспондент газеты «Лос-Анджелес таймс» господин Терренс, — ответил Черников на обращенный к нему взгляд Васильева.

— Нет, господин Терренс. Я лично таких предложений не встречал. В дискуссии речь шла о дальнейшем укреплении централизованного управления и планирования. В 1957 году этот вопрос был вынесен на всенародное обсуждение, а затем на рассмотрение Верховного Совета СССР. В конечном счете было принято решение создать территориальную систему управления. В республиках и крупных регионах были созданы совнархозы, которые руководили фабриками и заводами всех отраслей данного экономического района. Однако опыт деятельности совнархозов показал, что поиски наиболее рационального управления не достигли желаемого результата. Об этом подробно говорилось на Пленуме ЦК нашей партии в сентябре 1965 года.

— Вы сами признаете, что все эти годы шли по

неправильному пути? — с нескрываемым удовольствием спросил Терренс.

— Такая оценка противоречит диалектике! В данном случае нельзя оценивать по принципу: белое или черное. При анализе такого сложного явления, как система управления, нельзя не видеть целую палитру красок и многочисленных их оттенков. Наряду с отрицательными факторами в территориальной системе было немало и позитивных моментов. Поэтому я хочу подчеркнуть, что в ходе реформы не идет речь о механическом возвращении к досовнархозовской системе. Нынешняя отраслевая система имеет ряд существенных отличий от прежней. Она закрепляет то положительное, что было в территориальной системе. Во-первых, сохраняются территориальные органы материально-технического снабжения, которые будут обслуживать все предприятия и организации, независимо от их ведомственной принадлежности. Для руководства ими создан комитет — Госснаб СССР, который возглавляется заместителем Председателя Совета Министров СССР. Во-вторых, создаются вневедомственные территориальные строительные организации и управления. В-третьих, многие заводы и производства (ремонтные, литейные и пр.) будут по-прежнему выполнять планы предприятий разных отраслей...

— Все разумное сохраняется, — вставил Черников.

— А теперь, — сделав небольшую паузу, продолжил Васильев, — перейдем к планированию. Что тут нового? Длительное время в нашей практике основным показателем планирования и оценки был показатель валовой продукции, или просто вал. Что он собой представляет? Это стоимость выпущенной предприятием продукции в денежном выражении.

— Господин Васильев, я читал, если не ошибаюсь, в «Комсомольской правде» статью одного директора завода «Свержение вала». Он пишет, что если в последний день месяца в цех завезут металл для изготовления машин, то он уже включался в план. Так ли это? И если да, то какие изменения намечены реформой?

— Господин Херст из «Дейли экспресс», — сказал Черников.

— Если на заводе или в цехе план «горел», то стоимость завезенного в цех металла формально могли включить в него. Многие так и поступали. Но если план перевыполнялся, то происходила обратная картина.

Готовые машины не спешили отправить на склад готовой продукции и тем самым создавали резерв на будущее. Теперь это исключено. Вместо вала введен новый показатель — объем реализованной продукции.

— А в чем же здесь отличие от вала? — разом спросили несколько человек.

— В объем реализованной продукции включается стоимость произведенной и уже проданной заказчику продукции. Теперь в план включается только та сумма, которая поступила на расчетный счет в банке за продукцию реализованную.

А раньше в объем вала включалась не только готовая продукция, которая находилась на складе, но и то, что было в цехе в стадии производства, то есть незавершенное производство. Поэтому раньше с отправкой готового товара можно было и не торопиться, так как он уж включен в объем продукции и все, что положено коллективу за его изготовление, получено. Даже в том случае, если товар не найдет спроса.

В новых же условиях надо заботиться о соблюдении сроков поставки и повышении качества. Если продукция не отвечает стандартам или договору, заказчик может отказаться от оплаты, и ее стоимость не будет включена в план. Таким образом, новый показатель в большей мере отвечает принципу реформы: все, что выгодно обществу, должно быть выгодно и предприятию.

— Об этом как раз и пишет журнал «Тайм», — сказал Питерсон.

— Нет, уважаемый господин Питерсон, журнал «Тайм» пишет совсем о другом. Послушайте: «В ходе реформы осуществляется провозглашенная в экономической дискуссии формула: «Что хорошо для фабрики, то хорошо и для общества». В этой формуле «Тайм» поставил проблему с ног на голову. И действовал он при этом по образу и подобию одного из президентов «Дженерал моторс»: «Все, что выгодно для «Дженерал моторс», выгодно и для Америки...»

— Простите, господин Васильев, что перебиваю, я из журнала «Форчун» и так же, как мосье Ланье, прибыл специально на эту конференцию, так как у нас пока еще нет своего корреспондента в Москве, — заговорил высокий худощавый мужчина в сером костюме. — Моя фамилия Милберг. Я прошу вас ответить на

такой вопрос: вы назвали несколько цифр о быстром росте экономики. Ваши успехи известны и на Западе. Вы их достигли в период, когда у вас применялся показатель «валовая продукция», который ныне резко критикуется. Не находите ли вы тут противоречия?

— Никакого противоречия, господин Милберг, в этом нет...

— Почему же нет? — не отступал корреспондент.

— Объясняя причины реформы, я упомянул закон соответствия производственных отношений уровню производительных сил. Его сформулировал Маркс...

— А что вы вкладываете в понятие «производительные силы» и в чем суть этого закона? — попросил объяснить Милберг.

— Производительные силы — это люди с их опытом работы и средства производства, с помощью которых они создают материальные и духовные блага. А производственные отношения — это отношения между людьми, которые складываются в процессе производства и распределения благ. Суть этого закона в том, что по мере роста производительных сил должны совершенствоваться и производственные отношения. Иначе последние будут сдерживать развитие первых.

Представьте себе, как использовались бы станки с автоматическим управлением, ЭВМ и АСУ на мелких заводах и фабриках, которые существовали в Америке в начале века?

Появление новой, более производительной техники требовало изменения организации и управления производством, его укрупнения. Можете представить, как использовались бы у нас мощные современные тракторы, если размеры колхозных полей оставались бы на уровне 30-х годов. Им бы просто развернуться негде было. В свое время наша партия осудила «гигантоманию», то есть практику создания колхозов и совхозов крупных размеров. И это было верно. Потому что главной тягловой силой были лошади и волы. Даже телефона и радио на селе не было. Иное дело сейчас. То, что раньше по своим размерам было «гигантоманией», стало обычным явлением. Рост производительных сил требовал совершенствования производственных отношений. В этом и кроется суть данного закона.

— Этот закон действует и при капитализме? — попросил уточнить Милберг.

— Да, это общий экономический закон. Он действует во всех способах производства. Но его использование при социализме принципиально отличается от капитализма.

— А чем он, по-вашему, отличается?

— При капитализме он, как и все другие экономические законы,— начал объяснять Васильев,— реализуется стихийно. Как у вас происходит укрупнение ферм и заводов? В процессе анархии и конкуренции одни разоряются, а другие укрупняются. У нас укрупнение колхозов, совхозов и промышленных предприятий по мере необходимости проводится планомерно, сознательно, с учетом действия названного закона.

А теперь перейдем к валу. Центральным звеном совершенствования производственных отношений является выбор наиболее эффективных в данных условиях показателей оценки работы и ее стимулирования. Нередко бывает так: в одних условиях показатель хороший, в других — плохой, а в третьих — негодный.

— И вал оказался в подобном положении? — спросил тот же корреспондент «Форчуна».

— Когда мы находились в капиталистическом окружении, мы вынуждены были производить все необходимое любой ценой, чтобы отстоять свою политическую и экономическую независимость. В то время вал был хорошим показателем. Неплохо послужил он и в послевоенный период восстановления народного хозяйства. Упрочению господства вала в свое время содействовали, на мой взгляд, два важных обстоятельства. Первое. Постоянное опережение спроса над предложением — все, что выпускалось, с ходу потреблялось, и еще не хватало. И второе. Раньше отрицательное влияние вала в значительной мере поддавалось контролю и ограничению. Его недостатки в современных условиях стали слишком заметны.

Обращаю ваше внимание, что реформой предусмотрено сокращение числа обязательных показателей. Раньше вышестоящие органы не только утверждали своим предприятиям большой круг показателей, но и вносили затем в течение года в них многочисленные изменения. Все это ограничивало самостоятельность заводов и фабрик, нарушало их ритм работы. С целью предотвращения подобных явлений в постановлении о реформе записано: «Прекратить неправильную практику внесения частых изменений в утвержденные

планы, а также изменений отдельных показателей плана, без соответствующего уточнения других показателей».

Васильев отложил в сторону брошюру и продолжил:

— Далее хочу обратить ваше внимание на такой факт. Чтобы заинтересовать предприятия в составлении напряженных планов, решено значительно сократить материальное стимулирование за сверхплановый выпуск продукции по сравнению с плановым... Я бы сказал, что все изменения в системе планирования направлены на то, чтобы более рационально, эластичнее сочетать централизованное планирование с расширением инициативы на местах, предоставлением большей самостоятельности предприятиям и организациям в решении хозяйственных вопросов.

— В «Правде» прошла статья директора завода. Она называлась «Освободить предприятия от мелочной опеки», — заговорил корреспондент «Лос-Анджелес таймс». — Намечены ли реформой в этом плане какие-либо изменения?

— И довольно серьезные, — ответил Васильев. — Их много. Желаящие узнать об этом подробнее могут познакомиться с новым положением о социалистическом предприятии, которое справедливо называют Уставом заводов и фабрик.

— Оно было в печати? — поинтересовалась госпожа Верлан.

— Конечно. Положение опубликовано в нашей газете. И кроме того, оно имеется в сборниках официальных материалов по реформе...

— Господин Васильев, давайте вернемся к свободному предпринимательству... — заговорил корреспондент из «Вашингтон пост». Васильев читал его статьи и не раз спорил с ним на приемах. Прекрасно зная его несколько развязную манеру вести беседу, Васильев решил сразу же немного «осадить» его.

— Ничего, господин Саймон, не получится. Свободное предпринимательство осуждено историей...

— Но простите, вернуться я имею в виду в другом смысле. Хочу продолжить вопрос господина Терренса о свободном предпринимательстве.

— Тогда, пожалуйста, — произнес Васильев.

— Разве предложения, изложенные в статье «План, прибыль, премия», опубликованной в «Правде», не

означали перехода именно к свободному предпринимательству?

— А вы читали эту статью? — вопросом на вопрос ответил Васильев.

— Просматривал, довольно внимательно просматривал.

— Статью или публикации об этой статье вы просматривали? — попросил уточнить Васильев.

— А какая разница? — пожал плечами Саймон.

— Очень большая. Об этой статье на Западе публикуется много домыслов: дескать, «Правда» поддерживает предложения об отказе от централизованного планирования. Поэтому позвольте привести из нее некоторые выдержки. В самом начале в ней предлагается «доведение до предприятий заданий по объему продукции в номенклатуре и сроках поставок». Затем речь идет о мерах, направленных на предотвращение погони заводов и фабрик за получением прибыли любой ценой и незаслуженного поощрения коллективов. Их суть сводится к тому, что «при несоблюдении заданий по объему, номенклатуре и срокам поставок продукции предприятие лишается права на премирование». И далее говорится: «Все стоимостные, трудовые и важнейшие натуральные показатели будут определяться из центра...» О каком же свободном предпринимательстве может идти речь, если все основные показатели утверждаются из центра и каждое предприятие имеет задание по выпуску продукции в номенклатуре и ассортименте? В данном случае вы, господин Саймон, как и многие другие читатели, «клюнули» на удочку советологов, которые выдают желаемое за действительное...

Третьим принципиальным направлением хозяйственной реформы является внедрение новой системы экономического стимулирования производства. В чем же конкретно она проявляется? Прежде всего в создании предприятиям условий для рентабельной работы и укреплении хозрасчетных отношений.

— А разве у вас раньше хозрасчета не было? — раздался вопрос.

— Хозрасчет был у нас и раньше, — начал пояснять Васильев. — Но, как отмечалось на сентябрьском Пленуме, он носил в основном формальный характер. Тео-

ретически заводы, фабрики и совхозы должны были покрывать свои издержки производства за счет реализуемой продукции. А практически многие из них были убыточны. Почему? По ряду объективных причин и недостатков в практике ценообразования почти треть предприятий были планово-убыточными. Даже на рентабельных предприятиях в целом было немало убыточных изделий, что служило поводом деления продукции на выгодную и невыгодную. Разумеется, заводы и фабрики под любым предлогом стремились к уменьшению выпуска убыточной продукции. Это в конечном счете вело к нарушению пропорциональности и созданию искусственного дефицита по отдельным товарам. Согласитесь, что если цены не возмещают плановых затрат, то чем больше отрасль выпускает продукции, тем больше убытков...

— Кто же покрывал эти убытки? — недоумевающе спросил Жан Ланье.

— Они списывались за счет госбюджета. Теперь признано более рациональным выделять средства из бюджета на повышение оптовых цен, чем на покрытие убытков. При убыточных ценах у коллективов не было заинтересованности в экономном хозяйствовании — как ни старайся, в итоге убытки, которые все равно спишут. Иное дело при научно обоснованных ценах — чем рациональнее ведешь хозяйство, тем выше заработки и премии коллектива, получающего к тому же большее моральное удовлетворение. Его работники заслуженно представляются к наградам и другим видам поощрения.

— А какие меры намечены, чтобы не было убытков?

— Составной частью реформы является изменение оптовых цен. На высокорентабельные изделия они снижаются, а на убыточные повышаются. Новые цены позволяют сделать все отрасли индустрии рентабельными. Значительно повышены заготовительные цены на многие виды сельскохозяйственной продукции. При этом хочу обратить ваше внимание, что повышение оптовых цен проходит без повышения цен розничных.

Вам, видимо, не надо объяснять такую истину: чем больше прибыли, тем выше рентабельность. Поэтому забота о рентабельности есть не что иное, как повышение роли показателя прибыли. В постановлении Пленума о реформе предложено «улучшить использование

таких важнейших экономических рычагов, как прибыль, цена, премия, кредит».

Вот теперь, пожалуй, и подошел черед поговорить о прибыли... Начну зачитывать ваши вопросы.

— О прибыли «немало песен сложено», — перефразируя пришедшую вдруг на ум песню, начал Васильев. — Но в них не только музыка фальшивит, но и слова неверны. О прибыли больше всего у вас вопросов, — перебирая стопку записок, продолжал Васильев. — При этом самых противоречивых.

«Почему идеи Бельского, который первым из советских экономистов предложил использовать в советском хозяйстве прибыль, не нашли отражения в реформе?» — просит объяснить господин Вильсон.

«Как сочетать введение вами в практику прибыли с марксизмом? Не является ли это отступлением от методов Маркса и Ленина?» — просит объяснить господин Саймон.

— И далее примерно в таком же духе... Почему, господа, вокруг прибыли столь много всякой путаницы и кривотолков? — откладывая записки в сторону и оглядывая зал, повторил Васильев. — Дело в том, уважаемые господа, что идеологи антикоммунизма пытаются изобразить прибыль чуждой категорией для социализма, утверждают, что ее применение «противоречит марксистско-ленинской теории». Известный, наверное, вам экономист Жюль Гратье пишет, что «плановое хозяйство теоретически враждебно прибыли». Цель подобных «научных» выводов совершенно очевидна. Их авторы представляют дело таким образом, что прибыль — категория, присущая лишь капиталистической экономике. И если она используется и при социализме, то, значит, налицо возврат к капитализму или, по крайней мере, происходит сближение социализма с капитализмом. Но все это является досужими домыслами наших недругов... Что такое прибыль? Это денежная форма прибавочного продукта, который появился еще на заре рабовладельческого строя. В разных видах и формах существовал он и при феодализме. Крепостные крестьяне работали на своего помещика, как говорится, за кусок хлеба и создавали для него прибавочный продукт. По мере развития товарно-денежных отношений феодалы стали облагать своих подданных денежной рентой. При капитализме прибыль — основная

форма прибавочного продукта. Необходимость последнего при социализме доказывал К. Маркс в работе «Критика Готской программы», в которой критикуется лассалевская формула о «неурезанном» трудовом доходе. Поскольку при социализме сохраняются товарно-денежные отношения, то прибыль остается основной формой прибавочного продукта... Откуда вы взяли, что Бельский первым предложил использовать прибыль в советском хозяйстве? — спросил Васильев у господина Вильсона.

— Читал об этом, — сказал Вильсон.

— Сообщу вам, что первым, кто предложил использовать прибыль в советском хозяйстве, был не профессор Бельский, а Владимир Ильич Ленин. Обобщая опыт первых лет, он решительно выступал за внедрение хозрасчета, требовал, чтобы тресты «сами отвечали и притом всецело отвечали за безубыточность своих предприятий».

— Господин Васильев, — вновь заговорил корреспондент «Форчуна», — в своих статьях вы критикуете Бельского, Кузнецова и других сторонников прибыли. А сейчас сами выступаете в роли адвоката прибыли, Ленин тоже, оказывается, был ее сторонником. В чем тут дело? Если можно, откройте секрет.

— Не слишком ли много «секретов» для одной пресс-конференции? — усмехнулся Васильев.

— Вы же сказали, что в отличие от дипломатов не скрываете свои мысли, — напомнил кто-то из журналистов.

— Надо отличать две главные функции прибыли, — начал объяснять Васильев. — Во-первых, как критерия выгоды, эффективной деятельности и, во-вторых, как оценочного показателя работы предприятий.

Необходимость использования первой функции прибыли, как я уже сказал, обосновал еще Ленин. Теоретически это нашло отражение во многих решениях партии и государства. Но практическая реализация их была явно неудовлетворительной. Почему? Причины тут разные. Есть объективные, в частности, серьезные недостатки в ценообразовании, о чем я уже сказал. Но немало и субъективных. В ходе реформы мы должны устранить их и создать условия для рентабельной работы всем предприятиям. В этом ученые и практики единомышленны.

Споры о прибыли начинаются, когда речь заходит о ней как об оценочном показателе. Ряд экономистов предлагают сделать прибыль главным, или основным, показателем. Чем больше прибыли — тем лучше работает предприятие, рассуждают они. А профессор Бельский идет еще дальше. Заводы, не имеющие прибыли, он предложил закрывать, а их имущество «продавать с молотка».

Я лично убежден и много раз об этом писал, что подобные предложения для нас неприемлемы в принципе. Теоретически они необоснованны, а практически вредны. Ведь существует много путей увеличения прибыли, неприемлемых для нас...

— Каких, например? — загалдели в зале.

— За счет повышения цен на новые изделия под разными благовидными предлогами, за счет увеличения выпуска дорогих и сокращения дешевых видов продукции...

— Но подобные явления, судя по вашей печати, у вас и сейчас довольно широко распространены. Не так ли? — перебивая Васильева, спросил Саймон.

— Совершенно верно. Но это делалось за счет срыва задания выпуска продукции в натуре и ассортимента, что было грубым нарушением. Мы это осуждаем и критикуем. Сделать прибыль главным показателем — значит узаконить эти явления, сделать их правилом.

При капитализме цель оправдывает средства. Ради прибыли идут на все — на разорение конкурентов, повышение цен, взятки, шпионаж и прочее. И это понятно. С прибылью богатеют, а без нее владельцы капитала разоряются и пополняют армию наемного труда. В условиях нашего общества нужна только реальная прибыль, то есть полученная при строгом соблюдении выпуска продукции согласно хозяйственным договорам и заявкам торговых организаций за счет рационального использования материальных, трудовых и финансовых ресурсов.

— Стимулирует ли реформа увеличение прибыли? — спросила Мари Верлан.

Довольно серьезно. За счет отчислений от прибыли на всех предприятиях впервые создан фонд материального стимулирования и фонд социально-культурного и жилищного строительства.

— Чем больше прибыль, тем выше отчисления в эти фонды? — попросил уточнить Ричард Корстун.

— Не совсем так. Если прибыли нет, то и отчислять нечего. Если прибыли много, но завод не выполнил задание по видам продукции, то процент отчисления в фонды уменьшается. И кроме того, за счет собственной прибыли он должен возмещать штрафы и пени за нарушение договора...

Перехожу к другому ряду записок: не противоречит ли усиление материальных стимулов марксистскому учению? Ни Маркс, ни Ленин не пытались предсказать формы и методы материального стимулирования. Но они были решительными противниками уравниловки при социализме. В названной статье журнала «Тайм» утверждается, что «согласно марксизму людей можно заставить работать как солдат или святых только ради благ государства». Это, конечно, чепуха!

Принцип распределения материальных благ по количеству и качеству труда внедряется в нашей стране с момента нэпа.

— А что такое нэп? — поинтересовался Терренс.

— Новая экономическая политика. Она разработана Лениным и начала внедряться под его руководством с 1921 года взамен «военного коммунизма». Одним из принципиальных положений нэпа было внедрение хозрасчета, то есть прибыльной работы всех заводов и фабрик, и создание личной материальной заинтересованности рабочих и крестьян в результатах своей работы. Социализм надо строить «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма... на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете... иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов людей к коммунизму. Так сказала нам жизнь», — доказывал В. И. Ленин в канун четвертой годовщины Октябрьской революции.

А вот что пишет по этому вопросу «Тайм»: «Развитие экономических стимулов в СССР означает отказ от централизованного планирования и капитуляцию перед рыночной стихией». По их логике получается, что мы начали «отказываться» от централизованного планирования еще до его внедрения.

Когда мы говорим об управлении экономикой в масштабах всего государства на базе народной собственности, то следует иметь в виду, что речь идет о лом-

ке общественных отношений, развивавшихся веками и тысячелетиями в условиях частной собственности, и формировании принципиально нового общественного строя. Об этом у Ленина есть довольно любопытное сравнение. Послушайте, как образно Ленин показал трудности на пути строительства нового общества:

«Представим себе человека, совершающего восхождение на очень высокую, крутую и не исследованную еще гору. Допустим, что ему удалось, преодолевая неслыханные трудности и опасности, подняться гораздо выше, чем его предшественники, но что вершины все же он не достиг. Он оказался в положении, когда двигаться вперед по избранному направлению и пути оказалось уже не только трудно и опасно, но прямо невозможно. Ему пришлось повернуть назад, спускаться вниз, искать других путей, хотя бы более длинных, но все же обещающих возможность добраться до вершины... Этот опаснейший спуск, который нельзя даже назвать... «спуском на тормозах», ибо тормоз предполагает хорошо рассчитанный, уже испытанный экипаж, заранее подготовленную дорогу, испытанные уже ранее механизмы. А тут ни экипажа, ни дороги, вообще ничего, ровно ничего испытанного ранее!

Голоса же снизу несутся злорадные. Одни злорадствуют открыто, улюлюкают, кричат: сейчас сорвется, так ему и надо, не сумасшествуй! Другие стараются скрыть свое злорадство, действуя преимущественно по образцу Иудушки Головлева; они скорбят, вознося очи горе... К счастью, наш воображаемый путешественник, в условиях взятого нами примера, не может слышать голосов этих «истинных друзей» идеи восхождения, а то бы его, пожалуй, стошнило. Тошнота же, говорят, не способствует свежести головы и твердости ног, особенно на очень больших высотах».

Как видите, автор подтверждает свое положение о том, что «мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают пути к социализму во всей его конкретности». Далее он показал, что, начав строительство нового общества, мы не имели никакого опыта, «ровно ничего, испытанного ранее!». И наконец, если в ходе этой созидательной деятельности и приходится на каких-то участках отступать, то это вызывается необходимостью поиска более рациональных путей, а не отказом от движения «вперед по избранному направлению».

— Будьте любезны, господин Васильев,— попросила Мари Верлан,— назовите работу Ленина, из которой приведена выдержка.

— «Заметки публициста». Она написана в начале 1922 года, когда вместо «военного коммунизма» вводилась новая экономическая политика... Как видим, господа, создание нового общества, исключающего эксплуатацию человека человеком, дело сложное, но благородное. Видимо, поэтому учение Маркса привлекает к себе все больше и больше сторонников, и особенно среди молодежи... Послушайте, например, что пишет об этом массовая буржуазная газета «Франкфуртер альгемайне цайтунг»: «Едва ли теперь можно встретить серьезную публикацию, в которой не велась бы дискуссия о марксизме. Молодежь ищет правильный путь, и для нее, по-видимому, нет более ясного путеводителя, чем Маркс...» Как бы продолжая эту мысль, американский писатель, и тоже буржуазного толка, Эдмунд Вильсон в книге «Путь к Финляндскому вокзалу» сообщает, что марксизм является «полной и последовательной теорией, которая вскрыла в прошлом больше тайн, прояснила в настоящем больше сложных проблем и открыла в будущее более практичный путь, чем какая-либо другая до него созданная теория».

Думаю, господа, что в этих сообщениях нет преувеличений. Судите сами. Истории известны многие тысячи самых разнообразных политических учений. Их разделяют века и даже тысячелетия. И тем не менее у них есть общая черта: все они выражают и защищают интересы господствующего класса: рабовладельцев, феодалов, царей, королей.

Шли века, тысячелетия. На смену рабовладельческому строю пришел феодальный. А более двух веков назад появился капитализм... Что он дал бедным, нищим? — обращаясь к залу, спросил Васильев.

В зале тишина. Сделав паузу, он продолжал:

— Вы хорошо знаете, что в средние века в Англии бедняков, не имевших работы, жгли каленым железом и вешали. При капитализме безработным подобное не грозит. Они свободно могут умереть с голоду или покончить с собой в порыве отчаяния найти работу... Я надеюсь, вы слышали об утописте Фурье? — спросил Васильев.

— Естественно...

— Французский ученый...

— Верно, — поддержал Васильев. — Шарль Фурье — один из великих социалистов-утопистов. Его критика буржуазного общества сто лет тому назад и поныне актуальна. Послушайте:

«Слуги капитала без конца говорят о правах человека, но забывают установить принцип права на труд, без которого дары капиталистической цивилизации становятся бесполезными или равны нулю...»

В середине прошлого века в безбрежном океане политических учений появилось еще одно — учение о научном коммунизме. В начале этого века оно превратилось из гениальной теории в действительность. За полвека социализм стал могучей силой современности. В этом отношении я не могу не согласиться с выводами такого крупного специалиста своего дела, как профессор политических наук Калифорнийского университета Роберт Вессон, который в книге «Ну, почему же марксизм» утверждает:

«Маркса после смерти ждал беспрецедентный успех. Почти повсюду марксизм является очень важной частью политической атмосферы. Марксизм-ленинизм — единственное политическое движение всемирного характера. Коммунистические партии существуют во всех странах, где они не подавлены силой...»

Но продолжим ответы на записки. В них ставится вопрос о сближении двух систем. Например: «В связи с реформой в СССР на Западе многие советологи утверждают, что она является подтверждением теории сближения социализма и капитализма. В чем оно проявляется?»

Теория о сближении социализма с капитализмом не новая. На Западе о ней давно пишут и говорят. Дело представляется так, что капитализм берет все хорошее у социализма и тем самым приближается к социализму, а последний, внедряя капиталистические категории, тоже идет ему навстречу, и в конце концов различия ликвидируются и будет создано единое индустриальное общество.

Один из видных «архитекторов» такого общества, известный американский экономист Гэлбрайт, например, утверждает:

— «Научно-технический прогресс автоматически преобразовал капитализм в общество, где рынок уступил место планированию. Господство перешло от монополий к техноструктуре. Деление общества на про-

тивостоящие друг другу классы — буржуазию и пролетариат — ликвидировано научно-технической революцией. Массовые противоречия в современном капиталистическом обществе стираются. Отношения носят все более мирный характер. Это является следствием того, что интересы, некогда резко враждебные, ныне гораздо в большей степени находятся в гармонии. Поведение людей не улучшилось, — подчеркивает автор, — дело просто в том, что интересы совпадают».

Итак, речь идет о совпадении интересов между миллиардерами и безработными... То есть желаемое выдается за действительное. Разоблачая иллюзии о сближении двух систем, западноберлинский буржуазный профессор Тальгейм, которого вряд ли кто из вас может заподозрить в симпатиях к социализму, свои доводы четко сформулировал в четырех пунктах. Послушайте их:

«Во-первых, в странах социализма остается в силе обобществление средств производства. Поэтому нет оснований сравнивать положение хозяйственных руководителей социалистических стран с ролью капиталистических менеджеров. Во-вторых, в социалистических странах сохраняется централизованное планирование, а рыночные экономические методы служат ему. В-третьих, ценообразование осуществляется государственными органами, вследствие этого цена не играет роли индикатора хозяйственной недостаточности и не может служить надежным базисом для принятия решения о капиталовложениях. В-четвертых, не может быть и речи о настоящей конкуренции, так как предприятия возникают и исчезают не под углом зрения конкуренции». Чтобы не затягивать свой ответ, позвольте выдать вам еще один «секрет»: реальное сближение между нашими системами начнется тогда, когда наши заводы, фабрики и другие производственные объекты будут переданы в частную собственность или при капитализме они станут общественной собственностью. Лично я убежден, что наше «сближение» пойдет по второму пути...

— Простите, господин Васильев, — заговорил молчавший до этого корреспондент, — но частная собственность в том виде, как ее описывал Маркс, давно не существует. Она превратилась в общественную собственность миллионов акционеров, свободно покупаю-

щих и продающих акции. Выходит, что все же наши системы сближаются...

— Это господин Штольц из журнала «Штерн»,— вставил Черников, уловив взгляд Васильева.

— И вообще, капитализма, о котором писал Маркс, теперь уже нет в помине,— продолжал господин Штольц,— Маркс описывал капитализм середины прошлого века. Разве его можно сравнить с нынешним? Позвольте сослаться на такого известного в Советском Союзе американского политического деятеля, как Аверелл Гарриман. Послушайте, что он пишет: «Для народов Азии капитализм почти синоним колониализма. Мне кажется, что мы не должны позволять коммунистам изображать нас знаменосцами капитализма. Наша экономическая система мало в чем сходна с марксистской концепцией капитализма вековой давности, и мы должны отказаться от этого слова...»

— Господа, вопрос, устарел ли Маркс, в разных аспектах ставится во многих ваших записках,— начал говорить Васильев.— Но я полагал, что это не относится к теме пресс-конференции, и поэтому не стал об этом говорить во вступительном слове. Но если господин Штольц так настаивает, то позвольте мне сказать несколько слов.

— Я не настаиваю, а прошу...

— Я полностью согласен с вами, господин Штольц,— продолжает Васильев,— в том, что ныне капитализм совсем иной, чем век назад по уровню развития техники и технологии. Но эти вопросы изучает механика, физика, биология и другие естественные науки. Отношения же между людьми в разных обществах изучаются общественными науками. Маркс обстоятельно исследовал процесс возникновения и развития новых отношений между людьми в процессе производства по сравнению с феодализмом и назвал их капиталистическими. Он показал, что, несмотря на то, что частная собственность и эксплуатация человека человеком существовали и при рабстве, и при феодализме, капиталистических отношений между людьми ранее не было и быть не могло. Для их возникновения нужны два условия.

— Какие? — вставил Штольц.

— Первое,— продолжал Васильев,— наличие класса, владеющего средствами производства, но в отличие от рабовладельцев и феодалов не имеющего собствен-

ной рабочей силы. И второе условие — появление армии юридически свободных людей, но не имеющих абсолютно никаких средств существования.

Как прикажете жить этим «свободным» людям? — обращаясь к Штольцу, спросил Васильев.

— Зарабатывать деньги и жить...

— А зарабатывать можно лишь у владельцев капитала, которые подвергают их эксплуатации. Вот как описывает этот процесс Маркс в главе «Превращение денег в капитал».

— А разве деньги не капитал? — с удивлением спросила Мари Верлан.

— Нет, конечно. Деньги появились на свет, когда еще о капиталистах ни слуху ни духу не было. Апологеты капитализма, пытаясь увековечить свое детище, даже палку, с которой охотился древний человек, не говоря о деньгах, называют капиталом. По Марксу же, капитал — это не вещь и не деньги, а общественные отношения между людьми. И только когда хозяин покупает средства производства и рабочую силу и организует производство ради прибыли, его деньги превращаются в капитал, а он становится капиталистом. Если вам, госпожа Верлан, кто-нибудь подарит к дню рождения миллион франков, которые будете расходовать на свои личные нужды, вы капиталисткой не станете.

— А если я их положу в банк?

— Станете.

— Почему?

— Потому что будете получать нетрудовой доход, который в конечном счете является частью прибавочной стоимости, создаваемой наемными рабочими. А теперь послушайте, как описывает Маркс сцену после состоявшейся сделки на рынке труда:

«Бывший владелец денег шествует впереди как капиталист, владелец рабочей силы следует за ним как его рабочий; один многозначительно посмеивается и горит желанием приступить к делу; другой бредет понуро, упирается как человек, который продал на рынке свою собственную шкуру и потому не видит в будущем никакой перспективы, кроме одной: что эту шкуру будут дубить».

Если капиталист в процессе производства не будет иметь прибыли, то он разорится, и тогда уже «его шкуру

ру будут дубить». Как выжить в условиях жестокой конкуренции? Нужна прибыль и только прибыль. Поэтому Маркс пришел к выводу о том, что целью капиталистического производства является прибыль. Может быть, господин Штольц, у нынешних владельцев заводов, концернов и банков появилась иная цель? — спросил Васильев. — Недавно в США создан «Консультативный и предпринимательский совет». Послушайте его вывод: «Наша главная задача — осуществление традиционной роли и права корпораций обеспечения максимальной прибыли при любых социальных правилах поведения... Официальная позиция американского бизнеса состоит в том, что его задача обеспечивать максимальную прибыль» — так пишет орган американских монополий газета «Уолл-стрит джорнэл».

Почти век назад Маркс сформулировал всеобщий закон капиталистического накопления, который гласит: «Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания... тем больше промышленная резервная армия. ...Но чем больше эта резервная армия... тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого прямо пропорциональна мукам труда активной рабочей армии... Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления».

Я лично, господин Штольц, не встретил ни единой попытки опровергнуть этот закон. Его просто обходят, замалчивают. И понятно почему. Целые тома фактического материала публикуются на Западе, свидетельствующие о том, что этот закон не только не устарел, но стал во сто крат более актуальным, чем век назад. Позвольте привести некоторые данные из вашего журнала, в котором опубликована статья господина Бьюцера. Прошу внимания:

«Экономика капиталистического мира являет мрачную картину: пятнадцать миллионов безработных. Во всем мире производится все меньше холодильников, меньше строится заводов, дорог, квартир. Напрашивается вопрос: не изжил ли себя капитализм, можно ли еще спасти эту систему». Ответ таков: «Большинство граждан ФРГ склонны считать, что эта система не имеет больше шансов...»

Как типичный апологет капитализма, автор все же стремится его оправдать, найти пути его спасения. Любопытным в этом отношении является такое его приз-

нение: «Как это ни парадоксально, но факт, что капитализму вредят именно те, кто готов защищать его самым усердным образом. Ибо они стараются скрыть его слабости и создать впечатление благополучия. Хотя любому заметно, что оно ложное. Будто система абсолютно совершенна, не нуждается в каком бы то ни было исправлении...»

Что же надо, по мнению автора, для «исправления»? Он предлагает «использовать ряд методов социалистических, внедрить их в капитализм и таким образом его модифицировать, чтобы он стал более эффективным, более рациональным...».

Отложив в сторону «Штерн», Васильев взял другой журнал.

— А корреспондента «Шпигеля» среди вас случайно нет?

— Увы...— развел руками Штольц.

— «Шпигель», как и «Штерн», подозревать в симпатиях к коммунизму трудно. Вот свежий его номер, временной разрыв с данными прошлогоднего номера «Штерна» отразился и на публикуемых данных. Обратите внимание на эту диаграмму,— развернув журнал, сказал Васильев.— Она очень красноречива: семнадцать миллионов без работы! «Положение было худшим только во времена кризиса, в начале тридцатых годов, когда не имели работы двадцать пять миллионов человек»,— уточняет журнал...

— И тем не менее миллионы рабочих являются владельцами акций,— вставил Штольц.

— Верно,— согласился Васильев.— Пытаясь доказать, что ныне капитализм стал иным, профессор Лернер в своей книге «Американская цивилизация» пишет: «Раньше были «титаны», столь хорошо описанные Драйзером. Теперь великих капиталистов сменили акционерные компании, корпорации распылили капиталистическую собственность среди миллионов мелких акционеров...»

В этой связи, господа, позвольте сообщить, что по данным журнала «Экономист», только семейству миллиардеров Дюпонов принадлежит в десять раз больше акций, чем всем американским рабочим... Журнал «Ньюсуик», например, сообщает: «Если же мы приглядимся к тому, как распределяются богатства, то увидим, что двадцать процентов семейств, принадлежащих

к высшему слою нашего общества, владеют восьмьюдесятью процентами всей частной собственности в США, в то время как двадцать пять процентов семейств, находящихся внизу, не имеют во владении ничего, а долги многих значительно превышают их личное имущество...»

Опять же «Шпигель» приводит факты: «Из года в год каждый из примерно тысячи самых крупных богачей Федеративной республики тратит на свои личные удовольствия один миллион марок и больше». Это примерно столько же, сколько Мюнхен ежегодно «планирует по бюджету на благо одного миллиона своих жителей», среди которых наверняка многие владеют акциями. Эти «владельцы» вместе с остальными лишаются работы на предприятиях, акциями которых они владеют, и пополняют армию «постоянного перенаселения»... Кстати, как экономист я хочу выдать вам еще один «секрет», но уже капиталистический. «Распыление» собственности путем выпуска мелких акций, вплоть до одного доллара, исключительно выгодно владельцам фирм и корпораций. Во времена Маркса, и он об этом пишет, хозяева, чтобы не упустить бразды правления своим детищем, сохраняли за собой «контрольный пакет», включавший пятьдесят один процент акций, а теперь многие из них обходятся двадцатью. Делая доступными акции широкому покупателю, они вовлекают в оборот огромные дополнительные средства без риска потери решающего голоса. Так, миллионы владельцев акций не имеют даже малейшего представления, чем занимается фирма, которой они «владеют»... Таким образом, для «контрольного пакета» вместо пятидесяти одного процента теперь требуется двадцать.

Как видите, превращение частной собственности в «общественную собственность миллионов акционеров» придумали умные капиталисты в собственных интересах. А уже позже их апологеты «обосновали» это мероприятие как изменение сущности капитализма, придумали ему благородные приставки типа «народный», «демократический». В этой связи мне на память пришло еще одно положение Маркса. Подчеркивая силу частного интереса к собственности, он писал: высокая англиканская церковь скорее простит нападки на тридцать восемь из тридцати девяти статей ее символа веры, чем на одну тридцать девятую долю ее денежного дохода...

— Будьте уверены, господин Штольц,— громко сказал Васильев,— что если бы владельцы капиталов на «распылении» своей собственности потеряли даже «одну тридцать девятую долю» своей прибыли, то «народного» и «демократического» капитализма не было бы придумано...

— Не пора ли нам заканчивать? — спросил Васильев слушателей.

— Пожалуй, пора...— ответило несколько человек.

— А об изменениях в сельском хозяйстве вы не расскажете? — спросил Терренс.

— Вы что, хотите еще одну пресс-конференцию? — стал уточнять Васильев.— Мартовский (1965 года) Пленум наметил целую систему мер по дальнейшему развитию сельского хозяйства. Так же, как сентябрьский в промышленности и строительстве. Если они вас интересуют, то попросите господина Черникова, и он вам организует брифинг по сельскому хозяйству, и, может быть, где-нибудь в колхозе на лоне природы,— полушутя сказал Васильев.

— Позвольте частный вопрос,— несколько неуверенно спросил Терренс.— Почему раньше Россия экспортировала сельхозпродукты, а теперь покупает?

— Хорошо, пойдем на компромисс: на этот вопрос я отвечу, а другие готовьте к следующей встрече. Согласны?

— Да. Конечно,— дружно загудели в зале...

— «Недоедим, но продадим»,— любил повторять царский премьер-министр Витте,— начал Васильев.— И действительно продавали. И недоедали. Но кто? Царь и его министры? Помещики и капиталисты? Конечно же, нет. Все они были сыты. А вот многие крестьяне и рабочие жили впроголодь. Раньше от голода умирали не только семьями, но и целыми деревнями. А помещики, владея сельхозпродуктами, продавали их где подороже и повыгоднее, в том числе и за границу. Кстати, так же, как ныне Соединенные Штаты. Вы продаете продукты всему миру, а миллионы людей в стране недоедают и голодают. Будучи президентом США, Франклин Рузвельт сказал: «Наш прогресс проверяется не увеличением изобилия у тех, кто уже имеет много, а тем, способны ли мы достаточно обеспечить тех, кто имеет слишком мало...»

Как по-вашему, способны?..— обращаясь к господину Терренсу, спросил Васильев.

— Голодающие у нас, конечно, есть, но мы способны их накормить,— ответил Терренс.

— Точнее сказать — у вас есть реальные возможности накормить досыта всех. Но возможность и действительность — вещи разные. Все программы борьбы в США с нищетой, в том числе и «Решительная война с бедностью», объявленная в свое время президентом Джонсоном, как вы знаете, провалились с треском! Член консультативного комитета предпринимателей, бывший главный экономист торговой палаты США господин Мэдзне утверждает: «Становясь все богаче, Америка все меньше пользуется плодами этого богатства. Инфляция, рост налогов съедают любые реальные прибавки к доходам промышленных рабочих, национальных меньшинств. В то время как рост затрат на образование, медицинскую помощь сводит на нет любые приобретения семьей со средним доходом. Наше богатство не помешало нам скатиться на пятнадцатое место в мире по уровню грамотности и занять десятое место по детской смертности... Особенно в бедственном положении оказываются безработные...» Вы, видимо, господин Терренс, знаете, что раньше в США был закон, согласно которому — если в каком-то регионе уровень безработицы достигал четырех процентов к действительному населению, то он объявлялся бедственным и за счет федерального бюджета принимались меры по сокращению безработицы.

— А разве он отменен?

— Вам лучше это знать... Если не отменен, тем хуже для закона. Ведь жизнь давно игнорирует его. Указанный в нем рубеж солидно превышен в целом по стране. А безработица растет и растет... В начале прошлого года ваш министр труда Митчелл поклялся съесть свою шляпу, если число безработных к октябрю месяцу не уменьшится на миллион человек. Но за этот период оно возросло почти на миллион. Недавно один из ваших журналов поместил фото министра за столом, а перед ним на тарелке... шляпу и сделал приписку: «Приятного аппетита, господин министр!» Но, как вы понимаете, у министра труда, так же как и у царских министров и помещиков, есть что кушать, есть что пить!..

Когда я был в Сан-Франциско, мне показали знаменитый мост «Золотые ворота», протянувшийся тысячетонной стальной нитью с южного на северный берег

залива. Длина его около трех километров, высота — семьдесят два метра. Он служит предметом законной гордости жителей Сан-Франциско. Но этот мост держит абсолютный мировой «рекорд» по числу совершаемых здесь самоубийств. По официальным данным, со времени его открытия в 1937 году пятьсот девяносто один человек прыгнул с него навстречу смерти. В предсмертных записках сказано, что главные причины, побуждающие людей расставаться с жизнью, — это безуспешные поиски работы, нищета... — Отложив в сторону использованные листы, Васильев продолжал: — Что же касается нашего сельского хозяйства, то должен сказать вам, господа, что на Западе широко распространено мнение, что Россия — это весьма благоприятная в сельскохозяйственном отношении страна и земли у нее бескрайние...

— А разве мало земли у вас?

— На одного жителя в нашей стране, так же как и в США, приходится по восемьдесят пять сотых гектара пашни. Но в Америке шестьдесят процентов земельной площади приходится на районы с количеством осадков семьсот и более миллиметров, а у нас только один процент такой земли. Почти семьдесят процентов американской пашни расположено в зоне с продолжительностью безморозного периода свыше ста семидесяти дней, а у нас такой пашни только пятнадцать процентов. Вся территория США находится к югу от сорок восьмой параллели, а у нас в этих широтах находится только одна треть сельскохозяйственных угодий. И к этому следует еще добавить, что у нас центральная и северная части слишком переувлажнены, и требуются огромные капиталовложения для мелиорации. А на юге, где много солнца и можно получать по два урожая, большой дефицит влаги. С учетом всех природных факторов специалисты пришли к такому выводу: в эквивалентных гектарах на одного жителя в Соединенных Штатах приходится три с половиной гектара сельхозугодий, а в Советском Союзе — только полтора.

И тем не менее голодных у нас давно уже нет. Почему? Благодаря преимуществам колхозно-совхозного строя. До революции в сельском хозяйстве было занято семьдесят процентов работавших в стране, ныне их удельный вес сократился в два раза, а производство сельскохозяйственной продукции возросло в два и во-

семь десятых раза. Это позволило значительно повысить потребление на душу населения. По мясу оно возросло в полтора раза, молоку — в один и семь десятых, рыбе и овощам — в два, яйцам — почти в три, сахару — в четыре с половиной раза. И только по хлебу душевое потребление уменьшилось на двадцать пять процентов. И эта позитивная тенденция у нас продолжается...

Васильев решительно сложил папку с материалами и направился к столу президиума, давая тем самым понять, что разговор окончен...

— Господин Васильев, у меня к вам вопрос не по реформе. Разрешите? — подходя к Васильеву, сказал корреспондент журнала «Форчун» Милберг.

— Пожалуйста, — остановившись между трибуной и столом для президиума, сказал Васильев.

— Я в Москве еще пробуду несколько дней, и мне хотелось бы встретиться с кем-нибудь из официальных лиц для беседы. Вы бы не могли мне посоветовать, к кому мне обратиться с такой просьбой?

— В связи с реформой, — медленно, размышляя, начал отвечать Васильев, — создан специальный комитет, который занимается внедрением новых методов хозяйствования. Видимо, лучше всего туда вам и обратиться...

— И еще хочу сказать вам, что вы являетесь хорошим пропагандистом и защитником своей системы.

— Это верно, — поддержали его несколько подошедших к ним корреспондентов.

— Дело, уважаемые господа, — начал говорить Васильев, — не в мастерстве, а в учении. — У меня есть что пропагандировать и защищать.

— В каком смысле? — попросил уточнить Милберг.

— Журнал «Форчун» выражает интересы капиталистов и защищает их право частной собственности на средства производства, которая концентрируется все более и более в узком кругу лиц, соответственно расширяя круг наемных работников — рабочих, инженеров, служащих, ученых. Это объективно не может не обострять основное противоречие капитализма...

— А в чем оно заключается? — перебивая, спросила подошедшая Мари Верлан.

— Маркс сформулировал его так: противоречие между наемным трудом и капиталом. Суть его коротко

в следующем. Интересы наемных работников и владельцев средств производства противоположны: чем больше созданных материальных благ и ценностей достанется первым, тем меньше останется вторым, и наоборот. В эпоху свободной конкуренции, когда капитализм развивался еще по восходящей линии, спрос на рабочих превышал их предложение, за исключением экономических кризисов, в период которых возникала безработица. При империализме, когда капитализм стал, по меткому выражению Ленина, «загнивающим, умирающим», положение изменилось коренным образом. Безработица, инфляция и неуклонный рост цен на потребительские товары стали хроническими, постоянными и принимают все более угрожающие масштабы. Есть ли предел этому?!

— Но с этими явлениями постоянно ведется борьба... — подсказал кто-то.

— Эта борьба обречена. И вот почему. Даже крупнейшие империалисты мира, определяющие мировую и национальную политику капиталистических стран, не могут сесть за «круглый стол» и принять такую резолюцию: «Давайте умерим свой пыл к обогащению и за счет сокращения наших прибылей обеспечим всех работой и больше будем им платить... Иначе нам не удержаться...» Договориться об этом невозможно потому, что между капиталистами как на внутреннем, так и на мировом рынке идет борьба не на жизнь, а на смерть. Тот, кто не добивается максимальной прибыли, разоряется и пополняет ряды в лучшем случае наемных работников, а нередко безработных. Такова природа капитализма. Таков объективный процесс, и повернуть его вспять так же невозможно, как заставить нашу планету вращаться в обратном направлении. Поэтому защита капитализма его апологетами подобна борьбе с ветряными мельницами, так как он сам себе роет могилу: чем больше будут обогащаться владельцы средств производства, тем больше они будут производить «своих могильщиков» — наемных тружеников. В конце концов их терпению придет конец и пробьет час капиталистической собственности — экспроприаторов экспроприруют!

В этом отношении наш опыт социалистического строительства имеет огромное международное значение. Он убедительно демонстрирует преимущества планомерного развития экономики на базе общественной

формы собственности. Вы знаете, что нашей системе всего лишь полвека. Почти двадцать лет ушло на войны, навязанные молодой Советской Республике и послевоенное восстановление народного хозяйства. И тем не менее за столь короткий исторический срок по общему объему промышленного производства мы вышли на первое место в Европе и второе в мире. В 1913 году объем промышленной продукции в царской России составлял всего лишь двенадцать процентов к объему США, а теперь почти семьдесят. По выпуску важнейших видов продукции мы вплотную подошли к США и в ближайшие годы будем обгонять их. Залогом этого является тот факт, что темпы нашего развития в два с половиной раза превышают американские.

Что же касается противоречий при социализме, то они являются не антагонистическими, и в ходе совершенствования производственных отношений они устраняются. Это в полной мере относится и к экономике, пожалуй, самой сложной сфере общественной деятельности. Завершим вот эту реформу, выявим ее позитивные стороны и нерешенные проблемы и с учетом полученных результатов наметим меры дальнейшего совершенствования управления. Этот процесс бесконечен так же, как и процесс познания природы. Могу вас заверить, что у нас неограниченные возможности отрегулировать хозяйственную систему с учетом объективных экономических законов так, чтобы она действовала подобно электронному механизму, запрограммированному на многие десятилетия вперед. И в перспективе это будет, безусловно, сделано!

ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

1

— Долго же ты собирался...— пожимая руку Егорову и усаживая его в кресло, говорил Васильев.

— Лучше поздно, чем никогда.

— Тоже верно. Кофе или чай?

— Чай, пожалуй...

Васильев нажал кнопку на письменном столе, и в кабинет вошла секретарша.

— Леночка, Андрею Варламовичу — стакан чая, а мне — чашку кофе.

— И если есть, бутылку минеральной,— добавил Егоров.

— В Греции все есть... А может, тебе еще и бутылочку шампанского, а?— спросил Александр.

— Попозже не помешает, а пока пусть в холодильнике постоит,— серьезно, не обращая внимания на иронию Александра, сказал Андрей. И, поднявшись, пошел вдоль шкафов с книгами.

— Смотри, смотри,— усмехнулся Васильев,— там есть чего посмотреть...

Они помолчали, ждали, пока Леночка сервирует журнальный столик. Когда она, улыбнувшись, аккуратно прикрыла дверь кабинета, Андрей оторвался от книг, спросил, словно ждал, когда они окажутся наедине:

— Как твой сын?

— Сын...— Васильев неторопливо размешивал сахар в чашке с кофе.

— Ну да. Я тогда не стал при Черникове спрашивать: как да что...

— Я, Андрюша, и сам ничего не знал, пока с Галиной тогда не встретился у Комарова... А сын уже в десятом, вот как... Сын...— повторил, будто прислушивался к слову, будто каждый раз звучало оно для него вновь.— Веришь, никак привыкнуть не могу...

После моего отъезда Галина рассказала жениху все, что произошло... Сообщила, что она беременна и поэтому о свадьбе не может быть и речи. Предложила расстаться и забыть друг друга.

«А он обещал на тебе жениться?» — уточнил жених.

«Он ничего не знает. Разговора об этом не было»,— ответила она.

На следующий день жених предложил ей сохранить в тайне все, что случилось, и не откладывать свадьбу... Положение у нее, сам понимаешь, не из простых...

— Любил, выходит?

— Выходит.

— А она?

— А что она? Мы с ней о будущем не говорили. Я знал про жениха и не решился предложить ей выйти за меня...— Васильев встал и заходил по кабинету. Видно было: волновался. Значит, больная тема, и болит еще, здорово, похоже, болит...

— Глупо вышло, но я сам во всем виноват... Когда узнал, что она вышла в назначенный срок замуж, о чем только не передумал. Решил: увлечение у нее со мной, зажглась — девчонка. А там — серьезно, там — солидно... Она точно так же обо мне подумала.

— Справедливо подумала,— сказал Андрей.

— Не спорю.— Васильев снова уселся за стол, залпом допил кофе.— Мне-то от этого не легче.

— Она по-прежнему директором комбината?

— Нет. В конце прошлого года ее назначили министром пищевой промышленности республики.

— Однако-о...— присвистнул Андрей.

— А как с экспериментом по чистой продукции?

— Начали внедрять на всех предприятиях министерства. Первые итоги весьма обнадеживающие...

— В связи с решением о проведении экспериментов по чистой продукции на предприятиях различных отраслей они, выражаясь по-газетному, попали в струю. Может быть, ты на эту тему напишешь для журнала? Ты давно у нас не выступал.

— Сейчас готовлю для газеты на эту тему экономическое обозрение.

— Кстати, о чистой продукции. Это как раз один из тех вопросов, по которым я хотел сегодня с тобой посоветоваться.

— А какая разница между чистой продукцией и нормативно чистой?— спросил Егоров.

— Чистая продукция состоит из зарплаты и прибыли. В отличие от валовой, товарной и реализованной она не включает прошлый труд, овеществленный в материальных затратах. А нормативная чистая состоит из

тех же элементов, но она отражает не фактические зарплату и прибыль, а нормативную величину зарплат и прибыль с учетом нормы рентабельности изделий.

— А условно чистая?

— К чистой продукции добавляем амортизацию и получаем условно чистую. Иначе говоря, она состоит из зарплат, прибыли и амортизации,— уточнил Васильев.

— В связи с проведением экспериментов по чистой продукции мы получаем много материалов на эту тему. Одни ратуют за чистую, а другие — за нормативно чистую. Кто из них, по-твоему, ближе к истине?— поинтересовался Егоров.

— Ты помнишь горячие споры после XX съезда партии вокруг принципов исчисления себестоимости колхозной продукции?

— Еще бы! Столько шума было...

— В центре их был вопрос: какие расходы на оплату включать в себестоимость? Одни предлагали фактические, то есть те, которые складывались в каждом конкретном колхозе. А другие — нормативные на уровне средней оплаты рабочих совхозов. Спорили до хрипоты.

Если согласиться с первой точкой зрения, справедливо доказывали представители второй, то экономические результаты разных хозяйств будут несопоставимы. За низкой себестоимостью могут скрываться большие затраты, и наоборот.

— А как может быть низкая себестоимость при больших затратах?— спросил Егоров.

— Очень просто. Оплата тогда в колхозах колебалась от пяти рублей в передовых хозяйствах до двадцати копеек за человеко-день в слабых, отстающих. Были тогда еще и такие хозяйства, у которых на трудодни вообще ничего не выдавалось. Вспомни Твардовского:

И я за дальней звонкой далью,
Наедине с самим собой
Я всюду видел тетку Дарью,
На нашей родине с тобой;

С ее терпеньем безнадежным,
С ее избою без сеней,
И трудоднем пустопорожним,
И трудоночью не полней.

А сторонники первой точки зрения убеждали своих противников, и тоже справедливо, что включение в себестоимость колхозной продукции нормативной (усредненной) оплаты,— продолжал Васильев,— сделало бы ее сопоставимой, но практически ненужной. Как можно сравнивать результаты работы, если у всех хозяйств дневные затраты труда определены в два рубля, а фактически они колеблются от двадцати копеек до пяти рублей? Разница, как видим, огромная. Такая ситуация подобна испорченному термометру, который всем больным показывает одинаковую температуру, а фактически она у них разная...

Как видишь, истина, как это нередко бывает, находилась где-то посередине. Для объективного анализа хозяйственной деятельности колхозов нужна и плановая, нормативная, себестоимость и фактическая.

Полемика между сторонниками чистой продукции и нормативно чистой во многом напоминает прошлую дискуссию. Исчисление чистой продукции дает нам возможность определять собственный вклад предприятия в конечную продукцию, так как исключается возможность добиваться успехов за чужой счет. Но как определить, хорошо или плохо сработало предприятие? Для этой цели больше подходит нормативно чистая продукция. Сравнение нормативно чистой продукции с фактической позволяет получить более объективный анализ работы данного коллектива. При этом важно, чтобы нормативы чистой продукции, как правило, были отраслевыми, научно обоснованными. Это позволит более точно сравнивать итоги работы подведомственных предприятий. Поэтому противопоставлять эти показатели не следует. Они дополняют друг друга.

— Ты на встрече говорил о «загрязнении» чистой продукции и необходимости «очистить» ее. Что ты имел в виду? Ведь чистой ее называют, как я понимаю, потому, что она уже очищена от прошлого труда, то есть от стоимости материальных затрат на данную продукцию. Верно?

— Верно. Но тут еще одна «мелочь», суть которой я попробую раскрыть на конкретном примере.

Васильев подошел к письменному столу, взял «дипломат» с металлической обводкой, только входивший тогда в моду, и вернулся на место. Затем он медленно открыл его, взял оттуда несколько листков, бегло просмотрев один из них, сказал:

— Начнем по порядку. В анализе хода эксперимента на Машковском машиностроительном заводе я сравниваю результаты одной и той же работы по валовой и чистой продукции. Показывая преимущество последней, говорю и о ее негативных моментах.

Этот завод выпускает три основных вида продукции — автосамосвалы, вагоны для метро и запасные части... Выполняя норму на сто процентов на производстве самосвалов, каждый рабочий за час дает для плана сто пятнадцать рублей валовой продукции, на сборке вагонов — около десяти, а на выпуске запчастей — только пять рублей. Производительность труда рабочего в первом случае в двадцать три раза выше, чем в последнем.

— Какой путь, по-твоему, самый легкий для обеспечения плана, — спросил Васильев.

— Нажимать на самосвалы.

— Так завод и поступал. В позапрошлом году задание выполнено по запасным частям на тридцать семь процентов, по вагонам — на девяносто и по автосамосвалам — на сто и шесть десятых процента. И вот эти «шесть десятых» перевыполнения задания по самосвалам позволили заводу с лихвой перекрыть недовыполнение в рублях по другим видам продукции и стать победителем соцсоревнования в городе и по отрасли...

— Повинен коллектив в том, что пошел по самому легкому пути? — спросил Васильев Андрея.

— Думаю, что да. Руководители, по крайней мере, бесспорно, — с ходу ответил Егоров. — А ты как считаешь?

— По-моему, и да и нет, так как есть ряд обстоятельств, толкающих их на этот путь.

— Каких?

— Прежде всего фонд зарплаты. Ты помнишь, как много о нем говорили тогда на встрече.

— Конечно.

— Вот какая складывается картина на заводе.

Васильев достал какую-то таблицу, положил перед собой и продолжал:

— Лимитом по труду в фонд зарплаты выделяется восемь копеек от рубля валовой продукции. Самосвал стоит четыре тысячи. Значит, его выпуск даст заводу триста двадцать рублей зарплаты, а фактический ее расход по нормам только семьдесят. Цена вагона семьдесят тысяч, что дает пять тысяч шестьсот рублей зар-

платы. А фактический ее расход, и тоже, конечно, по нормам — семнадцать тысяч рублей. Еще хуже обстоит дело с обеспечением зарплаты на выпуске запчастей. Короче говоря, фактический расход зарплаты на вагоны в три, а на запчасти — в шесть раз выше планового.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, — не удержался Егоров.

— Думаю, что тебе не надо объяснять, что если бы завод выполнил задание по выпуску вагонов и запчастей, то он не смог бы обеспечить коллектив зарплатой и, кроме того, у него резко снизилась бы производительность труда. Вместо победителей он оказался бы в числе отстающих.

— Интересно, а как складываются итоги при оценке работы коллектива по чистой продукции? — поинтересовался Егоров.

Васильев взял новую таблицу.

— Данные о выполнении задания по основной номенклатуре за прошлый год выглядят следующим образом. Автосамосвалы на сто и четыре десятых процента, вагоны метро — на сто, запчасти — на сто восемнадцать процентов. За многие годы план по всей номенклатуре был выполнен полностью.

— А как с зарплатой?

— В норматив они уложились. Но методика определения этого фонда остается прежней. Раньше планировали восемь процентов от объема валовой продукции, а теперь сорок семь к объему нормативно чистой продукции. В результате такого округления снова появились выгодные и невыгодные изделия с позиций возмещения зарплаты по нормам ее расхода.

— Ну почему же? Ведь стоимость шасси автомобиля, на который они устанавливают кузов, в чистую продукцию не включается.

— Если рабочий занят на выпуске запчастей, то за восемь нормо-часов дает прибыли четыре рубля, на вагонах — восемь, а на самосвалах — тридцать два рубля! Складываем зарплату и прибыль, и во всех случаях получается разный объем вновь созданной стоимости. Как видишь, и по чистой продукции рабочий на самосвалах дает намного больше объема, чем на запчастях. Значительно выше у него и производительность труда!

— Почему так получается?

— Потому что игнорируем положение Маркса о том, что прибавочный продукт создается только живым

трудом. При действующей системе ценообразования,— продолжал объяснять Васильев,— уровень рентабельности устанавливается ко всем издержкам. В результате чужой (прошлый) труд, овеществленный в шасси автомобиля, учитывается при определении прибыли наравне с живым трудом, затраченным на установку кузова. Это «загрязняет», и по некоторым изделиям довольно серьезно, чистую продукцию. На одном заводе был факт, когда расход зарплаты для превращения трактора в бульдозер составлял одну тысячу шестьсот рублей, а прибыль от каждого бульдозера составляла четырнадцать тысяч! Как видишь, на прошлый труд, овеществленный в готовом тракторе, а на Машковском заводе — в шасси, приходится в несколько раз большая часть «созданного» прибавочного продукта.

Хорошо ли это?

— По-моему, нет,— немного подумав, сказал Егоров.

— Нет, конечно. Искусственное завышение прибавочного труда образует липовую прибыль, от которой общество не становится богаче... Чем больше такой прибыли, тем меньше реальных материальных и культурных благ приходится на один рубль национального дохода. Поэтому надо «очищать» чистую продукцию.

— Каким образом?

— Цены на изделия должны быть сугубо научно обоснованными, то есть они должны возмещать разумные издержки предприятия и приносить ему прибыль. Но чтобы прибыль была реальной, надо уровень рентабельности устанавливать не ко всем издержкам, а только по отношению к трудовым затратам, определяемым на основе прогрессивных, мобилизующих нормативов. И кроме того, по-моему, этот процент рентабельности, по крайней мере в отрасли, не должен иметь значительных колебаний (различий). Тогда все изделия будут более или менее равно выгодными, и общество будет получать реальную прибыль.

И еще один вопрос, на который хочу обратить твое внимание. Речь идет о фонде зарплаты. И на предприятиях, работающих по чистой продукции, так же как и при вале, этот фонд пытаются определять методом укрупненного расчета.

— В чем это выражается?

— Удельный вес зарплаты в себестоимости разных изделий колеблется от нескольких до восьмидесяти

процентов. При планировании фонда зарплаты, как и раньше, пытаются найти «золотую середину». Машковскому заводу, как я тебе сказал, например, фонд зарплаты установили сорок семь процентов от чистой продукции. В результате оказалось, что изделия, трудоемкость которых выше этой цифры, невыгодные, а ниже — выгодные.

Научной основой для определения фонда зарплаты является нормативная трудоемкость изделий. В условиях работы по чистой продукции — при утверждении цены или тарифа на услуги одновременно утверждаетс^я и норматив чистой продукции.

— Отсюда и название «нормативная чистая продукция»?

— Конечно.

— А что представляет собой этот норматив?

— Он состоит из двух частей. Первая — это трудовые затраты согласно нормам на изготовление данной детали (машины) или работы (услуги). Вторая — прибыль. Если сохранить разный уровень рентабельности по изделиям даже к трудовым затратам, то чем выше норма рентабельности, тем больше прибыли при прочих равных условиях, а следовательно, и чистой продукции, что ведет к снижению достоверности показателя. Выравнивание нормы рентабельности позволит при переходе на чистую продукцию в основном ликвидировать деление продукции на выгодную и невыгодную.

В этих условиях научно обоснованное определение фонда зарплаты не будет столь сложным, как сейчас. Количество выпущенных изделий (товаров) перемножаем на норматив чистой продукции каждого из них, исключив сумму, приходящуюся на прибыль согласно проценту рентабельности, и получаем искомую величину. Тогда равное количество труда и на запчастях, и на вагонах, и на самосвалах будет давать одинаковое количество и чистой продукции, и фонда зарплаты, и прибыли...

— В таких условиях, видимо, снимается основное расхождение с Бельским, Кузнецовым и другими сторонниками прибыли. Ведь они тоже ратуют за обоснованные цены?

— Не обижайся, Андрюша, но тебе надо было присуждать кандидата исторических наук. История народ-

ного хозяйства, так же как и медицины, техники, остается наукой исторической.

— Согласен с тобой, но это не от меня зависело. Я считаю себя историком.

— Знаю. А что у нас получается? Степени и звания экономических наук присуждают историкам, инженерам, агрономам, но кое-кто из них имеет самое общее представление об экономических законах.

— Не заводись... Лучше объясни, в чем дело?

— Как тут не заведешься, когда ты «клюешь» на их приманку...

— Какую?

В понятие «обоснованные цены» они вкладывают совсем иное содержание. Такие цены, по их мнению, должны складываться под воздействием спроса и предложения на рынке... Их не интересует источник прибыли. Мы осуждаем липовую прибыль, которая «создается» прошлым трудом, и предлагаем научно обоснованный путь ее устранения, а они ратуют за увеличение прибыли любой ценой...

— Постановка вопроса о равной рентабельности вызывает у меня сомнение...

— Почему?

— Ведь повышенная норма рентабельности устанавливается, насколько я понимаю, с целью заинтересовать производителей в увеличении выпуска изделий, в которых мы особо нуждаемся.

— Но такой метод дополнительного стимулирования производства необходимых видов продукции далеко не самый лучший. И вот почему.

Во-первых, снижается научная обоснованность стоимостного показателя, на базе которого будет исчисляться объем производства и уровень производительности труда.

Во-вторых, нарушаются объективные пропорции между необходимым и прибавочным трудом, что ведет к искусственному завышению прибавочного продукта. И наконец, в-третьих, такой метод стимулирования зачастую не достигает цели. В распоряжение предприятия отчисляется примерно десять-двенадцать процентов получаемой прибыли. Поэтому немалая доля прибыли, получаемой за счет повышенной рентабельности, отчисляется в бюджет как свободный остаток, не выполнив своей стимулирующей роли.

— Но план-то по прибыли она помогает выполнять?

— А зачем устанавливать завышенное, научно не обоснованное задание по прибыли? Ведь такая прибыль не является отражением реальных материальных ценностей, от нее, как я уже сказал, мы богаче не станем...

— А как же повышать заинтересованность в необходимых случаях?

— Варианты могут быть разные. По-моему, лучше всего вводить специальную надбавку к цене, определенная часть которой должна поступать прямым назначением в фонды экономического стимулирования предприятия. Эта надбавка, по-моему, соответствует понятию Маркса «страховой фонд», о котором идет речь в отделе «Доходы и их источники» третьего тома «Капитала».

Васильев подошел к шкафу, взял «Капитал», сел на место, открыл нужную страницу и начал читать: «Это единственная часть дохода, которая не потребляется как доход и не служит обязательно фондом накопления. Служит ли она фактически фондом накопления или лишь покрывает пробелы воспроизводства, это зависит от случая. Это также единственная часть прибавочного продукта, которая наряду с частью, служащей для накопления, должна будет существовать и по уничтожении капиталистического способа производства».

— Такая наценка не противоречит хозяйственной реформе?

— Наоборот. На товары со Знаком качества, пользующиеся повышенным спросом, такие наценки кое-где уже практикуются...

— Что ты можешь сказать о реформе? У нас на редколлегии высказываются различные мнения, порой одно исключает другое. Кое-кто весьма отрицательно к ней относится...

— Окончательные выводы делать рано, но, по-моему, крайние оценки тут совершенно неуместны. Она, безусловно, дала заметный толчок в развитии экономики, позволила решить ряд проблем, но и слишком переоценивать ее, как это делают некоторые экономисты, принимавшие непосредственное участие в разработке принципов и методов реформы, вряд ли следует...

— В связи с реформой хочу вернуться к показателям. Если реализованная продукция не смогла заменить вал, с чем теперь согласны многие ученые и прак-

тики, то какой показатель в большей мере подходит для его замены...

— Никакой...

— Как это понимать?

— Мне не хочется повторять то, что Церцвадзе и я говорили тогда по этому вопросу в Доме ученых. Ты можешь почитать стенограмму. Суть моей точки зрения, которую тогда очень решительно поддержала, и развила Нонна Георгиевна, заключается в необходимости разграничения учетных и оценочных функций. Разве можно термометром измерять кровяное давление или определить хрипы в легких?

— При чем тут термометр?

— Для определения состояния и динамики процессов, происходящих в человеческом организме, в каждом отдельном случае врачи имеют приборы особого назначения. Аналогичное положение у инженеров, химиков и всех других специалистов. Но этого пока еще нельзя сказать об экономистах, которые одним и тем же прибором...

— Ты имеешь в виду показатель?

— Разумеется. Одним и тем же показателем пытаются измерять разные и порой противоречивые процессы. На базе валовой (товарной) продукции, например, определяется стоимостный объем производства и динамика его развития. Это означает: чем больше предприятие расходует при прочих равных условиях, материальных трудовых и финансовых ресурсов, тем больше у него объем валовой (товарной) продукции, тем лучше оно работает! Если, используя достижения научно-технического прогресса, оно снизит затраты, не уменьшая, а *даже* увеличивая выпуск товаров по номенклатуре и ассортименту, то все равно согласно действующим показателям оно ухудшит работу и у него сразу же «горят» основные показатели: снижаются темпы роста производства, падает производительность труда и сокращается фонд зарплаты.

— Но сейчас ведь основным оценочным показателем является не вал, а реализованная продукция, — неуверенно возразил Егоров.

— Совершенно верно, но что представляет собой объем реализованной продукции? — поставил вопрос Васильев и начал на него отвечать:

— Валовая, товарная и реализованная продукция — это родные сестры разных возрастов. Между ними нет

каких-либо принципиальных различий. В объем реализованной продукции, так же как и в валовую (товарную), включается стоимость материальных затрат. Уменьшение валовой продукции *автоматически* ведет к сокращению объема реализованной продукции со всеми вытекающими последствиями. Поэтому новый показатель хотя имеет некоторые преимущества, но основной порок вала он сохранил. Кроме того, он имеет и собственные недостатки.

— Например? — поинтересовался Егоров.

— Его применение породило так называемых толкачей образца 1965 года.

— Что они собой представляют?

— План предприятия теперь считается по сумме денег, поступивших на расчетный счет за реализованную продукцию. У многих потребителей зачастую денег на счете нет. Продукцию получают, а платить нечем. Если же я за свою продукцию своевременно не получил деньги, то не смогу в срок рассчитаться со своими поставщиками, а те со своими, и пошло-поехало... Сейчас трудно найти предприятие, у которого нет должников. Раньше гоняли толкачей, чтобы «выбивать» фондовые материалы и машины, а теперь еще и... деньги за свою продукцию. Неплатежеспособные предприятия размножаются ныне методом цепной реакции.

— Решаем одни проблемы, создаем другие, — вставил Егоров.

— В какой-то мере это неизбежно...

— Стоимостный объем производства, по-твоему, следует определять по чистой продукции, — уточнил Егоров.

— Тут, по-моему, нет лучшего выбора. Если валовая продукция отвергается, а я глубоко убежден в ее недостоверности для этой цели, то остается только чистая. Но она не должна выполнять функции основного оценочного показателя. Церцвадзе тогда на встрече справедливо сказала, что если мы «культ вала заменим культом чистой продукции, то проку будет мало».

— А какой тогда показатель, по твоему мнению, должен быть основным оценочным? — дотошно спрашивал Егоров.

— В настоящее время основная оценка работы хозяйственных звеньев всех уровней происходит по выполнению объема *реализованной* продукции, то есть

плана в рублях. Создается такая ситуация: многие производственные коллективы не справляются в полной мере с поставками по хозяйственным договорам и заказам торговли, а планы перевыполняют. В результате общество недополучает на многие миллиарды необходимой продукции, а план в рублях перевыполняется...

Не подходит для этой роли, по-моему, и чистая продукция. Ведь это тоже стоимостный показатель: чем больше расходы на зарплату и прибыль, тем выше объем производства. Чем больше расходуется зарплаты на изделие и выше его рентабельность, тем оно выгоднее. В этих условиях сохраняется возможность выполнять и даже перевыполнять план по чистой продукции, срывая задание по номенклатуре и ассортименту.

Поэтому оперативную оценку работы предприятий наиболее целесообразно сосредоточить на выполнении всеми хозяйственными звеньями своих договорных обязательств. Для этого следует использовать показатель реализованной продукции с учетом договоров. Объем реализации должен находиться в полном соответствии со стоимостью продукции согласно договорам и заказам торговли. Ни больше ни меньше! Производство и поставки незаказанной продукции, так же как и поставки сверхзаказов, в ее объем не должны включаться. Тогда невозможно будет выполнить объем реализованной продукции без полного выполнения задания по номенклатуре и ассортименту.

— А как же быть с цепной реакцией неплатежей?

— При желании она легко устраняется. Если я тебе поставил продукцию в строгом соответствии с договором и соответствующего качества, а у тебя не оказалось денег, то банк оплачивает мой счет и оформляет тебе кредит на соответствующую сумму. Я получил деньги в срок и рассчитался со своими поставщиками.

Но оценка работы предприятий своевременным выполнением договорных обязательств не должна ограничиваться. Это только оперативный контроль. Окончательную оценку надо делать с помощью системы натуральных, стоимостных и трудовых показателей. Только с их помощью можно определить, какой ценой выполняются обязательства.

— Как ты относишься к динамовскому методу? — переходя на другую тему, спросил Егоров.

— Самым положительным образом. Я убежден, что он так же, как и щекинский метод, выдержит испытание временем. Ты напрасно не приехал на заседание «Делового клуба», которое мы проводили на заводе. Оно прошло очень интересно.

— Я хотел, но не получилось. Если есть стенограмма, дай мне почитать.

Васильев взял из шкафа солидную папку и положил перед Егоровым.

— Что ж, благодарю тебя за интересную и полезную для меня беседу-консультацию,— посматривая на часы, сказал Егоров.

— Как прикажешь поступить с шампанским: открыть или завернуть?

— Пусть постоит до следующего раза. У меня через час лекция. Если можно, попроси еще стакан чая...

2

Ближайшие друзья пришли на день рождения Егорова пораньше, желая чем-то помочь хозяевам. Гостей ожидалось много, накануне 45-летия он был избран член-кором Академии наук. Однако хозяева от услуг отказались, проводили ранних гостей в кабинет и, чтобы они не высывались оттуда и не мешали, приставили к ним отца Андрея — Варлама Петровича, строго наказав ему «впускать, но не выпускать». «Арестанты», быстро освоившись, завели разговор.

Покрутив ручку настройки транзистора и найдя какую-то спокойную мелодию, Васильев обратился к руководителю отдела эффективности и качества журнала «Народное хозяйство» Леонтьевой Елене Аркадьевне, бывшей сотруднице их редакции:

— Как обстановка на вашем фронте?

— Хотелось бы большего.

— Откуда такой скептицизм? — спросил Миронов.

— Почтайте нашу почту. Вот недавно получила статью. В ней много ссылок на вашу, Александр Александрович, газету и наш журнал,— продолжала Леонтьева.— Авторы цитируют те места статей, где мы с вами справедливо критиковали планирование заводам и выпуск эмалированной посуды в тоннах, а обоев в рулонах. Приложили даже карикатуру из вашей газеты. На ней изображена огромная кастрюля, поднятая мощ-

ным краном для погрузки на платформу. Рядом играет оркестр. На кране висит лозунг: «100%».

— «Вот и разделались с планом!» — гласит подпись под карикатурой, — подсказал Васильев.

— В комментарии к карикатуре, — пояснила Леонтьева, — названы предприятия, которые перевыполняют задания по ведрам и большим кастрюлям и систематически срывают задание по кружкам, чайникам и кастрюлям малой емкости, пользующимся повышенным спросом. В результате средний вес металлической посуды из года в год растет.

— Неужели это до сих пор продолжается? — удивился Миронов. — Ведь собирались изменить?

— Изменили, но как? Принято решение, пишут авторы, отменить тонны для посуды, а рулоны для обоев из числа показателей, утверждаемых сверху, — объяснила Леонтьева.

— Ну и прекрасно, — вставил Миронов.

— Ничего прекрасного. Вы только послушайте. Тонны отменили, а ввести, как предлагалось в наших статьях, штуки для посуды и квадратные метры для обоев по основным видам ассортимента забыли. Оставили только рубли. В результате получился перекося.

— Какой? — заинтересованно спросил Ваня Петров или, как его теперь величали, Иван Дмитриевич.

— За два года перед этим решением выпуск посуды в тоннах увеличился на восемь процентов, в штуках на два, а в рублях на пятнадцать процентов. Как видим, рубли и тонны лидировали, но производство посуды и в штуках хоть на два процента, но возросло.

— А теперь?

— За два года после этого решения в штуках оно сократилось на двадцать процентов, в тоннах — на тридцать, а в рублях увеличилось на двадцать восемь.

— Ничего себе... — протянул Миронов, внимательно следивший за рассказом Леонтьевой.

Аналогичный скачок произошел и с выпуском обоев. В статье приведена таблица по двенадцати изделиям, включая обувь, в которой показан рост их производства в рублях и сокращение в натуре. Приведены данные, как выражаются авторы, о «выталкивании» и «вымывании» дешевого и расширении дорогого ассортимента по многим товарам.

— Обычная погоня за валом, — вставил Васильев, — ее пути поистине неисповедимы...

— Теперь выгодно, по сообщению авторов,— продолжала Леонтьева,— выпускать мелкие кружки, тарелки, мелкие кастрюли, но изрядно украшенные разными цветочками, завитушками, работающими на рубли...

— А я тогда из вашей встречи в Доме ученых сделала практические выводы,— вспоминая, вступила в разговор Настя Миронова.

— Неужели ты была на встрече экономистов? — удивленно спросил Илья Денисов, проходивший в Москве курсы переподготовки преподавателей.— Ты же, бывало, грозилась развестись с Павлом, если мы не прекратим разговоры об экономике. И какие же ты выводы сделала?

— Пошла и сразу же купила третий утюг...

— Почему третий? — удивилась Елена Аркадьевна.

— Когда в первом утюге перегорел элемент, то я полгода искала его напрасно, прежде чем купить второй утюг. Теперь я знаю, что запчасти и прочую мелочовку предприятиям выпускать невыгодно и они отбываются от нее как черт от лаdana...

— У меня Борис консерватор,— взглянув на мужа, включилась в разговор Татьяна Федоровна Николаева.— Никак не хочет переходить с зубного порошка на пасту. А порошок исчез. Сейчас по пути сюда на всякий случай заглянула в галантерею на улице Горького. И такая удача.— Она вытащила из сумки три металлические коробки защитного цвета.

— Покажи, покажи,— попросил Борис.— Разве это зубной?

— Сколько я помню,— продолжала Татьяна,— порошок всегда был в картонных коробочках и стоил пять копеек. Теперь он, посмотрите, в увесистой металлической коробке из толстой жести. Его цена — десять копеек.

Настя попросила у Татьяны Федоровны банку с зубным порошком, внимательно посмотрела и сказала:

— Угадайте, какая меня идея осенила?

Гости притихли.

— От великого до смешного один шаг,— с иронией улыбаясь, сказал муж.— Давай валяй...

— Будь моя воля, я запретила бы расходовать на эти банки металл и заставила бы делать из него крышки для консервирования...

— А почему крышки? — удивились гости.

— Видимо, вас мало гоняют на переборку гибнущих овощей и фруктов, — констатировала Настя. — Из этой банки получится три крышки. Значит, каждая банка может спасти девять килограммов овощей и фруктов, если мы обеспечим любителей домашнего консервирования крышками.

— Молодец, Настя. Давай пиши диссертацию, — пошутил Илья Денисов.

— А разве инженеры могут писать экономические диссертации? — улыбаясь, спросила Настя.

— Экономические все могут... — вставил Петров.

— Вы поймите меня правильно, — укладывая коробку в сумку и как бы извиняясь, вновь заговорила Татьяна Федоровна. — Дело, конечно, не в цене этого злосчастного порошка, товары повседневного быта у нас дешевые. Мы на этом не разоримся...

— А родное государство помаленьку разоряем, — вставил Варлам Петрович...

— Не волнуйся, батя, государство наше богатое, и к тому же реформа должна ликвидировать эти парадоксы, — сказал подошедший вместе с Венидиктовым Егоров.

— Я очень хотел бы ошибиться, но, по-моему, многие из них пока еще останутся, — произнес Васильев.

— Подобные баночки, а ныне на многих предприятиях изобретаются свои «баночки», позволяют заводу улучшить сразу несколько показателей, причем самых решающих, — пояснил свою мысль Васильев.

— И что они могут дать, кроме выполнения объема реализованной продукции? — с недоумением спросила Татьяна.

— Много. То, что ты купила, — это ведь новый товар. Его же раньше не было?

— Как новый? Порошок существует испокон веков, — парировала Татьяна.

— Порошок да, но в железной коробке этот завод выпустил впервые. И значит, «обновил» ассортимент, внедрил достижение технического прогресса. Это раз. Выработка объема продукции в рублях на каждого рабочего за счет цены коробочки, полученной с другого завода, удвоилась. Значит, в два раза удвоилась производительность труда. Это два. Выпуск порошка в рублях удвоился, а расход сырья не увеличился. Тут тебе

и технический прогресс, и рациональный расход материальных ресурсов, и бережливость. За это полагается особая премия. Уже три. Увеличился фонд зарплаты. Это четыре. Как видишь, Татьяна Федоровна, игра стоит свеч. Даже простая смена этикетки порой дает предприятию немалую выгоду... Поэтому творческая мысль в этом направлении работает столь интенсивно...

— Александр Александрович недоволен реформой,— заметил Венидиктов, пожимая Васильеву руку.

— Что касается моего недовольства, то позвольте вашу мысль, Сергей Илларионович, маленько отредактировать: «недоволен» заменить словами «не вполне удовлетворен».

— Газетчиков хлебом не корми, им бы только редактировать...

— Экономическая реформа захватила практически все стороны хозяйственной системы. Ее позитивное влияние на развитие народного хозяйства трудно переоценить,— начал развивать свою мысль Васильев.— Но в ряде вопросов мы ограничились полумерами, решили их не до конца. Некомплексное решение порой сводит на нет принятые меры, и желаемого результата мы не получаем.

— Ты имеешь в виду злополучный вал? — поинтересовался Венидиктов.

— Не только. Но главная полумера — это, конечно, вал,— согласился Александр.

— Но вал-то теперь исключен из системы директивных показателей,— восторженно заговорила Татьяна.

— Формально да,— согласился Александр.

— А фактически? — спросил уточнить Миронов.

— По-моему, он по-прежнему будет господствовать...— Васильев помолчал.— Новый показатель — объем реализованной продукции, безусловно, имеет определенные преимущества по сравнению с валом. Но главный порок последнего он сохранил.

— Какой?.. — поинтересовался Павел.

— Что такое «реализованная продукция»? — спросил Васильев и сам же ответил: — Это проданный вал. Если объем валовой продукции уменьшится, то и продажа тоже. Поэтому принцип «чем дороже, тем лучше», по-моему, в значительной мере пока еще будет сохраняться.

— Согласен с вами, Александр Александрович,— подтвердил Петров.

— Если завтра предприятия, выпускающие зубной порошок в металлических коробках, прекратят эту самодеятельность, то у них в два раза уменьшится объем продукции,— кивнув Ване, продолжал Васильев.— А чем ее возместить? Разве станет министерство рубить сук, на котором сидит? Ведь принцип планирования от достигнутого уровня пока еще действует. В этих условиях удешевление продукции может иметь нежелательные последствия. К сказанному следует добавить, что у валовой (товарной) продукции, кроме темпов, сохранились и другие мощные корни.

— Какие? — спросила Татьяна Федоровна, которой предстояла лекция о реформе у аспирантов.

— Сохранение порядка планирования фонда зарплаты от объема валовой продукции. Реформа оптовых цен позволила ликвидировать убыточные изделия. Выпуск запчастей и товаров народного потребления теперь позволит предприятиям иметь солидную прибыль. И тем не менее производство их растет крайне медленно. Дефицит практически не уменьшается, а кое в чем даже расширяется. Почему? Фактический расход зарплаты по нормам на запчасти, товары массового спроса и прочие дешевые изделия, как правило, выше планового.

— Почему?

— Потому что этот фонд так же, как и до реформы, планируется в среднем на рубль объема валовой продукции. При таком положении выпуск дорогой продукции выгоден, а дешевой нет. Недостатки в определении фонда зарплаты, о которых говорили директора предприятий и другие участники встречи в Доме ученых, пока сохраняются. Естественно, что предприятия будут искать предлог для сокращения выпуска дешевого ассортимента, искать пути замены его более дорогим, а при удобном случае и совсем откажутся от такой обузы.

— Ничего у них не получится. За выпуском товаров народного потребления сейчас установлен очень строгий контроль,— вставил Миронов.

— Верно,— согласился Васильев.— Но когда речь идет о зарплате коллективу, то административный контроль вряд ли может предотвратить этот процесс. Тут надо задействовать экономические рычаги...

— Цены повысить?

— Ни в коем случае. Я же сказал, что эти изделия теперь рентабельны, а многие высокорентабельны. Не в этом суть. Надо зарплату и премии начислять не по объему вала, а по нормативной трудоемкости фактически произведенных изделий.

— С этим согласен полностью,— кивнул Павел.

— И наконец, третий «кит»,— продолжал Васильев,— на котором будет держаться вал,— это сохранение принципа определения роста производительности труда на базе валовой продукции...

— Но чистая продукция тоже имеет серьезные изъяны,— сказал Венедиктов.

— Совершенно верно,— согласился Васильев.— Она не может быть панацеей от всех бед. Ее надо использовать в системе показателей. Для определения стоимостного объема производства по сравнению с валом и реализацией она имеет немалые преимущества. Но она, так же как и любой другой стоимостный показатель, не может выступать в роли основного оценочного показателя работы коллективов...

— Вам не удалось прочитать последнюю статью Бельского?— обращаясь к Васильеву, спросила Леонтьева.

— Прочитал. Я думаю, что она принесет ему более печальную славу, чем идея закрытия неприбыльных предприятий...

— Почему? Он мне, наоборот, сказал, что учел критику в Доме ученых...

— Учесть можно по-разному. Он бросился из одной крайности в другую...

— В какую?

— Он впервые в нашей литературе, насколько мне известно, откровенно выступил в роли адвоката показателя валовой продукции, попытался показать ее «преимущества» по сравнению с чистой продукцией. При этом он неправоммерно противопоставил эти показатели и допустил серьезные передежки...

— Какие? Я внимательно прочитала...

— Аспирантам трудно замечать промахи своих научных руководителей... Дай, пожалуйста, мне последний номер журнала «Маяк», — попросил Васильев Егорова.

Егоров подошел к большому, во всю стену, шкафу, который в семье называли «крокодилом», нашел журнал и подал его Васильеву.

Васильев отыскал нужную страницу и попросил внимания.

— Второй упрек в адрес «вала»... Прошу обратить внимание на «второй упрек»,— обращаясь к гостям, сказал Васильев.— До этого был «первый», а после «третий» и «четвертый». От четырех упреков, а точнее, пороков вала защищает его ваш, Елена Аркадьевна, учитель. Скажу лишь об одном из них. Итак:

«Второй упрек в адрес вала вызван тем, что в стоимость валовой продукции завода, объединения, отрасли входит не только продукт труда данного коллектива, но и материалы, комплектующие изделия, поступающие со стороны. Машковский машиностроительный завод делает лишь металлические кузова, все остальное он получает от автозавода, а в отчете показывает полную стоимость автомобиля-самосвала. И никакой тут липы нет, так как автозавод учитывает продажу только шасси, а Машковский завод, добавив к нему кузов, реализует как готовый автомобиль. Без многократного повторения невозможно производство: в стали повторяется чугун, в прокате — сталь, в машине — прокат. Это общепризнанный во всем мире метод учета производства...»

— При случае передайте вашему руководителю,— обращаясь к Леонтьевой, сказал Васильев,— что такой «метод учета производства» никогда не был общепризнанным во всем мире.

— Он же безбожно путает технологический процесс с экономическим,— продолжил Денисов.— Разве он не знает, что в капиталистических странах исчисление валового национального продукта производится по принципу «добавленной стоимости», то есть без материальных затрат. Их «добавленная стоимость» по своему экономическому содержанию примерно соответствует нашей условно чистой продукции. Популярно об этом рассказывается и показывается на графиках и в таблицах в переведенной у нас книге Самуэльсона «Экономика».

— Посоветуйте ему познакомиться с этой книгой, что будет весьма полезно,— обращаясь к Леонтьевой, сказал Денисов.

— Зачем ему Самуэльсон? — вмешался в разговор Петров.— Пусть откроет восьмой том первой Большой Советской Энциклопедии и прочитает статью о валовой продукции. В ней очень убедительно показана не-

обоснованность вала для учета объема продукции и рассказывается, что в целях более достоверного учета объема производства у американцев, англичан, немцев применяются показатели, аналогичные нашей чистой или условно чистой продукции. Кстати, об этом в Доме ученых, где присутствовал и Бельский, более подробно говорил Александр Александрович.

— А ты читал статью? — спросила Леонтьева у Петрова.

— Конечно. И очень внимательно, — ответил он. — Эта статья, по-моему, сплошная апологетика вала. Таких рьяных и откровенных защитников у валовой продукции не было даже в самые лучшие годы ее безраздельного господства.

— Дай мне этот журнал на пару дней, — попросил Венидиктов у Егорова.

— Пожалуйста, — подавая журнал, сказал хозяин.

— Конечно, все, о чем здесь говорилось, по сравнению с такими крупными изменениями, как, скажем, перестройка управления народным хозяйством по отраслевому принципу и другими принципиальными мерами реформы, мелочи, — вернулся к тому, с чего начал, Васильев. — Но бывают мелочи и «мелочи». Вчера в редакцию с одного, кажется харьковского, завода, пришло тревожное письмо. Из-за срыва своевременной поставки конденсаторов у них остановился главный конвейер. В конверт вложен этот конденсатор. — Васильев достал маленький сверточек из нагрудного кармана пиджака, развернул его и сказал:

— У кого зрение хорошее, попытайтесь рассмотреть его. Сделать это невооруженным глазом довольно непросто. Мелочь? А главный конвейер остановила. Мне кажется, что «мелочи», о которых шла речь, тоже могут вносить перебои в наш экономический конвейер...

— Не сразу Москва строилась...

— Это верно, Сергей Илларионович. Я уверен, что наступит время, когда наш экономический конвейер будет действовать подобно часовому механизму. Но хочется приблизить по возможности это время...

— Пора к столу! — объявила хозяйка.

По праву старшего первый тост произнес Венидиктов. Он рассказал о плодотворной научной деятельности юбиляра и его работе в журнале. Поздравил с избранием член-кором.

— После назначения Егорова главным редактором «Народного хозяйства», — сказал он, — тираж журнала удвоился. А раньше, помню, многие годы он оставался на одном уровне. Этот факт говорит сам за себя.

...Вскоре пришел черед и Васильева сказать несколько слов о юбиляре...

— Дорогие друзья, товарищи, — начал говорить Александр, когда гости чуть притихли. — Сорок пять лет — дата полукруглая. Если говорить о круглых, то начнем с сорока. Сорок лет — это старость юности.

— Верно, — вставила Настя. — В семнадцать лет сорокалетние нам казались древними стариками...

— Прошу не сбивать с толку оратора, — улыбаясь, одернул жену Миронов, который на подобных мероприятиях действовал по принципу «самозванцев нам не надо — тамадою буду я!».

— Бестолкового трудно сбить с толку, — тоже улыбаясь, в тон ему ответил Васильев. И продолжал: — Сорок лет не только «старость юности», но и «молодость старости». Во время чествования академика Струмилина в связи с его 80-летием юбиляр говорил, что после сорока лет у него наступил наиболее творческий и плодотворный период его научной деятельности. Вслед за Андреем скоро и я доберусь до полукруглой даты. Сейчас эту разницу в возрасте можно обнаружить лишь по паспорту. А как она давала знать о себе во время войны...

— В каком смысле? — поинтересовалась Оля Петрова.

— Когда Егоровы уходили на защиту Родины, на заявления Васильевых уйти добровольцами в армию отвечали, что молоко матери на губах ещё не обсохло. А однажды в военкомате нашелся человек, который на нас заорал: «Марш домой, сопляки!»

Чтобы попасть на фронт, мне пришлось добавить два года...

— Тогда получается, что вы «вторую молодость» отмечали досрочно? — уточнила Оля Петрова.

— Нет. При поступлении в партию я чистосердечно в этом признался. Когда зачитали мое заявление, первым выступил наш политрук. «Васильев, — сказал он, — совершил серьезный проступок. Но свою вину он смыл кровью. Я подтверждаю свою рекомендацию и призываю коммунистов голосовать за принятие его в партию...» Я очень рад, что судьба свела меня с этим

скромным, но решительным и смелым старшим лейтенантом, а ныне подполковником запаса, членом-корреспондентом, главным редактором журнала «Народное хозяйство» Андреем Варламовичем Егоровым...

Все повернулись в сторону юбиляра и оживились. О большой дружбе Васильева с Егоровым знали, но о такой детали многие слышали впервые.

— Вы посмотрите на него,— продолжал Васильев.— Даже Звезду Героя не надел... Андрей по праву считается ведущим ученым в области истории народного хозяйства. Его учебник пользуется популярностью и выдержал четыре издания. Позволь, дорогой друг, пожелать тебе большого счастья и новых успехов.

Далее, как и принято в подобных случаях, были тосты за родителей, за детей, за успехи, за... Когда гости уже изрядно подзаправились, пошумели, выговорились и притихли, слово взял сам тамада.

— Не могу не предложить персональный тост за нашу Машу, или, как теперь ее величают, Марию Агеевну... Вместе с боеприпасами к нам забросили радистку Машу,— вспоминая, говорил Миронов.— «Наша Маша», как мы тогда ее величали, была не только прекрасной радисткой и смелым бойцом, но и быстро освоила технологию приготовления партизанской каши...

— А из чего? — поинтересовалась Леонтьева.

— Из того, что удавалось раздобыть,— с улыбкой ответила хозяйка.

— Я и сегодня просто поражаюсь, как юная, хрупкая девчонка могла целый километр тащить в бессознательном состоянии такого лба, как я. Кстати, чтобы попасть на фронт, Маша совершила такой же проступок, как и Саша. Тогда это было массовым явлением.

Вздохнув, Миронов продолжил:

— Во время одной из крупных партизанских операций Маша была ранена. В тяжелом состоянии отправили мы ее на Большую землю в госпиталь... А в нем после очередного ранения лечился капитан Егоров. Дальше они воевали вместе рука об руку. В марте победного сорок пятого Машу экстренно вызвали в штаб фронта и для выполнения особо важного задания с рацией перебросили в Берлин. Нелегко ей там, бедняжке, пришлось... Но вера в нашу победу и любовь помогли ей выдержать тяжкие испытания, и девятого мая они с Андреем расписались на... рейхстаге... Неделю назад я рассматривал их подписи в музее немецких

друзей... Несколько лет я возглавлял главк, в котором трудится «наша Маша». Она является ведущим специалистом и пользуется заслуженным авторитетом. Много лет подряд избирается секретарем партбюро...

Миронов перешел на шуточный тон и сказал:

— В этой связи мне часто приходит в голову такая мысль: раньше мужья платили слугам и даже посторонним лицам за то, чтобы те следили за их женами. С введением равноправия мы решили и эту проблему. Когда у жены хозяйство, дети, работа да еще и общественная нагрузка, то в ее преданности можно быть почти уверенным...

— Даже если стану пенсионеркой, верность Андрею сохраняю,— с присущим ей остроумием сказала Маша под общий смех гостей...

Кто-то запел песню «Ехал я из Берлина»...

И его дружно поддержали остальные...

Ехал я из Берлина
По дороге прямой,
На попутных машинах
Ехал с фронта домой.
Ехал мимо Варшавы,
Ехал мимо Орла,
Там, где русская слава
Все тропинки прошла.

Затем столы были сдвинуты, чтобы расширить площадь для «танцплощадки», так как бывалый моряк — Варлам Петрович, несмотря на свой возраст, оказался неутомимым танцором и своим весельем заразил гостей. А после этого было чаепитие. Гости разбрелись группами по квартире...

Васильев подсел на диван в кабинете к Венедиктову, который просматривал статью Бельского.

— Ну, и какое впечатление складывается от беглого просмотра? — поинтересовался Александр Александрович.

— Ты прав. Из одной крайности шарахнулся в другую. Такого откровенного защитника у вала еще никогда не было,— поворачиваясь к Васильеву, отвечал Сергей Илларионович.— Эксперименты по чистой продукции только разворачиваются, а он уже порочит новый показатель на всю ивановскую...

— Обратите внимание, в конце статьи он выдвигает вопрос: не слишком ли много за последние годы предпринимается экспериментов? — вставил Васильев.

— При этом допускаются явные передержки,— продолжал Венидиктов.— Он показывает крупным планом теневые стороны чистой продукции...

— Зато монолог, посвященный достоинствам реализованной продукции, занимает почти две страницы и ни слова о ее недостатках,— перебивая, дополнил Васильев.

— Но самое главное — он умалчивает о том, что показатель реализованной продукции никто не собирается отменять,— сказал Венидиктов.— Так же как и вал, который сохраняется в качестве расчетного.

— Это вы верно заметили,— поддержал Васильев.— Бельский пытается представить картину таким образом, что-де, мол, чистая, продукция идет на смену валовой и реализованной продукции, и на этой, экономически безграмотной, не имеющей ничего общего с реальной действительностью основе строит свои рассуждения.

Васильев взял журнал и отыскал нужную страницу. Послушайте, до чего он договорился. «Показатель НЧП исключает стоимость овеществленного труда, составляющего около восьмидесяти процентов всех затрат промышленной продукции. Целесообразно ли жертвовать столь многим во имя НЧП?» При чем тут жертвы? Ведь валовая продукция отражает полную стоимость, и для этой цели ее предлагается сохранить в качестве расчетного показателя, а чистая продукция — это вновь созданная стоимость. Мы ее не только должны, но и обязаны знать, так как в вале она смешивается с ранее созданной стоимостью и создает видимость благополучия. Все это он обходит молчанием. Получается сплошная апологетика вала!

— Знаете, на какие размышления она наводит меня? — спросил Сергей Илларионович.

— Видимо, на такие же, как и меня. Если так дело пойдет и дальше,— размышляя, начал говорить Васильев,— то постепенно все станет на круги своя...

— Вот именно! — продолжил Венидиктов.— Вернемся к исходному рубежу, то есть к тому, с чего начали двадцать лет назад...

— Получается как с брюками.

— Какими еще брюками? — недоуменно спросил Венидиктов.

— Когда начинались дискуссии, о которых вы вспоминаете, все мы носили широкие, даже очень ши-

рокие брюки. Потом их начали сужать... А теперь снова брюки становятся все шире и шире. Для молодежи это ново, а она, как правило, является закоперщиком в распространении мод. В общем, новое — это зачастую прочно забытое старое.

— В какой-то мере ты прав,—согласился Венидиктов.— Выросло новое поколение ученых, и то, что пишет Бельский, для них ново. Начнут его развивать, дополнять. Им интересно, а ему лестно. Гляди и выйдем «на круги своя». Ведь в дискуссиях 50-х годов и даже на нашей встрече молодых ученых предлагалось немало «новинок», справедливо отвергнутых в свое время жизнью...

— С одной стороны, а с другой — напоминали о ранее признанном, одобренном и... забытом,—дополнил Васильев.

— Тоже верно, — согласился Сергей Илларионович.

— Ладно, как говорят в Закавказье, аллах с ними, с дискуссиями. Хочу подбросить вам одну идею для размышления. Приближается юбилейное — сотое заседание нашего «Делового клуба». Хочу и вас к нему подключить. Видимо, неплохо было бы обсудить на нем итоги реформы и проблемы дальнейшего совершенствования хозяйственного механизма...

— В принципе идея хорошая, и есть время, чтобы подготовиться к этому как следует.

— Ведь если говорить по крупному счету,—говорил Васильев,—то позитивное влияние реформы на развитие народного хозяйства в целом, мне кажется, не должно вызывать сомнений. На днях мы опубликуем обзор итогов ее реализации за пять лет. Они показывают, что наметился поворот к лучшему. Судите сами.

Национальный доход увеличился на сорок один процент против тридцати двух за пятилетку накануне реформы. Рост производительности труда составил соответственно тридцать два и двадцать пять процентов, а реальные доходы возросли и того больше — на тридцать три процента по сравнению с девятнадцатью...

— Очень важно, что удалось предотвратить снижение фондоотдачи,—вставил Венидиктов.

— Не только предотвратить, но и повысить ее на три с половиной процента. Что позволило сэкономить пятьдесят миллиардов рублей. И кроме того, за счет снижения материалоемкости получено тридцать миллиардов рублей.

— А рост численности рабочих и служащих за эти годы составил семнадцать процентов вместо двадцати четырех в предыдущее пятилетие.

— Совершенно верно,— согласился Васильев.

— Но ты учти, что в первые годы нам удалось ввести в действие многие резервы, которые, как говорится, лежали на поверхности. Поэтому с каждым годом удерживать намеченные темпы, на мой взгляд, будет все труднее...

— Согласен. Об этом красноречиво говорит и такой факт. Раньше на многих предприятиях годами, а порой и десятилетиями мертвым грузом лежало не используемое ими оборудование — на сотни тысяч рублей. А когда ввели плату за производственные фонды, они начали от него избавляться... Нам пришлось выделять дополнительные полосы для объявлений: «Продадим...»

— А как ты думаешь организовать это заседание?

— Одним из вариантов мне представляется такой. Вначале послушать выступление председателя Межведомственной комиссии на тему: «Реформа: итоги и проблемы», и ваше, Сергей Илларионович: «Реформа и технический прогресс», а затем перейти к обсуждению.

— Обсуждение может получиться интересным. По-моему, следовало бы пригласить на это заседание инициаторов починов, одобренных Центральным Комитетом партии в области управления и организации производства. К примеру, директора Щекинского химкомбината, директора завода «Динамо», организаторов львовской системы управления качеством...

— Вместе с представителями их ведомств, которых попросим рассказать о распространении этих починов,— дополнил Васильев.

И еще, мне кажется, надо специальное выступление или даже доклад посвятить экономическим законам.

— Экономическую теорию,— продолжал он свою мысль,— и прежде всего сущность экономических законов и механизм их применения на практике надо сделать достоянием широких масс...

— Теория, по словам Маркса, становится материальной силой лишь тогда, когда она овладевает массами,— напомнил Венедиктов.

— Совершенно верно. В этом отношении большое значение имеет недавнее постановление Центрального Комитета нашей партии об экономическом образова-

нии трудящихся. Под его впечатлением у меня возникла идея создать оригинальное учебное пособие для самостоятельно изучающих политическую экономию.

— Почему для самостоятельно изучающих?

— Когда Миронова избрали секретарем райкома партии...

— Ты имеешь в виду — горкома партии, — уточнил Сергей Илларионович.

— Горкома — это недавно. Именно райкома, — подтвердил Васильев. Миронов внимательно изучил тогда систему политического и экономического образования и обнаружил, что большинство руководителей предприятий и секретарей партийных организаций, не имеющие образования, изучают политическую экономию самостоятельно. В откровенных беседах многие из них честно признались, что практически у них до изучения «руки не доходят». И тогда он решил организовать для них семинары-собеседования и попросил меня быть руководителем. Дело оказалось обоюдно интересным и полезным.

— А как ты их проводишь?

— В изучаемой теме выделяю главные вопросы и рекомендую по ним дополнительную литературу. На занятии по каждому вопросу выступает один из слушателей, а другие дополняют и уточняют. При этом они используют примеры работы своих предприятий и организаций. Естественно, здесь нередко возникают и споры, идет общий поиск наиболее оптимального решения конкретной задачи или обсуждение ситуации, которая не соответствует логике экономических законов.

— Это интересно.

— Такие занятия положительно сказываются на практической работе слушателей.

В результате этих собеседований появился ряд интересных выступлений в нашей газете, что содействовало практическому решению поднятых вопросов. В настоящее время ряд слушателей первых выпусков семинара занимают довольно высокие посты на экономическом поприще. При встречах они говорят, что на семинарах почувствовали вкус к экономике, поняли суть экономической теории и глубокий смысл экономических законов, овладели механизмом их использования на практике. Многие бывшие «ученики» затем

организовали подобные семинары по месту работы — на предприятиях, в райкомах, в главках.

У меня накопилось много стенограмм и конспектов этих занятий. Кроме того, в моем архиве большое количество лекций, прочитанных в разное время в самых различных аудиториях. Вот на базе этого материала я решил создать экономическую повесть, которую можно было бы использовать в качестве учебного пособия. Непринужденная беседа действующих лиц позволяет оживить и разнообразить формы объяснения сложных экономических терминов и понятий, раскрыть их содержание и сделать более доступными для широкого круга читателей. Я далек от мысли, что такое популярное издание должно заменить учебник. Его роль более скромная — приобщать массы к этой молодой, но ныне, пожалуй, одной из важнейших наук.

— Идея замечательная. Желаю успешного претворения ее в жизнь. Что интересного в ближайшее время собираетесь обсуждать в «Деловом клубе»?

— В Закавказье проводится ряд оригинальных экономических экспериментов...

— Хочешь сочетать полезное с приятным?

— Там начинался мой поиск. И вот столько лет все никак не могу туда попасть...

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Приобщение	6
Почему, почему, почему... . .	66
Горячий лед	90
Тайна пропавшего города . .	119
Закон вредности	177
Без вины виноватые	216
Мюнхгаузен в Голландии . .	289
Поиск продолжается	334

Валовой Д. В.

**В 15 Поиск: Экономическая повесть. — М.: Мол.
гвардия, 1983.— 366 с., ил.**

В пер.: 1 р. 100 000 экз.

Повесть в доступной для широкого круга читателей форме раскрывает суть многих проблем экономической теории и практики, которые ждут своего решения. Герой повести молодой фронтовик Александр Васильев после войны становится директором завода. Годы самостоятельной работы и напряженной учебы делают Васильева зрелым человеком, твердо выбравшим свою жизненную позицию. Готовность и умение отстаивать свои взгляды и принципы — главные отличительные черты героя повести.

**В 0604020102 — 316 Без объявл.
 078(02) — 83**

**ББК 65. 9(2) — 2
33С3**

ИБ № 3998

Дмитрий Васильевич Валовой

ПОИСК

Редактор **А. Афанасьев**

Художник **Э. Шагеев**

Художественный редактор **В. Неволин**

Технический редактор **Е. Михалева**

Корректор **Н. Самойлова**

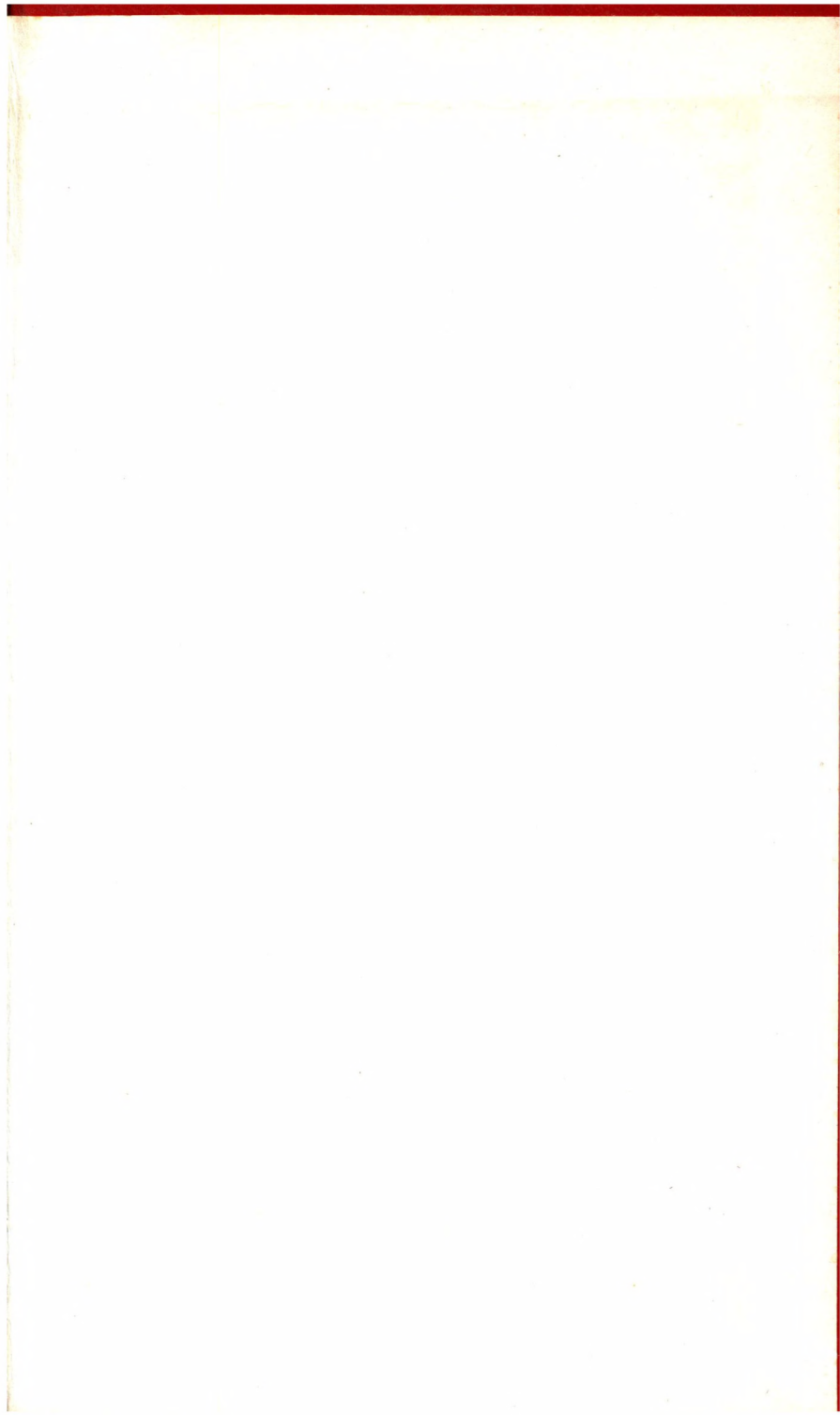
Сдано в набор 20.07.83. Подписано в печать 29.11.83. А05340.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Балтика». Печать высокая. Условн. печ. л 19,32 + 0,10 вкл.
Учетно-изд. л. 20,0. Тираж 100 000 экз. (50 001 — 100 000 экз.).
Цена 1 руб. Заказ 957.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена Октябрь-
ской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ле-
нина. Адрес типографии: 125865, Москва, А-137, ул. Правды, 24.

Отпечатано в типографии ордена Трудового Красного Знамени
издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издатель-
ства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцеевская, 21.

205,

ДМІТРІЙ БАЛЛОВ ПОЛОН